

908.7
1-126

Л. И. ЛАВРОВ

**ЭТНОГРАФИЯ
КАВКАЗА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Л. И. ЛАВРОВ

ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

(по полевым материалам
1924—1978 гг.)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1982

Данное издание представляет собой историко-этнографические материалы, собранные автором во время поездок по Кавказу, отражающие этапы изменения быта разных кавказских народов начиная с 20-х гг. нашего века, этнические процессы, особенности двуязычия и многоязычия, пережитки первобытных верований. Содержит исторические предания, неизвестные и малоизвестные памятники прошлого, рассказы свидетелей и участников Кавказской войны XIX в.

Работа рассчитана на этнографов, историков, археологов, искусствоведов, а также на читателей, интересующихся Кавказом.

Ответственный редактор

Р. В. КИ Н Ж А Л О В

Рецензенты:

А. В. ГАДЛО, Ю. В. КНОРОЗОВ

ОТ АВТОРА

Данное издание содержит неопубликованные полевые историко-этнографические материалы. Их сбор автор производил начиная с 20-х гг. нашего века во время научных экспедиций, служебных командировок и других поездок в разные районы Кавказа, преимущественно Северного. При этом он имел возможность наблюдать за последовательным изменением жизненного уклада различных народов Кавказа на протяжении более полувека, изучать современные этнические процессы, записывать исторические предания, обследовать археологические объекты, памятники старины, арабской эпиграфики, а также отчасти топонимики.

Географические названия, приводимые в тексте, соответствуют времени их упоминания.

Автор надеется, что материалы этой работы пригодятся исследователям истории и этнографии Кавказа.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С АДЫГЕЕИ (1920—1926 гг.)

Начинаю свой рассказ не с участия в научных экспедициях, а с далеких историко-этнографических впечатлений, полученных в пору, когда мои исторические познания ограничивались тем, что слышал в школе, а о существовании этнографической науки я даже не подозревал.

Широкое шоссе протянулось от восточной окраины Краснодара через мост на р. Кубани к адыгейским аулам и закубанским станицам. А в 20-х гг. на месте городской окраины находилась казачья станица Пашковская, вместо шоссе и моста были пыльная проселочная дорога и паромная переправа. Мы, станичные мальчишки, часто бегали к парому. С высокого обрывистого берега открывался вид на адыгейский аул Тлюстенхабль, кукурузные поля, кустарники и дорогу, убегающую к горизонту, где в синей дымке застыл Кавказский хребет. Люди, толпившиеся у парома, говорили на русском, украинском и адыгейском языках, а также на особом жаргоне, состоявшем из русских, татарских и еще каких-то неизвестных слов. Жаргон употреблялся обычно при общении казаков с адыгейцами. Вот некоторые примеры этого теперь уже забытого «языка»: «Моя пошла на хатку» вместо «я пошел домой»; «марушкá» — «жена», «женщина»; «баранчук» — «ребенок», «мальчик»; «чушкá» — «свинья»; «кунак» — «знакомый»; «карапчить» — «украсть»; «кушáть» — «есть»; «свáйба» — «праздник», и т. д. Помню, как в постановлении комсомольской ячейки аула Лакшукай в 1924 г. было записано: «1 Мая устроить в ауле свайбу».

Среди ожидающих парома приезжий не отличил бы адыгейца от казака. Но местные жители не ошибались. Вот, например, молодой парень, одетый в кавказскую рубаху, брюки-галифе, шапку-кубанку и мягкие адыгейские чуваки. Он казак, так как его пояс, хотя и кавказского фасона, но украшен не металлическими, а костяными пряжками. Мода на эти пояса в 20-е гг. распространилась только в станицах и не задела аулов. Вот старик в бешмете и папахе, которые носят и казаки, и адыгейцы. Он

безусловно адыгеец, ибо в руках у него зонтик, а казаки ими обычно не пользовались. Вот девушка. По лицу, платью и платку ее можно принять и за казачку, и за адыгейку, но она, конечно, адыгейка, так как обута в адыгейские чувяки, а из-под платья видны кончики шаровар, которых казачки не носят. Достаточно посмотреть и на подводу, чтобы понять, кто их хозяева. Еще в конце XIX в. адыгейцы отказались от двухколесных арб в пользу четырехколесных подвод казачьего типа с двумя лестницами, образующими борта кузова, и в отличие от казаков и иногородних не обшивали досками внутренние поперечные поверхности лестниц. Казак и адыгеец предпочитали ездить на пароконной подводе и без дуги. Даже если была только одна лошадь, ее впрягали сбоку у дышла. Наличие дуги и оглобли выдавало в хозяине иногороднего. Если подводу тащили волы, то, значит, она принадлежала «закубанцу», т. е. жителю горных или предгорных станиц.

Посещение паромасполагало не только к этнографическим сопоставлениям. Во времена Кавказской войны XIX в. р. Кубань являлась фактической границей России, и здесь на высоком берегу располагался Павловский кордонный пост для наблюдения за «немирными» адыгейцами, или, как тогда говорили, черкесами. В случае опасности дежурный казак зажигал сигнальную вежу у деревянной наблюдательной вышки. Знак замечали на других постах, и тревога распространялась на ближайшие станицы. Казаки скакали к месту переправы черкесов через Кубань. Женщины переправлялись улицы опрокинутыми плугами, боровами и возами, а потом с детьми прятались в церкви. Под колокольный набат и выстрелы станичной пушки казаки и черкесы сходились для рукопашной сечи. Потом в станице хоронили убитых, подсчитывали уведённых в плен детей и женщин, готовились к ответному набегу на черкесов и угоняли их скот. Так проходили десятилетия взаимного истребления двух соседних трудолюбивых и храбрых народов. В 1864 г. побеждённые, но не покорённые черкесы покинули истекшую кровью родину и переселились в Турцию. Лишь небольшие остатки их сохранились на левом берегу р. Кубани и в горах Черноморского побережья. В наши дни черкесов принято называть адыгейцами.

Автору в 1923 г. удалось ознакомиться с летописью станицы Пашковской, доведённой до 1878 г. Большое место в ней отводилось военным и мирным отношениям между казаками и черкесами. Летопись дополнила известные мне ранее устные рассказы стариков о прошлом края.

Прошлое оказало влияние и на планировку станицы. К XX в. уже не стало рва с частоколом, окружавших ее, но на южной стороне, обращенной к р. Кубани, уцелели короткие улицы с изломами («люльки») и тупики, служившие ловушками для прорывавшейся к станице черкесской конницы.

Казаки сохраняли воспоминания не только о войнах. На высоком берегу Кубани, между паромом и лесом Закоп, старики показывали место, где в 1808—1842 гг. располагался на пашковской

земле черкесский аул. Он был основан отцом Хан-Гирея, талантливого писателя и этнографа. Одна из круч на берегу Кубани у ст-цы Пашковской воспета Хан-Гиреем в поэтическом очерке «Наезд Кунчука».¹

Пашковская служила постоянным местом встреч адыгейцев. На станичном базаре они продавали дрова, брынзу («черкесский сыр»), плетеные корзинки и циновки («чеканки»). Приезжали в станицу и для торжественной встречи невесты, которую после похищения прятали нередко в городе. В таких случаях на площади появлялись десятка три конных адыгейцев и тачанки с адыгейскими девушками. Некоторые из конных держали длинные шесты с флажками. Последние бывали украшены растительным орнаментом или надписями, нанесенными краской, а чаще чернилами. Надписи делались арабскими или русскими буквами. Из города в станицу ходил трамвай. На нем-то и должна была приехать невеста. В ожидании ее устраивались состязания всадников. Они прыгали через канаву, на всем скаку осаживали коней и затевали игру с отниманием флага. Когда доверенные жениха выводили невесту из прибывшего трамвая, ей на голову набрасывали платок, чтобы закрыть лицо (однажды вместо платка лицо невесты закрыли газетой), тут же обсыпали монетами и сажали в тачанку. Процессия отбывала в аул в следующем порядке: впереди — всадники, за ними — тачанка с невестой, девушками и одним мужчиной, а дальше — остальные тачанки, на которых кроме девушек сидело по мужчине. Одна из девушек играла на гармонике, а вся процессия пела.

У каждого станичника были кунаки среди адыгейцев. Кунаки моих родителей, Долчэрий из аула Тлюстенхабль, часто рассказывал о семейных и общественных обычаях своего народа. В 1917—1919 гг. он ходил в черкеске или в одном бешмете, но обязательно с кинжалом, а позже — в русской рубашке, трофейной английской шинели и уже без кинжала. Бывало, что у нас заставало его время очередного намаза, и я носил ему из колодца воду для ритуального омовения. Другим кунаком отца был Лыу Ташу из аула Лакшукай, красивый мужчина с суровым лицом, воспитатель («аталыкъ») последнего представителя феодальной фамилии Лакشوковых. От него не раз слышал интересные повествования о «мухаджирах» Кавказской войны и фантастические предания о древних нартах. Романтика этих рассказов действовала на детское воображение и порождала желание ближе познакомиться с прошлым и настоящим адыгейцев, звала к путешествиям. Сперва то были пешие прогулки в соседние аулы, и прежде всего в ближайший из них — Тлюстенхабль, более известный в станице под названием Дворянского.

Уже первые экскурсии убедили, что материальная культура адыгейцев и казачьего населения Кубани имеет много общего.

¹ См.: Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 48—62.

Это относится не только к одежде и средствам передвижения, но и к плетням с перелазами, которыми огорожены дворы, и к жилым постройкам с глинобитными стенами под соломенными, камышовыми или черепичными крышами. Правда, в станице больше дощатых заборов и черепичных крыш, а в ауле преобладают плетни и соломенные крыши. Есть в нем и кирпичный многокомнатный дом под железной крышей. Он отличается от подобных богатых построек станицы лишь своеобразной трубой и жестяными полумесяцами, украшающими крышу. Плетенная из хвороста и обмазанная глиной труба — доказательство того, что и в кирпичном доме пищу готовили не на плите, а на традиционном адыгейском очаге.

Однако не все в ауле напоминает станицу. Улицы в последней, как правило, прямые, а в ауле кривые. В одном месте улица даже упирается в ворота, за которыми расположен жилой дом. Прохожему и проезжему не следует смущаться, ибо двор можно пересечь без разрешения, а за ним улица продолжается. С обеих сторон двора предусмотрительно открыты ворота. Непривычно для станичника выглядят заборы, украшенные конскими черепами, насаженными на колья. А оригинальные по конструкции ворота сделаны без единого гвоздя.² Стены глинобитных домов, как правило, не имеют внешней и внутренней побелки, что также не похоже на станицу. В Тлюстенхабле была деревянная мечеть. В середине 20-х гг. ее сломали и построили новую, тоже деревянную. За аулом находилось кладбище, обнесенное деревянным забором. На каждой могиле, в головах и в ногах, вбито по одинаковому деревянному столбику. Они возвышались над землей на 15—20 см. Памятников и надписей на рядовых могилах не было. Один уголок кладбища огорожен кирпичной стеной. Там стояли раскрашенные каменные памятники с арабскими надписями и изображениями полумесяца со звездой. Это могилы Гиреев, крымских царевичей, давно переселившихся к адыгейцам и выведивших свой род от Чингисхана.

В 4 км от Тлюстенхабля находился аул Лакшукай. Дорога к нему пролежала между полями и зарослями кустарника. На полях — кукуруза, пшеница, ячмень, овес, подсолнух, горох и фасоль. Бросалось в глаза отсутствие арбузов и дынь. Непривычно было глядеть на стебли подсолнуха, оставшиеся на поле после уборки урожая. Казаки обычно сперва срезали серпом головки подсолнуха, а затем рубили топором его стебли под корень, а адыгейцы срезали серпом головки вместе с верхней частью стеблей.

Кустарник у дороги таил опасность встречи с бандитами, нередко нападавшими на путников. До 1923 г. в окрестностях Лакшукая действовала вооруженная банда Анчока Ильяса, который был родом из аула Ассоколай, но воспитан в Лакшукае и время от времени открыто наведывался в него.

² Лавров Л. И. Историко-этнографические мелочи. — В кн.: Сборник статей по этнографии Адыгеек. Майкоп, 1975, с. 271, 272.

Посещения Лакшукая в 1921—1923 гг. позволили познакомиться с некоторыми сторонами быта Адыгеи. Вот, например, двор, в котором стояли два жилых дома. В них жили семьи двух женатых братьев, ведущих общее хозяйство. Их доходы поступали в один котел. Однако в 1923 г. задняя часть двора с домом оказалась отгорожена плетнем. Братья объяснили, что они произвели раздел своего хозяйства, чтобы меньше платить налогов. Двор одного из братьев теперь не соприкасался с улицей, поэтому, чтобы из него выехать, надо было проезжать через двор другого брата.

В 1924 г. мне довелось участвовать в работе только что основанной в Лакшукое комсомольской ячейки. Адыгейские комсомольцы тогда посещали и ячейку и мечеть, причем ячейка быстро приобретала большой вес в общественной жизни аула. Партийной организации в Лакшукое еще не было. Помню, как однажды на комсомольском собрании разбиралось заявление о приеме в комсомол 50-летнего адыгейца. Отказ его очень обидел.

В 1923 г. я дважды ходил за 30 км в аул Асосоколай. Идти надо было правым берегом р. Кубани мимо городища, где в XIX в. находился Малолагерный кордонный пост. Переплыв в долбленом челне р. Кубань, шел через аул Шабанохабль, где росло большое «священное» дерево, мимо аула Казанукай с его красной кирпичной мечетью и через аул Понежукай, на улице которого стояли протеньская мечеть и столб с лестницей вместо минарета.

Асосоколай, подобно Понежукаю, крупный аул. В нем были две мечети. Одна из них, турлучная, крытая дранкой, отличалась от жилых домов только большей длиной и наличием жестяного полумесяца, укрепленного на крыше. Вторая мечеть была деревянной. Луковичный купол ее напоминал таковой православной церкви. Местный эфенди (так в Адыгее называли муллу) имел хороший фруктовый сад и небольшую личную библиотеку из русских книг и журналов. Другие жители Асосоколая садов не разводили и читать не умели. Зашедший к эфенди мог съесть одно-два яблока, но, потянувшись за третьим, узнавал о готовности хозяина продать яблоки (кстати, тут же оказывались и весы). Говорили, что книжек он не читал, а держал их для доказательства своей просвещенности.

Около Асосоколая протекает р. Марта. Несмотря на жаркое время года, в ней никто днем не купался, ибо это было не принято. Зато на реке около самого двора при мне плавали дикие утки.

В Асосоколае, как в Тлюстенхабле и Лакшукое, жители постоянно ходили через чужие дворы, не спрашивая на это разрешения у хозяев. Создавалось впечатление, что представление о собственности на усадебную землю еще не окончательно сложилось в народном сознании. Да и улица как таковая появилась в адыгейском быту, кажется, поздно. Во всяком случае для ее обозначения адыгейцы своего слова не имеют и пользуются турецким — «урам».

Многодневные школьные походы в лес Курго в 1925 г. и к Главному Кавказскому хребту в 1926 г. позволили побывать в разных

станицах, пос. Горячий Ключ и адыгейских аулах Тахтамукай и Козет. В последнем запомнился дом с двумя дверями, расположенными друг против друга так, что, когда они бывали открыты, можно было смотреть сквозь дом. Это делалось для того, чтобы при появлении в доме чужого мужчины женщина могла уйти, не столкнувшись с ним.

Все путешествия тех лет были проделаны пешком и, несмотря на кратковременность каждого из них, оказали пользу для будущих кавказоведческих штудий, ибо даже поверхностное знакомство с людьми и бытом Адыгеи развеивало экзотический туман в голове подростка, воспитанного на кавказских повестях и поэмах XIX в. Оказалось, что адыгейцы — это такие же люди, как и наши станичники, а то, что сперва представлялось экзотикой, было лишь вариацией уже давно известного. Такое открытие породило новые вопросы: что из присущего казачьему и адыгейскому быту исконно общее, что являлось результатом взаимозаимствования, чем отличались исторические пути, пройденные адыгейцами и нашими предками. Прочесть об этом было негде, так как история адыгейского народа тогда еще не была написана. Отсюда мною был сделан вывод, что нужно самому взяться за изучение исторических документов и ближе познакомиться с преданиями, обычаями, языком и психологией этого народа.

В АДЫГЕЙСКИХ АУЛАХ ЛАКШУКАЙ И КОШЕХАБЛЬ (1929—1930 гг.)

Став студентом этнографического отделения Ленинградского университета, я решил провести летние каникулы в Адыгее. И вот снова аул Лакшукай, где поселился у своего друга Тепцогова Амирзана. С ним и его братьями мы днем работали в поле, вечерами посещали кунацкие, а ночью уезжали с лошадьми на пастбище. Нашлось у меня и особое занятие. Грамотных в ауле было мало, и поэтому постоянно приходили с просьбой написать заявление в исполком, суд или письма родственникам, записочки девушкам.

Заметок 1929 г. у меня не сохранилось, поэтому изложу лишь то, что запомнилось.

Лакшукай (Лакхъыкъуэй), как и те адыгейские аулы, в которых мне уже пришлось бывать, населен бжедугами (*бжэдыгъу*). Старики уверяли, что бжедуги прежде жили у Горячего Ключа, где потом обитало адыгейское племя абадзехов (*абдзэх*). Лакшукай получил наименование от фамилии дворян Лакшковых (Лакхъыкъу). Юго-западную часть аула называли Хатухаблем (*Хъатыухэбл*), потому что она населена выходцами из одноименного бжедугского аула, большая часть жителей которого в XIX в. переселилась в Турцию.

Улицы в Лакшукае кривые, весной и осенью грязные, а летом пыльные. В ауле функционировали две дощатые мечети, выкрашенные одна в белый, а другая в кирпичный цвет. На их крышах возвышались маленькие минареты. Последние представляли собой четырехугольную площадку, огороженную парапетом из досок. Над площадкой на четырех столбах был устроен железный навес, в виде конуса, к вершине которого прикреплен жестяной полумесяц. Такой же полумесяц украшал и маленький луковичный железный купол, расположенный над центральной частью мечети. Крыши, купола и конусообразные покрытия минаретов адыгейцы красили обычно в зеленый цвет.

В ауле преобладали большие дворы. Оградой служили плетни, реже — дощатые заборы. Только последние имели калитки. В остальных случаях их заменяли перелазы, а то и просто ворота. В Лакшукае, как и в других бжедугских аулах, преобладал тот же оригинальный тип ворот, что и в Тлюстенхабле. Но при наличии дощатых заборов делали такие же ворота, как в станицах.

Турлучные дома с четырехскатной соломенной крышей стояли обычно в глубине дворов. Если же они оказывались близко к забору, то, как и в станицах, располагались обязательно боком к улице. На домах позднейшей постройки нередко двухскатные черепичные крыши, а железная встречалась только на богатых домах дореволюционной постройки. Окна часто были без ставен и не открывались, а нижняя часть рамы, если нужно, выдвигалась вверх. Перед каждым домом находилась открытая веранда или просто навес на столбах. Большинство домов состояло из двух комнат, разделенных глухой стеной. Каждая комната имела дверь, выходившую на веранду. Сени отсутствовали. Одна комната играла роль гостиной, или, как русские называют, кунацкой (по-адыгейски *хьак/эш* — «место гостя»), а другая предназначалась для сугубо семейного пользования, и посторонние в нее, как правило, не входили.

В гостиной можно было видеть простой русский стол, пару стульев или табуреток и деревянную кровать с горой подушек, накрытую либо одеялом и покрывалом, либо (гораздо чаще) только циновкой. На кровати, а порой и на подоконнике лежали папахы, национальная женская шапочка из красного бархата, расшитая золотыми узорами, и другие достойные для обозрения вещи, в том числе, например, новые галоши. Стены гостиной украшались арабскими и турецкими изречениями, вышитыми на кусочках ткани и вставленными в рамку под стекло. На гвоздях, вбитых в стену, висели также кинжал, нагайка и иногда седло. Вдоль стены на протянутой веревке развешивали для всеобщего обозрения женские и мужские платья. У соседей Амирзана функции гостиной выполнял отдельный однокомнатный домик (рис. 1).

В семейной половине дома находились очаг и возле него — глиняная лежанка старшего мужчины. Она возвышалась над глиняным полом примерно на 20 см и бывала покрыта циновкой. На деревянных колышках, вбитых в стены, держались полочки

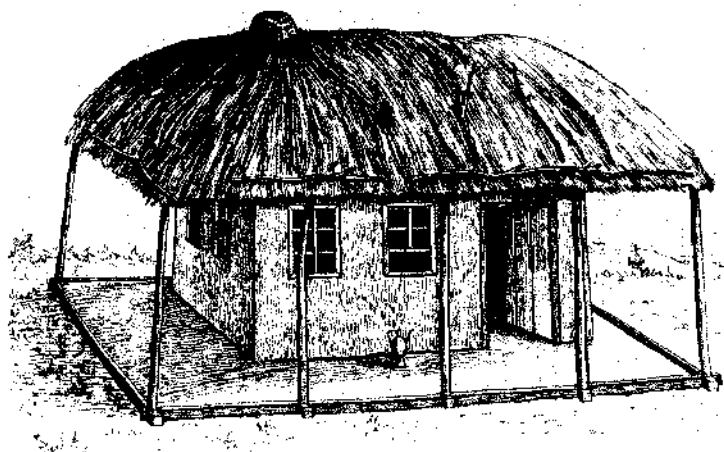

Рис. 1. Дом для гостей в ауле Макшуквай.

с керамической и металлической посудой, ложками и прочей утварью. В этой же комнате стояли низкий круглый столик на трех ножках и совсем низенькие скамеечки. После еды столик иногда вешали на стену. Настоящих столов, а также стульев, кроватей и другой современной мебели в семейной половине дома тогда не было.

На веранде обычно можно было видеть на полу медный кувшин (*кэумгъан*) с длинным и узким носом, служивший для омовения.

Во дворе располагались глинобитные хозяйственные постройки и колодец с широким отверстием, обложенным камнями. Воду доставали при помощи крючковой жерди, а носили не в кувшинах, а в ведрах.

Революция внесла большие изменения в одежду кавказских горцев и казаков. Сказанное относится и к адыгейцам, у которых в 20-х гг. черкески встречались уже только по праздникам на стариках да на некоторых щеголях. Бешметы были распространены больше, но лишь среди стариков. В аулы начали проникать мужские рубашки городского покроя. Появилась и неизвестная раньше кавказская рубаха (рис. 2). Ее шили достаточно широкой, с широкими же рукавами без обшлагов и мягким стоячим воротом. Пуговицами служили узелки, сделанные особым способом на шнуре, которым были обшиты верхний край и разрез ворота, а также рукава и клапаны боковых карманов. Прорезных петель не делали, их заменяли пришитые с одного конца мелкие шнурковые. Нагрудные карманы были и глубокие, и мелкие. Ширина последних больше глубины, и они своей формой напоминали газырницы на черкеске. Кавказскую рубаху носили навывпуск. Складки, образующиеся после подпоясывания, собирали не сзади, а по бокам.

Рис. 2. Мужская одежда 1920-х гг.

Брюки-галифе повсеместно вытеснили мужские шаровары дореволюционного покроя. Правда, галифе по старинке носили на очкуре. Бурки донашивали в непогоду, но новые уже не изготавливали. В гражданскую войну появилось своеобразное пальто на бараньем меху или вате, по покрою напоминавшее черкеску, но двубортное и со стоячим воротом. Широкие и длинные рукава его без обшлагов иногда делали с отворотами. Вместо карманов пальто имело сзади вертикальные прорезы (как у черкески), через которые руки просовывали в карманы брюк. Застегивалось такое пальто наподобие кавказской рубахи, но функцию пуговиц выполняли крупные, плетенные из ремешка шарики, а пришитые пегли были из толстого шнура. Воротник и прорезы, заменяющие карманы, часто отгорачивали бараньим мехом.

Высокую папаху донашивало только старшее поколение. Молодежь предпочитала низкие бараньи шапки с плоским матерчатым верхом, получившие название «кубанка». Летом многие адыгейцы носили войлочную шляпу с широкими полями. Обувь состояла из легких чукяк, надеваемых на кожаные чулки (ного-

виды). У пожилых последние доходили до икры, а у молодых достигали колена. Обувь шили из мягкой козловой кожи. Делали это женщины, причем не на деревянной колодке, а по выкройке. Подошва не имела каблука, и ее не прибивали, а пришивали дратвой. Некоторые служащие из адыгейцев, особенно те, кто работал в областных учреждениях Краснодара, носили кавказские сапоги, некий гибрид чукяк с ноговицами и русских сапог. Собственно, это были русские сапоги, но их шили из мягкой козловой кожи, без подкладки, с заостренным носком и очень низким каблуком. Ранты у таких сапог окружали всю ступню, а не только переднюю ее часть. От подъема к носку иногда делали шов, как на многих чукяках.

Пояса преобладали старые, кавказские, с серебряным «набором». Вообще можно сказать, что в 20-х гг. наиболее стойко сохранившимися элементами национального мужского костюма у адыгейцев были пояс, шапка, башлык и до некоторой степени обувь.

Скажу несколько слов об одежде хаджи, т. е. тех, кто совершил путешествие в Мекку, и эфенди — мулл. Поверх бешмета, а то и черкески они надевали черную рясу, как у православных священников, а вместо папахи носили турецкую феску, обмотанную золотистой или серебристой парчой.

С 1920 г. адыгейцы, как и казаки, перестали носить кинжалы, ставшие после этого лишь настенным украшением.

Одеждой старух и пожилых женщин были платья национального покроя, а девушки одевались так же, как молодые казачки и даже горожанки, но их платья и блузки обязательно имели длинные рукава, ибо обнажать руки выше кисти считалось неприличным. Из-под платьев нередко виднелись шаровары. У старух и многих женщин среднего возраста они доходили до щиколоток, а у девушек — до колен или чуть ниже. Замужнюю женщину нельзя было встретить без платка на голове. Концы платка завязывались не под подбородком, а на затылке. Девушки покрывались платком или газовым шарфом, спадающим на плечи, но могли показываться и с непокрытой головой. Обувь женщин любого возраста — чукяки такого же покроя, как и мужские, только носили их без ноговиц. По праздникам девушки надевали туфли или ботинки фабричного производства, на высоких каблуках. Адыгейки в противоположность станичным женщинам не ходили без чулок.

Все адыгейцы брили головы, а усы были у большинства мужчин старшего и среднего возраста. И мужчины, и женщины сбривали волосную покров у половых органов. Замужние женщины делали на голове прическу, а девушки ходили с одной или двумя косами. Маленьких детей остригали наголо, но вокруг головы оставляли немного волос.

Оригинально рукопожатие, которым обменивались жители Лакшукая при встрече друг с другом. Оно производилось правыми руками в два приема: сперва каждый хватался четырьмя пальцами

за большой палец другого, а затем пожимали друг другу руки обычным способом. В других местах Адыгеи, кажется, так не здоровались.

В теплое время года в руках пожилых мужчин, когда они находились дома, часто можно было видеть особую махалку для мух. Это точеная деревянная рукоять, с одного конца которой свисает прядь конских волос.

Для сидения употребляли низенькие скамеечки (высота 15—20 см). Были у всех и обычные стулья, но ими при мне пользовались только в кунацких.

Летом спали, не раздеваясь, на голых циновках, положенных на пол. Лежанка у очага предназначалась для старшего мужчины, а деревянная кровать в кунацкой — для гостя. Во время его отсутствия кроватью могла пользоваться и старшая дочь. Мужчины спали нередко и во дворе, под навесом у входа в дом.

Основная еда — тушеные овощи, заправленные подливой. Это блюдо называется «шипсе» (*щипсе*). Хлеб заменялся просяной или кукурузной кашей (*пласэ, мамрыс*), которую хозяйка вываливала горкой прямо на голый столик. Сверху в этой горке она делала рукой углубление и наливала в него топленое масло. Жидкую пищу, в том числе и кислое молоко, ели деревянными ложками из общей миски, а все остальное — руками. Вилки не было. Просяную или кукурузную кашу отщипывали тремя пальцами, потом умывали о стол и, мокнув в топленое масло, отправляли в рот. Еду подавали вместе со столиком. Так как пищу густо посыпали тертым красным перцем и это вызывало жажду, то на столик ставили стакан, а на пол, рядом со столиком, ведро с питьевой водой. Когда я однажды привез из станицы арбуз, то мать Амирзана, не привыкшая к подобной пище, сняла с него всю кожуру, а потом порубила мякоть на кусочки кубической формы.

В 20-х гг. адыгейцы мало занимались садоводством. В редком дворе можно было увидеть яблони или груши. Чаше встречалась желтая алыча, которую в наших станицах называли черкесской сливой. В те годы кое-кто из адыгейцев приступил к выращиванию табака. В Лакшукае не обошлось в этом отношении без влияния табакоточеского хут. Казазова, населенного греками. Но не падало в аулах и традиционное производство зерновых и бобовых культур. В каждом дворе можно было видеть казачье образца каменный каток для молотбы зерна, цеп для молотбы кукурузы, деревянную лопату для веяния, примитивную соломорезку и русского типа борону, косу и серп. Кое у кого имелись фабричные плуги и веялки. Занятие животноводством ограничивалось разведением коров и небольшого количества буйволов и овец. Рабочим скотом были лошади, а до конца XIX в. — быки. Ослов адыгейцы не держали, кажется, никогда. Некоторые лакшукаевцы разводили пчел, причем пасеки состояли из традиционных ульев, которые плелись из прутьев, обмазывались глиной и белились известью. Охотой занимались в свободное время лишь одиночки,

а рыболовов не было совсем. Вообще речки мало привлекали адыгейцев. Показательно, что немногие адыгейцы имели лодку и редко кто из них умел плавать.

О патриархальных чертах адыгейского быта написано уже немало, поэтому ограничусь лишь несколькими иллюстрациями из лакшукоевской действительности 1929 г.

Однажды вместе с молодым адыгейцем я забрался в чужой сад. Мы перелезли через высокий забор, разобрав на нем колючие ветки сухого терновника, натрясли с дерева яблок, спокойно снова перелезли через забор и поправили ветки терновника. Все это время хозяин издали наблюдал за нами и, может быть, в душе ругал нас, но вслух не произнес ни одного слова, чтобы не прослыть скрягой и нарушителем дедовских обычаев.

Приходилось видеть, как, не задумываясь, ловили в поле чужого коня для поездки в другой аул. В таких случаях лишь требовалось, чтобы конь потом был возвращен туда, откуда его взяли. Я и сам нередко пользовался этим обычаем.

Всякий вошедший в чужой дом мог без приглашения подсесть к обеденному столу и разделить с хозяином трапезу.

В недавнем прошлом Лакшукоевское аульское общество ежегодно содержало три—пять семейств, почему-либо попавших в тяжелое материальное положение. И неудивительно, что мы, выросшие рядом с адыгейскими аулами, никогда не видели адыгейца, просящего милостыню.

Не раз я бывал свидетелем, как жители аула собирались для коллективной помощи при постройке дома. И каждый раз они работали с песнями. Но не только к родственникам и одноаульцам приходили адыгейцы на помощь. Помню, как житель Лакшукое послал в ст-цу Пашковскую старшего сына с конем, чтобы тот в течение 10 дней безвозмездно помогал убирать урожай семье умершего казака.

Большим уважением пользовался старший по возрасту. Например, 18-летняя сестра Амирзана не смела сходить даже на минутку к соседке без его разрешения. Амирзан стал главой семьи после смерти отца, но важные семейные вопросы он решал вместе со своим дядей по матери.

Выполнение некоторых обычаев создавало впечатление, будто мужчины скрывают, что у них есть семья. Так, адыгеец при посторонних никогда не говорил ласково с женой, не брал на руки своего ребенка и не признавался, что данная женщина — его жена. Поэтому не полагалось и спрашивать о здоровье его жены.

Когда молодежь в прохладном сарае нанизывала на веревочки табачные листья для просушки, неизбежные шутки и смех перемежались с песнями, рассказами и преданиями. В одном из запомнившихся преданий шла речь о двух отважных молодых людях, которые отправились в дальние края, чтобы совершать подвиги. Младший всячески прислуживал старшему. Однажды на привале у старшего украли коня. Младший догнал воров, перебил всю шайку и вернулся к старшему с целым табуном. Когда они проезжали через какое-то селение, их мужественный

вид привлек внимание местного князя, и тот пригласил друзей в гости и потом под разными предлогами старался задержать у себя более трех дней. В старину был обычай считать родственником того, кто оставался гостить более трех дней. Через два дня младший, преодолевая стыд, признался старшему, что влюбился в хозяйскую дочь. После того как старший переговорил с княжной и получил от нее согласие на брак с младшим, он обо всем сообщил князю. Последний также согласился и получил за дочь табун лошадей, отбитых младшим у воров. Взяв княжну, друзья отправились в родной аул. По пути их встретила сотня врагов. Младший не хотел драться и пытался словами вразумить их, но те не послушались, и бой разгорелся. Оба героя метко разили врагов, а княжна подавала стрелы. Все нападавшие погибли, но и старший тоже был убит. Младший положил на арбу тело павшего друга, забрал 100 вражеских лошадей и вместе с княжной поехал дальше. Стыдно было ему привозить домой тело убитого товарища, когда сам он остался в живых. Не доезжая до родного аула, он остановился и попросил пастуха сообщить матери погибшего, чтобы вышла принять тело своего сына, а потом пойти к его матери и сказать, чтобы встречала сына и невестку. Пастух так и сделал. Узнав горькую весть, мать старшего сказала: «Пойду и погляжу, где у него рана. Если спереди, то это мой сын, а если сзади, то, значит, это не мой сын и я не возьму его». Убедившись, что рана у сына находится спереди, она взяла его, оплакала и с честью похоронила. Младший отдал ей для устройства поминок пригнанный им табун. Потом аул гулял на свадьбе младшего.

Запомнилась сказка о хитром старике, победившем огромное чудовище, именуемое «дракь». Подобно русскому дракону, оно поедало людей, но не летало и не имело крыльев.

Одна из песен была о событиях 1918 г. В ней упоминались Хануко (Хъаныкъу), т. е. генерал Султан Клыч-Гирей, его кормилица, кубанский войсковой атаман Филимонов и др. Говорилось о первом на Кубани бое в гражданскую войну, происшедшем у аула Тахтамукай, и о трагических событиях в аулах Вочепший и Гатлукай. Существовала песня и об Анчоке Ильясе.

Вечером после ужина, когда оставалось еще полчаса до сна, часто слышались по аулу звуки гармоники. Играл один из крестьян, сидя на пороге своего дома. Он замечательно владел инструментом, но смущался посторонних. Поэтому приближаться к нему не осмеливались, слушали его лишь издали.

В сумерки улицы аула становились безлюдными. Если же обстоятельства заставляли передвигаться по аулу в темноте, то опасаться было нечего, ибо хулиганство всегда было чуждо адыгейскому быту.

Парни нередко навещали девушек. Часто это делалось вечером, после ужина. Ходили обычно вдвоем или втроем. Шли прямо к девушке во двор. Она выходила на лай собак и вела парней в кунацкую. При свете лампы там болтали, шутили и танцевали. Когда тот или иной парень закуривал, то девушка тут же подно-

сила ему зажженную спичку. Во время таких визитов объяснялись в любви и договаривались о предстоящем побеге. Переговоры происходили, как правило, в присутствии третьего лица, близкого друга влюбленного. Если обстоятельства мешали влюбленным видиться, он выполнял обязанности связного. Влюбленные обменивались какими-либо вещичками, которые рассматривались в качестве залога крепости данного друг другу обещания. Так, молодые люди оставляли девушкам свои пояса или платки, а те отдавали им чаще всего кисеты собственного изготовления. Каждая девушка заранее шила и вышивала кисет, чтобы потом вручить любимому.

В описываемые годы широко распространялся брак посредством умыкания. Делалось это обычно по обоюдному согласию. Жених условливался с невестой о дне побега и приглашал молодежь быть его помощниками. Конной кавалькадой они являлись ночью в аул, где жила невеста (адыгейцы издавна предпочитали жениться на девушках из другого аула). Жених тайно пробирался к ней во двор и вызывал стуком в ставню. В ожидании этого невеста, конечно, не спала. Когда она выходила, на нее набрасывали бурку (ведь выходила девушка в одном платье, а ночь могла быть прохладной). Потом жених сажал ее к себе на коня, и все скакали во весь дух, чтобы спастись от возможной погони. Жених помещал невесту у своего друга или родственника в другом ауле, где она находилась до тех пор, пока жениху не удавалось помириться с ее родителями. Лишь после этого девушку торжественно перевозили в дом жениха. Калым еще не был изжит — он принял форму подарка.

Большинство адыгейцев прибывало в описываемое время еще во власти суеверий. Многие, особенно дети, носили на шее амулеты, состоявшие из раковин каури и кожаных мешочков, в которых помещались бумажки с написанными на них арабскими молитвами (рис. 3).

Амирзан рассказывал о переполохе, который в 1924 г. вызвало в Лакшукое полное затмение луны. Муэззины, вбежав на минареты, затянули азан (призыв к молитве). Муллы со стариками открыли мечети и молились, чтобы Аллах отсрочил день страшного суда. Женщины, обняв детей, громко голосили. Старые и малые били в медную посуду. Милиционер и все имевшие право носить

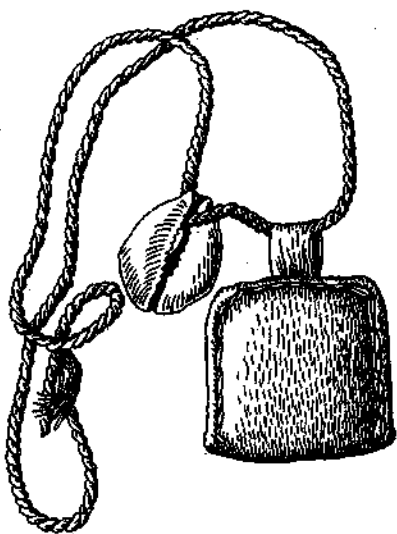

Рис. 3. Шейные амулеты у адыгейцев.

оружие скакали на конях по улицам и стреляли в небо. Амирзан тоже скакал и стрелял из нагана, так как поддался убеждению, что наступит конец света, если не прогнать шайтана, который хочет съесть ночное светило.

Тот же Амирзан обращался к казачке-знахарке в ст-це Пашковской, чтобы вылечить мать от припадков, и знахарка при нем совершила украинское колдовское действие, называемое «выливанием переполоха».

У каждого двора на кольях забора-плетня скалили зубы конские и (реже) коровьи черепа. Считалось, что они оберегали двор от «дурного глаза». Иногда с той же целью закапывали во дворе сдохшую лошадь.

Сопоставляя сведения об адыгейцах, почерпнутые из литературы, с личными наблюдениями 1920-х гг., нельзя было не видеть, что в жизни этого народа произошли большие перемены, связанные с революцией. Прежде всего это появление новых общественных отношений, последовавших за упразднением сословного деления и ломкой былого имущественного неравенства. Однако по-прежнему сохранялись частное крестьянское хозяйство, старые орудия труда, жилища, традиционная пища, веками сложившийся семейный уклад, старинные обряды и пр. Несмотря на создание национальной письменности и борьбу с неграмотностью, народ в своей массе оставался малограмотным, продолжал исповедовать ислам и придерживался древних суеверий. Из более заметных перемен в быту назову быструю эволюцию одежды (в первую очередь мужской), резкое уменьшение размеров калыма и рождение новых фольклорных произведений, отражающих события гражданской войны и первых лет социалистического строительства. Становилось ясным, что у пережитков прошлого уже нет будущего. В 1929 г. везде говорили о предстоящей коллективизации. Газеты призывали молодежь на заводы и на учебу, и она потянулась в город. Младший брат Амирзана при мне дважды пытался бежать в Краснодар и в ответ на укоры старших говорил, что все равно будет работать в городе.

Впечатления от бжедудских аулов в западной части Адыгеи несколько отличались от того, что потом заметил в Восточной Адыгее. Попав 10 июня 1930 г. в ст-цу Курганную, не упустил случая совершить пешую прогулку в соседний аул Кошехабль (Куэцхьябл), населенный кубанскими кабардинцами, бесленевцами и представителями других адыгейских племен. Курганенские казаки всех их называют азиатами.

Аул расположен в степи на левом берегу р. Лабы. Бросилось в глаза, что материальная культура здесь испытала на себе значительное влияние русских. Так, улицы оказались прямыми, как в станицах, стены турлучных домов имели побелку, почти всегда рядом с воротами находилась и калитка, конструкция многих ворот была такой же, как у казаков, а конский череп я заметил только на одном заборе.

Но и в Кошехабле были заметны архаические черты быта.

Дома стояли, как правило, в глубине дворов. Во дворах встречалось по несколько жилых домов. Пережитки ли это большой семьи, ведшей общее хозяйство, или свидетельство отсутствия у адыгейцев улиц в недавнем прошлом — судить не берусь.

В ауле совсем не оказалось ворот, подобных бжедугским (см. с. 7). Преобладали ворота-плетенки. Это тонкие горизонтальные прутья, переплетенные 18—20 вертикальными жердями. Встречались ворота в виде рамы с длинной горизонтальной жердью посередине. Попадались и ворота казачьего типа, но двустворчатые.

Дома здесь крыли не только соломой, черепицей или железом, но иногда и дранкой. Оконные рамы в некоторых домах не раскрывались, а высовывались вверх, как бывало и у бжедугов.

Обе местные мечети отличались от бжедугских. Одна из них, кирпичная, с минаретом, была увенчана большим сферическим куполом. Вторая представляла собой длинную турлучную постройку, крытую дранкой. Четыре столба с помостом и двухскатной деревянной кровлей заменяли собой минарет. На помост влезали по планкам, прибитым к столбам.

В заключение отмечу, что вокруг Кошехабля отсутствовала плетеная изгородь, отделяющая посеы от выгона, где пасется скот. В бжедугских аулах такие изгороди были обычными.

В ЧЕРНОМОРСКОЙ ШАПСУГИИ

В начале лета 1930 г. студенты Ленинградского университета, как обычно, разъезжались на производственную практику. Для сбора полевых материалов о крестьянском быте отправлялись во все концы Советского Союза и студенты этнографического отделения. Я попросился в горы Черноморского побережья Кавказа к адыгейскому племени шапсугов, чтобы изучить пережитки их доисламских верований. Мой выбор определялся двумя причинами. Во-первых, при интересе к прошлому адыгейцев важно было познакомиться с шапсугами, которые одни избегли поголовного выселения с гор в 60-х гг. XIX в. после окончания Кавказской войны. Во-вторых, трудно было не поддаться влиянию своих профессоров, особенно Г. Ф. Чурсина, А. Н. Генко и В. Г. Богораз-Тана, прививавших нам вкус к исследованию народных верований, отражающих мышление первобытного человека. Краткие замечания случайных путешественников позволяли надеяться найти в Шапсугии гораздо больше языческих пережитков, чем в Адыгее, Черкесии и Кабарде.

И вот 3 июля 1930 г. я еду по новой железнодорожной ветке от Туапсе до Сочи. Соседи разговаривают о коллективизации и раскулачивании.

Был уже вечер, когда поезд остановился у столба с надписью «Аше». Поблизости не видно никаких строений. Стояла только палатка для рабочих. Они сказали, что ехать в горы на ночь опасно

Рис. 4. Ворота у черноморских шапсугов.

и советовали дожидаться утра. Но я пошел в ближайшее шапсугское селение Мохортова Поляна, лежавшее в 1 км от моря. Бросилось в глаза отсутствие планировки — большая разбросанность дворов. Нанял коня, чтобы в тот же день прибыть в административный центр Шапсугского национального района, сел. Красноалександровское II, расположенное в горах, в 7 км от моря. Пока ловили и седлали коня, осматривал двор хозяина. Забором служил не плетень, обычный в Адыгее, а частокол, причем колья его были разной высоты и толщины. Примерно в 1 м от земли они с помощью скрученных тонких веток привязаны к длинной горизонтальной жерди. Ворота тоже не похожи на виденные в Адыгее. Это три горизонтальные жерди, свободно продетые в сквозные дыры в двух вертикальных столбах, стоящих друг от друга на расстоянии, достаточном для проезда телеги (рис. 4). Ворота соседних дворов имели не три горизонтальные жерди, а четыре-пять. Чтобы открыть такие ворота, требовалось вынуть из дыр каждую жердь в отдельности. Дом, крытый дранкой, стоял на деревянных сваях. Стены его турлучные и дощатые. Часть пространства под домом была огорожена досками и служила для каких-то хозяйственных нужд, а в открытой части стояла четырехколесная телега казачьего типа. Во дворе находились амбар, курятник и остальные хозяйственные постройки. Одни из них сплетены из хвороста, другие дощатые.

Дорога до сел. Красноалександровского II шла вверх по ущелью р. Аше. Не менее 15 раз пришлось переезжать речку вброд. Из-за прошедших дождей она стала полноводной и бурной. В одном месте конь нырнул, но все обошлось благополучно, если не считать промокшей одежды. Над лесистыми горами разливала чары лунная ночь. Было так красиво вокруг, что забывалось о холоде после вынужденного купания.

Сел. Красноалександровское II по-шапсугски называется Къэлэжъ — «Старая крепость». Остановился в недавно открытом здесь Доме крестьянина. Собственно, это только комната в доме, принадлежавшем Нибо. Утро встретило дождем. В окно видно гору, покрытую лесом. Выделяются два рядом стоящих огромных дерева, из которых одно усохло.

Объясняя хозяину причину своего приезда и спрашивая: «Не приходилось ли Вам слышать от стариков о том, что в старину шапсуги поклонялись деревьям?». Ответ был неожиданным: «У нас много деревьев и целых рощ, которым и теперь поклоняются многие». Показав на два дерева, уже привлёкших мое внимание, он добавил: «Им тоже поклоняются, ибо считают священными». Так началось мое путешествие в минувшие века.

Однако здесь не стану останавливаться на собранных тогда историческом фольклоре, материалах о древних верованиях и дольменах — все это потом было опубликовано. Расскажу лишь о других историко-этнографических наблюдениях в Черноморской Шапсугии.

Усадьбы и дома селения выглядели такими же, как и в Мохортовой Поляне. Усадьбы с огородами разбросаны в беспорядке по склону хребта Аже (Ажъэ), на левом берегу р. Аше. Улиц, в нашем понимании, не было. Сразу же за окраиной Красноалександровского II начиналось сел. Красноалександровское III, они почти сливались.

Жилые дома, как правило, стояли в глубине дворов и вместо фундамента имели деревянные сваи либо каменные подставки. Стены домов турлучные или частью турлучные, а частью дощатые. Встречаются дома в два этажа. Первый этаж обычно служил сараем или помещением для скота, хотя встречались дома, где оба этажа были жилыми. В некоторых домах имелись «итальянские» окна дачного типа. Сени отсутствовали. Одна дверь вела прямо в кунацкую, вторая — в хозяйственную половину. Дом, в котором я поселился, состоял из трех изолированных комнат. Пройти из одной в другую можно было только через двор. При каждом доме имела веранда на столбах. Иногда она окружала его с двух, трех, а то и со всех четырех сторон. Навесом над верандой служило выступающее продолжение крыши. В двухэтажных домах веранда находилась на втором этаже. Крыши покрывались дранкой. Над каждой крышей возвышался плетеный дымоход с маленьким двухскатным прикрытием от дождя, сделанным тоже из дранки.

Заборы были четырех типов: частокол, плетень, низкая каменная стенка на земляном растворе и, наконец, горизонтально лежащие друг на друге жерди, которые не рассыпались лишь потому, что в разных местах их удерживали колья, вбитые в землю попарно с обеих сторон забора. Ворота были такими же, как и в Мохортовой Поляне.

Колодцев шапсуги не рыли. Воду брали из источников, которых здесь было много. Их часто обкладывали камнями и иногда защищали навесом. Рядом с источником лежал и деревянный черпак.

Здание мечети, единственной в Красноалександровском II, обращено в избу-читальню. Это длинный турлучный дом, вокруг которого устроен навес на столбах. Крыша из дранки.

Очень примитивны шапсугские мосты. Чаще всего это переброшенный через поток ствол дерева, у которого обрублены ветки.

В лучшем случае рядом лежали два ствола, сверху чуть-чуть подтесанные топором. Если берега реки имели разную высоту, то один конец стволов покоился на деревянной подставке типа «козла». Почти все мосты были рассчитаны на пользование ими до очередного половодья, после которого надо было делать новые.

Здесьнее кладбище не походило на виденные в Адыгее. Могильные холмики были обложены небольшими камушками. В головах и ногах стояло по одному шиферному камню, которые возвышались над остальными примерно на 20—30 см.

Черноморские шапсуги занимались преимущественно садоводством, причем большая часть их садов находилась в лесу без ограды. Деревья во дворах увивали виноградные лозы. Другого способа выращивания винограда шапсуги не знали. Зерновые были представлены кукурузой и просом. Выращивали, кроме того, помидоры, фасоль, редьку, огурцы и в незначительном количестве — картофель, а также арбузы. Из домашних животных преобладали козы. Держали также коров, овец и лошадей, а буйволов и ослов не было. В пчеловодстве все еще пользовались в основном плетеными ульями.

При мне шапсуги носили черкеску только по праздникам. Но буркой пользовались в непогоду довольно часто. Что касается молодежи, то она уже начинала привыкать к пиджакам и брюкам навыпуск, чего еще не доводилось видеть в Адыгее. Однажды повстречался шапсуг, у которого голова была повязана башлыком, как это делают в Абхазии и Западной Грузии. На Северном Кавказе никогда башлык не подменял шапки. Многие мужчины, особенно старики, постоянно носили сбоку на поясе самодельные ножи в деревянных ножнах. Кинжал надевали лишь при черкеске по праздникам, и то очень редко. На улицу старики выходили обычно с деревянным посохом, имевшим внизу острый железный наконечник, который иногда заменяли штыком от русской трехлинейной винтовки. Верх посоха часто представлял собой естественную развилку.

Старинное женское парадное платье — «сай», расшитое золотыми нитками, кое-кто хранил в сундуках, чтобы использовать в праздник — надеть его на девушку.

Недалеко от пос. Чертов Мост (по-шапсугски Зэхэлъэшъ), населенного русскими, между этим поселком и устьем р. Бекишей (Бэгэшъей)¹ и в других местах находятся старинные, видимо адыгейские, кладбища с каменными могильными насыпями, поросшими кустарником и деревьями.

Рассказывали, что недалеко от Главного Кавказского хребта была обнаружена могила, в которой оказались шлем, длинный прямой меч и бедренная кость великана.

Население этого края после окончания Кавказской войны в 1864 г. резко сократилось. Старики говорят, что места прежних

¹ Дж. Н. Коков ошибается, будто местные жители зовут ее Бэджэшъей; см.: Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик. 1974, с. 149.

поселений и пашен, в частности на правом берегу р. Аше против сел. Красноалександровское II, поросли лесом и реки от этого стали полноводнее.

В один из дней я познакомился с очень бодрым 72-летним колхозником, который удивил отличным знанием русского языка и абсолютно правильным произношением русских слов. Еще более удивительным казалось то, что на своем языке он говорил с русским акцентом, в частности не мог произносить смычных звуков. Объяснение крылось в его необычной биографии, которую он мне поведал.

Ему едва исполнилось 6 лет, когда в 1864 г. царские войска вступили в Черноморскую Шапсугию и сожгли село, где он жил. В суматохе боя мальчик отбился от родителей, попал в плен и оказался на воспитании у русского генерала. Когда вырос, то генерал определил его на службу в казачий полк, стоявший в Дагестане. Там он впервые серьезно задумался над вопросами: кто он и что означает слово «шапсуг», которое записано в его документах. Получив отпуск, юноша приехал к воспитавшему его генералу, чтобы расспросить о своем происхождении. Узнав обстоятельства пленения и название ущелья, где это произошло, он отправился на Кубань к тем немногим шапсугам, которые в 1864 г. не переселились в Турцию. Однако родственников на Кубани не нашел, но узнал, что кто-то из однофамильцев остался на Черноморском побережье, где прежде жили шапсуги. Тогда он вновь отправился на поиски. На Черноморском побережье ему удалось найти родителей. Последние свыклись с мыслью о гибели своего ребенка и поэтому не собирались признавать сыном какого-то незнакомца, который даже разговаривать с ними не мог без переводчика. Первой признала его мать. Затем на его теле были найдены приметы, заставившие и отца поверить в возвращение сына. Обрадованные родители устроили по этому случаю большой пир, на котором гуляло все селение. После окончания военной службы молодой человек вернулся навсегда в родные места.

Через 66 лет после окончания Кавказской войны были еще видны не только оставленные ею шрамы, но и раны, продолжавшие кровоточить. Расскажу об одной из них.

Вместе со мной поселился приехавший в командировку молодой лингвист, абхазец А. К. Хашба. И вот 3 августа шапсуг Джарым прислал к нам мальчика с просьбой, чтобы Хашба перевел слова старика, приехавшего к ним из Абхазии. Семья Джарыма разобрала только, что старик называет себя их родственником. В доме Джарыма мы застали родственников хозяина и самого старика. Последний был одет в домотканую черкеску, а голова, по абхазскому обыкновению, была повязана башлыком. Он не говорил по-русски, а по-адыгейски знал лишь несколько слов. Я догадался, что именно о нем читал у А. Н. Генко следующее: «В июне текущего 1928 г. пишушему эти строки пришлось встретить в абхазском селении Чиллов (Юж. Абхазия) 84-летнего старика, слывшего за джигета... в молодости он был приведен в качестве пленника из Джигетии. При расспросе выяснилось, что, сам не зная этого,

старик (звали его Даугуыз Джаурым²) родным своим языком имел черкесский (шапсугское наречие нижнечеркесского языка); хотя и с трудом, он припомнил несколько десятков слов».³

Вот, что мы узнали о старике из его рассказа. В роковой для горцев 1864 г. Даугуыз, потеряв отца, мать и братьев, остался вдвоем с бабушкой. Они не имели средств для отплытия в Турцию и на берегу моря погибали от голода, когда их подобрал чужие люди, оказавшиеся абхазцами. Так маленький Даугуыз попал в Абхазию, где вырос и состарился. Пока была жива бабушка, она говорила с ним на родном языке, но после ее смерти мальчнк позабыл его.

Мы молча слушали старика. В заключение он сказал: «От одиночества я часто ночами рыдал в подушку. Всю жизнь мечтал поглядеть на родные места, потерянные в детстве, но сумел осушить это только теперь. Хочу умереть на земле своих предков. Со слов бабушки знаю, что фамилия моя Джарым, а происхожу с берегов р. Ацэпсы».

Выслушав старика, собравшиеся стали совещаться, и потом старший из них попросил А. К. Хашбу перевести старику, что они слышали от родителей об одном Джарыме, жившем до 1864 г. на р. Ацэпсы, и что у него был сын. Поэтому они признают старика родственником и готовы принять в свою семью. Выслушав это, старик заявил, что теперь, когда и у него нашлись родственники, он со спокойным сердцем отправится в Абхазию для ликвидации оставшегося там имущества, после чего вернется сюда доживать свои дни.

Память о Кавказской войне и о последующем выселении адыгов с Кавказа была в 1930-х гг. еще достаточно жива. Женщина средних лет, происходящая из племени натхъуадж, рассказывала, что родители ее были родом из долины р. Адагума и что она помнит, как при появлении русского женщины прятались, а дети засовывали головы под подушки.

Любопытным представителем старой Шапсугии был кузнец Харту Намыт (Хьэрту Нэмыт1), ходивший в расстегнутой черкеске. Ему уже перевалило за 60 лет. На него указывали, как на лучшего знатока преданий и обычного права. Во время общественных языческих церемоний именно он выполнял роль жреца. Кузнец не скрывал, что в молодости промышлял конокрадством и во время своих походов побывал во многих кунацких Шапсугии, Адыгеи, Абхазии, Дагестана и других мест. От него удалось записать ряд интересных преданий.

Однажды меня посетил руководитель работ по строительству школы Лакшоко Алхас, последний представитель старинной фамилии, которая в течение веков владела бжедугским аулом Лакшукай. По обычаю аталычества, он воспитывался не дома, а в семье крестьянина Лыу Ташыу, кунака моего отца. Алхас

² Имя и фамилия в подлиннике приведены в лингвистической транскрипции.

³ Генко А. Н. О языке убыхов. — Изв. АН СССР, Отд. ние гуманит. наук, 1928, № 3, с. 241.

подтвердил, что бжедуги помнят о делении их на два подплемена: хамышеевцев (*хъэмышый*) и черченеевцев (*чэчэнай*) — и о том, что те и другие, согласно преданию, раньше обитали в окрестностях нынешнего Сочи.

Вечером 9 июля в избе-читальне были устроены танцы по случаю женитьбы комсомольца из уже известной нам фамилии Джарым. Зрители сидели на длинных скамьях, причем мужчины — в правой стороне зала, а женщины — в левой. Много молодых людей стояло из-за отсутствия мест. Опоздавшие старики решительно шли к передним скамейкам, и перед каждым из них вскакивало сразу до десятка парней, чтобы уступить место. Молодежь танцевала преимущественно адыгейскую «къафэ», реже — «танец Шамиля», грузинскую лезгинку, краковяк, русскую барыню и тустеп. Жених и невеста на танцы не приходили.

Последующие дни невеста пребывала в доме жениха, откуда ежедневно доносились звуки гармоники и деревянных трещоток, которыми ее развлекали. Свадьба состоялась 21 июля. В тот день во дворе у Джарыма собралось много народа и опять начались танцы. Круг участников делился на две части — мужскую и женскую. Мужская размещалась стоя и сидя на траве, в тени ветвистого дерева. Несколько мужчин сидели на деревянной скамейке. Среди мужчин были молодые и старики. Повсюду сновали мальчишки с длинными палками, ожидая шуточной драки со всадниками. Полукруг, состоявший только из одних девушек, стоял на солнцепеке. Традиционная шуточная драка со всадниками не состоялась, ибо последних на свадьбу прибыло только двое, так как кони в ту пору находились на альпийских пастбищах в Майкопском округе. Не состоялось поэтому и состязание всадников между собой. Все развлечения ограничились танцами, преимущественно адыгейскими. В кругу танцующих находились два распорядителя, парень и девушка. Последняя — сестра жениха. Парень руководил мужской половиной танцующих, а девушка — женской. Распорядитель назначал очередного танцора, и тот беспрекословно выходил в круг и сам выбирал себе партнершу, а распорядительница следила, чтобы девушки не отказывались от танца. Окончив танец, девушка кланялась партнеру и становилась на прежнее место. Время от времени кто-либо из мужчин, имевших оружие, стрелял вверх. Платья девушек были городского покроя, но многие украсили себя национальными серебряными нагрудниками и такими же широкими поясами. На мужчинах можно было видеть черкески, бешметы, кавказские рубахи и городские костюмы. Жених и невеста не участвовали в веселье. О первом даже говорили, что он уехал в лес за дровами. Невеста же весь день находилась в доме и не показывалась. Тем временем готовили обед. Значительную часть продуктов дали родственники и односельчане. Они же принесли с собой низенькие столики и посуду. Обед с вином для мужчин был устроен на поляне за селением. Женщины угощались отдельно. После обеда на той же поляне возобновились танцы. Замужние женщины в танцах не

участвовали, а паблюдали за ними издали. Некоторые из них захватили с собой колыбели с младенцами. Танцы продолжались до вечера.

В 1930 г. в Черноморской Шапсугии было несколько человек, имевших по две жены. Они вступили в брак еще до революции. Один из двоеженцев жил в сел. Красноалександровское I.

Кровная месть в Шапсугии практически была давно изжита. В 1921 г. в Красноалександровском II произошло убийство, совершенное сумасшедшим. Родственники убийцы готовы были выдать его семье убитого, но те отказались от мести.

Однажды я заглянул в избу-читальню на женское собрание, созванное по вопросу организации первых в селении детских яслей. Женщины и на этот раз сидели только в левой стороне зала, а всю правую занимали мужчины, пришедшие из любопытства. Председателем и докладчиком был заведующий сельскохозяйственным отделом райисполкома Н. А. Тхагушев. Женщины слова не брали и лишь изредка бросали недоверчивые реплики. В конце концов председатель подытожил, что возражений нет и ясли организовать нужно.

А. К. Хашба и я 17 июля ходили в сел. Красноалександровское I (по-шапсугски Хьаджыкьу — «Хаджиева долина»). Около него внизу, у речки, расположена ровная площадь, еще недавно служившая для конных состязаний. В селении стоит недостроенная мечеть, теперь уже заброшенная. Она представляет собой обычный шапсугский дом на сваях с верандой у северной стены. Говорят, что на противоположном берегу раньше существовало какое-то селение.

Мы намеревались повидать двух братьев Чэрэн, единственных в Шапсугии потомков исчезнувшего народа убыхов, но не застали их дома. В этом селении нашли другого интересного информатора, 90-летнего Хешхо Хаджибия (Хэщхо Хьаджыбий). Его папаша была обязана грязной тряпкой, которая когда-то имела белый цвет. Она свидетельствовала, что Хаджибий — хаджи, т. е. он ездил на поклонение в Мекку. В том путешествии его сопровождала жена, которую также считают хаджи. Мы встретили ее на улице. Лицо, плечи и грудь женщины скрывались под белым покрывалом, а из-под платья видны были синие шаровары.

Хаджибий провел нас в кунацкую, имевшую две двери, одна против другой. Убранство кунацкой, как и полагается у адыгов, было самое примитивное. На одной стене висели женские платья, в том числе парадный «сай»; рядом — «намэзлыкь» — циновка для совершения на ней молений. На другой стене на деревянном колышке было повешено седло. Мебель состояла из стола, двух табуреток и деревянной кровати. Последнюю покрывала лишь циновка, на которой стояли самовар и женские туфли городского фасона. На подоконнике лежала красная турецкая феска с кисточкой. Хозяин, не знавший ни слова по-русски, оказался очень приветливым человеком, и от него мы услышали много преданий и воспоминаний.

23 июля я один отправился пешком по колесной дороге на берегу р. Аше в сел. Большое Псеушко. Несколько раз приходилось переходить речку вброд. Вторая половина пути шла по горам. Примерно в 8 км от Большого Псеушко встретились следы шапсугских поселений, сожженных царскими войсками в 1864 г. Около них находились старые кладбища с могильными холмиками из мелких камней.

Большое Псеушко — крупное селение. Дворы его разбросаны по склонам гор. Кроме турлучных или турлучно-дошчатых домов здесь имелись и бревенчатые, срубные. Среди хозяйственных построек срубные попадались особенно часто. Все это казалось необычным, так как, по этнографической литературе о кавказских горах, они характерны только для Карачая и Западной Балкарии.

Единственную в селении мечеть недавно закрыли. То была длинная турлучная постройка. Посередине ее железной крыши возвышался небольшой шестигранный минарет с круглым балкончиком. Крыша у минарета была пологой. В центре ее — вздутие, на котором стоял стерженек с полумесяцем и звездой, вырезанными из жести.

В комнате, где я поселился, на веревке висела мужская и женская одежда. Деревянная кровать не была покрыта. Постельные принадлежности, в том числе и подушки, лежали на ней стоячей. Там же стояли новые женские ботинки.

В Большом Псеушко, как и во всей Шапсугии, не существовало воровства. Уходя на весь день, жители оставляли дома незапертыми и уверяли, что любую вещь, брошенную на улице, никто не тронет.

Некоторые жители держали буйволов, в то время как до этого в Шапсугии мне не приходилось их видеть. Говорили, что здесь живут старики, которые в молодости будто бы пасли свиней. Жаль, что не было времени это проверить!

Головы ребят в селении, как и в Адыгее, были острижены наголо, а по краям вокруг головы волосы оставлены.

Жители рассказывали, что их предки населяли Наужинское ущелье, откуда в 1864 г. были переселены на р. Лабу, в район ст-цы Дондуковской. Примерно в конце 60-х гг. XIX в. им разрешили вернуться на Черноморское побережье. И они поселились на теперешнем месте. Селения Неджиго и Шапсуг I (иначе — Цыпка) основаны выходцами из Большого Псеушко. Первое из них возникло в конце XIX в.

Бросались в глаза близость говора жителей Большого Псеушко к говору кубанских шапсугов и отличие его от хакучинского говора, на котором говорят в селениях Красноалександровские, Мохортова Поляна, Кичмай и Головинка.

24 июля я отправился пешком в сел. Малое Псеушко, расположенное в 5 км от Большого Псеушко. Путь шел колесной дорогой, продолженной по склонам лесистых гор. Влево от дороги возвышалась гора Пеус, самая высокая в округе. Говорили, что около нее есть маленькое оз. Хыжый — «Старое море».

Малое Псеушко — небольшое селение. Оно известно шапсугам под именем КӀодэшьахьыпӀ — «Место приношений [богу] КӀодешу». Селение соединено колесной дорогой с русским сел. Георгиевским, которое шапсуги называют Уакьо. Здесь тоже есть срубные дома. Одна хозяйственная постройка была сооружена из досок, сделанных только при помощи топора. Наблюдения над срубными и дощатыми домами в Шапсугии, подкрепленные литературными свидетельствами, позже позволили исправить мнение о том, что деревянные постройки будто бы всегда были чужды адыгам, и заявить, что «ареал распространения деревянных домов еще 100 лет назад не ограничивался Карачаем и Западной Балкарией, но включал в себя и значительную часть горной полосы Адыгеи».⁴

Мечеть в Малом Псеушко закрылась незадолго до моего прибытия. Это был длинный турлучный дом, крытый дранкой. Роль минарета выполнял помост на столбах с деревянной крышей.

Колхоз в Малом Псеушко при мне еще не был организован.

Ночевал я у очень гостеприимного молодого крестьянина Екгаша (Екгащ). В комнате, предоставленной мне, были выставлены напоказ одежда, обувь, кинжал и разные предметы обихода. Вечером хозяин повел меня в гости к какой-то девушке. В ее кунацкой собрались к тому времени другие девушки и молодые люди. Вечер прошел в танцах под гармонику и шутках. Родители девушки в кунацкую не заглядывали. Познакомился там с пастухом, русским по национальности, который вырос среди шапсугов и свободно говорил по-адыгейски.

Мой хозяин рассказывал, что предки жителей Малого Псеушко обитали на северной стороне Кавказского хребта, а в 1863 г. были переселены сперва на р. Лабу, а потом уже на нынешнее место.

25 июля рано утром отправился в сел. Неджиги (Нэжьыгу). Меня предупредили, что путешествие будет трудным, так как тропинку в лесу легко потерять. Вначале все шло хорошо, но на первом же перевале тропинка действительно исчезла и пришлось идти напрямик через густой лес. Между деревьями то и дело попадались старинные шапсугские могилы. Пробираясь сквозь заросли колючего шиповника и карабкаясь по крутым склонам, преодолел хребет и спустился к сенокосам и посевам кукурузы в урочище Гумыш-Тэпэ. Там вышел на хорошую колесную дорогу. Пройдя по этой живописной дороге около 6 км, увидел впереди селение. Наконец-то Неджиги! Прибавил шаг, вышел на его окраину и обнаружил, что это ... Большое Псеушко.

Снова пошел через хребты и леса. Тропа то подымалась, то опускалась. На одном из перевалов встретились нары, сколоченные из палок. Потом начался длинный и утомительный спуск.

⁴ Аутлев М. Г., Лавров Л. И. Прошлое и настоящее Шовгеновского аула. — В кн.: Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л., 1964, с. 16—17.

Дойдя до речки, увидел крыши долгожданного Неджиго. Оно расположено на р. Макопсе (Мэкъопсы), которую в этом месте называют Нежигучей (Нэжыгуклей). Подобно другим шапсугским селениям, Неджиго застраивалось без плана. Срубных домов не оказалось. Здание тоже бездействующей мечети и здесь трудно было отличить от крытого дранкой жилого дома.

Записав рассказы о доисламских верованиях и местные названия окрестных гор, рек и урочищ, в тот же день отправился пешком в сел. Красноалександровское II. По пути встречались в лесу не успевшие одичать яблоки, оставшиеся от населения, которое покинуло родину после Кавказской войны. Плоды их кислые, но величиной не уступают средним садовым яблокам. Замечу, что в Красноалександровском II жил тогда аспирант И. В. Мичурина, который приехал в Шапсугию, чтобы собрать образцы фруктов в покинутых адыгейских садах.

Путь из Неджиго оказался немногим легче пути в него. Тропа часто терялась, и снова приходилось идти напрямик. Несколько раз срывался с небольших обрывов. Пройдя сенокосы, снова обрел тропу и около 10 ч вечера добрался до цели.

28 июля, во время краткосрочного посещения сел. Красноалександровское III (Шъогэйкъу), услышал, что в нем есть потомки русских, которые во время Кавказской войны попали в плен к шапсугам.

На следующий день вместе с А. К. Хашбой мы отправились пешком за 7 или 8 км в сел. Божьи Воды (ныне Кировское, по-шапсугски Тхъэгъапшъ). Шли так называемой военной дорогой, проложенной царскими войсками в 1860-х гг.

Селение лежит в узком ущелье, при слиянии рек Негуш (Нэгъушъ) и Псезуапс (Псышгу). В селении еще не было колхоза, партийной и комсомольской организаций.

Планировка Божьих Вод оказалась довольно правильной. Дворы располагались по обеим сторонам ровной аллеи из ореховых деревьев. Проезжая часть вымощена булыжником. Некоторые дома имели два этажа. Первый этаж использовался для хозяйственных нужд. Часто встречались остекленные террасы дачного типа и художественная резьба на окнах и дверях. Видел большие дворы с несколькими жилыми домами, возможно свидетельствующие о больших семьях. Уже закрытая мечеть представляла собой деревянный дом, рядом с которым возвышался вместо минарета помост на столбах.

Мы остановились у братьев Бгане (Бгъанэ), уроженцев аула Афиписп. Один из них очень интересовался местной историей и был корреспондентом Адыгейского музея в Краснодаре. Младший при появлении старшего брата каждый раз вскакивал и не садился без его разрешения, хотя оба были женаты и разница между ними не превышала 4 лет.

Рядом жил 67-летний хаджи, носивший белую чалму. Он регулярно совершал во дворе положенное число намазов. Другие здешние старики делали то же.

В нашу честь хозяева зарезали козла, напекли пирожков и приготовили другие угощения. Содействовать нам в работе вызвались почти все мужчины селения. Кунацкая все время была полна народа. Старики сидели, а сзади них толпились те, кто помоложе. В дверь и в окна молча глядели на нас десятки мальчишеских глаз. Народ не расходился до полуночи. С помощью такого представительного собрания наши полевые дневники быстро обогащались многочисленными лингвистическими, топонимическими, этнографическими и историческими материалами.

Один из информаторов, Тлиф Техач (Лыф ТэхъакI), в 1864 г. был проводником царских войск, когда они вторглись в Ахчипсоу. Он рассказал нам о штурме ахчипсовских завалов в узком ущелье на подступах к их главному селению.

30 июля вернулись в сел. Красноалександровское II, а 5 августа уехали через Туапсе к шапсугам в сел. Карповское (ныне Куйбышевское; по-шапсугски Агуй).

Постройки в нем не отличались от красноалександровских. Необычным было присутствие кооперативной лавки и недавно выстроенного здания амбулатории. Обе мечети уже бездействовали. Одна из них имела вид деревянного дома с железной крышей. Входили в нее через открытую веранду, над которой возвышался невысокий шестигранный минарет, увенчанный шестигранной пирамидальной железной крышей с полумесяцем наверху. Над михрабом был маленький круглый купол с полумесяцем. Кое-где на заборах я видел конские черепа, как и в Адыгее. В других шапсугских селениях не приходилось их встречать.

Здесьшний говор значительно отличался от хакучинского и несколько меньше — от говора жителей Большого и Малого Псеушхо, а также Неджиго. Меня уверяли, что он отличается и от говора сел. Псебе, который ближе к хакучинскому.

Рассказывали, что Карповское основано переселенцами из так называемой Большой Шапсугии, т. е. с северных склонов Кавказского хребта.

В селении уже имелся колхоз, который выращивал много помидоров и огурцов.

Мы с А. К. Хашбой поселились у колхозника Тхагушева Ахмеда. Он был абсолютно равнодушен к догмам и обрядам ислама, но искренне верил разным языческим предписаниям. Ахмед был отцом заведующего сельскохозяйственным отделом Шапсугского райисполкома Тхагушева Нуха. Последний тогда только что окончил техникум. А через 26 лет он прислал мне свою книгу «Адыгейские (черкесские) сады», за которую был удостоен ученой степени доктора сельскохозяйственных наук и получил профессорскую кафедру в Краснодаре.

По случаю нашего приезда было устроено молодежное гуляние. Во двор, где мы жили, пришли молодые шапсуги. Они привели с собой несколько русских девушек. Из дома вышли дочь хозяина и гостившая у нее молодая азербайджанка. Нас усадили на почетном месте, и начались танцы под аккомпанемент гармоник и

деревянных трещоток. Танцевали «кѡафэ» и лезгинку. У одного из пришедших имелось охотничье ружье, из которого он время от времени стрелял вверх. Было уже поздно, когда в заключение и нас попросили потанцевать. Затем распорядитель поднял руку, и музыка прекратилась. Мы поблагодарили всех за оказанную нам честь, и все стали расходиться.

На другой день вернулись в Туапсе.

Замечу, что шапсугские фамилии не имеют окончания «кѡу» или «кѡо» («сын»), столь характерного для бжедугских, чемгуйских и кабардинских фамилий, а среди шапсугских личных имен встречается немало домусульманских; например: Баджэ — «Тисина»; Блушый, Дыщэныкѡу — «Золотое лицо»; ЛъэпшъхьакI — «Гость [бога] Тлепша»; Мерэмыкѡу — «Сын Меремы (т. е. Мари)»; Нэгъой — «Ногаец»; НэмытI — «Пучеглазый»; Одбан, Сафчэ, Тэбзыу, Тэкощ — «Брат»; ТэхьакI, Хьэзэщ, Хьакъэр — «Черная собака»; Хьаныкѡу — «Сын хана»; Хьутэкѡу, Цэй — «Супруга».

За 38 дней пребывания в Черноморской Шапсугии мне удалось восстановить подлинное звучание почти 200 адыгейских географических названий, которые в искаженном виде представлены на картах Черноморского побережья от Анапы до Гагры. Осмотрено и частично описано 19 дольменов, из которых только два были до этого известны в литературе. Собраны неучтенные прежде произведения исторического фольклора и воспоминания стариков о расселении на Черноморском побережье отдельных племен до их выселения в 1864 г.⁵ Получены ценные данные о доисламских верованиях, причем оказалось, что память о них в Черноморской Шапсугии сохранилась несравненно лучше, чем в Адыгее, Черкесии и Кабарде, где ислам в течение долгого времени успешно боролся с пережитками. Собранные мною материалы значительно дополнили и уточнили, а в ряде случаев и исправили то, что авторы XIX в. сообщали о древних верованиях адыгов.⁶ До сих пор считалось, что самые яркие следы кавказского язычества сохранились у абхазов и осетин. Теперь стало ясно, что это в такой же мере относится и к черноморским шапсугам. В итоге я пришел к заключению, что древние народные представления и обряды варьировали не только у родственных племен, но даже внутри одной и той же общины. Это происходило потому, что древний человек, не имея письменности, руководствовался не точно фиксированными догмами «священного писания», а указаниями авторитетных лиц, которые у разных групп населения бывали разными. Очевидно, в этом секрет частого присутствия в синхронных захоронениях одного и того же могильника разных обрядов погребения.

⁵ Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. — СЭ, 1936, № 4—5.

⁶ Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. — В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.

29—30 июля 1931 г. я прошел по маршруту: ст-ца Пашковская, аулы Тлюстенхабль, Тугургой, Лакшукай, Гатлукай, Пчегатлукай. Аулы эти населены бжедугами и принадлежат к старейшим в Адыгее. Облик у них одинаков: кривые улицы, преимущественно плетеные заборы, крытые соломою турлучные жилища с плетеными дымарами и небольшие дощатые или турлучные здания уже бездействующих мечетей. В Тугургое (Тыгьургьой) была одна мечеть без минарета, а в Гатлукае (Хьэлъыкъуай) — две (одна кирпичная) с маленькими минаретами на крыше над входом. Минареты увенчаны железной крышей в виде четырехгранной пирамиды. Над центром обеих гатлукаевских мечетей был сделан маленький купол (железная луковица) с полумесяцем. Мечеть в Пчегатлукае (Пчыхьэлъыкъуай) имела минарет с шестигранным железным верхом.¹ Один из дворов в Пчегатлукае был огорожен плетнем, прутья которого образовывали художественный узор.

В Пчегатлукае на берегу р. Псекупса был подобран амулет, забытый кем-то из ребят. Он представлял собой нашейный шнурок с двумя висящими на нем кожаными мешочками (2×2 см) и одной раковиной каури. Распоров мешочек, я обнаружил в нем ключок бумаги, сложенный замысловатым образом, наподобие гармоники. На одной из ее сторон оказался арабский текст, написанный чернилами.

В Лакшукае к 1931 г. уже был создан колхоз Псыхучей (Псыхьукэ́й). И он уже успел наложить отпечаток на быт аула. Во всем была заметна начавшаяся ломка жизненного уклада.

23 августа я ходил из ст-цы Васюринской в аул Адамий (Адэмый) — единственный населенный пункт адыгейского племени адамиевцев. Правда, последних иногда считают лишь подразделением чемгуев. Аул расположен на холме у берега р. Белой, поблизости от леса Курго (Кьургьо). Все его жители, за исключением членов трех хозяйств, уже вступили в колхоз. Показателем крупных перемен в быту адамиевцев было появление местной женщины на посту председателя аулсовета.

Аул не отличался от бжедугских. Только ворота в нем были другого типа. Они вроде бы бжедугские, но центральная горизонтальная жердь не имела утолщения на глухом конце.

В ауле я посетил Егумова Хасана (Егьумэ́ Хьэсан). Это 30-летний представитель исчезающей ныне плеяды мужчин, признающих старинные адаты. Предки его в 1860-х гг. вышли из Шапсугин. Хасан повел меня в кунацкую, которая представляла собой пристройку к конюшне, стоявшую в глубине двора. Пол и стены кунацкой были обмазаны глиной. Обстановка состояла из ничем

¹ Здесь и далее я пишу о мечетях подробно, так как их изображений в Адыгее не сохранилось.

не покрытой деревянной кровати, одного стола и двух стульев. На стене висела молитвенная циновка.

Отец Хасана побывал в Мекке. Ходил он в бешмете и красной феске, купленной на память в Турции.

На закуску нам принесли миску меда и адыгейский сыр. Потом появился и арбуз. Последнее было новшеством.

Среди прочего говорили и на фольклорные темы. Оказалось, что мой хозяин верил в реальное существование «древних великанов» (*еныжхэр*), богатырей-нарттов и хитрых карликов (*спыхэр*). Вот рассказ, который я услышал тогда в кунацкой:

На землях между нынешними ст-цей Рязанской и хут. Мелиховским некогда жил знаменитый нарт Саусрук (Саусрукъу). А далеко на север от Кубани — нарт Шибатенук (Шэбатыныкъу). Последний, прослышав о Саусруке, решил найти его и померяться силой. Во время переправы через Кубань у впадения в нее р. Белой конь Шибатенука лишь едва замочил себе брюхо. На левом берегу Кубани нарт повстречал чабана и спросил его о дороге к Саусруку. Тот сказал, что дом Саусрука стоит в балке, до которой надо ехать через места, где теперь находятся хутора Кош и Мелиховский. Чабан догадался, что перед ним прославленный Шибатенук, и добавил: «Нарт, не откажись перед дорогой подкрепиться пищей, которую я сейчас приготавливаю из бычка и барана». Но Шибатенук в сердцах ответил: «Как ты посмел сказать мне такое? Не угощений ищу я, а достойного противника! Не имей я бога в душе, прибил бы тебя, как собаку!». Затем он поехал указанной ему дорогой. Тем временем Сатенай (Сатэнэй), мать Саусрука, сидела дома на вышке (*щындакэ*) и увидела приближающегося Шибатенука. Она быстро спустилась вниз, приказала готовить наилучшие угощения, сама нарядилась в дорогое платье и украшения, а на ноги надела золотые ходульки (*напыщ*). Слугам она сказала: «Вот едет нарт, равного которому нет в стране (*хэкор*). Его следует хорошо принять».

Когда подъехал Шибатенук к дому Саусрука, обнесенному высоким забором, то привратник, «древний великан», открыл тяжелые ворота, и гостя пригласили в кунацкую. Сняв с себя шашку, он повесил ее на стену, но колышек сломался и упавшая шашка глубоко вошла в пол. Тогда Шибатенук положил ее на деревянную балку под крышей, но и она сильно прогнулась. После чего Шибатенук сказал: «Пусть шашка останется на мне, а то в этом доме, видать, ни что не выдержит ее тяжести». Увидев все это, Сатенай побежала к младшему сыну, единственному из семи ее сыновей, остававшемуся тогда дома. Она сказала ему, что нужно хитростью погубить гостя. Он явился в кунацкую и попросил Шибатенука показать свою силу и ловкость разными опасными способами. Например, разбросал на полу болотные колючки «аштрам» (*аштрам*), на которых Шибатенук должен был протанцевать, держа на голове столик (*ганэ*) с горячей жидкой пищей — «шипсе» (*щыпсэ*). Однако это и другие испытания нарт отлично выдержал.

Не застав Саусрука дома, Шибатенук собрался ехать. Когда он сел на коня, привратник стал запирает ворота. Шибатенук понял, что ему уготовлена здесь погибель, и направил коня на ворота, чтобы тот вышиб их своей грудью.

Тем временем Саусрук уже несколько дней и ночей без отдыха скакал домой из дальних стран. Приехав домой и узнав о визите Шибатенука, он согласился с Сатенай, что его надо убить. Саусрук снова сел на коня и отправился на поиски Шибатенука. Они встретились и вступили в поединок. Шибатенук свалил Саусрука на землю и уже занес над ним шашку, когда тот попросил: «Не убивай меня сегодня, так как я обещал присутствовать завтра на одной гулянке и мне надо сдержать слово».

Шибатенук согласился и отпустил Саусрука. Мрачным приехал Саусрук к Сатенай. На ее вопросы о причине плохого настроения он не отвечал. Тогда Сатенай схватила ножницы и пригрозила убить себя, если не узнает его тайну. Саусрук рассказал. После этого она отправилась на конюшню и спросила коня: «Почему он не помог Саусруку одолеть противника?». Конь ответил: «Я был утомлен долгой скачкой. Меня надо 15 дней сряду кормить просеянным овсом и внимательно за мной ухаживать».

Так и было сделано. Через 15 дней конь окреп, и Саусрук отправился на нем искать Шибатенука, который продолжал стоять на том же самом холме, где они расстались. Это было в окрестностях нынешней ст-цы Рязанской. Шибатенук не заметил Саусрука, когда тот бросился на него из-за холма. А конь у Саусрука был, как сокол. Земля из-под его копыт взлетала до неба, а грива и хвост звенели. Конь Шибатенука испугался этого звона, шарахнулся и упал, придавив при этом Шибатенука. Тут же Саусрук и зарубил его.

В БАЛКАРИИ И ДРУГИХ МЕСТАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1936 г.)

Когда я стал младшим научным сотрудником Института этнографии Академии наук СССР, мне поручили исследование земельных отношений в дореволюционной Балкарии, и в связи с этим я отправился туда за полевым материалом. Кроме того, дирекция института попросила собрать новейшие статистические данные о хозяйственном и культурном строительстве в национальных областях Северного Кавказа.

Утром 21 июня прибыл в г. Грозный. На улицах много мужчин. На них широкие кавказские рубахи со шнурковыми пуговицами и глубокими карманами на груди или черкески. Почти все в высоких папахах. Поражало большое количество вооруженных чеченцев. Молодые чеченки были одеты по-городскому, а пожилые — в длинные платья без талии, со сборками на груди. На улице кричат погонщики быков, запряженных в двухколесные арбы. Встретилась арба, которую тащил верблюд.

Навестил директора Чеченского музея, Шерипова Заурбека, брата известного героя гражданской войны, Шерипова Асланбека. После Шерипова виделся с автором чечено-русского словаря, А. Г. Мацневым. Он рассказал, что готовит к изданию два новых словаря, большой и диалектологический чеченского языка. К сожалению, ни тот ни другой так и не вышли в свет!

22 июня вечером выехал поездом в г. Орджоникидзе, куда и прибыл на рассвете. Город показался мне очень живописным: красивые дома в стиле предреволюционного модерна, много зелени, бушующий Терек и величественная панорама гор с бело-снежным конусом Казбека. Над Терексом возвышалась эффектно расписанная мечеть с двумя минаретами.

Лучи солнца сбегали с гор, и осетинская столица проснулась: люди заторопились на работу, на учебу, на базар и по другим делам. Среди прохожих преобладали русские, но осетин и ингушей было тоже немало. Часть горцев одевалась по-городскому, но почти всегда с какой-нибудь национальной деталью. Пожилые горцы ходили в черкесках или бешметах. Еще чаще, чем черкески, на глаза попадались кинжалы. Однако их здесь носили реже, чем в Грозном.

Зашел в Музей К. Хетагурова, занимавший три комнаты в здании Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Кроме заведующего, в музее никого не было, и он любезно познакомил своего единственного посетителя с каждым экспонатом.

В недавнем прошлом г. Орджоникидзе был административным центром не только Северо-Осетинской, но и Ингушской автономной области, и поэтому здесь продолжал находиться Ингушский научный музей. Он размещался в двухэтажном здании. В четырех залах экспонировались коллекции естественноисторического, археологического, этнографического, исторического, экономического и художественного отделов. В историческом отделе были выставлены различные фотографии и несколько подлинных писем известного чеченского абрека Зелим-хана. Неплохо выглядел этнографический отдел.

Осмотрел Северо-Осетинский научный музей. Здесь имелись те же отделы, что и в Ингушском. Из подлинных вещей было главным образом оружие.

В тот же день уехал в Нальчик. Столица Кабардино-Балкарии еще не отстраивалась и выглядела дореволюционной слободой. Областные учреждения размещались в старых непригодных зданиях.

Посетил местный музей. Его заведующий, М. И. Ермоленко, познакомил меня с экспозицией. Она занимала четыре комнаты. Естественноисторический и этнографический отделы были бедны. Последний содержал одежду, кое-какое оружие, модели арбы и пр. Исторического отдела не существовало. Имелся небольшой художественный отдел. Больше половины музейной экспозиции приходилось на археологию (неолит, эпохи меди, бронзы, железа). Это объяснялось тем, что Ермоленко страстный археолог. Выше

я употребил слово «экспозиция», но правильное было бы сказать, что вещи лежали безо всякой системы. Впечатление хаоса усиливалось от весьма оригинальных пояснений заведующего. Однако нужно отдать должное Ермоленко, создавшему музей на пустом месте и собравшему богатые и очень ценные коллекции археологических материалов. Этот человек, невзирая на возраст, в любую погоду мог, не колеблясь, отправиться пешком за десятки километров, чтобы спасти вещи из случайно обнаруженного погребения или селища. Правда, техника его раскопок была далека от совершенства. Можно было наблюдать, например, такую сцену: Ермоленко присел на корточках и с кручи опускает на веревке ведро, а мальчишка под кручей выковыривает из земли содержимое погребения и по своему усмотрению определяет, что бросить в ведро, которое Ермоленко затем потянет вверх.

В Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте познакомился с пожилым заслуженным учителем, лингвистом Н. Цаговым и молодым фольклористом А. Кешоковым (ныне — известный писатель).

26 июля побывал в соседнем кабардинском селении, которое русские называют Вольным аулом (по-кабардински Бэрэмтэ). Селение состоит из больших усадеб, утопающих в зелени. Отсутствием правильной планировки оно напоминает бжедугские и шапсугские селения. Здесь такие же кривые улицы, то чрезвычайно узкие, то, наоборот, очень широкие, и такие же турлучные дома, правда, крытые черепицей и всегда беленые. Есть и каменные дома, одни стоят в глубине двора; другие — вблизи улицы, но боком к ней; третьи же выходят длинной стороной на улицу, а окнами во двор. Забором служит плетень или каменная стенка на глиняном растворе (высотой меньше 1 м). А дворы отделены друг от друга живой изгородью из акации. Ворота встречаются двух типов. Один из них — две горизонтальные жерди, концы которых свободно вставлены в сквозные отверстия в двух боковых столбиках. Чтобы «открыть» такие ворота, нужно было вынуть из отверстий обе жерди. Другой тип ворот — 13—18 вертикально расположенных палок, переплетенных тонкими прутьями. Нередко посередине имелась оставленная незаплетенной горизонтальная полоса шириной около 20 см. Здешние телеги все четырехколесные, казачьего типа; обе их бортовые лестницы обшиты досками, как у казаков. Кое-где на улице попадаются ослы и буйволы.

27 июля совершил на автобусе поездку в Баксанское ущелье. Первая половина пути проходила по степи, параллельно горам, через несколько кабардинских селений, довольно однотипных. В них широкие улицы, просторные дворы, такие же, как в Вольном, дома, типы заборов и ворот. Бросается в глаза сходство кабардинских селений с адыгейскими. Но есть и разница. Так, если в Адыгее большинство домов не имело внешней и внутренней побелки стен и крыто преимущественно соломой и камышом, то здесь все дома белены и почти у всех крыши черепичные. Вообще кажется, что адыгейская материальная культура архаичнее кабардинской.

В сел. Кызбурун II наряду с черепичными крышами виднеются и соломенные. Загоны для скота, круглые кукурузники и уборные сплетены из хвороста и крыты соломой. Курятники и кукурузники нередко побелены. За сел. Кызбурун III дорога входит в ущелье. В сел. Заюково (Зэйкьюэ — «Кизиловая балка») кирпичную мечеть венчает большой полусферический купол. Есть и минарет. Один из заборов-плетней был украшен конским черепом. Во двора под деревьями сооружены открытые летние печи для приготовления пищи. Они не имеют ничего общего с адыгейскими дворовыми печами без дымохода. Кабардинцы в данном случае заимствовали форму украинских «кабиць». Во время останковки нашего автобуса разговорился с мужичинами, косившими сено, и от них узнал, что старики в Заюково помнят языческое божество Ахым, в котором нетрудно узнать двойника адыгейского Ахына. Других адыгейских языческих божеств мои информаторы не могли назвать. О балкацах они сказали, что еще недавно те поклонялись какой-то березе.

Миновав Заюково, оставили позади степную Кабарду и вступили в горы Балкарии, история которой тогда была еще совершенно неведомой. В частности, оставалось загадкой: когда, откуда и как попали тюркоязычные балкарцы в самую высокогорную область Кавказа, в окружение кавказских аборигенов и осетин?

Первое на нашем пути балкарское селение носит непонятное балкарцам и кабардинцам наименование Лашкута, напоминающее название одного из селений в Сванетии (Лашхети). Наряду с такими же, как в Кабарде, турлучными домами, крытыми черепицей, здесь уже попадаются и горные жилища из камня с двухскатной, слабо покатою земляной крышей, на которой растет трава. После Лашкуты проехали урочище Аман Къабакъ («Плохой поселок»), где выстроены хорошие современные дома, за ним — племсовхоз и сел. Шашболат, давно основанное выходцами из Верхней Балкарии.

Кругом горы и камни. По дороге часто встречаются конные балкарцы в бурках, навьюченные ослы и двухколесные арбы с парой быков в ярме. Природа становится все суровой. Наконец, скалы с двух сторон стиснули р. Баксан, и мы оказались в глубоком и прохладном ущелье, в которое никогда не заглядывает солнце. Затем ущелье стало шире. Слева на склоне горы амфитеатром расположилось сел. Былым (Былым). В окрестностях много древних погребений в искусственных пещерах. Эти погребения балкарцы называют «шиякы». Житель селения рассказывал предание о том, как чегемские князья Балкароковы отвоевали Былым у князей Урусбиевых.¹ За Былымом долго не было населенных пунктов. Попадались лишь отдельные коши — низкие постройки из камня с плоской земляной крышей, заросшей травой. У них широкие двери, но нет окон. Часто встречались сенокосы, реже — миниатюрные посевы ячменя и картофеля. Кукуруза здесь не

¹ Текст предания см.: Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию. — В кн.: Советская этнография. М.; Л., 1939, т. 2, с. 175—181.

вызревает. По обе стороны дороги вздымались высокие голые скалы. Слева на них иногда мы видели небольшие хвойные рощи.

У дороги около сел. Нижний Баксан (Гурходжан) поставлен памятник на месте убийства ответственных работников в годы коллективизации. Селение со своими землистого цвета постройками выглядит так же уныло, как и остальные в этом ущелье. Находящиеся рядом посевы огорожены низким заборчиком из необработанных камней, сложенных насухо. Среди лежащих дальше небольших поселков один носит имя Тотур, т. е. Федор. Можно предполагать, что здесь было место поклонения св. Федору. У сел. Эльжургу проехали второй узкий участок Баксанского ущелья.

Конечным пунктом моего путешествия было сел. Верхний Баксан (Огъары Бакъсан или Ючгюмель; бывш. Урусбиево). Центральная площадь его расположена на берегу р. Кыртыкь. На ней, с краю, вкопан четырехгранный каменный столб с продоланными в нем сквозными дырами — коновязь. В селении нет улиц. Дома разбросаны в беспорядке — они то примыкают друг к другу, то стоят в удалении. Большинство дворов ничем не огорожено. Я заметил дома трех типов: каменные, турлучные и бревенчатые. Многие имеют побелку. Задняя стенка некоторых домов представляет собой обшитый камнем вертикальный срез горы. Есть и двухэтажные дома с открытой верандой на втором этаже. Крыши либо земляные, либо дощатые. В первом случае земля насыпана на настил из бревен. Изредка попадаются железные крыши, а черепичных нет совсем. Над крышами возвышаются дымоходы, плетенные из хвороста и обмазанные глиной. Они такие же, как и в Адыгее, только здесь их белят известью. Общие здания — сельсовет, изба-читальня, лавка и новая каменная школа с большими окнами. Единственная мечеть сгорела в 1935 г.

Мне попала на глаза одна четырехколесная телега. Что касается двухколесных арб, то все они здесь маленькие, с маленькими же колесами. У арбы, в которую впрягают осла, есть неподвижно прибитые оглобли, а у рассчитанных на бычью запряжку — концы оглобель согнуты и наглухо скреплены вместе так, что из оглобель образуется одно дышло, с развилкой в сторону кузова.

Большая часть мужчин одета в черкески. Некоторые носят одни бешметы или кавказские рубахи послереволюционного покроя. Так как здесь нежарко, то у многих на плечах бурки. Головы покрыты либо папахами, либо войлочными шляпами. Обувью служат кожаные чуваки с матерчатыми ноговицами или поршни из сыромятной кожи, сшитые шерстью наверх. На поясе у некоторых мужчин висят кинжалы. Женщины одеты преимущественно в длинные платья темного цвета. Они сшиты в талию с большим вырезом на груди (как у черкески). Застегиваются от грудного выреза до пояса. Из-под платья виден низ шаровар. Подпоясываются женщины большими платками, складывая их по диагонали и завязывая так, что угол платка спадает с живота

вниз. Голову покрывают платками. Женщины тоже носят чубяки, но без ноговиц.

Я посетил местного учителя, который показал четырехгранную, довольно плоскую бусину величиной с 10-копеечную монету. Она раскрашена в шахматном порядке мелкими квадратиками. Бусину нашли в могильнике. Учитель сказал, что в Кыртыкском ущелье есть древнее погребение в скале. В окрестностях селения неоднократно находят старинные предметы.

Учитель и его жена много рассказывали об угнетении жителей князьями Урусбиевыми. Перед революцией им принадлежали все лучшие земли Баксанского ущелья. Нередко они сдавали в аренду необработанные участки и через год, когда арендатор, бывало, очистит землю от камней, проведет к ней оросительный канал и отдаст Урусбиевым половину снятого урожая, расторгли арендные условия.

Сохранилась память о том, как в старину привязывали провинившихся к упомянутому выше каменному столбу на площади и стегали плетью.

В Верхнем Баксане в 1936 г. проживала старуха, дочь князя Урусбиева Исманла.

На противоположной стороне р. Баксана видно небольшое сел. Адыр-Су. Постройки его одинаковые с верхнебаксанскими.

Вернувшись в Кызбурун, я оттуда добрался до большого предгорного балкарского сел. Гунделен (Кенделен — «Поперечное»). Все дома в Гунделе не такие же, как у кабардинцев, т. е. турлучные с черепичной или соломенной крышей. Стенки побелены известью. Окна многих домов снабжены ставнями, как у русских. Встречаются двухэтажные дома с открытой верандой на втором этаже. Заборы — плетень или каменная стенка, сложенная на глиняном растворе. Ворота сплетены из хвороста, как у кабардинцев, но есть и другого типа: двусторчатые, причем каждая их половина представляет собой раму из двух вертикально стоящих боковых жердей и прибитых к ним на равном расстоянии одна от другой трех горизонтальных. Видел ворота, у которых вместо боковых опорных столбов приспособлены надмогильные памятники. Две мечети имеют минареты. Вверху у минаретов устроены выступающие наружу круглые балконы. Центральный купол мечетей такой же, как в сел. Заюково.

Записал балкарский вариант легенды о Къарча, прародителе карачаевского народа. В легенде говорится, что карачаевцы до переселения на Кубань жили в Баксанском ущелье.² Позже удалось отыскать и документальное подтверждение проживания карачаевцев в Баксанском ущелье в XVII в.³

30 июля я отправился в Чегемское ущелье. Путь лежал из Нальчика через уже знакомые селения Чегем I и II. Оба они

² Там же, с. 175.

³ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — КЭС, 1969, т. 4, с. 80—81.

известны балкарцам под общим названием Къуйдайнат Къабакъ, т. е. «Селение Кудейнетово». За Чегемом II у дороги встретилось пять полуразрушенных старинных мавзолеев. Два из них сохранились весьма неплохо. У трех других крыши и некоторые стены рухнули. Мавзолеи сложены из камней на известковом растворе в виде восьмигранника с высокой и крутой каменной крышей. Последняя напоминала восьмигранную пирамиду, вверху переходящую в конус. На стенах уцелели следы штукатурки. Вместо дверей было по одному окошку, обращенному на восток.

Перед сел. Лечинкай повстречались руины какого-то укрепления — четырехугольная площадка, окруженная валом и рвом. В одном из углов был курган. Не исключено, что укрепление возведено царскими войсками в первой половине XIX в. На территории между Нальчиком и Лечинкаем много курганов.

Лечинкай — крупное кабардинское селение с турлучными и частично каменными домами, крытыми черепицей или соломой. Дворы огорожены в одних случаях плетнем, в других — невысокими каменными стенками. Распространены ворота трех типов: из трех-четырёх горизонтальных жердей, свободно вынимаемых из сквозных отверстий в боковых столбах; плетенные из хвороста; двусторчатые из рам с горизонтально прибитой посередине жердью. Есть и мечеть — обычный дом под железной крышей.

За Лечинкаем начинаются горы Балкарни. Проезжаем большое сел. Нижний Чегем (Тёбен Чегем, Джожек Къабакъ). Потом въезжаем в теснину, где горы не только сдавливают реку, но даже нависают над ней огромными глыбами. Узкая дорога высечена в отвесной скале, и каменный потолок с машины легко достать рукой. За одним из поворотов в теснине — водопад. Проехав теснину, видим сел. Гюдюрю, которое приоткрылось на высокой скале и кажется ласточкиным гнездом. Постройки, доступные обозрению, сложены из камня и имеют почти плоскую земляную крышу. Такие же постройки и в следующем селении — Акътопракъ («Белая глина»). Далее едем по безлюдной горной пустыне. Лишь кое-где встречаются сенокосы и одиночные коши. Наконец, добираемся до сел. Верхний Чегем (Огъары Чегем).

Верхний Чегем лежит на левом берегу р. Чегема и по обе стороны его левого притока Джелгы (вариант: Желгы). Название этого притока служит в быту и вторым именем селения. Под одной крышей с «заезжим домом» помещаются почта и столовая. Это — двухэтажная постройка с открытой верандой на втором этаже. Раньше дом принадлежал князю Барысбиеву.

Из Верхнего Чегема видно сел. Думала. Среди других селений Чегемского ущелья назову два с примечательными названиями: Шовгенбаш — «Главный священник» и Дора (правильнее — Джора) — «Крест».

В Верхнем Чегеме стоит хорошо сохранившаяся трехэтажная боевая башня князей Балкароковых. Вверху она заканчивается типично сванскими машикулями, и это делает ее уникальной на Северном Кавказе. Башня сложена из камней на цементе и

оштукатурена. В ущелье р. Джелгы, в 1 км от селения, сохранилась старинная лестница, высеченная в крутой скале.

Рядом с Верхним Чегемом расположен могильник с эффектными каменными склепами (по-балкарски *кешене*). О них сообщается лишь в очень беглых заметках В. Я. Тепцова и Г. Мерцбахера.⁴ Поэтому мне пришлось заняться описанием и обмером памятников. На могильнике стояли пять четырехгранных склепов с двухскатными крышами и четыре восьмигранных с восьмигранными же пирамидальными покрытиями. Ни те ни другие не имели дверей, и попасть внутрь можно было только через единственное окно. Склепы окружены другими могилами разного вида.⁵

Есть предание о том, что население Чегемского ущелья, жившее здесь до прихода балкарцев, поголовно вымерло от моровой болезни.⁶

Верхний Чегем был резиденцией одновременно четырех таубийских (княжеских) фамилий: Кучуковых (Кючик), Балкароковых (Малкъярук), Келеметовых (Келемет) и Барысбиевых (Барысбий). Селение соответственно делилось на четыре отдельных феода. Особенно недобрую о себе память оставили Келеметовы, менявшие своих рабов на ослов.

В сельсовете я видел арестованного знахаря, занимавшегося пусканием крови у своих пациентов. При нем были и самодельные ножи, которыми он это проделывал. Слышал много рассказов о прежних войнах чегемцев со сванами и кабардинцами. В теснине около водопада чегемцы заваливали камнями дорогу и держали там постоянный караул. То же делали балкарцы и у сел. Былыма в Баксанском ущелье. В народе помнят, как царские войска впервые вторглись в Чегемское ущелье, сожгли большое селение у Актопрака и оттуда направились к р. Баксану.

В полухристианских и полуязыческих верованиях балкарцев до XIX в. прослеживаются три слоя: древнетюркский, кавказский и христианско-осетинский. Удалось установить, что Тейри — балкарский синоним Аллаха — это древнетюркское верховное божество Тенгри. На одном из заборов я видел конский череп, насаженный на кол.

Севернее боевой башни стоял оштукатуренный каменный дом, принадлежавший прежде Балкаруковым. Верх его окон нехарактерен для местных построек — аркообразный. Почти все дома в Верхнем Чегеме сооружены из камней и побелены. Есть и двухэтажные с открытой верандой на втором этаже. На веранду попадают по наружной деревянной лестнице. У одноэтажных домов всего лишь одно-два окна. В противоположность Баксанскому ущелью здесь нет бревенчатых построек. Отсутствуют также

⁴ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека. — СМОМПК. 1892, вып. 14, с. 161—163; Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus. Leipzig, 1901, Bd I, S. 690, 691.

⁵ Подробнее см.: Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию, с. 178—181.

⁶ Там же, с. 175.

дошчатые и черепичные крыши. У домов бывших таубиев крыши железные, а у остальных построек — земляные. Последние состоят из бревенчатого настила, на который уложены камни, засыпанные сверху землей. Большинство крыш заросло травой. Нередко на крыше пасутся козы. Хозяйственные строения сделаны из того же материала, что и дома, только не имеют окон и дымоходов. Заборы сложены чаще всего из камней без применения цемента. Они невысокие — не всегда достигают 1 м. Встречаются также плетни и каменные цементированные стенки.

Своеобразна конструкция мостов в горах. С каждого берега торчат концы столбов, вбитых горизонтально в обрыв. На них навалены камни, а затем уложены более длинные бревна. Сверху находится второй слой камней и самый верхний ряд еще более длинных бревен с дощатым настилом. Мосты имеют деревянные перила.

Чегемцы носят кавказскую рубашу и брюки-галифе. Однако многие из старшего поколения одеты в бешметы и черкески, иногда с кинжалом. На голове у них войлочные шляпы или папахи. Обуваятся в поршки или чупяки и вязанные из шерсти ноговицы. Чупяки сшиты так, что закрывают шиколотки, и имеют язычок, на обеих сторонах которого вырезано по одному маленькому выступу с дырочками для шнура.

На большинстве женщин рубаша, шаровары и длинное верхнее платье с вырезом на груди. Подпоясываются они платками, голову повязывают платком в виде чалмы.

2 августа поздно вечером выехал на грузовой машине в Нальчик. Ночевал в Нижнем Чегеме. Утром в ожидании транспорта знакомился с селением. Кроме исполкома Эльбрусского района в нем помещаются больница, школа, магазин, почта и пр. Здесь нет скученной застройки и дома лучше, чем в Верхнем Чегеме. Все крыши двух- или четырехскатные, черепичные либо железные. Довольно часто встречаются двухэтажные жилища с непременно верандой на втором этаже. Оградами служат в основном плетни, в том числе с прутьями горизонтальной заплетки. Каменных заборов меньше. Ворота, как правило, плетенные из хвороста (кабардинского типа), но есть дощатые и состоящие из свободно высовывающихся трех-четырёх жердей. На улицах попадаются не только двухколесные арбы, но и четырехколесные телеги. Видел одного верблюда.

4 августа отправился на машине в балкарское сел. Кашкатау, чтобы оттуда добраться верхом в сел. Безengi. Проехали большие кабардинские селения Нартан (бывш. Къылышбийхъаблэ) и Аушигер (Аушуджэр — предположительно «св. Георгий»). В них обширные дворы, частично засаженные кукурузой. Дома турлучные и саманные, все беленые. Крыши преимущественно черепичные, но есть и железные. Дворы огорожены плетнем. Ворота тоже плетенные. Несмотря на равнинный характер окружающей местности, здесь встречаются и двухколесные арбы.

Едем навстречу горам. У их подножия расположено сел. Каш-

катау (Къашхатау), административный центр Черекского района. Въезжаем на прямую улицу, по сторонам которой выстроились беляные турлучные и саманные дома с черепичными крышами. Большинство дворов огорожено плетнями, причем на главной улице все они обмазаны глиной и побелены. Сверху плетня обязательно укреплена доска (тоже белая) с наклоном к улице. Встречаются и дощатые заборы, а каменных нет совсем. Ворота почти исключительно двустворчатые, дощатые — из плотно пригнанных одна к другой вертикально прибитых досок. Если дома в Кашкатау не отличались от кабардинских, то заборы и ворота не имели аналогий в Кабарде и Балкарии.

Из общественных зданий в Кашкатау есть школа, магазин, райисполком, столовая, «заезжий двор» и др. Мечеть деревянная, крытая черепицей. Над южной ее стороной возвышается фонарь с полумесяцем. На улице привлекли внимание маленькие сани, груженные камнями. Их волокла пара быков. Полосья саней прибиты непосредственно к дощатому настилу, так что сани мало возвышаются над землей. Вообще размерами они похожи на детские.

Поездка в Безенги не состоялась из-за обвала большой горы, который уничтожил там 40 дворов, а в сел. Шеки (расположено напротив, через речку) — 13. Кроме того, оказались разрушены 10 скотных дворов, школа, электростанция, магазин и 13 водяных мельниц.

Горный обвал запрудил реку, и она, прорвав преграду, снесла мосты, расположенные ниже. В результате проехать в горы было невозможно. В катастрофе погибли корова и три осла. Около Безенги образовалось озеро глубиной 19 м. Балкарец, прибывший пешком из Безенги, рассказал, что обвал произошел днем, когда большинство сельчан были на полях. Обвалу предшествовало падение мелких камней, поэтому многие жители, находившиеся дома, успели убежать. Оставшимся без крова отправлены палатки. Пострадавшим предложено переселиться ближе к равнине.

Заходил в клуб, где происходила репетиция танцоров, готовящихся к выступлению на праздновании 15-летия автономии Кабардино-Балкарии. Аккомпанировали им девушка с гармоникой и парень с бубном. Танцевали кабардинскую «къафэ».

9 августа вернулся в Нальчик и поездом уехал в г. Баталпашинск, центр Черкесской автономной области. Город не понравился. Слишком много осталось в нем от станицы, которая, как кажется, не оправилась от гражданской войны и голодного 1933 г. Хаты давно не белены, а заборы поломаны. В центре есть кирпичные здания, даже двухэтажные, но крупного строительства еще не заметно.

Посетил краеведческий музей. Его возглавляют учительница М. А. Бондаренко. Единственный здешний краевед С. И. Вередибин — муж Бондаренко, но его интересы замыкаются на естественных науках. Этим, видимо, и объясняется, что молодой музей уже

успел накопить экспонаты по палеонтологии, геологии, зоологии и ботанике, а в историческом отделе налицо лишь керамика из погребений, кое-что из старинного оружия, фотокопии некоторых портретов, рисунков и агитационные плакаты, показывающие эксплуататорскую сущность черкесских феодалов.

На улицах Баталпашинска не видел никого с кинжалом на поясе. Черкесы, абазины и ногайцы, не говоря уже о казаках, перестали его носить.

Следующий пункт на нашем пути — г. Микоян-Шахар, столица Карачая. Дорога сперва шла степью, где я заметил много курганов. На правом берегу Кубани виднелось сел. Новогеоргиевское, основанное в годы коллективизации осетинами, переселившимися из сел. Георгиево-Осетинского в Карачае. Внешне оно не отличается от кабардинских: те же плетеные заборы и белые хатки под соломенной крышей. Такой же тип и у большого абазинского сел. Кубина (Къвбина — «Кубань»; бывш. Лоовско-Кубанское). Местность становилась все более пересеченной, и дорога постепенно уходила в горы. В сел. Джеганасском дворы меньше, чем в степных населенных пунктах. Заборы плетеные или дощатые. Ворота такие, как в казачьих станицах. Дома турлучные под соломенной крышей. Живут теперь в этом селении русские и карачаевцы, а до революции оно было горско-еврейским поселком.

В ст-це Красногорской (бывш. Верхнениколаевская) сохранилась небольшая русская крепость времен Кавказской войны. После Красногорской проехали карачаевское сел. Сары-Тюз — «Желтая равнина», основанное при Советской власти. Дома в нем турлучные, беленые, крытые дранкой. Дворы огорожены плетнями. Ворота и плетенные из хвороста, и состоящие из отдельных горизонтальных жердей. На противоположном берегу Кубани расположено карачаевское сел. Кумыш. Постройки в нем такие же, как в Сары-Тюзе. Турлучные дома следующего карачаевского селения — Хумара — крыты одни дранкой, другие бревнами, которые сверху обмазаны глиной. Все дома беленые. Заборы сложены из камней и зацементированы. Некоторые без цемента. Среди ворот есть и состоящие из свободно вынимаемых жердей. За селением вправо от дороги хорошо сохранилось русское укрепление XIX в., называвшееся Хумаринским.

Далее миновали сел. Новокарачаевское (Джангэл), затем Георгиево-Осетинское, основанное до революции переселенцами из Осетии. Карачаевцы называют его Тегейлиле — «Осетины». В селении много зелени. Дома турлучные, крытые дранкой. Видны каменные заборы.

Карачаевское сел. Каменноостское (Ташкопюр) состоит частично из турлучных построек, крытых то дранкой, то железом. Заборы и каменные, и дощатые, а ворота либо казачьего типа, либо из свободно вынимаемых жердей. На улице попадались и двухколесные арбы, и четырехколесные телеги. Ярма видел и горские, и украинские. Жители селения держат ослов. В Каменноостском хорошо сохранилась сторожевая башня, построенная

русскими в первой половине XIX в. у переправы через р. Кубань Карачаевцы именуют ее Джуккукъласы.

На окраине города переехали каменный мост через очень узкое место Кубани. За мостом располагался новый город — Микоя Шахар, к строительству которого приступили лишь в 1927. Раньше на его месте находилось пастбище. Город еще небольшо. Широкая главная улица его украшена цветами. Проезжая часть ее заасфальтирована. Все постройки в городе современного типа. Они одно- и двухэтажные. Есть даже и трехэтажные. В городе живут карачаевцы и русские.

Посетил Карачаевский музей краеведения. Помещался он в одной из комнат неполной средней школы. Выглядел еще беднее черкесского. Его экспозиция — несколько образцов горных пород Карачая, старинное оружие, пороховница, женское национальное платье и репродукция картины, изображающей наивов Шамиля. На полу зачем-то лежали две медвежьи шкуры, и на одной из них стояли старинные женские деревянные ходульки.

12 августа добрался до Майкопа, ставшего в 1936 г. центром Адыгейской автономной области.

Майкоп — маленький уютный городок. Большинство построек — мазанки. Есть, конечно, и кирпичные дома, в том числе двухэтажные и даже трехэтажные, но только в центре. За исключением некоторого числа служащих областных учреждений, население города — русские.

Осмотрел Майкопский районный музей краеведения. Он относительно богат. Преобладают геологические и палеонтологические экспонаты. Имеются отделы ботаники, зоологии и экономики. Из археологических находок следует упомянуть втулку дольмена, медные предметы майкопской культуры, металлические наконечники стрел и различную керамику. В историческом отделе выставлены оружие (кремневое и холодное), мусульманские надгробные памятники, планы и рисунки старого Майкопа, свидетельство на право получения усадебного участка во время первоначальной застройки этого города. В историко-революционном — фотографии, газеты, листовки и бумажные деньги. Директор музея, П. К. Перепелицын, сказал, что намечается перевод из Краснодара в Майкоп Адыгейского музея и слияние его с Майкопским. Кроме того, он сообщил, что на складе райпотребсоюза находятся два древних бронзовых котла и такое же блюдо, случайно откопанные в окрестностях ст-цы Даховской. Их собирались использовать как металлический лом. Узнав об этом, я добился спасения вещей и их поступления в музей. Один из котлов имел не один, а два параллельных ободка для подвешивания. Это было сделано, возможно, для того, чтобы в кочевых условиях котел меньше раскачивался. Ушки его украшены резным растительным орнаментом. Края котлов отвернуты наружу. Блюдо довольно глубокое, без орнамента, но с такими же краями, как у котлов. Заодно с котлами и блюдом из райпотребсоюза в музей поступила кость мамонта.

В клубе удалось увидеть тренировку адыгейских танцоров, готовившихся к какой-то олимпиаде. Музыкальное сопровождение — по две гармонки, свирели и трещотки. Музыкантами были одни мужчины. Парни одеты в кавказские и русские рубахи, кавказские балахоны и галифе. Черкески и кинжалы у них отсутствовали. Вообще я заметил, что обыкновение носить кинжалы убывает на Северном Кавказе с востока на запад. На девушках были платья городских покровов, но непременно с шарфом на голове. У многих — серебряные пояса кавказского фасона.

14 августа рано утром я сошел с поезда на пустынном перроне вокзала ст. Лазаревская. Туда был перенесен центр Шапсугского района. В Лазаревской живут преимущественно русские, но есть также армяне, греки и шапсуги. Внешний вид населенного пункта напоминает соседние шапсугские селения: те же крытые дранкой дома (только нет каменных подпорок вместо фундамента) и те же заборы из частокола (правда, с применением гвоздей). Ворота же здесь двустворчатые, русского типа. В некоторых дворах посажены кипарисы.

В Лазаревской, а до этого также в Грозном, Орджоникидзе, Нальчике, Баталпашинске, Микоян-Шахаре и Майкопе я получил статистические данные, характеризующие последние достижения экономического и культурного строительства горских территорий Северного Кавказа. И 15 августа выехал в г. Сочи. Осмотрел там музей краеведения. Он размещен в просторном здании и оборудован гораздо лучше, чем любой из виденных мною на Северном Кавказе. В историко-археологическом отделе имеются горские железные вислоушные топоры, железные мотыги, жернова от ручных мельниц, железные раздвоенные наконечники стрел, удила, амфора без ручек, плоская средневековая черепица с приподнятыми краями, осколки древнегреческой чернолаковой керамики, глиняные маски трагиков, кремневое оружие, кольчуга, панцирь из железных пластинок, соединенных между собой колечками, маленький щит (диаметр около 20 см), кольчужные боевые рукавицы, мраморные надгробные памятники с мусульманскими надписями, карта распределения земли на побережье перед революцией и пр. Пояснительные надписи ошибочно называют убыхов и джикетов черкесскими племенами.⁷

В ЧЕРКЕСИИ, АДЫГЕЕ И КУБАНСКИХ СТАНИЦАХ (1937 г.)

На этот раз предстояло побывать у тех групп адыгского населения, которые были мне знакомы только по литературе. Кроме того, заинтересовала совершенно неизученная небольшая народность — абазины. Мой учитель и сослуживец А. Н. Генко был

⁷ Лавров Л. И. Краеведческие музеи Северного Кавказа. — СЭ, 1936, № 6, с. 132, 133.

первым исследователем абазинского языка. Меня привлекала перспектива стать пионером изучения истории и этнографии абазин.

18 октября прибыл в столицу Черкесской автономной области и первым делом навестил музей краеведения. Экспозиция его с прошлого года не изменилась.

Ближайшее к областному центру абазинское сел. Псыж носит черкесское название, обозначающее «Кубань». Старое наименование — Дударуковское (Дударыкъвакът). Селение тянется на несколько километров по обе стороны шоссе. Улицы в нем прямые. Дворы, как правило, большие, с огородами, но без садов. Преобладающий тип заборов — неглубокий ров с низким земляным валом. Последний иногда облицован булыжником. На гребне вала кое-где густо растут деревья, составляющие живую изгородь. Ворота либо отсутствуют (т. е. для проезда оставлен незагороженный перерыв в заборе), либо они казачьего типа. Дома или турлучные, или саманные. Большинство их побелено. Крыши четырехскатные и двухскатные, преимущественно камышовые, но есть черепичные и железные. На крышах возвышаются кирпичные дымари русского образца, и изредка вместо них встречаются плетеные, свидетельствующие, что в доме сохраняется еще старинный очаг. Такие конусообразные плетенки располагаются не в центре крыши, а сбоку фасадной стены, над выступающим из стены наружу полуконическим (внизу иногда четырехгранным) дымоходом, начинающимся у самой земли. В одном случае дымоход находился в углу дома.

Остановился я в семье, где мать разговаривала с детьми по-абазински, а с бабушкой все они говорили по-кабардински, так как она кабардица и абазинского не знает.

Ужин состоял из запеченных кусочков солонины, хлеба и чая. Завтракали сметаной, в которую макали хлеб; все это запивали калмыцким чаем. Последний был подан в миске. Ели его деревянными ложками.

Первое, пока что очень поверхностное, представление об этнографических особенностях абазин составил из беседы с хозяйкой.

Князья Дударуковы считались очень богатыми. Славился их конский завод, специализировавшийся на разведении скакунов кабардинской породы. Приходя по делу к Дударуковым, жители не смели переступать порог их дома. Сохранилась память о том, как Дударуков застрелил из винтовки корову, которая случайно забрела к нему во двор.

Вернувшись из Псыжа в город, сразу же выехал на подводе в сел. Бесленей (Бэсльней). Живут в нем бесленеевцы. Мой возница, бесленеевец Х. Хатуов, оказался человеком разговорчивым и любознательным. Узнав, что я из Ленинграда, он поинтересовался: каков в этом году урожай в Ленинграде и есть ли у меня дома корова? Мои ответы привели его к заключению, что мы живем плохо.

В Бесленее остановился на ночь у своего возницы. Хозяйка накормила нас картофельным пюре с маслом. Вместо хлеба ели пасту (*пастэ*). Пили и чай.

Бесленей был образован из трех отдельных селений, названия которых до сих пор носят три его части. Северная часть — Джэмбуэтей, по имени Джембота Тхазартукова, одного из бесленеевских тлякотлешей (*длэктуэлэщ*), т. е. первостепенных дворян; средняя — Тхэзартыкзуэй; южная — Буэтупсей. Обе последние тоже носят имена бывших феодалов. Кроме Тхазартуковых и Богупсовых были у бесленеевцев еще две тлякотлешские фамилии — Когороковы (*Кьуэгъуэрыкзуэ*) и Дохшуковы (*Дэхъшыкзуэ*). Последние занимали сел. Вакожиле, которое до революции называлось Дохшукаем (*Дэхъшыкжэй*). Высшая феодальная власть у бесленеевцев принадлежала князьям Каноковым (*Къаныкзуэ*).

Бесленеевец М. Охтов рассказал предание, согласно которому предок Тхазартуковых был крепостным у князей Каноковых.

Другой житель этого селения, Х. Гучекул, 81 года, сообщил, что бесленеевцы жили в мире с абазинами, но постоянно враждовали с абадзехами и убыхами. Сел. Тхазартукай в старину находилось на р. Уруп (Уэрт) в местности Гуашхэныкзуэ — «Половина кургана». Сейчас в Бесленее проживают несколько абадзехских семейств и один убых, происходящий от пленного, превращенного бесленеевцами в крепостного.

В Черкесской автономной области существуют только два бесленеевских селения. Второе называется Вакожиле (*Ваклуэ-жылэ*) — «Община пахарей».

22 октября я поехал автобусом в кабардинское сел. Хабез. Улицы его сравнительно прямые, как и в Бесленее. Заборы сложены из колотого камня, но встречались и плетни. Для проезда во двор оставлен незагороженный участок. В других случаях имеются ворота казачьего типа.

Кубанские кабардинцы — главная народность Черкесской автономной области. Есть кабардинское селение и в соседнем Карачае — Хумара (*Хъумара*), но у самих кабардинцев оно известно под названием Абухъхьаблэ.

Против Хабеза, на правом берегу р. Малый Зеленчук, лежит абазинское сел. Инжичкун. Улицы, постройки, заборы и ворота в нем такие же, как в Хабезе. Видна мечеть с минаретом башенного типа. Несколько в стороне от Инжичкуна возвышается на обрыве старинная башня. Узнав, что она называется Адюх (*Адиуху*), я вспомнил легенду о красавице Адюх, записанную в Большой Кабарде. В ней говорится, что «из камней сооруженный дом Адюх стоял в недоступном месте, на высокой горе, в верховьях Инжиг реки»,¹ т. е. Большого или Малого Зеленчука. Публикуя легенду, издатели не предполагали, что на Малом Зеленчуке сохранилась та самая постройка (каменная башня, а не «из камней сооруженный дом»), к которой она относится, и что эта легенда широко

¹ Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936, с. 21.

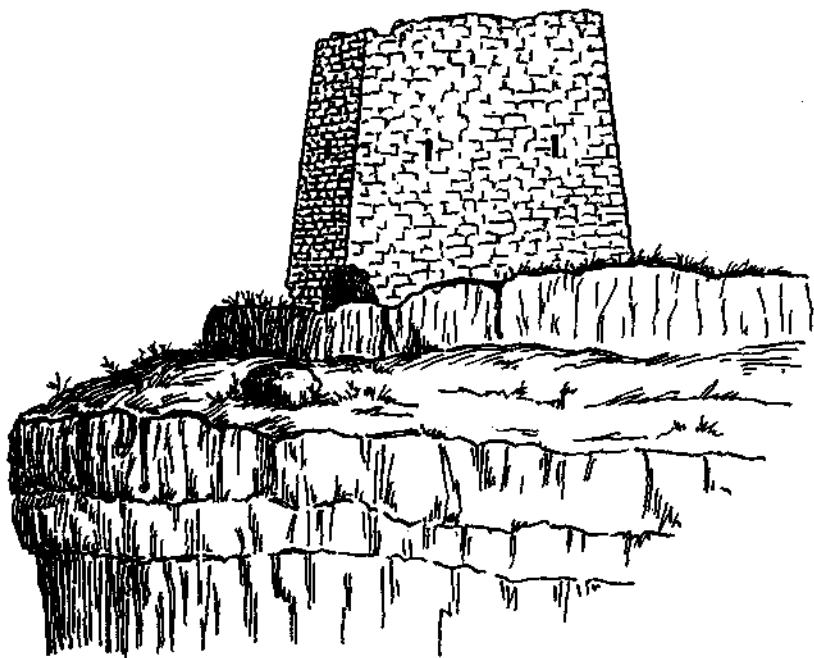

Рис. 5. Башня Адюх в Черкесии.

известна не только в Кабарде, но и в Черкесии. Вот вариант легенды, услышанной мною в Хабезе.

В башне жил храбрый человек. И была у него жена, красавица Адюх. Из башни на другой берег р. Малый Зеленчук был протянут висячий полотняный мост, по которому хозяин каждую ночь перегонял лошадей, отбитых в схватках с врагами. Заслышав, что муж возвращается домой с табуном, Адюх высовывала из окна свою ручку, из которой был перстень, излучавший свет. Когда однажды муж похвастался своим геройством, Адюх заметила ему, что без ее помощи он не смог бы ночью перегонять лошадей по зыбкому мосту. Муж вскипел и гордо заявил, что шашкой отрубит ее руку, если она еще посмеет осветить ему путь. На следующую ночь, заслышав конский топот, она по привычке высунула в окно руку, но вспомнила угрозу мужа и отдернула ее назад. Муж вместе с табуном свалился в бушующий поток и погиб. Адюх зарыдала, укусила себя в плечо и вырвала кусок мяса. Красный цвет камней в соседнем ущелье до сих пор напоминает о крови, которая текла при этом из ее плеча. Потом Адюх отправилась на поиски тела своего мужа. Вода унесла его до нынешнего Невинномыска. Там его похоронили и на могиле насыпали большой курган. Адюх нашла курган и пыталась его разрыть, но не смогла этого сделать. Курган остался разрытым лишь наполовину и известен адыгам под именем Гуащхэныкбуэ — «Половина кургана».

Это предание опровергает версию издателей «Кабардинского фольклора», будто «уже во времена Ш. Ногмова (сто лет назад) по Зеленчуку сохранилось только имя Адюх, а предание о ней не было известно, переместившись вместе с кабардинцами на юго-восток».²

23 октября я решил осмотреть башню Адюх (рис. 5). Переправился по деревянному висячему мостику через Малый Зеленчук, прошел через сел. Инжичкун и далее направился по правому берегу реки на юг. Пришлось преодолеть несколько крутых подъемов и спусков, а также заросли высокой травы. Окрестные горы покрыты пастбищами. Лишь в двух-трех местах встретились небольшие кукурузные поля.

Результаты осмотра и обмеров башни мной опубликованы.³ Ее изображение во время печати, к сожалению, было искажено.⁴ Позже удалось установить, что башня Адюх построена кабардинским князем Хаджи-Тимруком, сыном Бамата Кургокина, в начале 1760-х гг.⁵ Замечу, что на Северном Кавказе она является самой западной и, кроме того, по настоящий день остается единственной точно датированной постройкой такого типа.

Возвращаясь в Хабез другой дорогой, осмотрел большой кош с турлучными стенами и соломенной крышей. На другой день уехал в областной центр. Проехал через три кабардинских селения — Заюко («Кизиловая балка»), Кошхабль («Переселенное село») и Калмыковское, — а также через ногайское Кызыл-Юрт («Красное село») и кабардино-абазинское Псауче-Дахе («Красивая жизнь»). Внешне они довольно похожи: улицы прямые, дома турлучные с непременно очагом, заборы плетневые или сложенные из колотого камня, а ворота плетневые, кабардинского типа. По планировке Кызыл-Юрт напоминает сильно вытянутую подкову. В Заюко улицы менее прямые, чем в других селениях. В Заюко и Псауче-Дахе преобладают каменные заборы, а в Калмыковском — плетневые.

В некоторых селениях видел верхнюю одежду нового покроя. Это сочетание послереволюционного кавказского пальто («зелник-ханка») с русской поддевкой, имеющей сборки сзади и карманы по бокам.

По мере следования от Хабеза до Псауче-Дахе горы, окаймляющие долину Малого Зеленчука, постепенно понижаются, принимая вид холмов.

25 октября приехал в г. Армавир. Начало ему положили армянские переселенцы из Адыгеи, говорившие на адыгейском языке. До сих пор адыгейцы называют его Армянским селением (Ермэлыхьэбл) и Селением неверных (Джаурхьэбл). В 1937 г.

² Там же, с. 578.

³ Лавров Л. И. Башня Адюх в Черкессии. — КСИИМК, 1940, вып. 7.

⁴ Там же, с. 98.

⁵ Лавров Л. И. 1) Кто и когда построил башню Адюх. — Газ. «Красная Черкессия», 1940, № 284; 2) О времени постройки кабардинской башни на р. Малом Зеленчуке. — Учен. зап. Кавб. н.-и. ин-та, Нальчик, 1948, т. 4.

в нем жили в основном русские. Местные армяне забыли адыгейский язык и пользовались в быту русским или армянским, которым кое-кто заново выучился. Адыгейский язык сохранился преимущественно среди старшего поколения.

Армавир — довольно уютный город. В нем немало красивых улиц. Часто встречаются дома, выстроенные в национально-армянском стиле. В этом же стиле сооружены и две церкви.

Поездка в Армавир оказалась неудачной. Сведений об адыгейском населении в окрестностях города получить в райисполком не удалось, так как после недавнего укрупнения районов адыгейцы попали за пределы Армавирского района.

В Армавирском городском музее были представлены лишь геологические, палеонтологические, ботанические, зоологические и анатомические экспонаты, причем большинство из них не имел прямого отношения к Армавиру и его окрестностям. Одна из комнат музея была увешана печатными плакатами, изображающими гражданскую войну в СССР, а в витрине лежали несколько старых книг, изданных в Петербурге, и одна рукопись времени Петра I. В музее не нашлось даже уголка для показа истории Армавира.

27 октября сошел с поезда у ст-цы Усть-Лабинской, которую адыгейцы называют Лабэл — «Устье Лабы». На высоком обрывистом берегу р. Кубани осмотрел руины крепости XVIII в. Сохранились широкий ров и высокий земляной вал. Крепость в плане представляет собой фигуру из ломаных линий со значительными выступающими вперед бастионами. Перейдя по мосту р. Кубань, отправился пешком в адыгейский аул Хатукай (Хьэтикьэ). Улицы в нем кривые и не очень чистые. Дворы огорожены плетнем, а иногда дощатым забором. Встречались ворота чемгуйского типа, т. е. похожие на бжедугские, но их горизонтальная жердь не имеет тяжелого утолщения на конце. Кроме того, ворота эти были переплетены хворостом. Дома турлучные.

В аулсовете попросил познакомить меня с кем-либо из пожилых людей, знающих предания. Пригласили 60-летнего Тлепия Битлостана (Ллэпый Билъостан), и тут же состоялась интересная беседа, в которой приняли живое участие и секретарь аулсовета Налкуев Джафар, и председатель Цей, внук раба, купленного за овес. Разговор шел о прошлом хатукаевцев, одного из адыгейских «племен».

Хатукай — единственный хатукаевский аул, сохранившийся к настоящему времени. Но мои информаторы отнесли к хатукаевцам и жителей аула Адабий, хотя сами адабиевцы этого не признают. В конце XIX в. два хатукаевских аула — Пэдысей и Дэбракьэ — выселились в Турцию. Первый из них находился под Армавиром, а второй — возле кургана Къаракъушъхьэ, около хут. Соловьевского. Оба назывались по фамилиям тлякотлешей Падисовых (Пэдысхэр) и Дебраковых (Дэбыракъхэр). Информаторы утверждали, что, согласно адыгейскому обычному праву (*адыгэ хабзэ*), при каждой княжеской фамилии полагалось быть

четырем тлякотлешам. Хатукаевцами управляли князья Хатуковы (Хьэтикъохэр). Их тлякотлешами кроме названных были Теутечевы (Тэутэкхэр), проживавшие в ауле князя, и Сабаепшевы (Сабэипшхэр), некогда имевшие свой аул, о существовании которого до сих пор напоминает название одной из окраин Хатукая. Она известна под именем Сабэипшым-и-къодж, т. е. «Селение Сабаепша», причем фамилия Сабэ-и-пш буквально означает «князь (аула или племени) Сабая». Кто же такие сабайцы? Никто из писавших об Адыгее в течение последних 150 лет их не упоминал. Между тем на карте 1745 г. рядом с хатукаевцами указаны «сабайцы», а в 1665 г. восточнее р. Афипса находилось сел. Субай, подчиненное хатукаевским князьям. В свете этих данных прояснилась этническая природа загадочного народа Собай, который, по свидетельству автора XV в., обитал на Северо-Западном Кавказе восточнее Кабарды. Так неожиданно обнаружилось не только имя, но и судьба постепенно угасшего и потом забытого адыгейского «племени».⁶

Хатукаевские информаторы помогли уточнить «племенное» расселение в теперешней Адыгее. Потомками абадзехов они считали жителей двух аулов — Хакуринохабль (позже переименован в Шовгеновский) и Бгуашехабль. Второй из них очень маленький, так как в конце XIX в. большинство его жителей переселилось в Турцию. Тогда же переселились в Турцию и два других абадзехских аула — Хаджимукохабль и Унарукохабль. Кажется, абадзехским был и Кулёкохабль (Къулокъохъэбл), тоже выселившийся в Турцию. Много абадзехов проживало в ауле Хачемзий. Небольшое число их имелось и в других аулах Восточной Адыгеи (Уляп, Ходзь и пр.).

Темиргоевцами или, правильнее, чемгуями (*к/эмгуи*) информаторы считали население следующих аулов: Джамбечий, Хатажукай, Пишизовский, Егерукай, Кабехабль, Джеракай и Нешютлешехабль. Часть Хатажукая называется Хапачей (Хьэпэклей). Значительная часть Хачемзия также населена чемгуями. Их князья Балатоковы (Бэлатукъохэр) постоянно жили в аулах Хатажукай и Джамбечий. Из чемгуйских тлякотлешей информаторы вспомнили Дегужинюковых (Дэгужъынкъохэр) и Тлечечуковых (Лэч-лэчлукъохэр). Последние возглавляли аул Егерукай.

Мамхеговцы живут только в ауле Мамхег. Кабардинцы и бесленеевцы вместе занимают аулы Уляп (есть там также абадзехи и абазинны-баракаевцы), Кошехабль, Блечепсин (правильнее — Лэнцэпсын — «Белого клена родник»), Ходзь, Урупский (Шъхъэшъэфыжь — «Выкупленный», так как населен бывшими крепостными армавирских армян) и Бекмурзинский (Бэкмырзэй). В последнем раньше жил бесленеевский князь Къанокъо Бэкмырзэ. У Кошехабля имеется второе название — Андзауркай

⁶ Лавров Л. И. Исчезнувшее адыгское племя Собай. — Тр. Карач.-Черкес. н.-и. ин-та. Сер. ист., Ставрополь, 1970, вып. 6.

(Иандзэуркжэй), ибо его возглавляли коноковские тлякотлеш Иандзэуркжу. Кажется, бесленеевским был и аул Вольный по Армавиру, основанный беглыми крепостными. Адыгейцы именovali его Джыласус — «Местопребывание беглецов». В конце XIX в. жители Вольного переселились в Турцию.

«Племя» махашевцев рассеялось по разным аулам. Во главе их стояли князья Багарсуковы (Багъэрсукъохэр), тлякотлеш Маргушоковы (Мэргъушукъохэр), Натырбовы (Натырбыхэр) и еще какие-то. Жители сел. Натырбий в конце XIX в. переселились в Турцию, и на том месте возникло русское сел. Натырбово.

Б. Тлепий рассказал несколько исторических преданий.

I. Происхождение хатукаевцев. Хатукаевцы родом из Аравии. Одним из приближенных халифа Омара был его родственник князь Хатук (Хъэтикъу). Однажды он нечаянно выбил глаз какому-то вельможе. А закон был жестокий: виновным рубили руки и предавали смерти. Однако родство с халифом помогло Хатuku оправдаться. Спустя некоторое время Хатук убил одноглазого вельможу, и на этот раз уже не было возможности избежать наказания. По совету халифа Хатук с подданными бежал через г. Карс на Кубань. От него и его подданных произошли хатукаевцы.

II. Происхождение княжеских фамилий. Был среди хатукаевцев некто по имени Хатукокошхо (Хъэтикъокошхо — «Большой сын Хатука»), и имелись у него два сына-близнеца — Индар и Бибэрд. Однажды уже после смерти отца, находясь в походе, увидели они змия, который нес коня со всадником. Бибэрд сказал брату и товарищам: «Спрячьтесь в лесу, а я нападу на змия из засады. Мне не помогайте, я справлюсь сам».

Так и было сделано. Бибэрд устроил засаду на опушке. Когда змий проползал мимо, Бибэрд выхватил шашку и отрубил ему хвост. Змий, не бросая добычу, погнался за Бибэрдом, но не догнал и снова пополз своей дорогой. Бибэрд же забежал вперед и из засады отрубил змию часть туловища. Змий снова неудачно пытался догнать Бибэрда. После того как Бибэрд третий раз отсек часть туловища, змий бросил коня со всадником и пустился наутек. Бибэрд гнался за ним, но тот скрылся в большой норе. Бибэрд вбил в землю кол, привязал к нему один конец шелкового аркана, который в старину носил при себе каждый адыг, а другим концом обвязался сам. Затем он спустился по аркану в нору и обнаружил в ней много оружия, кольчуг и прочего богатства, а также женщину, которая удивилась появлению неизвестного героя. Бибэрд спросил ее: «Кто ты?». «Я вместе с моими 12 братьями была украдена змием. Братьев он съел, а я осталась одна». Бибэрд повел женщину к выходу и предложил первой подняться из норы, но она возразила: «Нет, первым должен подняться ты. Здесь темно, и ты еще не знаешь, как я красива. Если первым увидят меня твои спутники, то моментально влюбятся и неизвестно, чем для тебя все это кончится». Но Бибэрд наотрез отказался вылезти раньше женщины. А когда она поднялась наверх, Индара изумил вид

красавицы. И, чтобы овладеть ею, он перерезал аркан, по которому должен был выбраться из норы его брат. Индар отвел красавицу в лагерь и закатил большой пир. Из всех находившихся там не веселился лишь один — по имени Калмык (Къалмукъ). Однажды в послеобеденное время, когда в лагере было тихо, красавица спросила Калмыка о причине его грусти.

«С того дня, — ответил он, — как появилась ты, исчез мой князь. Вот отчего я грущу». «Твой князь находится в норе змия, — сказала красавица, — я знаю туда дорогу».

Калмык хотел немедленно скакать на выручку Бибэрда, но она посоветовала отложить это до утра, чтобы не обнаружить своего отсутствия ночью. Калмык послушался и на следующий день к вечеру вернулся в лагерь вместе с Бибэрдом. Последний и вида не показал, что сердит на брата, и велел продлить веселье еще на три дня. На четвертый день Бибэрд потребовал от товарищей клятвы, что они выполнят все, что он задумал. Когда те поклялись, он сказал: «Мое первое желание, чтобы красавица осталась женой Индара. Второе — чтобы Калмык не уезжал к себе в Калмыкию, а остался бы навсегда со мной. Третье — чтобы все остальные были такими же верными моими товарищами, как Калмык».

Калмыка Бибэрд сделал своим тлякотлешем, и от него произошла фамилия Падисовых. Индару же стыдно было своего поступка, и он, оставив красавицу, переселился к хегачам (хэгэах/э). Там он женился на хегачке, и от этого брака произошли князья Зановы (Занхэр). У оставленной Индаром красавицы родились от него два сына. Старшего звали Адэм, а младшего Дэгужый. Так как их мать не принадлежала к княжескому роду, то они считались «тумэ» — дети князей от неравного брака — и им не досталось у хатукаевцев власти. Поэтому они ушли к чемгуйскому князю Балатокову, который сделал их тлякотлешами и подарил им аул, названный в честь старшего брата Адамием. Потомство же обоих стало именоваться в честь младшего брата Дегужиюковыми (Дэгужыйикъохэр). Сам Бибэрд превратился в родоначальника хатукаевских князей Хатуковых. В их роду долго хранилась кольчуга всадника, которого Бибэрд спас от змия. Потом она была передана в залог Гутеюкову (Гутэйкью), у потомков которого находилась до недавнего времени.

III. Переселение бжедугов. Во времена, когда хатукаевцами управлял князь Алиджук (Алыджыкью), потомок Бибэрда, произошла война бжедугов с чемгуями. Дело было так. Бжедуги жили в излучине р. Хуарзе (Хьорзэ), которая впадает в р. Псепкупс. Когда их число выросло, им стало там тесно. Управляли ими тогда два брата — Хамыш (Хъэмыш) и Чачан (Чэчэн). Старшим был Хамыш. В поисках выхода из создавшегося положения поехали братья к чемгуйскому князю Балатокову Туменишу (Тумэныш) и попросили разрешения переселиться на подвластную ему землю. Он согласился с условием, что Хамыш и Чачан перестанут считаться князьями и признают себя тлякотлешами Балатоковых. Опечаленными вернулись домой бжедугские князья. Был у Ха-

мыша сын Абадз (Абэзд), находившийся в ту пору на воспитании у аталыка. Отец вызвал его на свидание в одну из пещер и пожаловался на свою горе.

«Не грусти, отец! — сказал сын. — Соглашайся на условия Тумениша, а я сделаю так, что и землю получим, и княжеское достоинство не потеряем». Отец стал ждать развязки событий, а Абадз приехал к Туменишу и сказал: «Нам тесно в излучине Хуарзе. У тебя же есть свободная земля, и мы просим, чтобы ты разрешил нам на ней поселиться». Чемгуйский князь ответил то же, что и Хамышу.

«Ладно, — сказал Абадз, — но, чтобы мы стали хорошими тлякотлешами, надо, чтобы я пожил среди твоих тлякотлешей и изучил их обычаи».

И вот стал Абадз попеременно гостить у четырех чемгуйских тлякотлешей. По прошествии известного времени он снова явился к Туменишу и сказал: «Мне больше понравились обычаи тлякотлешей Тлечечуковых. По их обычаям мы и согласны жить на твоей земле. Сейчас я вернусь домой, чтобы готовить народ к переселению. Когда же у нас все будет готово, мы известим тебя, чтобы приехал за нами».

Дома Абадз наказал бжедугам готовиться к войне, а сам отправился за помощью в Крым. Тем временем тлякотлеш Тлечечуков стал уговаривать Тумениша: «Молодой князь Абадз — человек выдающийся и хитрый. Если не хочешь неприятностей, отдай ему землю безо всяких условий». Но Тумениш не послушался доброго совета.

Абадз вернулся с войском, которое дал ему крымский хан, а приготовившиеся к войне бжедуги заготовили срубленные деревья на горе у входа в ущелье р. Хуарзе. Абадз снова поехал к Туменишу и сказал ему: «К переселению мы уже готовы и ждем тебя».

Тумениш с чемгуйскими всадниками отправился к бжедугам. По дороге он встретил хатукаевского князя Хатукова Алиджук и потребовал: «Заворачивай и езжай за мной!». «Нет, — ответил тот, — я тоже князь, и никто не смеет свернуть меня с пути!».

«Если ты не забыл наш уговор о взаимной дружбе, то не откажешься отправиться вместе со мной!». И Алиджук согласился. На Хуарзе они застали невероятную тесноту. Одна лошадь стояла по шею в воде. И бжедуги объяснили, что ей не нашлось места на берегу. За неделю, прожитую Туменишем и Алиджук у бжедуг, ее испражнения испортили воду, и половина чемгуйских лошадей от этого пала. Когда бжедуги, наконец, погрузили свое добро на арбы, то по условному сигналу бросились на чемгуев. С другой стороны на последних бросились и татары. Чемгуи побежали. У выхода из ущелья на их головы полетели срубленные деревья. Много чемгуев погибло. Преследуя бегущих, бжедуги ворвались на чемгуйскую территорию и расположились там на постоянное жительство. Но война продолжалась долго и после этих событий. Однажды во время боя Алиджук увидел упавшего на землю

раненого Тумениша. Над ним стояли его серый конь и тлякотлеши. Алиджук подскакал и воскликнул: «Что же вы стоите? Поднимите князя, а остальные за мной вперед на бжедугов!».

Чемгуи под предводительством Алиджука разбили бжедугов. Возвращаясь с победой домой, чемгуи узнали, что Тумениш скончался. Его похоронили в окрестностях нынешней ст-цы Мартанской. Бжедуги же остались жить на земле, которую отняли у чемгуев. При этом они разделились на две половины: западную, во главе которой стал князь Хамыш, и восточную — удел Чачана. С тех пор и пошло деление бжедугов на хамышейцев и чачанейцев.

IV. Взаимоотношения хатукаевцев с чемгуями и бжедугами при князе Хапаче. После Алиджука отношения между хатукаевцами и бжедугами улучшились. Дочь хатукаевского князя Хатукова Хапача (Хьэп[эк]I) была просватана за бжедугского князя Хаджимукова Баты-Чирия (Хьаджымыкьо Баты-Чирий). Отношения же между Хапачем и Балатоковым оказались натянутыми по следующей причине.

Однажды отправился Балатоков на охоту и по дороге встретил Хапача. Уговорились охотиться вместе. И вот раненный ими кабан выскочил на поляну и стал под стволом согнутого дерева. Никто не рисковал приблизиться к зверю. Лишь один чемгуйский тльфокотль смело подбежал и сильным ударом шашки разрубил его пополам ото лба до хвоста. Балатоков рассердился и стал ругать тльфокотля: «Как ты, негодный, посмел в присутствии князей отнимать у них честь самим убить кабана? Или ты думаешь, что никто, кроме тебя, не смог бы это сделать?». Не понравилось это Хапачу, и он сказал Балатокову: «За что ругаешь храброго тльфокотля? Или считаешь, что князю все позволено? Но сегодня ты князь, а завтра можешь оказаться 'таким же тльфокотлем!». Однако размолвка не переросла в открытую вражду.

Хатукаевцы во времена князя Хапача жили в районе нынешней ст-цы Северской. Там до сих пор есть могила, которую называют «святой могилой Хапача» (Хьэп[эк]Iэ-и-кьотхь). В тех же местах обитали хатукаевцы и при сыне Хапача Деан-Чирие (Дэан-Чирий).

V. Деан-Чирий и шапсуго-бжедугская война. Когда во главе хатукаевцев стоял Деан-Чирий, сын Хапача, шапсуги воевали с бжедугами. Произошло это потому, что шапсугский князь Шеретлуков поссорился со своими подданными и бежал под защиту бжедугского князя Хаджимукова Баты-Чирия. При содействии последнего Шеретлуков поехал к русской царице и выпросил у нее войско с пушками, которое совместно с бжедугами пошло войной на шапсугов. Предводителем у бжедугов был Баты-Чирий. Перед началом военных действий он послал к Деан-Чирию приглашение принять участие в походе на шапсугов. Но Деан-Чирий ответил: «У нас нет вражды с шапсугами, поэтому не пойдем против них!». Потом пришли к хатукаевцам депутаты шапсугов и пригласили их участвовать в войне против бжедугов. Однако и им

Деан-Чирий ответил: «У нас нет вражды с бжедугами, поэтому не пойдем против них!».

Таким образом, хатукаевцы не участвовали в шапсуго-бжедугской войне.

Уже после этой войны Деан-Чирий вместе со всем хатукаевским народом переселился на земли между рр. Пишиш и Белой. Расположились они несколько восточнее нынешней ст-цы Рязанской. Перемещение это было вызвано экономическими соображениями. С русскими Деан-Чирий всегда был в дружбе.

VI. Позднейшие переселения хатукаевцев. Вскоре после смерти Деан-Чирия хатукаевцы перешли на жительство к р. Белой, выше нынешнего аула Адамия. Место это называется Бгъэбзо. Еще позже, при наместнике Кавказа великом князе Михаиле, хатукаевцы опять переселились и основали нынешний аул Хатукай.

Так изложил историю своего народа Б. Тлепий. Он же сообщил оригинальный вариант сказания о нартах Саусрук и Шибатенук, согласно которому Саусрук, решив жениться на Сатенай, обратился за помощью к Шибатенуку. Тот согласился, и они вдвоем отправились на сборище нартов в окрестности нынешней ст-цы Рязанской. Шибатенук перед этим приехал из-под Чэткъалэ (совр. Ставрополь). Дальнейший рассказ моего информатора был, к сожалению, прерван срочным вызовом его домой, и он только успел добавить, что родители Сатенай были против ее брака с «сыном пастуха», т. е. с Саусруком.

Поблагодарив своих информаторов за интересную беседу, я в тот же день ушел в Усть-Лабинскую и выехал поездом в Краснодар.

28 октября побывал в Адыгейском областном музее, который все еще не был переведен в Майкоп. Среди экспонатов преобладают исторические. Немало и этнографических, а археологических мало. Особенно привлекли мое внимание деревянные урны из Карачая, куски «священного» дерева, в которые вбиты кованые железные кресты, плуг, борона, косы, серпы, старинные двери, низкая деревянная скамейка, на которой натухайский князь XIX в. Занoko Карабатыр вырезал ножом лабиринт, адыгейское знамя, захваченное царскими войсками в бою у Адагумского укрепления, шашка одного из убыхских дворян Берзеков и при ней пояс хаджи Алим-Гирей-Бабука Берзека, пистолеты и кольчуги известных адыгейских деятелей прошлого столетия, портрет хаджи Керендука Берзека, вождя горцев в последние годы Кавказской войны.

Директор музея И. А. Наврузов показал свои рукописи, которые готовил к изданию,— собрание адыгейских фамильных тамг, сборник сообщений иностранных авторов об Адыгее и Абхазии и, кроме того, библиографию об этих краях. По просьбе Наврузова я внес некоторые добавления в библиографию. На другой день я снова побывал в музее и услышал от Наврузова ряд интересных фактов из прошлого Адыгеи. Он лично знал семью, женщины которой вставляли каждый раз, когда в их присутствии

упоминалось имя нарта Саусрука. Во время чапша, т. е. ритуального гуляния у постели больного, обязательно фигурировала в какой-то особой роли девушка, которая была единственной дочерью своих родителей. Женщина, имевшая лишь одного брата, не решалась расчесывать одну косу и есть только одно крылышко приготовленной для еды птицы.

Старик из Черноморской Шапсугии сообщил И. А. Наврузову, что в старину обычно устраивались вечеринки с оргиями. Молодежь обоего пола веселилась в одном из домов. При этом на століке горела свеча и около нее сидел сонный петух. В полночь он вскакивал и кукарекал. Взмахами крыльев гасил свечу, и тогда начинались оргии. Потом свечу снова зажигали и веселье продолжалось. В течение ночи петух трижды гасил свечу и трижды происходили оргии. Рассказчик слышал это в молодости от старухи, которая сама участвовала в таких вечеринках.

Шапсуги из сел. Красноалександровского передавали И. А. Наврузову, что в старину каждая уважающая себя замужняя женщина обязательно заводила любовника и муж не противился этому, так как боялся, что любовник может зло подшутить над ревностью, а то и убить его. Мужья позволяли себе лишь мелкую месть, походившую на шутку.

И. А. Наврузов слышал от бжедугских стариков, что бжедугский князь Баты-Гирей (Баты-Чирый) погиб не во время Бзюкской битвы (в 1796 г.), а сразу после нее. Рассказывают, что после битвы бжедуги добивали на поле раненых шапсугов. Когда группа конных бжедугов вместе с Баты-Гиреем приблизилась к двум раненым, те, помогая друг другу, привстали, и один из них приветствовал всадников. Так как, по обычаю, отвечал старший, то раненые, узнав в нем Баты-Гирея, выстрелом убили его. Сами же бросились в кусты, где оказался еще один шапсуг с лошадью. Один из раненых уцепился за стремя, другой — за хвост коня, и все спаслись. Когда сраженный Баты-Гирей упал, то его оседланный конь прибежал к дому, где жил аталык Баты-Гирея. Воспитательница Баты-Гирея воскликнула: «Раз конь прибежал раненым, значит, воспитанник (*кэан*) убит!». И она пошла в аул Баты-Гирея, чтобы сообщить печальную весть. Похоронили погибшего в 2 верстах от аула Тахтамукай. А его невесту, княжну Хатукову, выдали за другого. Везли ее в аул нового жениха мимо могилы Баты-Гирея. Около нее девушка спустилась с арбы и долго шла, обливаясь слезами. Однажды мимо той же могилы проезжали два путника, из которых один был шапсугом. Узнав, кому сооружен такой красивый памятник, он закричал: «Это враг шапсугов!» — и выстрелил в памятник. Старики потом уверяли, что из камня потекли две маленькие струйки крови. Одна достигла земли, а другая застыла повыше. Следы крови оставались на памятнике будто бы долго. Когда строили шоссе из Екатеринодара в Тахтамукай, старишиной в последнем был человек, который ненавидел князей. По его указанию рабочие разбили памятник и его куски употребили на строительство шоссе.

Аул Бжедугхабль населен наполовину адыгейцами, а наполовину армянами и греками. Другой адыгейский аул под тем же названием имелся в Турции. Абхазский краевед Симон Басария собрал там около 100 фотографий известных адыгейских и абхазских деятелей XIX в. Однако все это погибло во время революции, когда ему пришлось бежать из Сухума от меньшевиков.

И. А. Наврузов рассказал, что висящий в музее портрет хаджи Керендука Берзека является увеличенной копией фотоснимка, помещенного в издававшейся в Сирии (г. Эль-Кунейтра) черкесской газете «Мардж» (1929, № 51). До того портрет названного деятеля не был известен. Любопытна история портрета. Наврузов узнал, что в Эль-Кунейтре существует черкесское культурное общество, и обратился к нему с письмом, в котором напомнил об отсутствии портретов и биографий многих деятелей Адыгеи XIX в. При этом он заявил, что портреты и документы, видимо, хранятся у потомков, живущих на территории бывшей Турецкой империи, а тамошние адыгейцы не принимают мер к сохранению памяти о своих выдающихся предках. По прошествии некоторого времени Наврузов получил газету «Мардж». В ней были напечатаны портрет хаджи Керендука и его биография.

30 октября я посетил Краснодарский научно-краеведческий музей. Он состоял из отделов геологии, палеонтологии, зоологии, ботаники, археологии. Имелся в нем и отдел, посвященный Советской конституции. Особенно богаты отделы зоологический и археологический.

Вместе с сотрудником этого музея Н. В. Анфимовым, впоследствии известным археологом, я выехал в ст-цу Пашковскую, в окрестностях которой М. В. Покровский производил раскопки открытого им могильника № 1. Могильник располагался около переправы через р. Кубань в западной части территории кирпичного завода. К нашему приезду Покровский вскрыл два потревоженных погребения, залежавших на глубине 1.5 м. В одном из них оказались только кости двух ног, рядом с ними — черный черепок и бронзовая четырехугольная пряжка от ремня. В другом погребении было лишь несколько разрозненных костей без инвентаря.

Вечером того же дня я уехал поездом в ст-цу Славянскую, где, ожидая парохода, пробыл несколько часов. На берегу р. Протоки сооружен в память о походе Таманской армии в 1918 г. обелиск на ступенчатом пьедестале. Вокруг него установлены старинные пушки. Четыре стороны обелиска украшены рифмованными надписями.

На хут. Тиховском я слышал, что в ст-це Переяславской одна из окраин называется Черкешиной и что некоторые казаки той станицы ведут свой род от адыгейцев.

4 ноября выехал в Анапу через станицы Натухайскую и Анапскую, которые по внешнему виду напоминают адыгейские аулы. Турлучные дома в них стоят, как правило, в глубине дворов. Если же оказывается, что дом одной своей стеной выходит на улицу, то стена эта обязательно глухая, без окон и дверей. Встре-

чаются дома, у которых с трех сторон устроен на столбах открытый навес. Заборами служит земляная насыпь или стенка, сложенная из камней без применения цемента, либо плетень.

В Анапе вдоль ул. Крепостной от моря тянутся остатки большого рва и вала. Здесь до 1899 г. была стена старой турецкой крепости. Сейчас ров и вал сохранились не на всем своем протяжении. Рядом с базаром уцелели крепостные ворота в виде арки. На обрывистом берегу моря виден мощный культурный слой.

Осмотрел Анапский музей краеведения. Коллекции размещались в двух залах и группировались по следующим разделам: геология, зоология, история с археологией, история гражданской войны и сельское хозяйство Анапского района.

Среди историко-археологических предметов музея отмечу каменные полированный топорик, барельефы с изображениями греческих богинь, голову Медузы, греческую керамику, терракоты, круглую мраморную колонну, стеклянную слезницу, обломки камней с греческими надписями, в том числе упоминающими г. Горгиппию, находившийся на месте Анапы, коллекции монет Горгиппа, Митридата, Савромата и др., турецкие амфоры, мраморные надгробные памятники с турецкими надписями, ключ от Анапской крепости, макет этой крепости, ядра, обнаруженные на территории города, средневековую серую керамику, ржавый клинок шашки, две кольчуги, филигранные средневековые пуговицы, бусы, деревянную фигуру вождя греческих повстанцев XIX в. (она украшала собой корму затонувшего у Анапы греческого корабля). Кроме того, специальная витрина посвящена пребыванию на Кавказе А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Одоевского и М. Горького. В музее оказались и суданские вещи: плетеный шит, узкая скрипка из змеиной кожи, несколько штук многоострого холодного оружия. Экспонаты снабжены пояснительными надписями, часть из которых содержит грубые ошибки; например: «Первый руководитель горцев дагестанцев Шейх-Мансур», «Синды — персидско-мидийское племя», «Синды — выходцы из персидской Мидии», «Генуэзцы — итальянские торговцы» и т. д. В музее висит портрет терского казака, а под ним написано: «Гениальный вождь горцев Шамиль».

11 ноября я совершил из Краснодара пешую экскурсию в адыгейский аул Козет, расположенный рядом с городом на противоположном берегу Кубани. Название аула жители толкуют как «одна (зэ) арба (ку)» и рассказывают предание, будто аул был основан семью бедняками, имевшими одну арбу, которой пользовались поочередно.

Местный старик из абадзехов утверждал, что до 1863 г. абадзехские селения назывались по речкам, на которых были расположены, и состояли из беспорядочно разбросанных усадеб.

Тот же старик говорил: «Абадзехи были народом вольным. Однажды пришел к ним князь Зан Сефербий и стал просить у них подати: „Дайте мне хоть по одной ложке кукурузы!“». Но абадзехи отказали. Так бы и жили они дальше независимо, если бы не Му-

хаммед-Амин, наиб Шамиля. Он долго находился среди абадзехов, изучил край, а потом перешел на сторону царя и сообщил ему о дорогах, мостах и воинских обычаях в Абадзехии. Благодаря предательству Мухаммед-Амина царь завоевал Абадзехию.

На следующий день я навестил ст-цу Пашковскую. Разыскал давнего знакомого, казака Ламаша, ставшего уже стариком. Его рассказы о прошлом этой станицы вошли в одну из моих публикаций.⁷

Жена Ламаша сообщила о старинном способе лечения «сосяшниц» (болезнь живота) — нужно взять колесо от воза и трижды вылить воду в отверстие для оси, причем после каждого литья колесо следует перевернуть.

В ЗАКАВКАЗЬЕ И ЧЕРКЕСИИ (1939 г.)

В 1939 г. мне предстояло продолжить сбор материалов об абазинах. Кроме того, директор нашего института, академик В. В. Струве, поручил побывать в Баку, Тбилиси и Ереване по делам, связанным с подготовкой издания коллективной монографии «Народы Кавказа».

Первое знакомство с Закавказьем было, естественно, поверхностным, но для молодого исследователя Северного Кавказа все же важным, так как дало наглядное представление о типах поселения, жилищах, одежде, некоторых памятниках старины и пр. Но из массы полученных впечатлений упомяну только одно.

Восьмигранный мавзолей с высоким пирамидальным покрытием, сооруженный над могилой сейида Яхья Бакуви около ханского дворца в Баку, является ближайшей аналогией многогранных в плане мавзолеев Северного Кавказа. Это позволяет думать, что форма последних была заимствована горцами у мусульман Закавказья и, может быть, Золотой Орды. Правда, горские мавзолеи отличаются от закавказских главным образом тем, что вместо дверей имеют только окошко. Высокое пирамидальное покрытие из камня, почти такое же, как на мавзолеях Кабарды и Балкарии, я видел не только в Баку, но и на мавзолее около ст. Садахло. Такое же покрытие, как известно, заменяет собой купола на грузинских и армянских церквях.

22 ноября приехал из Закавказья в Черкесск и на следующий день отправился пешком в абазинское сел. Псыж к старику Симхову Каплану.

От него услышал следующее. В Турции около Исчихара (недалеко от Анкары) и у Узунзля есть три или четыре абазинских селения, в которых живут представители тапанты. Одно из них называется Локът (т. е. Лоовское), другое — Дарыкът (Дударуковское). Первоначально абазины обитали на южной стороне Кавказского хребта. С течением времени им стало там тесно и

⁷ Лааров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 60, 64, 67—70, 75.

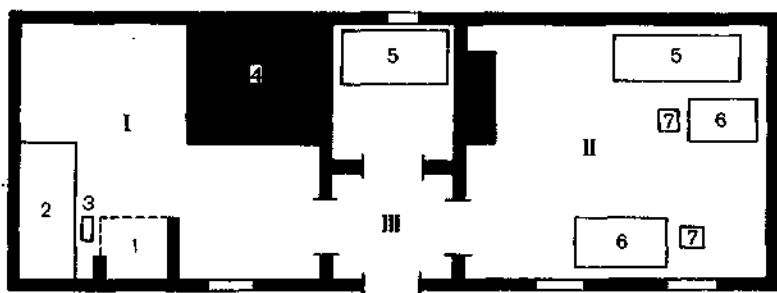

Рис. 6. План дома в сел. Псей.

I — хозяйская половина; II — гостиная; III — сени. 1 — очаг; 2 — лежанка; 3 — низкая скамейка; 4 — русская печь; 5 — кровати; 6 — столы; 7 — стулья.

разгорелась вражда между фамилиями. Однажды охотники в поисках дичи попали на северные склоны и обнаружили хорошее незаселенное место. Когда они рассказали об этом своим соплеменникам, то те решили туда переселиться. Первыми на Северный Кавказ пришли абазины-тапанта, жившие до этого в Апсху (Апсхэвы). Каплан слышал от стариков, что дударуковцы пошли сперва в сторону Темрюка, затем обитали около теперешней ст-цы Невинномысской, а позже — на рр. Марухе и Теберде и лишь после всего этого обосновались на нынешнем месте.

Каплан явно ошибался, утверждая, будто абазины никогда не подчинялись кабардинцам. По его словам, в старину был большой спор между абазинами и кабардинцами из-за границы. Потом они договорились считать границей р. Малку. Однако позднее абазины уступили кабардинцам, и граница была отодвинута в район Кисловодска.

Раньше в хозяйстве абазин преобладало животноводство, а примерно с середины XIX в. — земледелие. Дома здесь турлучные. В них два основных помещения: гостиная (*амхара*) и хозяйская половина (*гъвына*). Кунацкая (*хлалэш*) часто стоит отдельно. Двухскатные крыши бывают черепичные или соломенные. Полы в домах либо земляные (*джахлаша*), либо дощатые. Потолок в старых домах отсутствовал. Почти в каждом доме есть не только очаг, но и печь (*хлаквэ*).

Мною был сделан план дома Симхова (рис. 6). Подобно другим абазинским домам, он имеет много общего с жилищами казаков. Отличается лишь меньшим количеством окон, наличием очага и около него — возвышающейся над полом глиняной лежанки. Очаг (*онджакъ*) состоит из места на полу, где разводят огонь (*чувъа*), утолщенного выступа (5 см) стены дома перед этим местом (*онджакъдама*) и вытяжной трубы. Последнюю теперь иногда не плетут, а сколачивают из досок, и она превращается из цилиндра в параллелограмм. Глиняная лежанка (*нышчарта*) высотой около 20 см бывает с приподнятым изголовьем. Низенькая

деревянная скамеечка (*рымдза*) показана на прилагаемом плане в самом почетном месте: около очага, подальше от двери, и в то же время она позволяла сидящему видеть дверь. У Каплана, как и у многих других абазин, уже нет старинного низкого круглого обеденного столика на трех ножках (*агшвад*). Теперь его заменяет обычный русский стол. В комнате находятся следующие предметы домашнего обихода: котел (*чуан*), ведро (*пиырхла*), деревянная лопаточка для размешивания просяной каши (*былагъ*), шампур (*жьыхъчла*), железная цедилка для молока наподобие кружки (*цыраз*), дискообразная железная сетка с ручкой (*кыккыл*), чашки (*кълнл*), ножи (*хлвсна*), ложки (*кълнлугъв*), молоток (*ожахъла*), рог для разглаживания галуна (*къхъвыгъ*) и др.

Дом построен внутри двора, боком к улице. Перед домом находится столб, к которому приехавший может привязать своего коня. Кроме дома во дворе имеются конюшня (*бора*), коровник (*хламач*), курятник (*кэдыш*), кунацкая (*хлачлаш*), навес для телеги и сельскохозяйственного инвентаря (*бэкл*), помещение для просушки, ручной мельницы и пр. (*лугара, цылахъваратара*), уборная (*псыуна*), колодец (*дзыкл*).

Двор Каплана огорожен невысокой стенкой из булыжника, сложенной на земляном растворе (*хлахъвысарыя*; от *хлахъвы* — «камень»). Но в Псыже есть и плетни (*гъвгвара*).

Мужская и женская одежда абазин (и в прошлом, и в настоящем) аналогична черкесской.

Пища абазин — просяная каша (*быста*), заменяющая хлеб, пшеничный хлеб (*члахъва*), низкий, выпекаемый на сковороде просяной хлеб (*мыгял*), кислое молоко типа айрана (*хъарчла*), суп (*члван*), пышки (*лакъвым*), пышки с сыром (*чаш*), буза из проса (*бахъсыма*).

Каплан рассказал, что кровная месть у абазин исчезла еще до революции, но помнит, как в первые годы Советской власти некий Дзыбов из сел. Кувинского получил плату за кровь от другого абазина.

Сел. Псыж расположено на высоком берегу поймы р. Кубани. Но, по словам Каплана, раньше оно находилось под кручей, ближе к берегу реки. В том месте, где дорога подымается на кручу, стоит каменный памятник, на котором изображена тамга Симховых. Памятник поставлен Капланом для напоминания о том, что крутой участок дороги исправлен им.

На левом берегу Кубани, в 1—1,5 км севернее Псыжа, есть остатки укрепления со рвами и большим курганом. Не исключено, что это следы русского или турецкого лагеря времен битвы между войсками генерала Геймана и Батал-паши в 1780 г. Местный казак уверял, что курган севернее Псыжа насыпан будто бы на братской могиле русских воинов, павших в этой битве.

О социальном строе и верованиях абазин в прошлом, а также о их фольклоре до сих пор почти ничего не было известно. Беседы с Капланом позволили в значительной мере заполнить этот пробел.

29 ноября я отправился к абазинам-шкарауа. До ст. Ураковская ехал поездом. Проезжая мимо ногайского аула Эркин-Шахар,

заметил много курганов, в том числе и больших. Они разбросаны и вокруг аула, и в нем самом. Около ст. Ураковская расположен ногойский аул Эркен-Юрт. В нем почти нет зелени. Очевидно, сказался пережиток кочевого быта. Беленые турлучные дома под соломенной или черепичной крышей стоят боком к улице, причем на улицу глядит нередко только одно окно. Есть дома, у которых совсем нет окон, выходящих на улицу. Дымоходы очагов в большинстве случаев выступают из фасадной стены наружу, но иногда они находятся в углу дома или у задней его стены. Дворы огорожены плетнями или (чаще) невысокой каменной стенкой, которая обмазана глиной и покрыта известью. Преобладают ворота кабардинского типа — система вертикальных жердей, переплетенных тонкими прутьями. Из элементов национального костюма отмечу небольшие папахи («кубанки»), горское пальто (похожее на черкеску, но двубортное, со стоячим воротником и без газырей), кавказский пояс и кожаные чупяки.

Из Эркен-Юрта на попутной машине добрался в сел. Апсуа (бывш. Шахгиреевское), в котором живут абазины-шкарауа. Глинобитные дома его с соломенными или черепичными крышами беспорядочно разбросаны под возвышенностью на правом берегу р. Большой Зеленчук. Дворы огорожены невысокими каменными стенками, плетнем или типично русскими дощатыми заборами.

В качестве информатора мне порекомендовали Озбу Умара Кальбыздуковича (Уазба Умар Къалбыздукъ-ипа) и утверждали, что ему 102 года, но на вид я не дал бы больше 80 лет. У него в это время оказался в гостях 72-летний житель сел. Старокувинского абазин Хуранов Чаиб Кала-Гиреевич (Хівран-ипа Чаиб Къала-Герый-ипа). От них, особенно от Хуранова, я записал много исторических преданий о переселениях, войнах, социальном строе и верованиях абазин.¹ В частности, удалось впервые восстановить старые абазинские названия феодальных сословий. Узнал, что шкарауа, подобно абхазам, называют тапантовцев термином «а-шва».

В быту абазин надо отметить четыре ранее не известные мне черты. Во-первых, еще не совсем изжитый обычай умыкания невест. Во-вторых, одинаковые с черкесскими свадебные обычаи. В-третьих, традиция, согласно которой новорожденного мальчика держат вниз головой над миской с медом так, чтобы темя коснулось меда, а новорожденную девочку опускают головой в золу. В-четвертых, ребенку при первой стрижке оставляют на макушке пучок волос с прилепленным комочком грязи, который не смывают до его естественного разрушения.

30 ноября в Черкесске я узнал о начале войны с Финляндией и сразу же выехал домой, в Ленинград.

¹ Об этом см.: Лавров Л. И. Абазины. — КЭС, 1955, т. 1.

В ЧЕРКЕССИИ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (1940 г.)

2 августа 1940 г. я прибыл в Черкесск и узнал о происшедшей реорганизации тамошнего научно-исследовательского института. Теперь он стал называться Институтом языка и литературы. Исторические дисциплины не были представлены в нем из-за отсутствия соответствующих кадров. Директором стал черкес М. М. Сакиев, а научными сотрудниками черкес А. М. Гукемух, абазин М. А. Нипа и ногоец А. К. Мурзабеков, все лингвисты и фольклористы. Шла подготовка к фольклорной экспедиции.

3 августа осматривал музей. Как и в прошлом году, в нем бедно и уныло. Небольшая археологическая экспозиция состоит из вещей, случайно обнаруженных около хут. Дружба. Среди них примечательны каменный шлифованный и бронзовый топорики, бронзовые фибулы, колечки, спиральные браслеты и деталь с изображением поясной фигурки человека, железные удила и поясные пряжки, каменные зернотерка, кусок жернова и грузила, различная керамика.

М. А. Нипа сообщил, что в сел. Чегем II (в Кабарде) есть квартал, носящий название Абазинского, так как в нем живут окабардинившиеся абазинны. Один ногоец рассказал, что в 1927 г. он лечил свою сломанную ногу тем, что, по предложению лекаря-ногойца, стругал стружку с медной монеты и с водой выпивал. Он же сообщил, что ногойцы иногда пользуются колечками от кольчуги в качестве амулета от болезней. Ногойские женщины и теперь нередко закрывают лицо при посторонних мужчинах.

В Черкесской автономной области существует семь ногойских аулов: Эркен-Юрт (Эркин-Юрт — «Просторное селение» или «Вольное»; бывш. Ураковский, Орак-Авыл — «Селение жнецов»); Эркен-Халк (Эркин-Халк — «Вольный народ»; бывш. Нижнемансуровский. Алак-Авыл — «Селение Алак-Авая»); Адиль-Халк (Адел-Халк — «Справедливый народ»; бывш. Шабазовский, Шабаз-Авыл — «Селение Шабаз-Авыла»); Икон-Халк (Ик-он-халк; бывш. Тохтамышевский, Тохтамыс); Кизил-Юрт (Кызыл-Юрт — «Красное селение»; бывш. Верхнемансуровский); Кубан-Халк («Кубанский народ»); Кизил-Тогай (Кызыл-Тогай — «Красный дуг»). Оба последних основаны при Советской власти. Под г. Армавиром есть ногойский аул Карамурзинский (Карамурзай), а под Минеральными Водами — Канглы (Кумы — «Кумский»).

10 августа в Черкесск приехали из Ростова проф. Г. П. Сердюченко и его жена М. К. Милых для участия в фольклорной экспедиции и для руководства ею. Я решил присоединиться к Абазинскому отряду этой экспедиции.

На другой день мы разъехались по области. Абазинский отряд составили Г. П. Сердюченко (начальник), М. А. Нипа, журналист П. Цеков и я.

В Инжичкуне мы провели четыре дня. Из селения хорошо видна башня Аднух, которую абазинны называют Кайдух (Къайдыхъ).

Один из жителей уверял, что это — название не башни, а урочища, где она находится. Башня же, по его словам, называется Къайдыхва-Сын — «Памятник Кайдухский». Некоторые говорили, что Кайдух — имя проживавшей там жены нарта Саусрука, и рассказывали уже записанную мною легенду про Саусрука и его светлорукую жену. Согласно ей, башню строил великан, который при этом стоял на коленях и, не сходя с места, за версту доставал нужные для постройки камни.

Слышал новый вариант сказания о гибели Саусрука. По нему, когда Саусрук привез к Сатенай голову убитого им нарта Шибатенука, она промолвила: «Такого могучего нарта убивать не следовало!». И тут же приказала Саусруку отвезти голову к матери Шибатенука. Саусрук исполнил это приказание, и мать Шибатенука сказала ему: «Без советов Сатенай ты не убил бы моего сына!». С этими словами она бросила в Саусрука ножницы. Они вошли в единственную незакаленную часть его тела — ногу, отчего он и умер.

Старики утверждают, что Инжичкун неоднократно менял свое место. Причем считают, что причиной перехода его на правый берег р. Малый Зеленчук, где селение находится и сейчас, послужило желание черпать из реки воду правой, а не левой рукой (воду черпают обычно против течения).

Могилы на местном кладбище отмечены земляной насыпью и каменным памятником, на котором лишь в редких случаях есть арабские надписи. Даты на них не выходят за рамки конца XIX — начала XX в. Под надписями часто изображены кинжал, револьвер, сапог и пр., если это могила мужская, или предметы рукоделия и туалетные принадлежности, если она женская. Большая же часть памятников украшена только тамгой. На кладбище нет фамильных участков. Например, могилы Цековых (Цекъвала), представителей наиболее распространенной в Инжичкуне фамилии, разбросаны по всему кладбищу. Лишь князья Лоовы похоронены вместе за общей каменной оградой.

Фамилия Цековых в настоящее время представлена 63 хозяйствами: 60 из них находятся в Инжичкуне, а три — в сел. Мало-абазинском.

Одна часть здешних домов глинобитная, а другая сложена из необожженных кирпичей (самана). Все они снаружи и внутри беленые. Дома состоят из трех комнат и, кроме того, сеней. Старинные очаги имеются уже не в каждом доме. Причем устроены они у фасадной стены и дымоход часто выступает наружу.

14 августа мы переехали в абазинское сел. Эльбурган. Говорят, что в 5—6 км от него есть две естественные пещеры (*хлатипы*). Та, что побольше, населена дикими голубями и называется Хъых-Ивтара («Голубиное место»), а та, что поменьше, именуется Хъабы-Ивтара — «Место черепов», так как в ней были найдены человеческие кости и черепа.

15 августа я познакомился с проживающим в Эльбургане зачинателем национальной абазинской литературы Т. Табуловым (То-

был). Это 58-летний высокий и худой человек, скромный и обаятельный. Он одет по-городскому, но в папахе и с кавказским поясом. Работает в здешней средней школе учителем абазинского языка. В Черкесии Табулов известен как поэт, прозаик и драматург, пишущий на кабардинском и абазинском языках, а также как автор и переводчик на абазинский язык ряда школьных учебников. Ему принадлежит пособие по синтаксису абазинского языка.

Т. Табулов сообщил мне некоторые детали миграций абазинского народа в прошлом, историю некоторых фамилий и существующую точку зрения на происхождение абазинских княжеских фамилий от общего предка. Что касается абазинского народа в целом, то, по мнению Табулова, он происходит от того же корня, что и адыгейские племена шапсугов и абадзехов, а все вместе они не имеют генетической связи с кабардинцами.

Вернувшись в Черкесск, я познакомился с приезжим музыковедом Авраамовым, изучающим кавказские народные мелодии. Кабардинская народная музыка, по его словам, очень близка к музыке других коренных народов Кавказа, а балкарская обнаруживает некоторые среднеазиатские и даже монгольские элементы.

В Черкесском краеведческом музее имеются следующие подлинные историко-этнографические экспонаты: щит с персидскими надписями и несколькими изображениями солнц, налокотники, шлем, остатки кольчуги, два железных наконечника копий, старое лезвие кинжала, две булавы, кремневое ружье, два кремневых пистолета, колокольчик (который вешали на корову), двухструнный музыкальный инструмент (*лхъэпшыгэ*) со смычком, вышитая настенная сумочка для мелких предметов женского обихода, коврики, циновки, деревянные лопатка с арабским алфавитом на одной стороне и текстом молитвы — на другой, ручная мельница, посуда и утварь, медные кувшины, черкески, бешметы, папахи, женская шапочка и принадлежности прядильно-ткацкого дела. Выставлены и неподлинные экспонаты, сделанные специально для музея. Это костюмы, оружие, ковры и предметы домашнего обихода. Есть в музее план земельного участка М. Заурумова, составленный в 1912 г., с объяснительной запиской Н. С. Иваненкова, который известен как автор ряда статей по этнографии и вопросам землевладения в Кубанской и Терской областях.¹

Вернувшийся из Эльбурга Г. П. Сердюченко рассказал, что ему и Б. Цекову посчастливилось записать три старинные абазинские песни. Дело в том, что теперь абазины своих песен не имеют и поют только кабардинские и русские.

20 августа я отправился в Нальчик. До Пятигорска ехал в легковой машине с молодым карачаевским лингвистом Алиевым

¹ О нем, см.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. — КЭС, 1962, т. 3, с. 240.

Умаром. Проезжали через ст-цу Суворовскую, состоящую из больших дворов с белыми турлучными домами под соломенными крышами. Дворы огорожены то камнем, то плетнем с очень небрежным косым плетением.

В Пятигорском музее представлены геология, палеонтология, растительный и животный мир района, а также изделия местной промышленности. Есть и художественный отдел. В археологическом обращают на себя внимание каменные топоры-молоты и наконечники стрел, необожженная керамика, бронзовые топор кобанского типа и украшения, кольчуги, холодное и огнестрельное оружие, расписная керамика из Маджар, пять или шесть каменных «баб», четыре деформированных черепа и мумифицированная голова из наземного балкарского склепа.

Продолжаю путь в Нальчик. В Залукокуадже, населенном кабардинцами, многие дома крыты черепицей и, кажется, уже не имеют очагов. В тех случаях, когда очаг есть, он расположен у передней стены дома. Около сел. Малка немало курганов. За этим селением объезжаем эффектную возвышенность Къубба-Тэпэ — «Мавзолейная возвышенность». Однако мавзолеев там уже не сохранилось. В домах сел. Кызбурун III очаги расположены то в заднем углу, то посередине боковой стены, то в центре фасадной. В сел. Чегем II много однотипных домов из необожженного кирпича, построенных в недавнее время. Они из двух-трех комнат, без очага. В домах же старой постройки очаг расположен в заднем углу или посередине фасадной стены. Таково же местонахождение очагов и в домах сел. Чегем I. Перед сел. Шалушка я заметил несколько курганов.

Нальчик с 1936 г. заметно вырос, в нем появился ряд новых зданий. Проживающие в городе балкарцы рассказали о мифических балкарских князьях Рачикаовых (Рачык'тавлары), что они сильно угнетали народ, например заставляли женщин сгребать сено не вниз по склону, а вверх. О человеке, допустившем потраву чужого посева, до сих пор говорят, что он поступает, как Рачикаовы. После уничтожения последних спаслась лишь их беременная невестка, и от ее сына произошла фамилия Тудуевых (Тудилары).

Балкарец из фамилии Теплеевых (Тёппе) рассказал такое семейное предание. Их предки жили прежде в Карачае, и семья состояла тогда из 81 человека. Среди них была красивая и храбрая девушка по имени Налджюз («Сто подков»), которая носила черкеску с кинжалом, ездила верхом и отлично стреляла. Один из кабардинских князей Атажукиных влюбился в нее и стал к ней свататься. Налджюз решила бежать и ночью отправила часть семьи на восток. То же проделывала она и каждую следующую ночь. Когда дома уже не оставалось никого, кроме нее самой, прискакал Атажукин с товарищами. Но Налджюз стала стрелять и, убив несколько товарищей Атажукина, убежала следом за своей родней. По дороге она подверглась новому нападению, но и на этот раз сумела скрыться. В поисках защиты от Атажукина Налд-

жюз и ее семья отдались князьям Кучуковым в рабство, и те поселили их на р. Гунделене, а затем перевели в Актопрак. С тех пор Теппеевы были кулами Кучуковых.

Монгольский счет годов по 12-летним животным циклам, оканчивается, хорошо известен и карачаевским старикам, которые, говоря о чьем-либо возрасте, обычно называют год его рождения именем животного из этого цикла.

* * *

Полевые и литературные исследования 1936—1940 гг. позволили подготовить, а потом и частично издать обобщающие очерки о прошлом абазин, балкарцев и карачаевцев. Очерку об абазинах суждено было стать, хотя и краткой, но первой по времени работой о бытовых особенностях и исторических судьбах этого народа. Собранные материалы заставили пересмотреть господствовавшее представление о том, что абазины будто бы являются отколовшейся частью абхазского народа. Оказалось, что предки абазин были издавна особым и довольно многочисленным народом, обитавшим северо-западнее абхазов, и что некоторые адыгейские «племена» являются абазинами, сменившими свой язык на адыгейский.² Дальнейшие поиски привели к выводу, что абазины — это потомки племени абазгов, известного на Черноморском побережье Кавказа с начала нашей эры, что они играли крупную роль в политической жизни Западного Кавказа в средние века; в частности, их феодалы положили начало династии абхазско-грузинских царей VIII в. и династии кабардинских князей XV в.³

Впервые были подытожены факты исторического развития балкарцев и карачаевцев до их фактического вхождения в состав России в начале XIX в. Удалось опровергнуть ошибочные гипотезы о том, что они являются то ли потомками угров или туркмен, то ли аборигенами, то ли татарами, переселившимися в XVII в. из Крыма. Источники позволили заключить, что карачаевцы и балкарцы образовались в результате смешения аланов, проживавших в Приэльбрусье, с массами половцев, которые в XIII в. укрылись там от монгольских полчищ. Значительный слой тюркской топонимики в Кабарде и Пятигорье склоняет к предположению, что до XIII в., когда эту территорию заняли кабардинцы, на ней могли обитать половецкие предки нынешних карачаевцев и балкарцев. С другой стороны, некоторые географические названия Карачая и Баксанского ущелья указывают на былое, видимо временное, присутствие там сванов.⁴

² Лавров Л. И. Абазины. — Там же, 1955, т. 1.

³ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 41—47.

⁴ Лавров Л. И. 1) Происхождение балкарцев и карачаевцев. — КСИЭ, 1959, вып. 32; 2) Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — КЭС, 1969, т. 4.

Еще в 1941 г. вместе с ленинградским студентом филологом З. Магомедовым (лезгином из сел. Мискинджа) собирався в Дагестан для ознакомления с малоизученной народностью — рутульцами. И вот лишь после войны удалось осуществить ранее намеченную поездку, но, к глубокому сожалению, без Магомедова, погибшего в 1941 г. в бою под Петергофом.

Проезжая мимо ст. Эльхотово, убедился, что война, к счастью, пощадила известный минарет, единственный памятник, оставшийся от средневекового Верхнего Джулата. Важное стратегическое положение в дефиле между двумя хребтами позволяет считать, что город строился здесь сперва в качестве военного укрепления и лишь с течением времени приобрел торговое и культовое значение.

22 июля прибыл в Махачкалу. Горцы одеты, как правило, в городские костюмы. На многих военная форма, но без погон. Папахи носят главным образом люди почтенного возраста. Они, как и у азербайджанских крестьян, часто не имеют матерчатого верха. Человека в летней войлочной кавказской шляпе повстречал за день всего один раз. Видел старика в расстегнутой черкесске, под которой одета рубаша с кинжалом на поясе. Причем кинжал висел не спереди, а на левом боку. Горянки носят традиционный широкий платок, низко спускающийся на их длинные платья, из-под которых иногда выглядывают шаровары. Вообще женский костюм и здесь претерпел меньше изменений, нежели мужской.

Дагестанский музей состоит из отделов художественного, естественноисторического, исторического и посвященного социалистическому строительству. В историческом представлена и археология. Из экспонатов обращают на себя внимание камни с высеченными на них крестами, небольшой каменный крест с грузино-аварской надписью, каменные барельефы из Кубачей, изделия дагестанских ремесленников, знамена войск Шамиля и русских полков, воевавших на Кавказе в XIX в., медали времен Кавказской войны, планы и виды старой Темир-Хан-Шуры, портреты Шамиля, его наивбов, Героев Советского Союза, подлинная картина Ф. А. Рубо «Пленение Шамиля», личные вещи Шамиля (седло, шашка и письменный стол европейского образца), Хаджи-Мурада (молитвенный ковер и глиняная посуда) и Сулеймана Стальского.

Фонды музея хранят интересную коллекцию оружия. В ней три деревянных лука, кольчуги, шлемы с забралом, налокотники, четыре щита (один из них хевсурского типа), три круглые керамические зажигательные бомбы с отверстием для фитиля, найденные у г. Дербента. Любопытен меч-кинжал. Собственно, это настоящий меч (длина 101 см, ширина 8,5 см), но форма эфеса аналогична рукояткам современных кавказских кинжалов. Отмечу

также следующие образцы холодного оружия. Сабля дамаскской стали (инв. № 7183) с мягким концом и куфической надписью на клинке. Эфес ее роговой. Приобретена в Южном Дагестане. Сабля с раздвоенным лезвием (инв. № 1680), имитирующая так называемую зу-л-фикар — саблю «праведного» халифа Али. Приобретена тоже в Южном Дагестане. Общая длина ее 87 см, длина расписанной части лезвия 53 см. Кривизну лезвия характеризует наибольший перпендикуляр, восстановленный с хорды; он равен 12 см. Клинок богато орнаментирован арабскими надписями, а также изображениями змеи (вдоль всего лезвия) и мужчины с обнаженной саблей (в верхней части лезвия). Украшены не только внешние поверхности обоих лезвий, но и внутренние, образовавшиеся после продольного распила сабли. Орнамент нанесен чернью и золотой насечкой. Палаш или прямая шашка с кавказским эфесом (длина 93 см, ширина 3,4 см). Сабля кривая с кавказским эфесом (инв. № 1671). Кинжалы-мечи: один длиной 72 см, шириной 5 см; другой длиной 69 см, шириной 5 см. На лезвии второго обозначена дата — 1290 г. хиджры, т. е. 1873/74 г. Ятаган-меч. Эфес повторяет форму рукоятки кавказского кинжала. Один его острый край во всю длину прямой, а другой — с изгибом, как у шашки (длина 74 см, ширина 5,1 см).

Среди сабель «татарского» типа одна украшена явно подложной латинской надписью: «Sicismundus III rex Polonia 1523». Лезвия обычных кавказских шашек иногда имеют податные полустертые латинские надписи.

Мой интерес к оружию был связан с поисками материалов о первобытных войнах. Представлялось, что предыстория военного дела скрывает ответы на ряд вопросов, связанных со стратегией, оперативным искусством и тактикой нашего времени. Однако поиски на Кавказе этнографических пережитков примитивных форм вооруженной борьбы не дали ничего существенного. Пришлось ограничиваться логическими построениями и материалами из жизни первобытных обществ за пределами Евразии.

Первобытные войны нельзя рассматривать в качестве простого наследия и подобия массовых драк, которые встречаются среди животных, так как первые из них порождались, хоть и не классовыми, но все же социальными причинами и тем самым отличались от вторых по существу. Кроме того, первобытные войны отличались от драк животных и с технической стороны, ибо «ополчение» имело известную организацию, предполагавшую взаимодействие отдельных его участников, которыми управляло специальное командование, а также пользовалось оружием, могло вести бой на расстоянии и в необходимых случаях прибегало к простейшей фортификации.

Причины войн в первобытном обществе могли быть экономическими, религиозными или моральными — борьба за спорную территорию, стремление к захвату женщин, потребность в человеческих жертвоприношениях, трофейных головах и скальпах, каннибализм, месть и в меньшей мере — желание овладеть чужим

имуществом, которое у первобытных собирателей, охотников и рыболовов не представляло большой ценности. Указанные причины влияли на выбор военных целей, т. е. задач, решаемых на поле боя. Если обратиться к наглядным примерам первобытных войн, то попытки определить наиболее рациональную военную цель, пригодную для любой войны (например, захват ключевых позиций противника или разгром его живой силы, или истощение его экономических и моральных ресурсов и пр.), оказываются несостоятельными из-за их односторонности. Военными целями первобытных ополчений чаще всего были изгнание врага с определенной территории, захват в плен женщин и мужчин, нанесение врагу материального ущерба, убийство определенного числа врагов или же поголовное их истребление. Зависимость военных целей от причин войны была тогда, пожалуй, нагляднее, чем в современных войнах. Так, для увода чужих женщин или приношения в жертву врагов не требовалось ставить перед собой такие военные цели, как изгнание последних с занимаемой ими территории или поголовное их истребление.

Этнографические материалы свидетельствуют, что в войнах, которые вели первобытные племена, участвовали, как правило, небольшие отряды. Сами эти войны нередко ограничивались одним боем. И даже в тех случаях, когда враждующие стороны много лет подряд сражались друг с другом, то была не единая война, обыкновенно состоящая из серии взаимосвязанных боев, а скорее серия самостоятельных войн, не связанных между собой общим планом. Поэтому до сих пор понятия «война» и «бой» выражаются одним и тем же словом в языках лезгинском (*дяве*), аварском (*рагъ*), чеченском (*тлом*), осетинском (*хæст*), кабардинском (*зауэ*), адыгейском (*зао*), абазинском (*айсра*), абхазском (*анбашьра*), карачаево-балкарском (*уруш*), ногайском (*согис*) и др. Общая военная цель, как правило, совпадала с тактической целью одной отдельно взятой кампании или даже одного боя. В этих условиях стратегическое руководство войной сводилось практически к тактическому руководству кампанией или боем. Таким образом, скоротечность первобытных войн, протекавших на небольшой территории, и участие в них малочисленных отрядов дают основание считать, что понятие стратегии как искусства ведения большой войны не применимо к маломасштабным первобытным войнам, которые полностью укладывались в тактические рамки.

Для рукопашной схватки необязательно требуется оружие, поэтому корни технических навыков ее можно обнаружить в практике борьбы за существование даже у примитивных видов животных. Что же касается боя на расстоянии, то условия для него появились лишь тогда, когда непосредственный предок человека, подобно орангутану, научился бросать во врага подручные предметы. Человеческий предок, бывший до этого почти беззащитным перед когтями и зубами дикого зверя, получил теперь возможность вступать с ним в борьбу на расстоянии и, таким образом, сводить на нет преимущества зверя в непосредственной схватке.

Первоначально бой мог состоять из взаимного нанесения механических ударов по телу. Не случайно лингвисты отмечают в аварском, бежитинском, гунзибском, даргинском, лезгинском и агульском языках генетическую связь между словами «битва» (т. е. «война», «бой») и «бить». ¹ То же можно сказать и о ряде других языков, например абазинском и русском.

Древнейшее оружие было универсального действия, а затем оно разделилось на метательное и предназначенное для рукопашного боя. Дальнейшая эволюция обоих названных видов оказывала далеко не одинаковое влияние на развитие военного дела. С древнейших эпох и до нашего времени военное дело, особенно тактика, незамедлительно меняется в результате усовершенствований преимущественно метательного оружия (много позже ставшего огнестрельным), а не предназначенного для рукопашного боя.

На эволюцию военного дела влияло не только оружие. Так, если изобретение пращи и лука увеличило глубину поля боя, то применение лодки намного расширило территорию войны. Лодка повысила значение маневра и сделала возможным использование водных пространств не только с коммуникационными целями, но и как места боя.

Средства и способы ведения войны, охоты и защиты от хищных зверей имеют общее происхождение. Это относится не только к оружию, которое долгое время не делилось на боевое и охотничье, но и к рассыпному строю, засадам, ударам во фланг и с тыла, окружению и пр. На охоте, как и на войне, издавна прибегали к разведке, маскировке, внезапности нападения, хитростям для обмана тех, с кем борются, и другим элементам, присущим военной тактике. Вооруженная борьба между первобытными людьми имела, конечно, и специфические черты, не свойственные охоте. Но вообще война на заре человечества отличалась от охоты не более, чем охота на оленей могла отличаться от охоты на пещерных медведей.

Всякая война требует от воинов согласованных действий. Простейшим способом достижения этого можно считать предварительный свободный сговор между равноправными воинами. Однако ни история, ни этнография не знают примера войска без военачальника. Более того, даже среди животных в массовых драках есть вожаки. Поэтому нельзя сомневаться в том, что уже на самой ранней ступени человеческой истории имелись военачальники. Наличие их было первым условием для согласованных действий всех воинов отряда. Простейшим видом тактики следует считать тот, при котором все воины стремятся подражать поведению своего военачальника и тем самым действуют одинаково. Управление боем такого отряда, не состоявшего из отдельных тактических подразделений, обходилось без командной иерархии. Единственный военачальник подобного отряда и сам еще не являлся настоя-

ним командиром, ибо, собственно, не командовал другими, а лишь служил для них примером, которому по желанию можно было и не подражать. Такая недифференцированная тактика напоминает поведение животных в массовой драке и могла наблюдаться в первобытных войнах лишь эпизодически.

Группировка воинов по родственному принципу (когда войну вели совместные силы нескольких орд, родов, фратрий или племен) способствовала возникновению военной иерархии, но лишь тогда приобретала тактическое значение, когда на отдельные подразделения воинов возлагались разные боевые задачи. Дифференциация оружия на метательное и предназначенное для рукопашного боя, а также стихийная группировка воинов на опытных, сильных и менее боеспособных уже на раннем этапе создавали условия для разделения боевого порядка на части с особыми тактическими целями. Нельзя забывать, что первобытные войны безусловно должны были унаследовать от коллективной охоты простейшее взаимодействие групп, выполнявших разные задачи.

О характере войн при родовом строе и частично в эпоху, предшествовавшую сложению рода, дают представление этнографические материалы, собранные среди остальных племен. Само собой разумеется, что эти материалы лишь в общих чертах отражают далекое прошлое. Конкретные примеры ведения войны первобытными племенами, ранее собранные этнографами,² нет нужды здесь пересказывать. Ограничусь лишь вытекающими из них общими выводами о тактических формах боевой практики таких племен.

Первобытные племена придавали большое значение шпионажу в тылу врага и военной разведке. На марше воинов иногда сопровождали носильщики продовольствия и лагерного имущества (обычно женщины), а также лекари. Существовала служба походного охранения. Если отряд рассчитывал застать противника врасплох, то нападал на него обычно в предутреннее время и в таком случае делился на две части, одна из которых окружала вражеское селение или стойбище и заранее перехватывала возможные пути отхода, а другая производила внезапную атаку на спящих. Если нападали на противника, успевшего подготовиться к обороне, то в боевом порядке нападающих источники отмечали передовой отряд, вооруженный дротиками, пращами и луками, который начинал бой на расстоянии. Кроме него нередко упоминаются ядро главных сил, фланговые отряды, тыловое прикрытие и засада. На берегах рек и морей при высадке десанта иногда выделялся особый отряд для поддержки его стрельбой с лодок. Противники сходились на поле боя в рассыпном или линейном строю.

Оседлые племена располагали свои селения на местности, удобной для обороны, и нередко огораживали их рвами, заборами,

² *Knabenhaus A.* Der Krieg bei den Naturvölkern. — *Jber. der geogr.-ethnogr. Ges.*, Zürich, 1915—1916, Bd 16; *Weule K.* Der Krieg in den Tiefen der Menschheit. Stuttgart, 1923; *Turney-High H. H.* Primitive war. Columbia, 1949; *Davie M. R.* La guerre dans les sociétés primitives. Payot, Paris, 1931.

полосами колючих или ядовитых растений, волчьими ямами и пр. В боевом порядке обороняющихся стихийно возникали главные силы и подсобный отряд из женщин и небоеспособных мужчин, несших службу снабжения, связи и оказания помощи раненым. Когда противники переходили врукопашную, то бой в целом превращался в сумму единоборств. Победители редко преследовали побежденных. Отсутствие налаженного снабжения мешало длительному преследованию, дальним военным походам и даже организации осад.

Этнографические наблюдения рисуют беспощадные войны между чуждыми племенами или ордами, не состоящими в родственных или деловых отношениях друг с другом. Если же конфликты между обычно дружественными группами населения перерастали в вооруженные столкновения, то последние, как правило, протекали в рамках обычая, не допускавшего большого кровопролития. Примерами подобного рода вооруженных столкновений особенно богата литература о быте аборигенов Австралии. При этих столкновениях не было места принципу внезапности, так как противнику не только объявляли «иду на вы», но и договаривались с ним о месте и времени сражения. Выступление воинов на такую войну не требовало организации марша, походного охранения и правил для сближения с противником. Воины нередко должны были сражаться лишь определенным видом оружия (иногда только палками) и часто лишь в количественно равном соотношении. Иногда сражение заменялось поединком одной пары воинов. Женщинам, детям, послам и некоторым другим лицам обычай предоставлял право неприкосновенности, даже если они оказывались непосредственно на поле боя. После нанесения обоюдоравного числа ранений или убийств обе стороны обычно прекращали сражение и приступали к мирным переговорам.

Подготовка, проведение и окончание войн у первобытных племен сопровождалось магическими действиями и соблюдением разных запретов: гаданием, толкованием снов и различных примет, колдовством, жертвоприношениями, воздержанием от некоторых поступков и пр. Магические песни и танцы служили одновременно и для самоэкзальтации воинов перед сражением. Воины шли в бой часто в праздничных, а также устрашающих нарядах или раскрашенными.

Иногда встречаются утверждения, что первобытные племена не умели закрепляться на захваченной территории и поэтому их наступательные действия будто бы превращались всего лишь в набеги, которые кончались возвращением на исходные позиции. Но это справедливо в отношении только тех войн, которые возникали не из-за территории. Когда же причиной войны являлось желание захватить у противника охотничьи или рыболовные угодья, то победители, конечно, делали все возможное, чтобы закрепиться на достигнутом рубеже.

Нельзя согласиться и с мнением некоторых ученых о появлении в войсках резерва лишь в античную эпоху. Этнография знает

много примеров выделения специального отряда, который в критический момент боя неожиданно для противника совершал нападение из засады. На древность засад указывает широкое применение их в охотничьей практике. Отряд, выделенный в засаду, выполнял роль активно используемого резерва.

Закат первобытнообщинного строя был закатом и первобытных войн. С переходом к классовому обществу появились неизвестные ранее мотивы для вооруженной борьбы (жажда захвата рабов, получения дани, грабеж скота, урожая и другого имущества). Первобытная война, по словам Ф. Энгельса, выродилась «в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ».³ Наряду со всенародным ополчением появилась и вскоре приобрела большое значение постоянная дружина воинов-профессионалов. Кроме индивидуального оружия стали нередко пользоваться оружием, требовавшим коллективного обслуживания (тараны, катапульты и пр.). На поле боя вместо рассыпного появился сомкнутый строй. Родо-племенные подразделения войска сменялись территориальными. На смену разрозненным боям, на которые распадались первобытные войны, пришли обширные во времени и пространстве, взаимосвязанные военные действия, потребовавшие не только тактического, но и стратегического руководства.

После экскурсии в первобытность возвращаясь к экспедиции 1947 г. 26 июля я отправился в кумыкское сел. Тарки. Проходя по окраинам г. Махачкалы, имел случай убедиться, что они выглядят, как кумыкское селение. Окна обращены во двор. Заборы глиняные. Стены домов и заборов часто не имеют побелки. Крыши плоские. Во дворах почти нет зелени.

Сел. Тарки лежит на склонах горы, и с трех сторон над ним высятся крутые обрывы. Улицы узкие и кривые, иногда переходящие в тропу. Плоскокрышие дома сложены из камней. Есть и несколько новых общественных построек с двухскатной крышей. На соседних склонах гор расположены обширные кладбища. Они наглядно свидетельствуют о многовековом существовании селения. Шоссе, проведенное через одно из кладбищ, разрушило ряд древних захоронений. Одна могила оказалась вскрытой, и видно, что она представляет собой каменный ящик из шести плит.

Печать недавнего военного времени лежит на внешнем облике жителей. Одежда на них ветхая, в заплатках. Многие мужчины еще донашивают солдатское обмундирование. В одном месте на улице пять девочек поштучно продавали фрукты. И это весь базар! Так выглядела в 1947 г. бывшая столица некогда могущественных хазар, а затем грозных шамхалов!

Местоположение селения убеждает, что его жители опасались нападения больше со стороны моря, а не гор. Поэтому строители прижали селение к горной террасе в 3 км от моря. Все это наводит

³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108.

на мысль, что горы для бывших владельцев Тарков являлись безопасным тылом. Иначе говоря, хазарские каганы, а потом и правившие здесь шамхалы не могли чувствовать себя в безопасности, если не владели и ближайшими горами. Теперь известно, что раньше от Тарков к морю шли две параллельные стены. Значит, Тарки играли роль второго Дербента, т. е. укрепленных ворот на пути из Закавказья на Северный Кавказ.

В Махачкале видел кинжал оригинальной формы. Он трехгранный, причем третья грань (вернее — ребро) выступает вдоль лицевой стороны клинка. Ширина клинка нормальная. Все три грани не заточены, но почти острые. Лезвие украшено арабскими надписями религиозного содержания.

Утром 29 июля выехал поездом в Южный Дагестан. Путь до ст. Белиджи проходит по приморской долине на виду у гор, которые вначале отступают, а затем снова приближаются. Первая остановка — ст. Манас. Дома ее, не считая пристанционных построек, крытых черепицей, плоскокрышие, сложены из самана, без побелки. Другие селения на нашем пути похожи на Манас.

Перед сел. Белиджи я заметил следы какого-то укрепления. Из окна вагона хорошо видны земляной вал высотой до 2 м и перед ним — ров.

Сел. Белиджи отклоняется от Манаса лишь большими размерами. Здесь имеется несколько духанов под вывесками «Чайная», «Столовая», «Буфет». В ближайшей «Чайной» женщина играет на тари и поет азербайджанские песни. В помещении станционного буфета стоит невообразимый шум от танцев, исполняемых под аккомпанемент тари и бубна.

От Белиджи начинается автомобильная дорога в ущелье р. Самура, но пассажирское сообщение еще не налажено и приходится пользоваться случайными грузовыми машинами. Это создает много неудобств.

Выехать в горы удалось лишь в 2 ч ночи. Слева от дороги, в предгорье, видна хорошо сохранившаяся каменная крепость Хазры, построенная русскими в первой половине XIX в.

Магарамкент и другие лезгинские селения не отличаются от азербайджанских и кумыкских. Однако зелени здесь больше. Плоскокрышие саманные домики разбросаны среди садов и огородов. В огородах стоят чучела, одетые в тряпье и увенчанные конским черепом.

Когда въехали в горы, дорога стала труднее. И селения изменили свой вид. Каменные дома в них тесно прижимаются друг к другу. Многие селения лежат на большой высоте. Например, сел. Гапцах расположено на самой вершине высокой и крутой горы. По пути встречаются буйволы. В одном месте их было целое стадо. Около сел. Мискинджа, левее дороги, находятся руины каменной крепости с круглыми башнями по углам. За руинами дорога вступает в узкую теснину, известную лезгинам под именем Цейхрар (Шейхрар). Очевидно, в XIX в. ее называли Аджихурской.

Мискинджа выглядит единым многоэтажным домом со множеством террас, образованных плоскими крышами.

Проехав 102 км от Белиджи, добрались до лезгинского сел. Ахты. Это самый большой населенный пункт в долине Самура и экономический центр верхней ее половины. Середина селения отличается тесной застройкой, а окраины состоят из усадеб, окруженных фруктовыми садами (в них растут яблони, абрикосы, черешни и т. д.). В селении имеются маленькая гостиница, чайные, парикмахерская, аптека, музей, кинотеатр и лезгинский драматический театр с постоянной труппой актеров. На местном базаре торгуют фруктами, овощами, бараниной, кислым молоком, чурками, предметами ремесла — медными тазами и кувшинами, одеждой и шерстяными чулками пестрой расцветки. Считается, что лучшие лезгинские чулки вяжут именно в Ахтах.

В центре селения через р. Ахтычай построены два каменных моста. На одном (арочном) стоит дата — 1322 г. хиджры, т. е. 1904/05 г., а на другом по-русски написаны фамилии иностранцев-строителей и год — 1915. В верхней части селения возвышается большое купольное здание джума-мечети, занятое музеем. У входа устроены каменные сиденья. На одном из них выгесан чертеж шахматной доски.

Почти все здешние лезгины носят лохматые папахи без матерчатого верха. Седла всадников часто покрыты козовыми покрывалами.

Пересев на почтовую машину, я отправился дальше, в сел. Рутул. Миновали живописное сел. Хрюг. В нем четыре «квартала» (*мех/ла*), носящих особые названия. В каждом из них проживают представители разных лезгинских фамилий. Над селением возвышается минарет в виде четырехгранной башни, увенчанный белым камнем, напоминающим бюст человека.

За сел. Зрых, у самой дороги, находится могила, которая считается «пиром», т. е. почитаемым местом. Она имеет высоту около 1 м и сложена из камней в виде куба. Сверху воткнута палка с привязанными к ней доскутками. Такой же «пир» есть и у сел. Кюлутль, что на другом берегу Самура.

Первое рутульское селение на нашем пути — Киче. Если лингвистическая граница между лезгинами и рутульцами выражена здесь ясно, то этого нельзя сказать об этнографической границе. Тип селений и все то, что с первого взгляда бросается в глаза, кажутся одинаковыми у обоих народов. Киче — обычный для данных мест террасовидный населенный пункт, почти не имеющий зелени.

Наконец, прибыли в Рутул. Он лежит на левом берегу Самура, который у рутульцев не имеет специального названия. Именуют его просто «река» (*нац/ур*), в отличие от *мере* — «ручей» или «речушка». К югу и западу от селения видны снежные горы. В Рутуле прохладнее, чем в Ахтах. Утром и вечером здесь нужно надевать что-либо теплое, да и днем, невзирая на лето, иногда вспоминаешь о пальто.

Дом, в котором я остановился, стоит на обрыве, и балкон висит над р. Рутулчаем. Среди селения выделяется большое каменное здание бывшей мечети с четырехгранным минаретом. На верху его лежит большой белый камень, такой же, как и на минарете в сел. Хрюг. Старики говорили, что из-за этих камней шла кровопролитная война между обоими селениями.⁴ Перед входом в другую мечеть устроены каменные сиденья. На одном из них вытесаны чертеж шахматной доски и спираль. На втором — тоже чертеж шахматной доски.

За селением, у дороги, идущей вверх по Самуру, находится заброшенное старинное кладбище, часть могил которого обнажилась. Они представляют собой каменные ящики — погребения по мусульманскому обряду. Кто и когда хоронил там своих покойников — жители не помнят.

Проживающий в Рутуле лезгин уверял, что рутульцы будто бы происходят от грузин и в доказательство ссылался на находки здесь каменных крестов и на крестообразные окна в некоторых домах. Кроме того, он сообщил, что в некоторых старых могилах скелеты лежат на спине, как положено у христиан.

Возле Рутула кроме обычных могил есть несколько мавзолеев. Население называет их по-персидски — «гюмбезы». Арабские эпитафии на них относятся к концу XIX в. Девять гюмбезов стоит на восточной окраине селения, за зданием средней школы. Другая их группа находится севернее селения, на правом берегу Рутулчая.

Рассказывают предание о том, что древний Рутул будто бы располагался ниже по течению Самура, в 0,5 км от нынешнего. Там, где он стоит теперь, жили евреи, персы и лезгины. Рутульцы выгнали их и заняли это место.

2 августа я вернулся в Ахты. Старик Манатиллов Пир-Мухаммед поведал, что до арабского завоевания здесь жили евреи и армяне. Причем первые из них обитали на склоне горы за джумамечетью, а вторые — в юго-западной части (на правом берегу р. Ахтычая, за арочным мостом). Тех и других будто бы изгнал арабский полководец Абу Муслим.

По другому преданию, недалеко от арочного моста, на правом берегу Ахтычая, в старину жил могучий атлет (*пехлеван*) по имени Шарвели, которого теперь почитают святым. Перед своей смертью он сказал односельчанам: «Если нападут враги и вам станет трудно, то пусть кто-либо из вас взойдет на гору, что между Самуром и Ахтычаем, и прокричит: „Шарвели! Шарвели!“, и я явлюсь на помощь».

Указанная гора называется Келесхев (Келесхъев). На ее вершине стоит небольшая башня, сооруженная жителями в Великую Отечественную войну в целях противовоздушной обороны. Сложена она из камня на земляном растворе. Постройка эта лю-

⁴ Подробнее см.: *Лавров Л. И.* 1) Рутульцы в прошлом и настоящем. — КЭС, 1962, т. 3, с. 118—119; 2) Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1962, ч. 2, с. 140—141.

бопытна тем, что в ней явно использованы традиционные навыки местного оборонительного строительства. Ниже башни, на склоне той же горы, видны следы древней крепостной стены, сложенной из камня. Рассказывают, что от стены подземный ход вел к реке. Жители считают, что крепость была построена еще до арабского завоевания царем Хосроем Ануширваном, которого здесь называют Адыл Нушерыван (арабское «'адыл» означает «благородный»).

Рядом с Ахтами есть русская крепость, построенная в 1839 г. Это солидное сооружение с мощными стенами, высотой около 4 м. Сложена она из булыжников на цементе и оштукатурена. В системе стен находятся одна круглая башня и четырехугольные бастионы. Стены окаймлены широким рвом и высоким валом. Расположение крепости таково, что она могла держать под наблюдением и долину Самура, и низовья Ахтычая. Хотя крепость лежит в низине, но расстояние до ближайших гор превышает дистанцию действительного огня из гладкоствольных ружей. Строители ее рассчитывали на отсутствие артиллерии у противника. Но когда в 1848 г. Шамиль открыл по крепости огонь из мортир, то она чуть было не пала к ногам дагестанского имама. Над северными воротами крепости вделана плита с датой — 183 г. хиджры.

Местный любитель старины, заслуженный артист Дагестанской АССР, работающий в лезгинском театре, Эмирджанов Эмиркули, сообщил, что древнейшим населением Лезгистана жители считают армян, евреев и персов; позже к ним присоединились выходцы из Аравии. Жители Хрюга — потомки евреев, а Рутула — потомки грузин. Эмирджанов обратил мое внимание на куфические надписи, выбитые на массивных камнях, вделанных в стену жилого дома. О них в литературе не было известно. Одну из них я скопировал. Она гласит: «Крепость сделал Аш-л-раха». Палеографически ее можно отнести к X—XIII вв. Еще в середине XIX в. Н. В. Ханыков опубликовал материалы о том, что в Ахтах была крепость, которой в XV в. владел ширваншах Халилулла и которая в начале XVII в. была разрушена. Теперешняя находка указывает на время постройки этой крепости и сообщает имя ее зодчего. Находка эта в дальнейшем побудила заняться арабским языком, сбором других старинных арабских надписей и их изданием.

Название р. Самура жители производят от лезгинского слова «цмур», что означает «куница», и уверяют, что ныне голые склоны окрестных гор прежде были покрыты лесами, в которых водились куницы. Рассказывают также, что в XVIII в. лезгины преподнесли Надир-шаху кунью шубу.

Сохранилось предание о каком-то городе, который будто бы существовал под горой у нынешнего сел. Гапцах, и о том, что на левом берегу Самура, несколько выше Ахтов, было сел. Чухер, причем этим именем иногда называют и р. Самур.

На здешнем кладбище есть почитаемая могила святого юноши. На ней сделано каменное сооружение в форме куба. Сверху воткнута палка, к которой привязаны разноцветные лоскутки.

История этого «пира» такова. Одна ахтынская семья приютила у себя мальчика из дальних мест, ставшего муталимом. Содержать муталимов почиталось богоугодным делом. Однажды этот муталим забежал в коровник, когда там мылась молодая жена хозяина. Увидев ее, он сразу же убежал. Одеваясь после мытья, женщина не обнаружила своей сорочки и решила, что ее стащил муталим, чтобы ошозорить. Она пожаловалась свекрови, а та в свою очередь — своему сыну, т. е. мужу той женщины. Муж, не раздумывая долго, убил муталима. Потом же оказалось, что сорочку съела корова (когда корову зарезали, в ее желудке обнаружили обрывки сорочки). Убийца после этого сделал на могиле гюмбёз, устроил большие поминки, и могила стала почитаемой.

К южнее Ахтов имеются и другие «пиры». На левом берегу Самура, против бывшей русской крепости, есть скала, которую называют Джынерын к'вал («Дом джинов»). В той скале имеется пещера, где будто бы обитает падишах джинов. С пещерой у ахтынец связано воспоминание о трагическом событии, происшедшем в XIX в. Неский ахтынец, войдя в пещеру, увидел в ней джина в образе красавицы, которая назвала его по имени и, когда он хотел выскочить из пещеры, преградила ему дорогу. Он ударил ее кинжалом, и из красавицы хлынуло молоко вместо крови, а сама она тут же исчезла. Ахтынец потерял разум, прибежал в Ахты и стал резать всех, кто попадал ему под руку. Он убил 14 человек, в том числе и деда Эмирджанова, совершавшего в то время намаз. Через несколько дней убийца пришел в себя и рассказал о происшествии в пещере, но ничего не мог вспомнить, что случилось с ним потом.

От П.-М. Манатилова записал следующую сказку. У одного царя были три дочери. Вызвал он первую и спросил: «Кто способен построить дом?». «Мужчина», — ответила она.

«Умница! — сказал царь. — Выдам тебя замуж за назира!».

Вызвал он вторую дочь, задал ей аналогичный вопрос и получил на него тот же ответ.

«Молодец! — сказал ей царь. — Выдам тебя за визиря!».

Вызвал он потом третью дочь и тоже спросил: «Кто способен построить дом?». Она ответила: «Женщина!».

«Нет! — воскликнул царь. — Выдам тебя за лентяя!».

Сказано — сделано. Живут две дочери в роскоши и богатстве, а третья ютится в бедной хибарке. Лентяй все время валяется на кровати и не хочет вставать. Свекровь поучает невестку, царскую дочь: «Не давай воды моему сыну, когда попросит! Пусть сам встанет!».

Царская дочь сварила вкусный обед, нарочно пересолила его и накормила им лентяя. Тот, не вставая, пообедал и попросил напиться. Но царская дочь лишь указала рукой на кувшин и кружку в дальнем углу комнаты. После долгих препирательств пришлось лентяю сползти с кровати и самому дотащиться до воды. На другой день жена опять накормила его пересоленным обедом, а кувшин с водой поставила во дворе. Лентяй снова тщетно просил

подать ему воды и снова должен был сам идти к кувшину. На третий день после такого же обеда лентяю пришлось отправиться за водой к источнику. На четвертый день царская дочь послала лентяя в лес за дровами и наказала ему продать их на базаре. Не хотелось лентяю покидать дом, но пришлось подчиниться, и он привез домой деньги, вырученные от продажи дров. Деньги ему понравились, и он по собственному почину стал ездить за дровами и затем продавать их вязанками. И вот однажды он сообщил, что нанялся погонщиком каравана, который отправляется в дальние страны. Жена и мать похвалили его. В дороге хозяин каравана как-то послал лентяя за водой к колодезю, около которого жило чудовище Аждагъа. Увидев лентяя, Аждагъа сказал: «Сперва ответь, на кого всю жизнь гляжу и не нагляжусь? Если ответишь правильно, то дам воды, а в противном случае погибнешь!».

Так как Аждагъа сидел над колодезем, в котором была лягушка, то лентяй сказал: «Ты любишься лягушкой».

Это была правда, и Аждагъа дал ему не только воду, но и шкатулку с драгоценностями.

Продолжая путешествие, лентяй повстречал караван, шедший навстречу. Он отдал шкатулку погонщикам, чтобы они отвезли ее к нему домой. Путешествие закончилось удачно, и лентяй возвратился на родину с заработанными деньгами. Проходя мимо знакомого колодезья, он снова навестил Аждагъу, и тот вторично одарил его драгоценностями. Когда бывший лентяй достиг родного города, то удивился, увидев дворец на месте своего старенького дома. Его жена, царская дочь, сказала: «Входи, не бойся, это твой дом!».

Выяснилось, что, получив шкатулку с драгоценностями, жена вынула из нее лишь один камешек и продала богачу, а на вырученные деньги построила дворец. Бывший лентяй со своими домочадцами зажил по-царски.

Спустя некоторое время царь получил приглашение навестить младшую дочь, причем в приглашении было сказано, что она будет рада принять отца вместе с 40 его приближенными. Царь приехал и изумился, так как жилище дочери оказалось лучше и богаче, чем его собственное. Целую версту гости шли во дворец по коврам, а потом их усадили в золотые кресла и угощали из золотой посуды. Когда царь и его свита славно погуляли и собрались в обратную дорогу, подошла к царю его младшая дочь и сказала: «Отец! Позволь мне задать тебе один вопрос?». «Задавай!», — ответил царь. «Продолжаешь ли ты и теперь думать, что постронуть дом способны только мужчины?». «Теперь вижу, что права была ты!», — сказал он. На этом сказка кончается.

В Дагестане, как и в других местах Кавказа, популярны анекдоты о вездесущем ходже Наср эд-Дине. Они не слишком оригинальны. Вот некоторые из них. Сидит однажды Наср эд-Дин дома и громко восклицает: «О, Аллах, пошли мне 100 рублей, но учти, что, если окажется хоть на копейку больше или меньше, я не возьму!». В это время проходил по улице богач, услышал эти слова и захотел подшутить над ходжой. Завернул он в тряпочку 99 руб-

лей 99 копеек и бросил через трубу в дом Наср эд-Дина. На следующий день богач пришел к нему, чтобы получить назад свои деньги, но тот отказал. «Как же так? — возмущился богач. — Ведь там было не 100 рублей!». «Правильно, — сказал ходжа, — но ты не учел, что Аллах высчитал с меня копейку за тряпочку, в которую были завернуты деньги!».

Шел однажды Наср эд-Дин с груженым ишаком по очень узкой тропе над пропастью и воскликнул: «Аллах, если поможешь благополучно пройти, то продам ишака добрым людям за очень дешевую цену!». Миновав опасное место, Наср эд-Дин сказал: «Нет, Аллах, я передумал продавать ишака!». Но тут ишак упал и издох. «О, Аллах! — воскликнул тогда Наср эд-Дин. — Конечно, я продал бы ишака, но ты, как вижу, не понимаешь шуток!».

Пилл как-то Наср эд-Дин ту ветку дерева, на которой сам сидел. Прохожий заметил ему, что он свалится. Когда это действительно случилось, то Наср эд-Дин догнал прохожего и сказал ему: «Если ты умеешь предсказывать, то поведай, когда я помру?». Чтобы отвязаться, прохожий ответил: «Умрешь, когда твой ишак три раза громко испортит воздух!». И вот едет Наср эд-Дин на ишаке и считает: «Раз испортил воздух, два ...». Досчитав до трех, он упал и долго лежал, воображая себя покойником. Тем временем появились волки и растерзали его ишака. Тогда Наср эд-Дин встал, вернулся домой и сказал жене: «Не ишак помер, а ходжа. Ишак перед тобой стоит!».

Пожелал однажды Наср эд-Дин узнать: существует ли справедливость? И вот нашел он как-то человеческий труп и сказал собравшимся людям: «Это я убил его!». Посадили Наср эд-Дина в тюрьму и приговорили к повешению. Уже перед виселицей его еще раз спросили: «Подтверждаешь ли, что ты убил его?». «Подтверждаю», — ответил он. Но тут вышел из толпы другой человек и сказал: «Ходжа врет, ибо убил я! Но не понимаю, зачем понадобилось ходже брать на себя вину?». Наср эд-Дин ответил: «Я испытывал, есть ли на земле справедливость? Теперь я убедился, что есть, но, чтобы ее добиться, надо дойти до виселицы!».

Однажды попросил Наср эд-Дин хозяина арбы подвезти его до города. Когда приехали в город, Наср эд-Дин заявил, что арба принадлежит ему. Завязался спор, и пошли они к кадию. Наср эд-Дин шепнул кадию на ухо: «Если присудишь арбу мне, то принесу тебе хорошее масло». Кадий решил дело в пользу Наср эд-Дина. Когда на другой день кадий стал пробовать принесенное ему масло, то оказалось, что это кал, обмазанный сверху маслом. Возмущенному кадию Наср эд-Дин сказал: «Ты не сегодня отведал кал, а вчера, когда арбу несправедливо присудил мне!».

Закончив работу в Ахтах, я уехал в Дербент. Грандиозные дербентские стены VI в., старейшая на Северном Кавказе мечеть, огромные кладбища с эпитафиями на арабском, персидском, армянском, еврейском и русском языках, нередко восходящими к XI в., и общий облик этого колоритного города ставят его в число исключительно интересных памятников старины. Однако преврат-

ности судьбы низвели теперешний Дербент до положения небольшого заурядного городка, одного из многочисленных районных центров Дагестана. Некогда грозные стены зарастают мхом и во многих местах разрушены. В пустующей цитадели пасется чья-то корова. Азербайджанско-еврейско-лезгинско-русское население города живет заботами нынешнего дня.

Город состоит из двух половиц. В нижней улицы прямые и дома современной городской постройки. В верхней — кривые и очень узкие, а постройки типично горские, почти без окон на улицу.

В городе есть очень скромный музей. Среди выставленных в нем экспонатов упомяну три ключа от Дербентской крепости, три керамические «зажигательные бомбы времен Чингисхана» (так написано на этикетке), чугунная «пушка времен С. Разина», крепостная пищаль без затравочного отверстия (длина 2,5 м, калибр 3,5 см), пять чугунных ядер разной величины, картины, портреты и фотографии.

Беглое знакомство с Дербентом заняло один день, после чего я вернулся в Махачкалу и далее в Ленинград.

В АБХАЗИИ И ЧЕРКЕСИИ (1948 г.)

25 июля 1948 г. я впервые вступил на землю Абхазии. Это было в Гагре. Так как высокие горы подходят там к самому морю, то селение имело в прошлом важное военное значение и некоторые авторы сравнивали его с Дербентом. Однако Гагра прикрывала Абхазию от набегов лишь ближайших ее соседей, а Дербент — все Восточное Закавказье и Иран от кочевников Предкавказья и Юго-Восточной Европы. На путях из Предкавказья в Абхазию было много труднопроходимых мест, и каждое из них могло иметь такое же военное значение, как Гагра.

В той части поселка, которую называют Старая Гагра, сохранилась крепость. Южный ее фас обращен к морю, а северный — к высокой горе. На западе, перед фронтоном крепости, протекает небольшая речка с низкими берегами. За ней — другая высокая гора, отделенная от моря узкой полоской берега, едва доступной для проезда. Стены крепости, сложенные из рваного камня на цементе, имеют высоту от 2 до 4 м. Башен, рвов и валов у крепости нет. Стены, за исключением южной, хорошо сохранились. В них видны следы многочисленных широких амбразур, позже заложённых кирпичом и превращенных в узкие бойницы. В трех углах крепости устроены выступающие наружу бастионы. Один из них в плане четырехугольный, остальные полукруглые. Следы разрушенного бастиона заметны и в четвертом (юго-восточном) углу. Со стороны моря есть стена только у западного бастиона, но уцелели остатки продолжения ее фундамента, а примерно посередине стена сохранилась на высоту 1 м и служит теперь барьером большой цветочной клумбы. Видно, что приморские ворота сперва

имели форму арки, а позже были переделаны в прямоугольные. Западные и северные ворота остаются и теперь арочными, а восточные представляют собой просто перерыв в стене. Размер крепости: длина северной стены около 113 м, южной — 115, западной — 122, восточной — 120 м; площадь каждого бастиона равна 10×10 м; толщина стен 1.5—2 м. Внутри северного бастиона сделано постепенное повышение для вкатывания пушки на площадку, служившую огневой позицией. Жители рассказывают, что раньше из крепости к реке вел подземный ход.

Местоположение крепости убеждает, что ее строили для прикрытия Гагринского прохода с северо-запада. Внутреннее пространство крепости можно было простреливать со склонов ближайшей с севера горы. Поэтому строители, очевидно, владели и этой горой. В XIX в., когда соседние горы занимали горцы, а крепость — царские войска, последняя испытывала постоянную угрозу со стороны гор.

В первой половине XIX в. Гагринская крепость подверглась значительной реставрации и перестройке. Время же ее первоначального строительства остается неизвестным. Однако некоторое указание на него дает находящийся в крепости храм домонгольской эпохи. Крепостные стены вряд ли возводились вокруг уже существовавшего храма. Скорее, храм строился внутри ранее возникшей крепости.

Храм сложен, как и стены крепости, из рваного камня на цементе. Камни обеих построек имеют разную величину, но форма их преимущественно прямоугольная. В нижних частях стен встречаются массивные камни. Вверху, у крыши и на некоторых углах храма, кладка, видимо, более поздняя. Она содержит мелкие камни неправильной формы. Стены сравнительно гладкие. Толщина их равна примерно 1 м. Явно поздняя крыша сделана из шиферных плиток, сверху зацементированных. Купола отсутствуют. На восточном и западном краях крыши стоят каменные кресты «мальтийского» типа. Потолок в храме сводчатый. Пол выложен большими каменными плитами неправильной формы. В западной части интерьера имеются деревянные хоры, к ним ведет деревянная же лестница. Хоры эти могли быть сооружены в XIX в. Иконостаса нет. Его заменяют каменная арка и два каменных столба по ее сторонам. В арку вделаны две иконы, написанные М. В. Нестеровым. Под иконами, вероятно, еще в древности вытесаны два круга с «мальтийскими» крестами. На столбах, стоящих по обе стороны арки, видны рельефные греческие буквы: «альфа» — на левом, «омега» — на правом. Крест в круге, аналогичный находящимся на арке, вырезан также над дверью, ведущей из основного помещения храма в юго-западный притвор, и снаружи храма над главным входом. Все окна очень узкие и имеют полуциркулярный верх.

Храм этот можно отнести к ранней поре кавказского христианства. Изображение «альфы» и особенно «омеги» указывает на то, что строителями были либо византийцы, либо мастера, находив-

шлись под их непосредственным влиянием. Храм реставрирован в XIX в., когда он превратился в церковь гарнизона царских войск. Следы реставрации видны в верхних частях стен и на углах. Крыша сооружена, конечно, тоже в XIX в. Оба каменных креста на ней могли раньше стоять на могилах и лишь в XIX в., очевидно, были перенесены на крышу.

Теперь в храме открыт музей. Он еще небогат, но вокруг него уже группируются любители-краеведы. Из экспонатов музея назову три медных блюда (с изображениями Моисея и, кажется, Аарона, а также с несколькими еврейскими и одной арабской надписями; со многими аллегорическими рисунками и арабскими надписями; с изображениями людей — некоторые в чалме — и арабской надписью); три чугунные бомбы большого размера; старинный простой церковный подсвечник; купель; мраморную фигурку женского божества со статуэткой в правой руке и надписью *Θεομήτορ Α. Ω. Αβιάνη. Ε*; два кремневых ружья.

Приехав в Гудауту, посетил краеведа А. Л. Лукина, с которым познакомился в Ленинграде еще до войны. Живет он с женой в домике с небольшим садом. По специальности Лукин фельдшер и работает на одном месте, кажется, с 1906 г., когда его предшественник, гудаутский фельдшер Г. К. Орджоникидзе, был арестован за подготовку восстания. Несмотря на почтенный возраст, Лукин полон энергии, которую употребляет на лечение пациентов и археологические разведки в Бзыбской Абхазии. Ему принадлежит честь открытия многих памятников эпохи бронзы и одного из первых на Кавказе неолитических селищ (Кистрикского). Он показал мне несколько больших ящиков с бронзовыми и каменными орудиями, оружием и украшениями, которые собрал и хочет передать в Эрмитаж.

А. Л. Лукин рассказал, что р. Бзыбь старики абхазцы считают исторической границей Абхазии, а жившие за Бзыбью племена асадзуа не признаются ими абхазами. Один из представителей абхазской княжеской фамилии Ачба (Анчабадзе) уверял Лукина, что их род происходит от абазинских князей Лоовых.

Интересной была поездка в абхазское сел. Лыхны. Это не селение в привычном для нас смысле слова, а сумма хаотично разбросанных отдельных усадеб. Они начинаются сразу же за городом и тянутся на 10 км. Шоссе, проходящее между усадьбами, является единственной улицей. Усадьбы состоят из дома, расположенного в глубине двора, ровной площадки перед домом, поросшей травой, хозяйственных построек, сада и довольно значительного огорода. Усадьбы ограждены то деревьями, перевитыми ежевикой, то косым неаккуратным плетнем, то частоколом. Виден ворота двух типов: в виде легкой рамы из поперечных и продольных жердей, похожей на крупную сетку; двустворчатые из вертикальных дощатых планок, набитых на две горизонтальные жерди. Последний тип имеет над собой высокий двухскатный навес. Калитки часто заменяются перелазами. Большинство домов стоит на земле без фундамента и без каменных подставок. Они турлучные или дощатые, в том и

другом случае имеют непременно открытую веранду. Крыши обычно из дражки.

Одежда мужчин состоит из рубахи навывпуск, брюк-галифе, заправленных в носки, кавказского или форменного военного пояса, полуботинок, войлочной кавказской шляпы, которую нередко заменяет матерчатая панама белого или серого цвета, военная фуражка либо кепка. К поясу подвешен нож в ножнах. Большинство женщин одеты во все черное (платье, платок и чулки). На ногах у них туфли на каблуках или часто чупаки.

В 4 км от Гудауты находится центральная часть сел. Лыхны с обширной поляной, на которой в старину происходили всенародные собрания абхазцев. Поляна покрыта травой и окружена липами и другими деревьями. Ствол одной из лип имеет в обхвате 4,6 м. Под нею устроено каменное сиденье. По одну сторону поляны стоит здание сельсовета, по другую — древний византийский храм, по третью — развалины дворца бывших владетелей Абхазии, князей Чачба (Шервашидзе), а вдоль четвертой стороны проходит шоссе.

От дворца хорошо сохранились стены первого этажа, несколько хуже — второго. В первом этаже 10 комнат, в том числе и большие залы. Дворец строился, видимо, в два приема. Сперва была сооружена северная сторона, стены которой сложены из массивных тесаных блоков камня. Позже к ней пристроили остальную часть первого этажа и весь второй. Стены их сложены также из каменных блоков, но меньшего размера. В старой части дворца вход имеет вид арки; за ней — нарядный вестибюль в мусульманском стиле (с раскрашенными в разные цвета «сталактитами»). Арка входа позже переделана в четырехугольную дверь. Вестибюль соединялся с первой комнатой тоже аркой. Во внутренних помещениях дворца уцелело несколько пристенных каминов, иногда с каменными резными украшениями. Северная, западная стороны и часть восточной имели на втором этаже веранду. Восточная сторона примыкает к обрывистому берегу реки. Над обрывом стоит невысокая каменная четырехгранная башня. Наличие гнезд в ее стене для существовавших некогда бревен и таких же гнезд в ближайшей стене дворца свидетельствует, что между башней и дворцом находился переход с деревянным настилом. Башня была, очевидно, дворцовой уборной. Вокруг дворца видны фундаменты каких-либо построек и множество битых камней и керамики. Валяющиеся тут же куски полуцилиндрических черепиц указывают на характер крыши дворца. Существует легенда, что строительство дворца подвигалось медленно, пока в фундамент не замуровали трех живых людей.

Старинный лыхнинский храм — большое и сложное сооружение, очень похожее на средневековые храмы Карачая. К сожалению, храм оказался заперт, и поэтому не удалось попасть внутрь его. Он остается действующим, но служба производится только по воскресеньям. Описания храма не раз публиковались в специальной литературе.

Жители Лыхи говорят, что севернее их селения растет очень большой дуб, который старики считают священным.

30 июля я расстался с Гудаутой и приехал в Ахали Афони (так тогда назывался Новый Афон). На главной улице, почти против пристани, находится гостиница, часть здания которой переделана из старой постройки, принимаемой за генуэзскую башню. Древняя облицовка башни хорошо видна только со стороны моря. К трем другим ее сторонам позднее примкнули пристройки. Уцелевшая стена сложена из камней неопределенной формы, на цементе. Длина основания стены около 10 м. Толщина стен в первом этаже башни 1.5 м. Внутренняя площадь первого этажа 11 × 11 м. Высота башни равна примерно длине ее основания. Башня могла иметь два этажа, но сейчас междуэтажное перекрытие не сохранилось. Кверху постройка несколько сужается.

Поднявшись на Иверскую гору, я произвел глазомерную съемку находящихся там развалин раннесредневековой крепости Анакопия. Не стану давать подробное их описание, так как это неоднократно было сделано другими авторами. Ограничусь только несколькими замечаниями частного порядка.

На крепостных стенах кое-где выросли большие деревья. Один дуб имеет в обхвате 3.5 м. На западе крепость начинается большой круглой башней, о которой у В. П. Пачулиа сказано, что «диаметр ее 45 м», а «толщина стен 120 см».¹ По моим же измерениям, внутренний диаметр на уровне пола 7.15 м, а толщина стен 2.65 м. В нише справа от входа в крепость, очевидно, был очаг, и поэтому ниша покрыта копотью. Башня заканчивалась вверх массивным каменным цилиндром диаметром около 1.5 м, увенчанным восьмигранным паралетом. Башня находится на стыке северо-западной и южной стен крепости. Северо-западная стена на расстоянии 9 м от башни имеет толщину 3 м. Там располагались ворота, а в 15 м далее от них начинается ответвление главной стены, перпендикулярное к ней, — внутренняя стенка, идущая к южной стене. Эта внутрикрепостная перегородка отделяет привратную часть с башней от остальной территории крепости. Северо-западная стена за указанным ответвлением вскоре сходит на нет, а ее продолжением является укрепленный камнями недоступный обрыв горы. Еще дальше этот обрыв переходит в естественную скалу. Следуя вдоль нее, можно дойти до наивысшей точки Иверской горы, где расположена цитадель с башнями и древним храмом внутри.

Южная стена, как и северо-западная, сохранилась не на всем своем протяжении. Во многих местах от нее осталась только нижняя часть, укреплявшая обрыв, над которым возвышалась когда-то стена. Восточная половина южной стены принимает северо-восточное направление и, наконец, исчезает, будучи заменена каменной «одеждой» обрыва, недоступного для штурма.

¹ Пачулиа В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969, с. 124.

Башня в западной части цитадели отличается от других башен и бастионов крепости и напоминает собой так называемую генуэзскую башню в самом Ахали Афони. Из цитадели открывается роскошный вид на побережье моря вплоть до Кодорского мыса.

В разных местах на территории крепости видны остатки стен и зданий. Всюду много битой керамики, преимущественно без поливы. Попадают ручки амфор, квадратные кирпичи и гладкие черепицы.

Под Иверской горой, на окраине Ахали Афони, стоит еще один средневековый храм. В XIX в. он был посвящен Симону Канониту. Монахи, реставрировавшие его, надстроили центральный купол и деревянную колокольню над входом, а внутри выложили пол досками. Снаружи южной стены вырезаны в камне греческие буквы и изображение креста в круге. Кстати, изображение это сильно отличается от его воспроизведения в известном труде И. Помяловского.²

Памятники древности в Ахали Афони убеждают, что их назначение было иным, нежели крепости в Гагре. Последняя являлась пограничным укреплением, и на нее возлагалась задача, не допускать прорыва противника на юго-восток. Анакопия же была не только крепостью, но и административным центром Абхазии. Находки здесь греческих христианских памятников X—XII вв. говорят в пользу присутствия византийцев либо сильного их влияния на культуру местного населения. Ранняя форма храма в цитадели указывает на проникновение сюда византийского влияния примерно в VI—VIII вв. Западная башня в цитадели построена, очевидно, одновременно с башней у пристани.

Ахали Афони, как и Гагру, населяют русские и мегрелы. Абхазцев удается видеть только на базаре. Одеты они по-городскому. Даже кавказские пояса редко попадают на глаза. Многие приезжают на базар на двухколесных арбах, в которые впряжены буйволы. Видел одну арбу со сплошными колесами без спиц.

2 августа я прибыл в Сухуми. В историческом отделе музея представлены находки эпох палеолита, неолита, бронзы (кобанско-колхидской культуры), железные мечи, керамика, архитектурные фрагменты средневековых храмов. На камне из храма в сел. Бедиа вырезан такой же крест, как и на стене Симоно-Канонитской церкви в Ахали Афони. Из более поздних экспонатов упомяну портрет владельца Абхазии князя Сефербея Шервашидзе в мундире русского офицера.

В городе на берегу моря сохранились стены турецкой крепости XVI в. Представляется, что турки построили ее на развалинах более древнего укрепления, которое, видимо, не имело бастионов. На территории крепости видны следы былых каменных построек и многочисленные фрагменты старой керамики.

² Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, с. 41, № 65.

Во время прогулки к Беследскому мосту XI—XII вв. у северной окраины сел. Пырц, на берегу р. Беследки, я нашел кремневый отщеп, относящийся к верхнему палеолиту или неолиту.

На вершине горы Чернявского осмотрел руины, именуемые «замком Баграта», позже подробно описанные М. М. Трапием.³ На территории замка зияет большой котлован, служивший окопом для зенитного орудия в годы Великой Отечественной войны.

Рядом с городом находится сел. Келасури. В приморской его части живут в основном русские, а в той, что подальше от моря, — абхазцы. На территории селения находится известная Келасурская стена. Время ее строительства остается до сих пор невыясненным. Начинается стена длинной башней, стоящей у самого моря. Толщина стен башни около 2 м, а самой Келасурской стены — 1.65 м. В стене башни и вокруг нее встречаются кости животных. Внутри башни, около входа, из камней на цементе сложен какой-то ящик, возможно могила. Высота сооружения 1.2 м. В восточной стене проделано одно широкое окно, в западной — три окна на высоте 4 м. В южном срезе восточной стены, снаружи башни, сохранился камень арочной формы. К башне примыкала раньше какая-то постройка. У северного входного проема в кладке есть несколько тесаных камней прямоугольной формы. Внутри башни и вокруг нее попадаются фрагменты красной и серой керамики.

Житель соседнего дома рассказал, что пару лет тому назад в башне выкопали железный нож и маленькое золотое кольцо. Сам он недавно вскапывал землю около Келасурской стены, в 200 м от башни, и нашел человеческий череп вместе с черепками, среди которых были и чернолаковые.

Келасурская стена не имеет бойниц. Недалеко от моря она пробита железнодорожным полотном, затем поднимается в гору, но за ближайшим домом обрывается. Выше на горе виден небольшой замок. До сел. Багмарани следов стены нет. Ее могли заменять крутые склоны гор на левом берегу р. Келасури. Дальше Багмарани я не ходил, но жители говорят, что стена там опять себя обнаживает.

Система укреплений, объединяемых общим названием Келасурской стены, тянется в районе Сухуми по склонам гор левого берега р. Келасури. На юго-востоке от стены — горы, а на северо-западе — долина реки, хорошо просматриваемая со стены. Таким образом, тактические свойства местности доказывают, что эту часть стены строили для обороны Юго-Восточной Абхазии, а не Северо-Западной, как утверждает М. М. Гунба.⁴

Сел. Багмарани абхазцы называют Багбран и производят данное название от абхазской фамилии Баг, представители которой, как говорят, проживали здесь до массового переселения аб-

³ Трапиз М. М. Труды. Сухуми, 1975, т. 4, с. 151—171.

⁴ Гунба М. М. Келасурская стена. — Изв. Абх. ин-та яз., лит. и ист. им. Д. И. Гулиа, Тбилиси, 1977, т. 6, с. 147.

хазцев в Турцию в XIX в. Эта же фамилия была известна у абазин в Закубанье и на Черноморском побережье.

Против Багмарани, на правом берегу р. Келасури, видны руины замка, расположенного на маленьком холме. Мой старый знакомый, Г. З. Шакирбай, проживающий в Багмарани, показал найденные им в этом селении две каменные зернотерки, фрагмент остродонной амфоры и черепки с сетчатым орнаментом. Есть предание, что на соседней горе, за р. Келасури, закопан золотой бык.

В Багмарани живут мегрелы и очень немного абхазцев. К последним принадлежит и мой знакомый. Это одаренный человек, но плохо использовавший свои богатейшие артистические способности и знание языков. В частности, он свободно говорил по-мегрельски, по-грузински, по-турецки, по-гречески и, конечно, хорошо знал русский и родной абхазский языки. Кроме того, мог изъясняться и на ряде других языков.

В Багмарани, как и в сел. Келасури, усадьбы мегрелов и абхазцев располагаются вдоль дороги. Они примыкают одна к другой и создают подобие селения в обычном понимании. В сторону от дороги усадьбы разбросаны безо всякой системы. Заборами служат плетень с косой или прямой заплеткой, каменная стенка, живая изгородь и частокол. Последний состоит из неровных по высоте вертикальных палок, верхние части которых привязаны к горизонтальной жерди при помощи скрученных лоз. Ворота имеют вид рамы из тонких горизонтальных жердей, прикрепленных концами к двум вертикальным. Для прочности рама скреплена еще одной жердью, прибитой по диагонали. Бывает, что вместо одной диагональной жерди ворота скрепляют двумя более короткими жердями, каждая из которых соединяет один из двух нижних углов рамы с серединой верхней горизонтальной жерди. Часто над воротами устроен двухскатный навес. Дома стоят на столбах или на каменных подставках. Стены домов в одних случаях турлучные, в других — дощатые. Доски на стенах приколочены вертикально. Дома имеют открытую веранду с двумя дверями и крыты дражкой или (реже) черепицей. Все дома стоят в глубине дворов.

Две недели назад у Г. З. Шакирбая умер брат, поэтому Георгий Захарович небрит, а племянницы покойного одеты во все черное и ходят с распущенными волосами. Траур должен соблюдаться 40 дней. В комнате на столике поставлены букет цветов, тарелка с яблоками, по стакану меда, воды и растительного масла — это символическая пища покойнику. Похороны стоили очень дорого. Только хлеба на поминках было съедено 60 кг.

В Абхазии часто можно встретить молодых людей, носящих в знак траура черную повязку на левой руке и маленькую фотографию умершего, приколотую на левой стороне груди. Вообще пережитки заупокойного культа здесь очень заметны. Например, газета «Советская Абхазия» большое место отводит не только объявлениям о смерти разных лиц, но и выражениям соболезнования родственникам умерших.

По возвращении в Сухуми я видел мегрельскую похоронную процессию. Впереди всех шла женщина с большим букетом цветов. Она вынимала по цветку и бросала на землю. Так она делала на всем пути до кладбища. Существует поверье, что посмеявшийся поднять с земли цветок обязательно скоро умрет. За женщиной с букетом следовали те, кто держал венки, потом — двое мужчин с крышкой гроба, затем — несшие гроб, а за ними — ближайшие родственники. Первая среди них — громко причитавшая старая плакальщица, которую вели под руки две женщины. За плакальщицей шли более дальние родственники, после них — знакомые и в самом конце процессии — духовой оркестр. Женщины (за исключением идущих сзади) были одеты во все черное.

У абхазцев до сих пор младшие встают перед старшим, свято соблюдают обычай гостеприимства, провожают гостя за село и т. д.

При встрече мужчины приветствуют друг друга так: правый кулак подносят к своей груди и потом опускают вниз.

Старики верят, что пещеры служат обителью для духов, поэтому стараются туда не входить. Если же этого не избежать, то, входя в нее, запевают определенную песню.

Среди экспонатов Абхазского музея имеются медные ствол пушки и приставная камора к ней, которые датируются XV—XVI вв. Найдены они в районе Гагры.

На территории Сухумской крепости находятся могилы бывшего владельца Абхазии Келешбея и комсомольцев, павших в борьбе с меньшевиками. Все это в страшном запустении.

Школы, в которых совсем недавно обучение велось на абхазском языке, были уже переведены на грузинский язык. Абхазский же, как и русский, являлись лишь отдельными предметами. Добавлю, что все вывески в Сухуми были написаны по-грузински.

Два дня я провел в Сочи. В Сочинском историко-краеведческом музее внимание привлекли орудия из неолитической мастерской на р. Мзымте, открытой в 1938 г. директором музея А. П. Красновым, инвентарь неолитической стоянки Бочаров Ручей, открытой в 1941 г. им же, каменный лемех, предметы из бронзы кобанско-колхидского типа, фрагменты чернолаковой посуды, круглый щит, очевидно, иранского происхождения и план Даховского поселка 1897 г.

А. П. Краснов говорил, что его археологические изыскания в окрестностях Сочи доказывают связь культуры горцев XIX в. с местным неолитом. Говорил, что нашел предметы, относящиеся к мотыжному земледелию эпохи неолита.

Другой работник музея рассказал о находке остатков крепостных сооружений в месте слияния рек Аибги и Мзымты и на древней тропе у заповедника. Кроме того, на р. Мзымте сохранилась «цементная труба», в которую может пролезть человек. Труба ведет в сооружение типа погребя.

В г. Черкесске, куда я прибыл из Сочи, еще были слишком живы последствия минувшей войны. Многие из знакомых погибли

или переехали. В местном музее заново открыты пока только два отдела: естественноисторический и социалистического строительства. Экспонаты, имевшиеся до войны, погибли. Черкесский научно-исследовательский институт и национальное издательство еще не были восстановлены.

Война способствовала некоторому оживлению религии. В ряде селений снова открылись мечети. Отдельные учителя стали соблюдать уразу. В сел. Вакожиле школьники на уроке вставали, когда муэzzин призывал к молитве.

Черкесский писатель А. Н. Охтов рассказал мне кое-что о местных знахарях. Например, как один абазин из сел. Псыж будто бы умел лечить язву желудка, сифилис и другие болезни, а отец Охтова — зубную боль и недержание мочи.

В ДАГЕСТАНЕ И НА КУБАНИ (1949 г.)

На Дагестанскую экспедицию 1949 г., в состав которой вошел и я, были возложены две задачи. Во-первых, нужно было исследовать конкретный процесс национальной консолидации народов Дагестана, самой многонациональной республики Советского Союза. Во-вторых, предстояло собрать материалы для кавказского тома коллективного труда «Народы мира». Лично я должен был выполнять оба этих задания на территории лакцев. Необходимо было также заехать в Адыгею для уточнения некоторых вопросов истории Северо-Западного Кавказа.

Итак, 12 июля экспедиция прибыла в столицу Дагестана, г. Махачкалу. Там мы были приняты первым секретарем обкома ВКП(б) А. Д. Данияловым. Он сказал, что процесс национальной консолидации интереснее изучать у аварцев, нежели у лакцев, которые давно консолидированы.

В Махачкале я услышал следующую кумыкскую легенду. Некая девушка однажды отправилась в лес за сосновыми шишками и не вернулась домой. Поиски ее оказались тщетными. Спустя много времени один охотник, находясь в лесу, готовил себе еду и увидел, что издали за ним наблюдает существо, похожее на покрытого шерстью человека. Охотник отрезал кусок мяса и бросил ему. Тот съел и, сидя, задремал. Тогда охотник покрыл буркой валявшееся бревно, положил рядом свои чуваки, а сам влез на дерево и стал ждать. Когда волосатое существо проснулось, то, приняв бревно за спящего охотника, бросилось к нему и вонзило в бревно что-то острое, бывшее у него на груди. Охотник же выстрелил, и раненое чудовище убежало. Потом, бродя по лесу, охотник повстречал женщину, шедшую за водой. На некотором расстоянии от нее охотник заметил какую-то фигуру, спрятавшуюся за деревьями. Охотник спросил женщину: «Кто это за деревьями?». «Мой муж, — ответила женщина. — Он ранен. Не приближайся, а то он тебя убьет!». Но охотник не послушался. И из-за деревьев выскочило знакомое ему чудовище. Выстрелом в лоб охотник

убил его. Идя дальше, он обнаружил пещеру и в ней колыбель с ребенком, которого встреченная им женщина родила от чудовища. Ребенок был очень похож на своего отца, поэтому охотник убил его. Женщину же он увел к себе домой. Она оказалась той девушкой, которая в свое время пропала в лесу.

Легенда эта расширяет границы распространения фольклорного сюжета о лесных человекообразных чудовищах с острой костью на груди, которой они убивают встречаемых. Вместо кости иногда фигурирует подвешенный к груди топор. До сих пор подобные легенды были записаны только на Северо-Западном и отчасти Центральном Кавказе. Оказывается, они бытуют и в Дагестане.

Другим примером совпадения фольклорных сюжетов на Северо-Западном Кавказе и в Дагестане может служить предание об урочище Тубы в Закубанье, которое считают своей прародиной не только многие адыгейские племена, но и кумыки. Кумыкский вариант этого предания слышал участник нашей экспедиции Я. А. Федоров.

Чтобы добраться в горы, мы сперва едем поездом до г. Буйнакск. Стель за окном постепенно переходит в холмистое предгорье с кумыкскими селениями. Первое из них, Капчугай, состоит из глиняных домов с плоскими крышами. Встречались крыши и двухскатные, но настолько пологие, что их можно принять за плоские. Стены большинства домов не побелены. Таким же был вид и двух следующих кумыкских селений — Халимбекаул и Кафыр-Кумух. Поражало в них отсутствие зелени.

Буйнакск — небольшой городок, в котором лишь кое-где были видны двухэтажные кирпичные здания. На фасаде ряда домов имелись еврейские надписи. Одна из них содержала дату — 1862 г. Вокруг города много садов. Живут в Буйнакске кумыки, русские, горские евреи, лакцы и др. В центре города возвышается двухэтажная круглая башня, сложенная из кирпича. Ее называют «шамилевской», но она построена русскими в XIX в. Недалеко от железнодорожного вокзала находится действующая мечеть с минаретом. При ней состоит главный муфтий Северного Кавказа. На окраине города есть холм, на котором расположено мусульманское кладбище. На нем много каменных памятников с художественной резьбой и раскраской. Осыпь холма содержит значительный культурный слой (каменная кладка, керамика, фрагменты железных предметов, древесный уголь), свидетельствующий о существовании на этом месте древнего могильника. Большую коллекцию фрагментов старинной керамики удалось собрать также по другую сторону города, на пашне и в саду, около пионерского лагеря.

Из Буйнакска мы со студентом-практикантом выехали на автобусе в горы. Сперва проезжали мимо кумыкских селений. Первым был Муслимаул — чистенький, богатый садами и двухскатными черепичными крышами. За ним — сел. Буглен, где заметили немало буйволов. Перед сел. Нижний Дженгутай, у дороги, — два каменных мусульманских памятника. В селении видна мечеть с минаретом. Следующее селение — Верхний Дженгутай. Облик

его такой же, как и у предыдущих, но в нем кроме кумыков живет много аварцев. Дальше долго добирались до аварского сел. Урма. Дома его разбросаны без всякого плана. Встречные женщины носят шаровары, а их головные уборы имеют металлические височные украшения в виде круглых блях диаметром около 10 см. За Урмой дорога приводит в землю даргинцев, прежде всего в сел. Левашинский районный центр. В нем старые каменные двухэтажные дома, иногда с арками, есть магазины, столовая и разные учреждения. Недалеко от главной улицы раскинулось большое кладбище. Само селение, как и Урма, почти лишено растительности.

Сел. Ходжалмахи, тоже даргинское, окружено богатыми фруктовыми садами. В нем возвышаются минареты двух бывших мечетей. Сразу за селением растет «священное» дерево, к веткам которого привязаны узкие доскутки. Отсюда дорога идет по берегу р. Казикумухское Койсу, которую даргинцы называют Варычан — «река» (в отличие от небольших речушек, именуемых *xlerkly*). Невольно приходит на ум название хазарского г. Варачан в Северном Дагестане.

Против Ходжалмахи, за рекой, раскинулось сел. Ташкопур (по-даргински Шунрегте). В нем тоже много садов. Минарет, как и в Ходжалмахи, устроен прямо над центральной частью мечети. Река здесь так стиснута соседними скалами, что ее можно перешагнуть, а в некоторых местах она и вовсе закрыта естественной каменной крышей. Отсюда и официальное название селения, образованное из кумыкского *таш кьопур* — «каменный мост».

Было уже темно когда мы прибыли в сел. Цудахар, центр одноименного района. Жители рассказывают, что в древности здесь жили армяне. Образование же даргинского населенного пункта легенда приписывает паре влюбленных, которая бежала от ханского притеснения из Ташкопура. Беглецы поселились на горе Хьенз, что рядом с Цудахаром круто вздымается на правом берегу Казикумухского Койсу. Они и положили начало селению, которое сперва называлось Суахар — «Водопад». Когда Суахар (или Цудахар, как потом его стали называть) разросся, то жители спустились с горы и обосновались на невысоком крутом холме у окраины нынешнего Цудахара. Его население не подчинялось ни ханам, ни бекам. Участвуя в набегах на Грузию, цудахарцы уводили оттуда пленных, от которых произошли ныне существующие здесь фамилии Сарки (т. е. Саркисян), Къанни, Жинакхали и др. Цудахарцы при угрозе нападения лакцев отправляли семьи в сторону сел. Акуша, а сами занимали оборону в соседнем узком ущелье. Для этого же пользовались крепостью, развалины которой сохранились на северном склоне горы Хьенз. В крепости нередко они укрывали свои семьи и имущество. За участие в восстании 1877 г. царские войска разорили Цудахар дотла, и он вновь потом возродился уже на нынешнем месте. А на обоих старых пепелищах до сих пор видны развалины жилищ. Таким образом, Цудахар дважды менял свое местоположение и каждый раз все ниже спускался с гор.

На здешнем кладбище много художественных памятников с орнаментами и изображениями предметов, характеризующими мусульманское вероисповедание погребенных (четки, компас для определения направления на Мекку, кувшин для омовений), а также их пол и профессию (ножницы, гребень, конь, шашка, кинжал, винтовка, наган, горский плуг, молоток, стамеска, щипцы, слесарные инструменты и пр.). На некоторых могилах воткнут высокий шест с лоскутками, привязанными наверху. Посещающие могилу кладут на нее камешек. Многие могилы просто усеяны ими. Могилы обычно обложены камнями, а некоторые имеют вид лезгинских гюмбезов. Иногда на могиле растет дерево (чаще абрикосовое), а к его веткам привязаны узкие тряпочки.

Главное занятие цудахарцев — животноводство. Разводят овец, коз и мелкую породу крупного рогатого скота, но буйволов не держат. Популярно здесь и садоводство. Выращивают абрикосы, яблоки, груши, черешни, вишни. Есть теперь в селении свой фруктоконсервный завод. Кое-кто из жителей имеет профессию сапожников, шапочников и мастеров по металлу. По воскресеньям (а раньше по пятницам) в селении устраиваются базары, на которые съезжаются со всего района.

Здешних женщин отличает деталь головного убора: к его краям на лбу пришит тонкий жгут из серебряных проволочек. Височных украшений, как в сел. Урма, цудахарки не носят. Головной убор они покрывают большой шалью.

Дом моего хозяина имеет внутренний дворик, окруженный со всех сторон постройками, вернее — одной постройкой, две стороны которой выходят на двор крытыми галереями. Одна часть дома двухэтажная, другая — одноэтажная. Крыша первого этажа используется в качестве дополнительного двора. Чтобы попасть во второй этаж, нужно сперва подняться по деревянной лестнице с нижнего двора на крышу первого этажа и затем пройти по ней до двери второго этажа. Другая деревянная лестница ведет с крыши первого этажа на крышу второго, где летом сушат кизяк. На нижнем дворе растут виноград и грушевое дерево. К ветке последнего привязана нитка, на которую нанизаны почти целые скорлупки куриных яиц. Это средство будто бы предохраняет двор от «дурного глаза».

Спим мы на покрытой ковром деревянной тахте, занимающей почти полкомнаты в первом этаже. На ней же принимаем пищу.

В Цудахаре кроме административных учреждений есть два магазина (один из них книжный), аптека, столовая и почта. В центре разбит сквер с монументальными каменными воротами.

Горный хребет Хенэ является этнической границей между даргинцами и лакцами. Со стороны лакцев он обрывистый и почти неприступный. Около самого Цудахара хребет рассечен узким ущельем, по которому течет Казикумухское Койсу (рис. 7). Река настолько сжата отвесными скалами, что ширина ее здесь не превышает 2 м. В двух местах ущелья огромные каменные глыбы совсем закрыли реку и образовали естественные мосты. Автомо-

Рис. 7. Цудахарское ущелье.

бильная трасса по дну ущелья служит главной и почти единственной ниточкой, связывающей Лакию с центром Дагестана. До проведения колесной дороги тут была только тропа, проходившая, как говорят, через башню Билалакъала (ее построил некий Билал), остатки которой видны на выступе обрывистой скалы правого берега. Башня висит над дорогой на высоте примерно 100 м. Сохранившиеся части ее стен выше человеческого роста. Одна сторона башни примыкает к скале, а другая имеет в плане удлиненно-овальную форму. Продольный диаметр башни около 4 м, а поперечный значительно меньше. Стены сложены из рваного камня средней величины, и кажется, на глиняном растворе. Толщина стен менее 1 м. Сохранилась одна бойница. Рассказывают, что в старину, когда окрестные горы были покрыты лесом и р. Казикумухское Койсу была более многоводной, гарнизон башни мог черпать воду кувшином на короткой веревке. Башня позволяет держать под огнем дорогу в узком месте ущелья. Тропа соединяет ее с северным склоном хребта ХIенз. Выше башни, на уступе острого гребня хребта ХIенз, имеется подковообразная в плане площадка, огражденная стенкой высотой 0.5 м. Стенка сложена из рваного камня без применения жидкого раствора и могла служить бруствером при обстреле выхода из ущелья в Цудахарскую долину.

Из Цудахара хорошо видны остатки оборонительных сооружений на гребне хребта ХIенз. О них в прошлом веке писали: «На горе виднеются развалины старинной крепости, построение которой приписывают Шах-Надиру. Сохранились остатки круглой башни и стены. На соседних горах также видны следы каких-то построек, но это — остатки укреплений, сделанных мятежниками в последнее восстание».¹

В сопровождении местного жителя мы поднялись на хребет для осмотра укреплений (рис. 8). На гребне, примерно в 200 м юго-восточнее площадки с бруствером, находятся руины башни. Кладка ее такая же, как и у бруствера, а в плане она почти квадратная, с закругленными углами. Длина каждой стороны 6—7 м. Сохранившиеся части стен не превышают 1 м. Верх обвалился. В 150 м юго-восточнее расположена крепость. Проекция ее на плане покажет площадь, равную примерно 100×200 м, но фактически она больше из-за значительной крутизны горного склона. Крепость с трех сторон обнесена стеной. Четвертая сторона по обрывистому гребню хребта не имеет искусственного ограждения. Высота стен: 1.5—2 м с внутренней стороны и 4—5 м — с внешней. Толщина их около 1.5 м. Кладка та же, что и у вышеназванных построек. От северо-западной стены короткие перпендикулярные отростки идут внутрь крепости. В северо-восточной стене сделаны бастион с бойницами для фланкирующего огня и далее — круглая башня, очевидно, такого же назначения. Внешний диаметр этой

¹ Акучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. — ИРГО, 1884, т. 20, с. 432.

башни 4 м, толщина стен 1 м. Юго-восточная стена, применяясь к складкам местности, имеет зигзагообразное направление.

На возвышенной части гребня, в 50 м юго-восточнее крепости, стоит башня. Со стороны обрыва у нее стены не были. Юго-восточная стена прямая, а две другие дугообразные в плане. Внутренняя высота 2,5—3 м, наружная — около 6 м. Башня была двухэтажной. Она имела два ряда бойниц. Их высота 50—70 см, внутренняя ширина 40 см, наружная — 10—15 см. Внутренний диаметр башни равен 6 м.

За выступом, на котором стоит башня, хребет принимает форму седловины, доступной для пешеходов со стороны Лакского района. В 150 м к востоку от башни острый гребень хребта снова повышается и становится опять недостижимым с юго-запада. Здесь сохранилась небольшая полукруглая площадка с каменным бруствером. Примерно в 150 м от бруствера имеются следы еще какого-то сооружения, а наш сопровождающий сказал, что еще дальше находятся руины жилых построек ранних цудахарских селений.

Оборонительные сооружения на хребте Хленэ принадлежат, кажется, к двум разным хронологическим эпохам: к восстанию 1877 г. и к более раннему времени. К последнему можно отнести Билалакъялу и башню, не имеющую стены со стороны обрыва. Обе они построены

Рис. 8. Панорама старинных укреплений у сел. Цудахар.

1 — каменные брустверы; 2 — башня; 3 — башня Билалакъяла; 4 — следы башни; 5 — крепость; 6 — жилища цудахарцев, разрушенные в 1877 г.

прочно и служили для обороны от лакцев. Остальные сооружения, в том числе и крепость, возводились наспех, без применения жидкого раствора и предназначались для отражения противника, наступавшего со стороны низовьев реки. Таким противником могла быть царская армия в 1877 г. Однако незначительные разрушения столь непрочных крепостных стен, видимо, говорят о том, что боевые действия того года протекали в стороне от них.

Мечеть в Цудахаре переделана в баню. Ныне ее заменяет молитвенный дом, в котором живет мулла. И в положенные часы мы слышим голос муллы, который сам, без муэззина, стоя на крыше, призывает верующих к молитве. Во время нашего пребывания в селении кончилась ураза, которую исполняли лишь отдельные старики, делавшие это будто бы от имени своих домохозяев.

Миновав Цудахарское ущелье, вступили на землю лакцев. Сразу же за ущельем увидели каменный памятник, на котором написано по-русски, что на этом месте в 1919 г. был расстрелян белыми лакский революционер и писатель Саидов Харун. Дорога до Кумуха (25 км) проходит мимо населенных пунктов. Но они расположены близко от нее, и мы их видим. На небольшом привале у сел. Куркли (Ккурккул) услышали от местного жителя, что, согласно преданию, селение это основано 400 лет тому назад, что в нем была каменная башня, позже перестроенная под жилой дом, и что один из местных жителей пишет историю селения. В сел. Хороши (Караши) бросились в глаза минарет и каменный дом с арками. Не доезжая Кумуха (примерно в 6 км), увидели у дороги сложенный из камней «пир». В него воткнута палка с привязанными лоскутками. По пути встречались в разных местах посевы ячменя, овса, кукурузы и картофеля.

Кумух (Гъумучи) — относительно крупный населенный пункт. Он долго являлся административно-политическим центром Лакии, а в настоящее время — это общелаковский культурный центр.

День нашего прибытия в Кумух (25 июля) совпал с праздником курбан-байрама, поэтому в силу традиции не только верующие одеты по-праздничному.

Кумух состоит из семи частей, или «кварталов», именуемых джамаатами (*жамат*), каждый из которых раньше пользовался некоторыми правами самоуправления, имел свои сенокосы, квартальную мечеть, кладбище и очар — постоянное место, где собирались мужчины, особенно старики, для обсуждения разных дел и обмена новостями. Кладбища и места собраний стариков и теперь принадлежат отдельным «кварталам». Расходы, связанные с ежегодным общесельским праздником «первой борозды», несут джамааты по очереди. Кумухские джамааты называются Чнлайми, Цувади (общее имя для обеих — Алчи), Гъуннарар, Лулттуши, Чураши, Лужмардирахалу и Гъазилкурча. Некоторые из них прежде были самостоятельными селениями. Кроме них и две окраины Кумуха — Табахлу и Ханажи — совсем недавно еще считались самостоятельными селами.

Дома в Кумухе не отличаются от цудахарских. Они сложены из камня на глиняном растворе, реже — из самана. В верхней, старейшей, части селения есть дом, которому будто бы 1000 лет. По словам его хозяина, в доме прожило 15—20 поколений. Как и у многих других кумухских домов, полы здесь даже на втором этаже глиняные. Посередине большой комнаты второго этажа стоит изъеденный жучком четырехгранный опорный столб. Высота его 4 м, толщина 30 см. Вверху он заканчивается резной капителью, сделанной из толстой доски.

Поселились в доме учителя. Моя комната выглядит роскошно. Стены и пол покрыты коврами. На стенном ковре — оружие в дорогой ювелирной оправе: два кремневых ружья и пистолета, две кавказские шашки, сабля татарского типа, кинжал, пороховница, пара старинных кавказских патронташей (одеваемых на грудь через плечо) с газырями.

Вблизи бывшей соборной мечети стоит сильно перестроенный дом последнего лакского хана Агалара, умершего в 1858 г. Хан жил в нем только последние годы, а до того его резиденцией был дом напротив, занимающий целый квартал, но ничем, кроме размера, не отличающийся от других домов Кумуха. Рядом с ханским домом находится здание, под полом которого было подземелье (ныне засыпано). В нем хан содержал арестованных.

Одна из наиболее интересных достопримечательностей Кумуха — соборная мечеть. Снаружи она облицована тесаными плитками одинаковой величины. В старейшей ее части (юго-восточной) сохранились низкие стрельчатые своды. Окно над михрабом представляет собой сложную решетку, вырезанную из целого камня. Внутри имеются два ряда каменных колонн, поддерживающих потолок. Между ними — своды. Северная сторона мечети предназначалась для женщин. Она отделена от остальной части рядом колонн. Стены изнутри оштукатурены и во многих местах расписаны красками ярких тонов. Роспись — растительный орнамент, а на западной стене есть арабская надпись, повествующая о том, что мечеть построена в 778/79 г. и несколько раз бывала отремонтирована.² Предание гласит, что ремонт ее в 1788/89 г. производился по инициативе не только Мухаммад-хана, как сказано в надписи, но и его матери Хаджжи-Айшат, которая семь раз ходила на поклонение в Мекку. Во время ремонта она лично проверяла прочность стен, для чего становилась на каждый положенный в кладку камень. Ей приписывают выделение в мечети женской половины. По ее же приказанию под фундамент будто бы было заложено золото для производства последующего ремонта. Ныне в соборной мечети помещается склад местного промкомбината.

Одна из квартальных мечетей имеет минарет (у соборной его нет). Она сооружена на месте прежней, построенной в XVIII в. ханом Сурхай-Чолаком. До Великой Отечественной войны суще-

² Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1968, ч. 2, с. 109, 177.

ствовала маленькая мечеть на горе, у замка. Ее называют древнейшей в Кумухе. Вторая по древности мечеть находилась у здания теперешних детских яслей. Соборную же мечеть считают построенной после этих двух. Сейчас действующих мечетей в Лакии нет.

В каждом джамаате Кумуха до сих пор есть свой очар (по-лакски *ккурча*). Интересен очар джамаата Чилайми. Прежде он состоял из двух половин — открытой и закрытой. Последней пользовались в непогоду. Вдоль стен закрытой половины раньше находились каменные сиденья, такие же, какие сохранились в открытой половине. Сиденья сделаны из старых надгробных памятников, на которых еще видны арабские эпитафии. В настоящее время закрытая половина очара превращена в читальню.³

На вершине невысокого хребта, возвышающегося над Кумухом, сохранились руины замка (рис. 9). Стены его толщиной 1 м состоят из грубоколотых небольших камней. Камни уложены на земляном растворе.⁴ С замка открывается хороший обзор территории Кумуха и противоположного склона хребта. К южной стене замка позже было пристроено помещение площадью 5,2 × 5,2 м. Судя по сохранившемуся фундаменту, толщина стен пристройки доходила до 1,5 м. Кумухцы говорят, что последняя служила мечетью для ханских нукеров.

На улице, у стенки конюшни старейшего кумухского дома, установлен почитаемый надгробный камень в честь аль-Мандалы, убитого в 923/24 г.⁵ Говорят, что сама могила его находится в конюшне. Вторая почитаемая прежде могила (шейха Калантара) есть на другой улице.⁶ Правда, от надгробия с куполом там осталась только земляная глыба со следами каменной облицовки. Иллюстрацией падения уважения к памяти «праведников» может служить разрушение могилы шейха Ахмада из Йемена (XV в.) и использование памятника в качестве привратного столба в ограде детского сада. Эпитафия на этом памятнике позволила исправить утверждение И. Ю. Крачковского, что начало кавказско-йеменских культурных связей приходится будто бы на XVII в.⁷

Жители помнят предание о былых походах лакцев в Грузию. Одним из организаторов их был Малачил Иса. Его посланцы — чапары — вербовали желающих в Аварии и Чечне. После сбора отряда Малачил разрабатывал с ним план похода. Это происходило в соборной мечети. В одном из таких походов Малачил, окруженный грузинами в местности Черекмайдан, был убит. Песня повествует, что возлюбленная Малачила, переодетая мужчиной, отправилась в Грузию и вывезла его труп домой. Предания утверждают, что лакцы совершали походы также в Кабарду и даже

³ Лавров Л. И. Советская культура и быт лакцев. — В кн.: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952, с. 50.

⁴ Лавров Л. И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. (Статья 2). — СМАЭ, 1958, т. 18, с. 324.

⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., с. 106, 107, 178.

⁶ Там же, с. 87.

⁷ Там же, с. 107, 108, 176, 177.

Рис. 9. Руины замка в сел. Кумух.

способствовали насильственному обращению кабардинцев в ислам.

Слышал рассказ о том, что под естественными холмами кладбища, принадлежавшего джамаату Чилайми, будто бы скрыты несметные богатства, спрятанные Надир-шахом после поражения его под Турчидагом в XVIII в. Кумухцы утверждают, что главную роль в поражении сыграли тогда лакцы во главе с Муртуз-Али. Кстати, мне показали могилу последнего, находящуюся в самом Кумухе, рядом с кинотеатром. Эпитафия на памятнике⁸ не оставляет сомнения в реальности этого, казалось бы, только фольклорного героя.

Рассказывают, что Чембер, начальник русского гарнизона, во время восстания лакцев в 1877 г. был осажден и убит в здании старого (большого) дома Агалар-хана, а его труп был сброшен в р. Казикумухское Койсу с высокого берега, что за зданием тепе-решней столовой.

В центре Кумуха стоит воздвигнутый в 1939 г. памятник Саидову Харуну. На нем написано по-русски: «Родился в 1891 г. в ауле Вачи Лакского района. Гарун — вождь и организатор лакской бедноты. В 1919 г. расстрелян карательным отрядом деникинцев вблизи аула Цудахара».

До революции Кумух управлялся следующим образом. Каждый джамаат на три года выбирал из своей среды вакиля — старшину. В выборах участвовали все взрослые мужчины. Выборы происходили в квартальной мечети или в очаре. Вакиль руководил джамаатом и представлял его в сношениях с другими джамаатами. На общем собрании всех жителей Кумуха выбирали на три года двух городских вакилей (Кумух называли городом). Эти выборы осуществлялись на месте, где ныне находится детский сад. Городские вакили играли роль арбитров в спорах между вакилями отдельных джамаатов.

Во времена ханов народные собрания (*кьатI*) устраивались перед ханским домом. Избранные на них три почетных мужа (*хъуначу*) ведали вопросами войны, мира и общественной экономики. Даже хан вынужден был считаться с их решениями. Почетных мужей выбирали только из трех фамилий: Абдулбугдановых, Качашахуновых и Казиевых.

О распоряжениях властей, созыве собраний и о важных новостях жителей оповещали с замка, что расположен на соседнем хребте. И теперь оттуда же объявляют о созыве колхозного собрания и о разных происшествиях. Я наблюдал, как два человека взобрались на развалины замка и по очереди, нараспев, кричали, что у них пропал осел черной масти с коротким хвостом.

27 июля ходил в сел. Шавкра. Там издавна широко распространялась профессия сапожника. И теперь один из них временно, а другие постоянно работают сапожниками в разных городах и районах Дагестана, а также и за его пределами.

⁸ Там же, с. 55, 56, 134, табл. V, рис. 502.

Приведу некоторые сведения, полученные от 90-летнего шавкринца. Жители сел. Шавкра раньше принадлежали к сословию *уздан* (мн. ч. *уздандал*), т. е. свободных крестьян. До прихода арабов здесь жили армяне. Воины Надир-шаха в XVIII в. у сел. Чурли Агульского района растоптали 1000 пленных лакцев. Аргьут (князь М. З. Аргутинский-Долгоруков) во время похода в Лакию (1842 г.) разрушил Шавкру, но потом она снова отстроилась. Свирепый Агалар-хан в XIX в. однажды из-за ревности утопил своего слугу в проруби кумухского пруда. У моста около юго-восточной окраины Шавкры прежде стояла четырехгранная сторожевая башня в два этажа, построенная по приказу Аслан-хана в 1820—1836 гг. Ее разрушили, когда рассказчик был еще мальчиком.

Вторую пешую экскурсию из Кумуха удалось совершить 1—2 августа в сел. Убра. Сопровождал нас писатель Алиев Минкаил. Путь лежал мимо сел. Вильташи (Вилташи). Народная этимология объясняет его название тем, что некий человек, стоявший здесь, якобы крикнул другому, находившемуся на месте Убры: «Вил тта ши!» — «Твоя овца здесь!». А сел. Убра получило свое имя будто бы оттого, что на его месте один сиротил другого: «Что за злаки тут произрастают?» — и получил ответ: «У бур» — «Есть пшеница» (вернее, один из сортов пшеницы).

Убра расположена на вершине горы. И чтобы туда добраться, пришлось преодолеть утомительный подъем. Здесь, как и около других лакских сел, устроен круглый пруд, наполненный дождевой водой. Из него поят скот. Селение состоит из трех традиционно различаемых частей, которые тут называются «махла» (*махла*): Баклуй («Верхняя»), Бярних («У пруда») и Мактехьал (Макъе — одна из фамилий). Квартальных очаров в Убре нет. Есть лишь один общий.

Убринцы издавна были известны как прирожденные лудильщики и особенно каменщики. Один из здешних каменщиков — автор ряда художественных памятников на местном кладбище. Памятники, датированные 80—90-ми гг. XIX в., покрыты надписями, растительным орнаментом и стилизованными изображениями больших птиц (сокола или ворона). Все это раскрашено в яркие цвета. В настоящее время искусством каменщика славится убринский колхозник Кардашев Мухаммед, построивший двор и здание молочнотоварной фермы в своем колхозе и оригинально оформленные ворота в сквере сел. Цудахар. Кроме того, его руками вытесан из камня памятник С. М. Кирову во дворе кумухской средней школы. Рядом с местным кладбищем недавно были вскрыты древние погребения в каменных ящиках. Глубина их залегания 2,5—3 м.

На месте Убры, согласно преданию, когда-то жили евреи. Основателем же нынешнего селения считают кровника (*обттулцу*), изгнанного из Кумуха. Потом к нему подселились выходцы из других селений, преимущественно из Табахлу (ныне предместья Ку-

муха) Табахлинцы эмигрировали сюда во время большой ссоры с жителями Кумуха.

Жители Убры принадлежали к сословию свободных крестьян, за исключением трех семейств, купленных в Грузии и считавшихся рабами. Старики полагают, что единственная повинность, которую убринцы несли в пользу хана, заключалась в заготовке кизяка для отопления его жилища.

Некогда в Убре были три сторожевые башни. Одна находилась у начала дороги в Аварию, остальные — у начала дороги на Кумух. Они принимали сигналы тревоги (выстрелы из ружья), передававшиеся из других селений, и в свою очередь сигнализировали соседям об угрозе нападения. Агалар-хан постоянно держал в Убре стражу из 300 человек. При угрозе вторжения войск Шамиля в Убре собирались жители двух-трех более западных селений, расположенных ближе к Аварии и опасавшихся разорения.

До 1939 г. жители Убры каждую весну торжественно справляли праздник «первой борозды» (*хъубуккау* — «выход на пашню»). Материальные расходы, связанные с его устройством, несли по очереди отдельные махла. Праздник начинался с угощения бузой. Первый бокал выпивал тот, кому предстояло выйти с плугом на поле. Второй бокал он передавал по своему выбору тому, кто в следующем году должен будет играть ту же роль. После угощения устроитель праздника выходил с плугом на пашню. Он был одет в шубу, вывернутую шерстью наверх. На рога быков, которые тянули плуг, навешивали крендели и печенье, а сами рога мазали бараньим салом. Пахаря во время работы обсыпали зерном и мукой, обливали водой, но он не должен был обращать на это внимание. Пахарь прокладывал две-три борозды, после чего жители могли приступать к вспашке своих полей.

Летом, перед уборкой урожая, устраивался обряд «хлебной жертвы» (*къурнисса*), когда на собранные деньги приобретали барана и, зарезав, раздавали мясо беднякам. При этом в поле читали молитву. Зарезали барана и ели его мясо и перед стрижкой овец.

4 августа мы выехали в сел. Вачи. Путь лежал через селения Шавкра и Шара (Шавр). Мои знакомые кумухцы почему-то считают жителей последнего негостеприимными. В этом селении тоже есть искусственный круглый пруд. Далее проехали мимо опустевшего сел. Тохчар (Тюхчар), жители которого переселились в Новолакский район. Против Тохчара, на другом берегу речушки, высоко на горе, видны развалины четырехгранной башни. В большом сел. Кая (Чаъйми) заметил дом в три этажа. Говорят, что в старину это селение было огорожено с севера крепостной стеной. Рядом с ним расположено сел. Вачи (Ваччи), которое с 1940 г. является центром Кулинского района. Любопытно, что Вачи и ближайшие к нему селения — Сумбатль (Сунбатлул) и Хосрек (Хъусраши) — носят имена средневековых персидских и албанских деятелей — Ваче, Сумбата и Хосрова. Рассказывают, что над Вачи стояла башня или замок.

Получив в райисполкоме статистическую справку о хозяйстве района, мы выехали верхом на лошадях в сел. Кули. В сел. Сумбатль услышали, будто бы его жители произошли от армян.

При въезде в Кули нам встретился мужчина в белом войлочном пальто, скроенном на манер солдатской шинели, только без карманов, со сплошной спинкой и с наглухо пришитым прямоугольным хлястиком. Многие кулинцы обуты в белые валенки с загнутыми вверх носами. Сзади под коленом у них сделан вырез глубиной до 10 см. Такие валенки можно видеть здесь и у стариков, и у молодых обоего пола. Маленьких детей женщины носят на спине в платке, повязанном в виде мешка. Для доставки груза женщины пользуются особым войлочным мешком с длинной лямкой, в которую упираются лбом. Вечером после возвращения домой стада коров девочки на улице собирают навоз, придают ему округлую форму и для просушки прилепляют к стенам своих домов.

У одного из жителей жил двухлетний горный тур, пойманный в прошлом году. Он стал ручным, свободно гулял по улицам и скакал по крышам домов, но не уходил за пределы села.

В доме нашего хозяина вдоль стены устроена полка, и посуда на ней расставлена так, чтобы было удобнее ее разглядывать. На другой стене висит замысловатое деревянное приспособление с дырками, в которые вставлены деревянные ложки. На третьей стене, над кроватью, повешен ковер, а на нем — кинжал. В доме сохраняется теперь уже не употребляемый светильник высотой 1.54 м, кованный из железа (рис. 10). В три четырехугольные чашечки его раньше наливали бараний жир для освещения дома.

Наша хозяйка время от времени присаживается на веранде к низкому станку и тклет пеструю ковровую дорожку. Нити станка натянуты горизонтально.

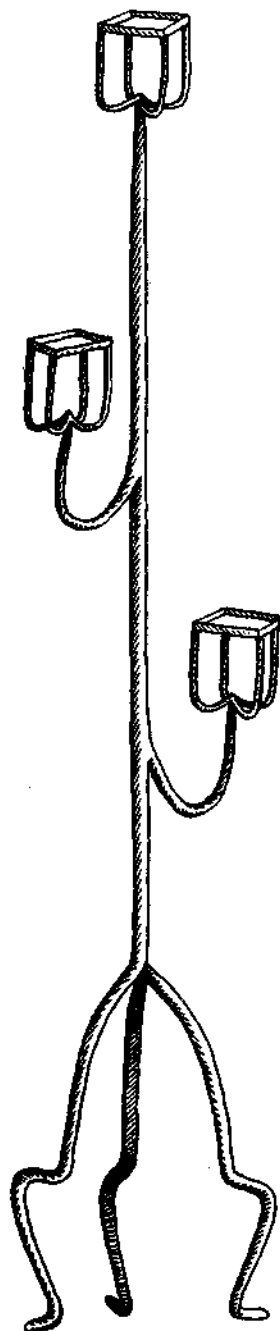

Рис. 10. Старинный светильник (чирах) из сел. Кули.

В Кули часто случается, что вдова выходит замуж за брата своего умершего мужа.

В похоронах, особенно молодых людей, участвуют специально нанятые плакальщицы. Покойников моют в корыте. Носилки с покойником несут обычно близкие родственники. Идут они без шапок, остальные шапок не снимают. Корыто и носилки хранятся на колхозном складе. Раньше похоронная процессия двигалась быстрым шагом, а теперь медленнее. Могилу не разрешается рыть жителям того махла, к которому принадлежал покойный. На 3-й день после похорон родственники устраивают поминки. Вторые поминки бывают на 40-й день. В прежние времена после погребения богатого человека сооружали во дворе двухскатную палатку из ковров. В ней 40 дней и ночей мулла читал молитвы. Еду ему приносили родственники и соседи умершего.

В окрестностях Кули среди случайных находок попадают предметы эпохи ранней бронзы. Одной из могил раннесредневекового времени угрожала гибель, и я ее раскопал.⁹

Согласно преданию, Кули образовалось из пяти отдельных поселков, обитатели которых съехались в одно место: Куркли, Чутра-Ия, Читул-Маши, Шуча-Ия и Балкы. Это было еще до принятия ислама местными жителями. Решение съехаться было принято ими в целях самообороны, так как в то время на них наступали мусульмане. Нынешнее название селения старики производят от арабского «куллун», т. е. «совокупность», «всё». Кули состоит из трех махла: Урагъи, Цюгъал и Киха-Къатли. В каждой из них есть свой очар.

Самым многочисленным тохумом в Кули является Къарахъи. Основал его аварец, которого с родины прогнали за убийство односельчанина.

Рядом с селением находятся руины круглой башни (рис. 11). Она была построена на высоком выступе горы, имеющем крутые склоны. От нее сохранилась только западная половина. Называют ее Хъунчли и считают, что она была построена против войск арабского завоевателя Абу Муслима. Высота башни около 9 м. Нижний внутренний ее диаметр 5.6 м, верхний — около 3.8 м. Толщина стены внизу 1 м, а сверху — меньше. Имеется три ряда бойниц. В нижнем ряду сохранились две бойницы, смотрящие на запад, и остатки одной — на юг. Они прямоугольные и расположены почти у самого пола. Внешняя высота их 46 см, внутренняя — 55 см. Ширина внутри 46 см, а снаружи — 11 см. Входное отверстие высотой 2.3 м, шириной 1.3 м находится на западе и сделано у самой земли. Верх его (ныне поврежденный) заканчивается аркой. В западной и южной стенах, в 1.25 м выше нижних бойниц, сохранилось по одному гнезду для балок. Еще выше на 1 м уцелел ряд частых гнезд с остатками обгорелых балок междуэтажного перекрытия. В южной части стены непосредственно под междуэтажным перекрытием

⁹ Лавров Л. И. Раннесредневековый могильник в нагорном Дагестане. — СМАЭ, 1951, т. 13.

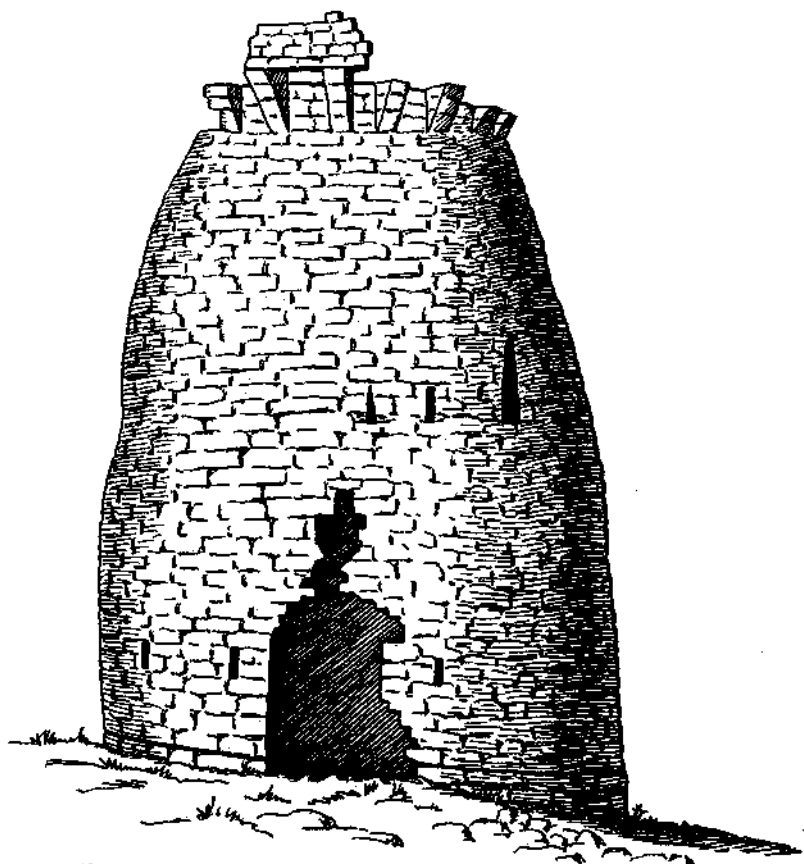

Рис. 11. Кулинская башня.

расположена стрельчатая бойница, а в 1.8 м от нее на юго-восток — такая же вторая. Обе они имеют изнутри форму трапеции, нижняя ширина которой 57 см, а верхняя — около 40 см, высота — 60 см. Наружная ширина этих бойниц 13 см, высота — 50 см. На 60—70 см выше бывшего междуэтажного перекрытия находится третий ряд бойниц. Их четыре, и обращены они на северо-северо-запад, северо-запад, запад и юго-запад. На юго-западе есть и окно. Следы другого такого же окна имеются на юге. Нижний край лежит на уровне нижнего края третьего ряда бойниц. Высота окон 106 см, наружная ширина 58 см, внутренняя — 74 см. Над юго-восточным окном сохранились остатки бревна в гнезде. На 20 см выше верхнего края третьего ряда бойниц видны следы двух других балок. Одна из них на западо-северо-западе, а другая на юго-юго-западе. Их диаметр примерно 10 см, в то время как диаметр других балок около 20 см. В самом верху башни уцелели остатки машикулей. Рассказывают, что 125-летний старик, умерший еще до Великой Отечественной войны, передавал, будто раньше башня имела же-

лезную дверь с засовом. Башня сложена из грубо отесанных четырехугольных камней с применением земляного раствора. В стене встречаются иногда круглые свинцовые пули, а около башни была подобрана однажды половинка чугунного ядра (примерно 11 см в диаметре). По преданию, в башне находилось подвальное помещение, позже засыпанное.

Фотографию Кулинской башни и краткое ее описание издал С. О. Хан-Магомедов, который осматривал ее через 4 года после меня. Вскоре остатки башни оказались совсем уничтоженными.¹⁰

Западнее этих руин, недалеко от них, прежде стояла вторая башня, четырехгранная, но уже при мне от нее осталось мало следов.

Кулинцы утверждают, что рядом с их селением, на равнине Къункраттарац, Надир-шах собрал детей и приказал своей коннице растоптать их. Уверяют также, что кулинцы не подчинялись ханам, а Агалар-хану будто бы даже не разрешали появляться в Кули.

Закончив работу в Дагестане, 14 августа я прибыл в г. Майкоп. Все лучшие здания города оказались в развалинах, напоминая о фашистской оккупации. Грустное впечатление произвел и Адыгейский областной музей. Его прежнее помещение тоже погибло в войну, и он временно находился в сарае. Коллекции музея уменьшились наполовину, причем погибли наиболее ценные экспонаты.

Директор музея М. З. Азаматова родом из маленького аула Бгуашехабль, являющегося остатком абадзехского аула, ранее существовавшего на месте русского сел. Белого. Большинство жителей старого Бгуашехабля в конце XIX в. переселились в Турцию, а оставшиеся лишились земли и первое время скитались по другим аулам и лишь некоторое время спустя образовали нынешний Бгуашехабль. Теперь он фактически слился с русским с. Преображенским. В ауле проживают представители только двух фамилий: Азаматовы и Цей.

М. З. Азаматова рассказала предание о прошлом бжедугского аула Понежукай. Сперва он будто бы считался очень бедным. Когда же разросся и разбогател, Кончуковы решили посадить в нем князя. Так как не нашлось подходящего охотника, то выбор пал на малоумного сына Кончуковых. Когда у последнего родился собственный сын, то проживавший в ауле Кончукохабль старший брат малоумного дал новорожденному имя Пэнэжчыкъу, т. е. «Сын подражания», ибо подвластные малоумного старались во всем подражать жителям Кончукохабля. От имени новорожденного произошло и название аула.

19 августа 1949 г. я приехал в ст-цу Пашковскую. За время моего отсутствия она разрослась, обогатилась зданиями городского типа и почти слилась с г. Краснодаром. В начале 30-х гг. была сделана попытка организовать в станице музей старого ка-

¹⁰ Хан-Магомедов С. О. Оборонительные сооружения Южного Дагестана. — Архитектурное наследство, М., 1969, вып. 18, с. 153—155.

завшего быта. Для этого один из домов, хозяев которого раскулачили и выслали, был взят под охрану со всем его содержимым. Заведующим музея назначили местного художника С. В. Строкуна. Но вскоре музей закрыли и часть экспонатов отдали в Краснодарский краеведческий музей.

28—29 августа я совершил пешую экскурсию в аул Лакшукай. Путь лежал через аул Тлюстенхабль. Он порастил переменами, которые произошли здесь за 18 лет, истекших со времени моего последнего пребывания. Почти не осталось домов, крытых камышом и увенчанных характерными дымоходами от очагов. Кровли теперешних домов черепичные, и над ними возвышаются кирпичные трубы русских плит.

Еще больше перемен открылось в Лакшукае. Старинные очаги оказались полностью вытесненными плитами. На заборах уже нигде не встретишь конского черепа. В каждом дворе появился фруктовый садик. Исчезли старые покрои одежды, поэтому мужчин-адыгейцев теперь не отличить от русских колхозников и даже горожан. За сутки пребывания в Лакшукае только у двух стариков видел на голове не кепки, а барашковые шапки-кубанки. Девушки и женщины средних лет одеваются, как и станичные. Правда, на ногах у многих самодельные адыгейские чувяки, верх которых шьют не из кожи, а из сукна. Старухи продолжают носить головной платок с характерным для старого времени способом его подвывывания.

Новое бросается в глаза во всем. Но и старое еще заметно. Вот, к примеру, колхозный скотный двор. Огорожен он традиционным для Адыгеи плетнем, а конструкция новых ворот исконно бжедугская.¹¹ В разных местах скотного двора устроены круглые плетеные кормушки, известные и прежде. Основой их служат тонкие колья, вбитые в землю по окружности диаметром около 1.5 м. Колья эти возвышаются над землей на 1.5—2 м. Нижнее пространство между ними переплетено тонкими ветками, как и в плетеном заборе. Заплетка сделана на высоту около 0.5 м. Возвышающиеся над заплеткой верхние концы кольев заменяют собой перегородки для отдельных животных. Длинное здание коровника имеет плетеные из хвороста стены и соломенную крышу, причем стены не обмазаны глиной и свежий воздух свободно проникает внутрь. В общем скотный двор только размерами отличается от старых скотных дворов, существовавших здесь до коллективизации.

На площади перед исполкомом воздвигнуты два памятника над братской могилой 400 советских воинов, павших при освобождении Лакшукай от гитлеровцев.

Повидался со старым знакомым, бывшим уполномоченным милиции Шаудженом Джамболетом. Я запомнил его бравым мужчиной, адыгейцем старого закала, а теперь передо мною предстал старик в кепке, с палочкой в руке. Беседуя, он вспоминал свою жизнь. Два рассказа его стоит привести.

¹¹ Лавров Л. И. Историко-этнографические мелочи. — В кн.: Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975, с. 271, 272.

В молодые годы Джамболета отец однажды узнал, что местный богач огозвался презрительно о его сыне. Тогда отец спросил Джамболета: «Дочку этого богача знаешь?». Получив утвердительный ответ, продолжал: «Даю тебе два дня, чтобы увез ее и сделал своей женой, иначе застрелю тебя!».

Джамболет не думал жениться на этой девушке, но противиться отцу не смел. Собрав конную молодежь, сел на запряженную линейку и ночью подъехал к дому богача. Тут же ворвался в дом, схватил девушку, бросил ее на линейку и пустился прочь. Их преследовали. В перестрелке были ранены двое родственников и старший брат Джамболета, не знавший обычая, запрещавшего ему принимать участие в подобном предприятии. Джамболет привез невесту к себе домой. Разъяренные родственники невесты осадили дом похитителя. Отец Джамболета прорубил заднюю стену. Через нее вывел молодых и отправил их в аул Шабано-хабль. После этого осаждающих впустили в дом и дали возможность убедиться, что в нем нет тех, кого они искали. Через месяц Джамболету сообщили, что скандал улажен и он с невестой может вернуться. При въезде в родной аул их торжественно встретили всадники с флажками. Семье Джамболета пришлось уплатить за невесту большой калым овцами, коровами, лошадьми и деньгами.

Второй рассказ относится уже к первой половине 1920-х гг. Джамболет был тогда уполномоченным милиции, а попросту говоря — единственным в Лакшукае милиционером. Однажды он получил ультиматум от известного абрека Анчока Ильяса, требовавшего передать ему определенное количество оружия и патронов. В противном случае Анчок грозил убить Джамболета. Последний сообщил об этом начальству, и в Лакшукай прибыли два или три взвода конной милиции. Джамболет поскакал с ними в лес Кармалино, где Анчок назначил ему свидание. На зов Джамболета появились абреки, но, увидев милиционеров, вступили с ними в перестрелку, длившуюся 5 ч. Под Джамболетом был убит конь, а сам Анчок получил ранение. После этого боя Джамболет некоторое время не рисковал ночевать дома. Но однажды он все же остался с семьей. Той же ночью Анчок и его соратники подожгли дом и хозяйственные постройки. В огне сгорели лошадь и две коровы. Джамболет выскочил, когда уже пылала дверь дома. В комнате загорелась колыбель, отчего Цам, дочь Джамболета, на всю жизнь осталась со шрамом на боку от ожога. Увидев выскочивших из дома Джамболета с семьей, абреки хотели их прикончить, но кормилица Анчока бросила свой платок между Джамболетом и Анчоком, и абреки остановились, не посмея нарушить обычай. А дом и постройки во дворе сгорели до тла.

В ТБИЛИСИ И ХЕВСУРЕТИИ (1949 г.)

Вместе с проф. М. О. Косвенем в ноябре 1949 г. я поехал в Тбилиси для участия в сессии ученого совета Института истории Академии наук ГССР. Поездка заняла всего девять дней.

Утро 15 ноября застало нас в поезде у Сурамского хребта. Впервые еду этой дорогой, и поэтому, как всегда, не отрываюсь от окна. До г. Хашури дома в селах чаще двухэтажные, с четырехскатной крышей из дранки. Первый этаж обычно каменный, второй — дощатый, с открытой верандой. Стены домов побелены. Четырехгранный дымоход из кирпичей или камней как бы пристроен к стене и выступает наружу начиная от пола второго этажа. Часть домов стоит на сваях или на каменных подставках. Рядом с домами возвышаются амбарчики на сваях, плетенные из веток и обмазанные глиной. За г. Хашури дома преимущественно каменные (на цементе), с четырехскатной черепичной крышей. Все встречающиеся телеги — это двухколесные арбы, запряженные буйволами. В г. Гори арбы почему-то выкрашены в голубой цвет.

На сессии в Тбилиси я прочел доклад о пребывании сванов на Северном Кавказе до XIX в. (текст доклада еще до войны был отдан в печать, но из-за последовавших событий остался неопубликованным).

После этого встречался с местными жителями. Сванка Курджинани сообщила, что до сих пор помнит предание о северокавказском местожительстве своих соплеменников. Старый учитель из Сванетии рассказал, что когда он уже после революции ходил в Четемское ущелье, то его спутники, сваны, оказавшись на северной стороне Главного Кавказского хребта, стали пить из первого попавшегося им источника, пояснив, что так положено делать, ибо это земля их предков.

17 ноября мы с Н. П. Эмировым навестили видного дагестанского революционера, лакского историка и писателя С. И. Габиева,¹ который жил в Тбилиси. Перескажу кое-что из услышанного в тот вечер от этого интересного человека.

Трижды отец С. И. Габиева пытался определить его на учебу в ставропольскую гимназию, но каждый раз под разными предлогами получал отказ. Тогда отец подал прошение начальнику Кавказского учебного округа, посетившему Темир-Хан-Шуру, и тот, наконец, устроил мальчика в гимназию. В 1903 г., когда он был уже старшеклассником и занимался историей лакцев, его общежитие посетили директор гимназии и знатные гости. Среди них был помощник начальника Кавказского учебного округа Л. Г. Лопатинский. Именно он позже, когда Габиев уже был студентом Петербургского университета, опубликовал его рукопись, посвященную истории и этнографии лакцев.²

¹ Волкова Н. Г., Лавров Л. И. С. И. Габиев. — СЭ, 1964, № 1.

² Габиев С. И. Лаки, их прошлое и быт. — СМОМПК, 1906, вып. 26.

Задумав в 1912 г. издавать в Петербурге свою газету «Заря Дагестана», С. И. Габиев смог приступить к этому лишь после того, как квартирохозяйка дала ему взаймы 15 р. Когда вышел первый номер газеты, у него в кармане оставалось 15 к. Газета распространялась не только в Дагестане. Подписчики оказались в Самарканде, Ташкенте, Бодайбо, Кульдже и других местах. В 1914 г. Габиева привлекли к суду за публикацию статьи Дахадаева Махача, направленной против дагестанского генерал-губернатора. Суд происходил в Темир-Хан-Шуре. Защитником выступал сам Дахадаев. Желающих присутствовать на суде было так много, что за право войти в зал платили по 10 р. После вынесения приговора о восьмимесячном заключении к судье обратились три незнакомых Габиеву офицера Дагестанского полка с просьбой отдать им подсудимого на поруки. Судья отказал. Однако один аварец добился его освобождения под крупный денежный залог и для этого заложил свой дом за 10 тыс. р.

Дахадаев Махач был женат дважды. Сперва на Фатимат, внучке Шамиля, а потом на ее родной сестре Написат, учившейся в Смольном институте. После гибели Махача Написат жила в Ленинграде и умерла во время блокады.

18 ноября приезжие участники сессии совершили автобусную экскурсию в Хевсуретию. По дороге осмотрели древности Мцхеты и Душети. Наблюдали работу пахарей на поле за Душети. Одни из них поднимали землю трактором, а другие, рядом, — плугом. Каждый плуг тащили от двух до четырех пар волов.

В сел. Чирики у самой дороги вздымается огромная каменная глыба, на уступах которой построено небольшое укрепление. Против него, за дорогой, стоит четырехгранная башня. Верхняя ее часть, надстроенная позже, представляет собой часовню. Оба оборонительных сооружения контролировали дорогу к Дарьялу. В сел. Жинвани, на мысу у р. Арагви, также сохранилась башня. Одна стена ее прямая, а другая в плане полукруглая.

За Жинвани началась территория пшавов. Встретилась опять одна четырехгранная башня. Короткая остановка в небольшом сел. Гудрухи позволила разглядеть дома с двухскатными черепичными крышами. Они почти плоские, как у карацевцев и кумыков. Заборы — плетень, низкая каменная стенка или, наконец, тонкие прутья, согнутые и обоими концами воткнутые в землю. Мужчины одеты в военные кителя, галифе, пиджаки, кавказские пальто, шинели, папахи, шапки-ушанки. И мужчины и женщины носят пестрые носки (узор на них — черные, зеленые, желтые и красные кольца). Все женщины ходят в черном.

На значительном расстоянии от сел. Гудрухи на склоне горы, левее дороги, видна башня.

В сел. Магаро заметил женщин, курящих трубку. Здесь кончается Пшавия.

Последним пунктом нашего путешествия являлось хевсурское сел. Барис-Ахо. В нем есть несколько домов новой постройки. В них размещены сельсовет, школа, почта и больница. В остальном

Рис. 12. Боевая башня в сел. Барис-Ахо, построенная в XX в.

Барис-Ахо трудно назвать селением, так как его усадьбы разбросаны по склонам гор, не соприкасаясь друг с другом. Этот не связанный внутренней планировкой населенный пункт делится еще на три «квартала»: верхний, средний и нижний. Между «кварталами» 200—300 м пустого пространства. Проживает в Барис-Ахо всего лишь две фамилии. Здесь, как и во всей остальной Хевсуретии, в 1949 г. еще не было колхозов.

На территории среднего «квартала» стоит четырехгранная каменная боевая башня (рис. 12). Строил ее местный житель перед первой мировой войной для защиты от кровников, но они его убили и башню достраивал брат погибшего уже после революции. Таким образом, это, очевидно, самое позднейшее в СССР оборонительное сооружение подобного типа. Башня сложена из колотых камней, тщательно пригнанных друг к другу, без применения жидкого раствора. В ней два этажа и подвальное помещение. Попадают в башню через деревянную двустворчатую дверь на втором этаже, куда ведет каменная лестница. Плоскую крышу составляет настил из жердей, покрытый слоем утрамбованной земли. Ролики с проводами под крышей свидетельствуют, что внутри башня освещается электричеством.

Здесьние хевсурские дома имеют один-два, а иногда и три этажа. Сложены они, как и башня, из колотых камней без применения жидкого раствора. Стены с внутренней стороны обмазаны глиной.

Около дома, куда мы направились, находилась каменная плоскокрышная постройка. Низкая, тесная, с незакрывающимся входом и с соломенной подстилкой на полу, она напоминала со-

бачью конуру. Перед ней стояла молодая женщина. Услышав, что мы хотим осмотреть ее жилье, удивленно повела плечами, рассмеялась и крикнула соседке, чтобы та проводила нас в дом. Оказывается, сама хозяйка во время менструаций считается «нечистой», не может входить в дом и не смеет готовить для других пищу, так как все, к чему она прикоснется, тоже будет «нечистым». В указанном помещении женщина должна находиться и во время родов.

Первый этаж дома, в который нас привела соседка, состоял из хлева и жилой половины. Их разделял невысокий забор-плетень с калиткой. Пройти со двора в жилую часть можно было только через хлев. Во всем помещении не оказалось ни одного окна. В хлеве была устроена длинная кормушка, а в жилой половине находились деревянные шкаф для зерна и муки, покрытый резьбой, и скамья, плетеная корзина овальной формы, заменявшая хозяйке кровать, очаг. Последний представлял собой четырехугольную ямку в земляном полу. Над ним висела цепь, а на ней — большой котел с плоским дном. Дым выходил в небольшое отверстие в стене под самой крышей. В помещении смрад, грязь и, несмотря на электричество, полумрак. Стены и потолок блестели от толстого слоя копоти. Ею же была покрыта и паутина, свисавшая с потолка и никогда, по обычаю, не снимавшаяся.

Первый этаж — женское помещение. Второй этаж предназначен для мужчин. Если женщина пожелает, то может ночью подняться к мужу на второй этаж через люк в потолке. На третьем этаже, если он есть, хранят сено.

Мы поднялись на второй этаж со двора по деревянной лесенке. Здесь тоже земляной пол и нет окон. На втором этаже два помещения: амбар и жилая комната. Проходили в последнюю только через амбар. В жилой комнате — очаг, две скамьи и широкая деревянная кровать.

Аналогичная планировка оказалась и в других домах. Один дом был одноэтажный, и его плоская крыша служила током при молотье. Почти около каждого дома стояли сани, которые и летом и зимой заменяли здесь арбу.

Своеобразен национальный костюм хевсуров. Все мужчины ходят с кинжалами, висящими на левом боку. У некоторых молодых людей я видел прямые палаши.

Местный врач, грузин из Тбилиси, рассказал, что в здешней больнице находится только один больной. Жители вообще избегают ложиться в больницу. Из лекарств популярны лишь порошки. При больнице открыто и родильное отделение, но ни одна женщина им еще не воспользовалась из боязни, что мужчины тогда даже за порошком не придут в больницу.

Примитивные жилища, отсутствие колесного транспорта, своеобразные костюмы, архаические обычаи, постоянная готовность мужчин к вооруженным схваткам с кровниками создавали иллюзию, будто мы заглянули в доисторические времена. Такой была Хевсуретия в 1949 г.

В СТАВРОПОЛЕ И ДАГЕСТАНЕ (1950 г.)

Направляясь в Дагестан, я заехал в Ставрополь для ознакомления с некоторыми экспонатами краеведческого музея.

Оказалось, что в музее нет отдела истории, а этнографические коллекции небогаты, так как большая их часть погибла во время оккупации Ставрополя фашистами. Лучше представлена археология. Среди экспонатов привлекли внимание покрытая орнаментом глиняная бомба с городища Маджары, глиняная пуля из окрестностей сел. Кармово в Кабарде, пуля из серного колчедана, найденная под Эльбрусом, остатки одежды (холщовая и шелковая рубахи, а также женский башмак) из погребений в Балкарии, секира из захоронения в устье р. Теберды и нагрудный знак шамилевского наиба (в виде четырехконечной звезды с арабской надписью).

Перед зданием музея установлены четыре каменные половецкие «бабы». Несколько других лежит за зданием музея, на базарной площади. Рядом с ними — каменный памятник с турецкой эпитафией 1273 г. хиджры, т. е. 1856/57 г.

1 августа я выехал автобусом в Невинномысск. По пути видел очень разбросанное сел. Татарка с заборами из ракушечника, как в Ставрополе, сел. Темнолесское с богатыми абрикосовыми садами и сел. Барсуки, где каменные заборы сменялись плетнями. Через несколько дней вместе с другими участниками Дагестанской экспедиции отправились в горы Аварии.

В кумыкском сел. Кафыр-Кумух проезжаем отвесную скалу, на которой еще в середине XIX в. стоял дворец шамхала Тарковского. От Буйнакса до Ходжалмахи едем уже знакомой дорогой.

Встречные горцы из Ботлихского района рассказали, что у них на собраниях докладчики говорят обычно по-аварски, а прения ведутся на местном языке. Если же на собрании присутствуют лица, не знающие ботлихского языка, то все выступающие говорят тоже по-аварски, ибо, за исключением некоторых женщин, ботлихцы понимают аварский язык.

За Ходжалмахи въехали на территорию аварцев. Миновав сады сел. Гергебиль, встретили у дороги «священное» место — груды камней, в которую воткнут шест с белым флагом. На флаге нарисованы полумесяц и звезда черного цвета. Верх шеста заканчивается жестяным изображением той же мусульманской эмблемы.

В 2 км перед сел. Хунзах стоит русская крепость XIX в. В ней ныне размещаются учебные и лечебные учреждения. В стороне от крепости находится круглая башня с бойницами и машикулями, которая раньше будто бы была связана с крепостью подземным ходом.

Сутки, проведенные в Хунзахе, позволили лишь бегло познакомиться с этим интересным селением, бывшей столицей Аварского ханства. Хунзах состоит из пяти «кварталов» (аулов): Самилахъ (прежнее название — Исаилахъ, от имени Иса), ШототIа (по названию селения в 12 км от Хунзаха), ШулалъутIа (старейшая

часть селения; название означает «В укреплении»), Хіорихъ («У озера») и Лъарахъ («У речушки»). До 1930-х гг. подростки кварталов Самилахъ и Хіорихъ периодически играли в «каменную войну» (как и в Кумухе) со сверстниками остальных трех «кварталов». Существовала и «квартальная» эндогамия. Каждый «квартал» имел свои мечеть и кладбище. Кроме того, в Хунзахе были соборная мечеть и два внеквартальных кладбища — ханское и для приезжих.

На одном из кладбищ я осмотрел могилу второго дагестанского имама, Хамзат-бека. Памятник на могиле несколько раз ломали в отместку за истребление им ханской семьи. На другом кладбище, по дороге в русскую крепость, есть могила Ахмад-шейха, который будто бы был муфтием при легендарном Абу Муслиме. Могила Абу Муслима находится в самом селении, в «квартале» Самилахъ. Над ней возведено каменное здание под железной крышей. Чтобы попасть внутрь, мы сперва прошли во двор, который раньше, как уверяют, располагался под одной крышей со зданием, затем — в продолговатый коридор, а дальше через дверь — в комнату площадью $3,5 \times 5$ м. В комнате одно окно выходит в коридор и три маленьких — во двор. Стены ее и коридора обмазаны глиной и побелены. Посредине комнаты на дощатом полу сделано глиняное надгробие высотой 20 см, покрытое сверху решетчатым деревянным футляром. Надписей нет. Рядом с надгробием в полу имеется отверстие, закрываемое деревянной квадратной крышкой. Там находится яма, стены которой выложены булыжником. Желавшие сподобиться милости Аллаха забирались туда и в течение 40 дней молились. В комнате на балке под потолком лежат стопки мусульманских книг. Прежде здесь хранился и халат Абу Муслима, весь исписанный изречениями. Его украли, потом обнаружили в Азербайджане. В 1949 г. он был возвращен в Хунзах и теперь находится в правлении колхоза.

В «квартале» Самилахъ есть двор с огородом, где раньше стояла мечеть, в которой в 1844 г. был убит имам Хамзат-бек. Рядом — следы двух ханских домов, а дальше — остатки фундаментов крепости удлиненной формы, кажется прямоугольной. Крепость стояла над обрывом и имела в поперечнике около 50 м.

Против Хунзаха на горе Пакару сохранились руины двух старинных крепостей. Далее видна гора Седло, на которую до 1933 г. никто из местных жителей не решался взойти из-за боязни злых духов.

В Хунзахском районе нет действующих мечетей. Но я видел, как два старика молились перед могилой Ахмад-шейха.

Направляясь дальше к Ботлиху, миновали сел. Обода, состоящее как бы из двух поселков, каждый из которых расположился амфитеатром на склонах соседних гор. Около богатого садами сел. Харахи проехали мимо источника, над которым есть крыша, устроенная на массивных каменных колоннах. Много садов в сел. Тлох, где имеется и консервный завод. С дороги видно сел. Муни —

андийское. В нем возвышаются минарет и боевая башня с окном или амбразурой в сторону дороги.

Жители сел. Ботлих (Болтихъ), в котором мы остановились, говорят на особом языке, отличном от аварского и андийского. Есть предание, что его основали выходцы из Азербайджана. Состоит оно из четырех «кварталов» (*rexluя*): Синкакьи, Буширакьи («Мусорное место») — в старой части селения; в новой — Гуржи («Грузинский»); наименование четвертого записать не удалось. На территории двух первых «кварталов» над обрывом прежде стояла крепость с тремя воротами. В Синкакьи при доме Темрачева Умара сохранилась четырехгранная башня, сложенная из рваного камня на глиняном растворе. Одностворчатая дверь (высота 115 см, ширина 65 см) находится в первом этаже, занятом под хлев. В комнаты второго этажа можно попасть с веранды этого этажа через двустворчатую дверь со сводом (высота 134 см, ширина 80 см). Площадь башни во втором этаже 4,9×3,5 м. Окна башня не имела, но в западной и южной стенах устроены стрельчатые бойницы высотой 52 см, шириной 13 см. В дощатой крыше второго этажа сделаны два лаза или световых отверстия.

В Гуржи в доме Шалапова Абдул-Меджида уцелели остатки другой башни, ныне перестроенной под жилье. На стене соседнего дома (Бураганова Магомеда) оказались древние изображения, позже мною изданные.¹

Старики рассказывают, что население Ботлиха раньше делилось на три сословия: *узденчи* (мн. ч. *узденал*) — «свободные», *рагигат* — «крепостные» и *къзакъ* — «рабы». Беков здесь не было. В зависимости от Ботлиха находились селения Миарсо и Тасута. Причем эта зависимость была установлена, по преданию, так: жители Миарсо и Тасуты, увидев, что их окружила ботлихская молодежь, вооруженная кукурузными палками, которые можно было принять за ружья, испугались и дали согласие платить Ботлиху по мерке кукурузы с каждого двора.

Другое предание рассказывает, что в 3 км от Ботлиха некогда существовало враждебное ему селение гончаров — Балъха. Жители обоих селений однажды договорились решить свои споры посредством поединка. Когда от враждующих сторон вышло для боя по одному человеку, то ботлихский боец спросил своего противника: «Почему против меня одного вышли вы двое?». Тот оглянулся, а ботлихец воспользовался этим и убил его кинжалом. После поединка жители Балъха переселились к даргинцам и положили начало лакскому сел. Балхар.

В старину ботлихцам часто приходилось воевать с андийцами, ахвахцами, хунзахцами и каратинцами. С годоберинцами же у них всегда поддерживались союзные отношения. Сохранился рассказ о том, как ботлихцы хитростью выманили у чеченцев участок земли. Ботлихский представитель присягнул, что стоит

¹ Лавров Л. Н. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов. — СМАЭ, 1953, т. 14, с. 257, рис. 4.

на земле, искони принадлежавшей Ботлиху. Чеченцы же не знали, что это была земля в его чувяках, которую он взял на улицах Ботлиха.

На местном кладбище есть памятник, похожий на минарет или башню с машикулями. Рядом с одной могилой в землю воткнут шест с белым флагом. Над могилой какого-то шейха сооружен зиярат в виде небольшой мечети. Во время засухи вокруг него собираются дети, едят принесенные с собой коржики, пьют яблочный сок, а потом одного из них, завесив ему лицо ореховыми листьями, ведут в селение. Дети обходят все дома, где их обливают водой и снабжают чем-либо съестным.

В Ботлихе имеется действующая мечеть.

На ботлихском языке говорят только в трех селениях: Ботлихе, Ашино (Гашино) и Миарсо (Miglarso). Причем диалект жителей последнего значительно отличается. Песен на ботлихском языке теперь не существует. Поют лишь аварские. Но рассказывают, что еще недавно были живы старики, помнившие отрывки некоторых песен на ботлихском языке. Преподавание в начальной школе ведется на аварском языке. На нем же издается в Ботлихе и районная газета «Социализмайлъул байрах».

13 августа, оставив остальных участников экспедиции в Аварии, я уехал в Кумух для продолжения сбора материалов у лакцев.

Старики кумухской окраины Табахлу, которая долгое время считалась отдельным селением, рассказывают, что последнее было разорено ханом Сурхай-Чолаком. Разорение произошло, когда табахлинский правитель Махди-шамхал возвращался из Карачая, где он помогал жителям бороться с какими-то врагами. Махди-шамхал издали увидел пламя над своим селением и не вернулся в него. Табахлинцы после гибели их селения перенесли свои жилища с горы на нынешнее место. Очар (*курчла*) в Табахлу состоит из открытой и закрытой половин. Кладбище богато красиво раскрашенными памятниками. Над могилой какого-то шейха выстроены зиярат.

Кумухцы рассказывают о том, как цудахарцы, аналогично ботлихцам, некогда выманили участок у жителей соседнего лакского сел. Куба. Кадий Цудахара, предварительно насыпав в свои чувяки землю, взятую в родном селении, явился на спорную территорию и присягнул, что стоит на своей земле. Молодежь Кубы не признала законность присяги, и возникла длительная вражда между селениями. Однажды цудахарцы решили разорить Кубу и с этой целью намеревались напасть на кубинцев в пятницу, когда те соберутся в мечеть на молитву. Но кубинцы проведали об этом, перенесли моление на четверг и отразили нападение цудахарцев, убив у них около 30 человек. Но спорный участок земли все же остался у цудахарцев.

В Кумухе есть национальный лакский театр. Его ежегодный репертуар состоит в среднем из 10 пьес, из которых около семи бывают обычно новыми. Преобладают пьесы, переведенные на лакский с русского, азербайджанского, аварского и кумыкского

языков. Театр часто совершает гастрольные поездки по селам Лакского, Кулинского и Новолакского районов.

Познакомился я с местным композитором-самоучкой Акиевым Шах-Марданом. Родился он в Кумухе в 1916 г., окончил там педагогическое училище и работал учителем. Только в 1940 г. Шах-Мардан впервые попал в город. Нот он не знает. Пишет не только мелодии песен, но и слова к ним. Свои произведения сочиняет в стиле лакских народных песен, но нередко подражает азербайджанским, русским и отчасти армянским напевам. По радио любит слушать выступления Государственного русского народного хора имени М. Е. Пятницкого и музыку М. И. Глинки, особенно из «Ивана Сусанина». Лакские мелодии, по словам Акиева, принципиально не отличаются от мелодий других народов Дагестана, за исключением аварцев, у которых есть свой музыкальный стиль. В 1949 г. впервые были изданы 20 лакских песен с нотами. Позже и сам Акиев опубликовал некоторые свои произведения.

По базарным дням в Кумухе торгуют фруктами, мясом, маслом, чуреками и скотом. В двух случаях видел продававших кинжал; а один старик предлагал купить за 60 р. старую шашку. На базаре встретил знакомого учителя средней школы. Он выбрал у продавца 2 кг мяса, условился о цене и пошел домой. На мой вопрос, почему не забрал купленное мясо, ответил: «Мужчине неприлично нести подобную покупку, я пошлю за ней жену». Среди женщин, приехавших на базар, многие одеты в старинные костюмы с серебряными украшениями, в том числе с нашитыми на платье монетами. Мне сказали, что это женщины из Вихлинского сельсовета.

Однажды во время града хозяйка дома, в котором я остановился, выбежала во двор с железными шипцами и, бросив их на землю, высыпала на них горсть муки. При этом она громко молилась, чтобы град перестал идти. Семья моего хозяина постоянно обедала на ковре, на полу, а буквально рядом стоял стол, накрытый скатертью, со стульями. Хозяйка пояснила, что не умеет принимать пищу за столом и никогда этого не делает. У моих хозяев двое сыновей. Одному из них три, а другому полтора года, но оба продолжают сосать грудь. Младший всегда сосет материнскую грудь, а старшему это редко удается, и он ежедневно подбегает к бабушке и принимается сосать ее грудь.

Лакцы различают три степени родства: *усурсу* — ближайшие родственники, не далее троюродных братьев и сестер; *ляхъин* — более широкий круг родственников; *тухун* — все, кто входит даже в самый дальний родственный круг.

Был на свадьбе. В дополнение к описанному² приведу некоторые детали свадебного обряда. Все присутствовавшие мужчины разделились на две части: более почетную (куда вошли пожилые люди и уважаемые гости) и молодежь. Почетную половину возглавляли тамада, жених и несколько пожилых людей. Они сидели

² Лавров Л. И. 1) Лакцы. — В кн.: Народы Дагестана. М., 1955, с. 170, 171; 2) То же. — В кн.: Народы Кавказа. М., 1960, т. 1, с. 497, 498.

за отдельным столом. За другим столом находились те, кто возглавлял молодежь, — «шах» и несколько молодых людей. «Ясаулы» (распорядители) слушались и тамаду, и «шаха». Когда танцевал «шах», вся молодежь вставала, когда танцевал тамада, то вставали все. «Шаху», тамаде и особо почитаемым лицам было положено танцевать сразу с тремя женщинами. Танцевали лакские и изредка азербайджанские танцы. Песни исполнялись лакские и частично азербайджанские. Рядом с «шахом» сидел за столом и так называемый профессор, обязанностью которого было шуточное представление «санитарной обработки» опоздавших гостей. Последним не позволяли самостоятельно войти в помещение, где происходила свадьба. «Профессор», получив разрешение «шаха» или тамады, торжественно вводил опоздавшего и ставил перед тамадой. Тут же имитировал медицинское освидетельствование вошедшего: ощупывал его мускулы, простукивал кулаком грудь и спину, выслушивал ухом голову, пустой бутылкой ударял по ногам и черепу, потом совал ее, будто градусник, под мышку и в конце концов, сокрушаясь, заявлял всем, что пришедший опасно болен и что «градусник» показал 280°. Затем «профессор» приказывал «больному» открыть рот и произнести «а», после чего приступал к «лечению». В стакан с водкой прибавлял виноградное вино и соль, бросал кусочки брынзы и ломтики помидоров. Все это размешивал вилкой и вливал несчастному в рот. Лишь после такой экзекуции ему разрешали присоединиться к остальным участникам свадьбы. Испытуемому полагалось молча и без сопротивления под дружный хохот присутствующих переносить все мучения.

Через несколько дней после свадьбы «ясаулы», тамада и два других уважаемых участника прошедшей свадьбы пришли в дом, где намечалась новая свадьба, и заявили, что зима сменяется весной, что человек рождается, женится и стареет и что сыну хозяина пора превратиться из жениха в семейного мужчину. При этом «ясаулы» бросили на стол свои традиционные палочки. Хозяева выставили угощение и пообещали справить свадьбу дней через 10. Все пришедшие после передачи палочек как бы поступали в распоряжение хозяев для руководства предстоящей свадьбой.

Кумухцы говорят, что в соседнем с Лакией сел. Арчи, где сохраняется особый язык, 80% мужчин знают и лакский, а 100% — аварский.

18 августа побывал в сел. Хури (Хьур). На его окраине есть искусственно вырытый традиционный круглый пруд, наполненный дождевой водой. Стены некоторых домов имеют нечто вроде бойниц. Деревянные части открытых веранд покрыты художественной резьбой.

Хури состоит из двух частей: собственно Хури и Ханажи. Последнюю основали выходцы из Кумуха, где один из «кварталов» называется тоже Ханажи. Старейшая часть Хури возникла, по преданию, еще до арабского нашествия. Все жители считают себя потомками свободных крестьян. Над Хури возвышается высокая гора ВацИллу.

В день летнего солнцестояния и во время засухи на нее поднимались для молитвы и проводили там весь день. Название горы удивительно напоминает имя осетинского божества грозы — Вациллы.

В XIX в. рядом с Хури находилось Казикумухское укрепление, построенное русскими. Около его стен я увидел семь старинных чугунных пушек, лежащих на земле. Теперь в бывшем укреплении помещается районная больница.

20 августа вместе с председателем Лакского райисполкома А. Омаровым отправились в его родное сел. Кума. По пути заехали к знакомому Омарова в сел. Багикла (Багъикъл). Тот рассказал, что в древности в этом селении будто бы жили грузины. Более семи раз Багикла подвергалась разорению. Один раз это сделал Шамиль. Тогда селение находилось на соседней горе Аритпалу и было окружено крепостной стеной. Остатки стены видны до сих пор. После разорения Шамилем Багикла отстроилась на теперешнем месте. Жители происходят в большинстве от крепостных (*райат*). Селение делится на три «квартала» (*махлла*): Лултту («Верхний»), Ялтту («Нижний») и Бураган-Кат («За рекой»). В селении два очара: один для людей старшего возраста, а другой для молодежи. Многие из жителей знают аварский язык. Прежде аварский был распространен здесь еще шире. Сейчас им владеют большинство стариков и некоторые из молодежи. Преподавание в начальной школе ведется на лакском языке.

Когда хозяин угощал нас бараниной, брынзой, зеленым луком и водкой, в комнату были вызваны три девушки, и они пели под аккомпанемент бубна.

Сел. Кума расположено амфитеатром на довольно крутом склоне. Если смотреть снизу, то Кума кажется одним многоэтажным домом. В селении встречаются трехэтажные дома. Узкие улицы-лестницы часто перекрыты сверху переходами, которые соединяют вторые этажи противоположно стоящих домов.

В сел. Кума четыре «квартала»: Барши, Ухши («Конец села»), Ххалах («За скалами») и Гъанах («Теневой склон»). В каждом есть свой очар. Название «Кума» жители переводят как «Возьми барана». Здешнее кладбище богато художественно раскрашенными памятниками, однако они позднего происхождения.

Старики считают, что сел. Кума образовалось из пяти отдельных поселков. Это случилось между первым и вторым походами Надир-шаха в Дагестан. Раньше всех обосновалась здесь семья Абакаровых.

На вершине ближайшего к селению отрога горы Турчидаг уцелели следы древнего укрепления, отчего сам отрог называется Къала — «Крепость». Рядом с селением, на плоском холме, видны остатки укрепления Къуну-Баклу. Сохранилась часть кладки около кругого обрыва. Еще одно укрепление, Цинцла-Баклу («Сорный холм»), находится на плоской возвышенности, которая господствует над Кумой. Правда, там, помимо искусственного эскарпирования склонов, нет других признаков фортификации.

В самом селении есть место, где на остром выступе скалы высятся над бездной дом-крепость под названием Ххалах-Къала. Он сложен из рваного камня на глиняном растворе. В доме три комнаты с разным уровнем пола, подвал. Стены дома имеют ряд стрельчатых бойниц высотой по 15 см и, кроме того, окна. Деревянные двустворчатые двери между комнатами очень низкие: высота одних 112 см, других — 92 см. Живут в этом доме старик со старухой. Их обстановка и утварь столь же архаичны, как и жилье.

Населяют Куму потомки личносвободных крестьян. Рассказывают о том, как в XVIII в. во время нашествия Надир-шаха сын казикумухского хана Сурхая по имени Муртуз-Али, не сумев выпросить помощь у жителей Хунзаха, пришел к источнику и сел там. Женщины, явившиеся за водой, спросили его, почему он здесь, а не на очаре с мужчинами. Узнав, что мужчины отказали ему в военной помощи, женщины явились к очару и сказали мужчинам: «Возьмите наши платки и отдайте нам ваши шалки! Мы пойдем воевать против Надир-шаха!». Аварские мужчины устыдились и вместе с лакцами разбили Надир-шаха у горы Турчидаг. В XIX в. во время Кавказской войны на высотах существовали наблюдательные посты, быстро передававшие от Цудахара до Кумуха сигнал тревоги с помощью зажженных костров.

После того как Шамиль взял Багиклу и жителей, бежавшие оттуда, укрылись в сел. Кума, было осаждено и последнее. Во время осады из него однажды выбежала багиклинская собака и, несмотря на открытую по ней стрельбу, благополучно перебралась через боевые порядки мюридов в Багиклу. По этому случаю куминские девушки взобрались на крышу упомянутого выше дома-крепости и громко спели оттуда песню, в которой высмеивали мюридов, не сумевших подстрелить собаку. В той же песне сообщалось о помощи, якобы прибывшей к ним. Мюриды сняли осаду.

Из жителей Лакского района лишь немногие владеют даргинским языком, а даргинцы сплошь и рядом изъясняются с лакцами на языке последних. В настоящее время среди лакцев распространено знание в первую очередь русского языка, во вторую — кумыкского. В лакских селениях работают каменщиками часто аварцы, а чабанами — даргинцы.

Возвращение скота с зимних пастбищ отмечают теперь торжественно. С музыкой и угощением колхозники встречают чабанов за несколько километров от селения. То же имеет место и во время проводов чабанов на зимние пастбища.

От председателя Курклинского сельсовета, бывшего с нами в Куме, я узнал, что Куркли состоит из трех «квартилов» (*махла*): Чанкли, Сеухи и Ттаркьи.

23 августа мы выехали из Кумуха в Кулинский район. Проезжая мимо сел. Кая, увидели остатки древней крепости, сохранившейся в его верхней части.

В Кули мне показали случайные археологические находки из средневековых погребений и селищ. Я произвел разведки на сели-

щах и раскопал три могилы предмонгольского времени, которым грозила гибель.³ Видел крытый очар.

Однажды вечером услышал на улице шум и пронзительный свист множества мальчишек. Оказалось, что это свадебная процессия привода невесты в дом жениха. Невесту вели с закрытым лицом. Многие сопровождавшие ее женщины и девушки несли в руках зажженные керосиновые лампы. Примечательно, что никакой музыки при этом не было. На следующий день под окнами дома, в котором я остановился, чинно прошли женщины с тазами на головах. Они несли жениху угощение от родителей невесты. Платья на них были ярких цветов, преимущественно красные.

Встретил в Кули на улице женщину с татуировкой на лбу. К сожалению, не смог рассмотреть характер нанесенного рисунка.

Хозяйка дома, в котором я остановился, сообщила, что никогда не видела города и ни разу не бывала даже в Кумухе.

Мужчины в Кули кроме родного языка говорят еще по-русски, хотя хуже, чем кумухцы. Несколько меньше распространены среди них азербайджанский и кумыкский языки. Человек восемь владеют даргинским и лезгинским. Женщины же, как правило, не знают других языков, кроме родного.

25 августа я выехал верхом из Кули в сел. Вихли. Во время краткой остановки в сел. Вачи видел дома с бойницами. Здешние мужчины обычно знают русский язык, но не владеют ни азербайджанским, ни кумыкским.

Слышал, что в Кулинском районе только с прошлого года (а в сел. Кули лишь с этого года) стали применять железные плуги. Их недостатком считают то, что ими трудно обрабатывать обычные в горах малые площадки пахотной земли, так как при частых поворотах нелегко запахивать углы и, кроме того, мешает покатошь.

Вихли (Вихьул), как и другие лакские селения, расположено на склоне горы. Перед селением раскинулось довольно обширное ровное поле; за ним — искусственный круглый пруд, ныне пересохший. Вокруг Вихли находится несколько кладбищ с довольно старыми памятниками. Бывшая мечеть с минаретом имеет на фасаде надпись о ее ремонте в 1172 г. хиджры, т. е. в 1758/59 г. Рассказывают, что на месте ее постройки нашли могилу с мумифицированными останками какого-то святого. Здание другой мечети приспособлено под клуб.

Вихли, по преданию, образовалось в XVI в. из шести (по мнению других — из трех) поселков. Некий мулла однажды будто бы раздал представителям последних по метле и предложил ломать их по пруту. На этом примере мулла убедил всех в преимуществе совместного проживания, после чего жители поселков перебрались в одно место. Старейшими поселенцами в Вихли считаются жители самого верхнего «квартала» (*ссакла*) — Буратан. Он и самый крупный в Вихли. Затем последовательно к нему подселились пять

³ Лавров Л. И. Археологические разведки в Дагестане..., с. 256—260.

других «кварталов»: Некйяли, Хачил, Къютил, Багълил и, наконец, Пичил. В память о первенстве «квартала» Бурагъан его жители получали первый бокал браги во время весеннего праздника «первой пахоты». Следующие бокалы пили обитатели других «кварталов» в представленной выше последовательности.

Рассказывают, что у Вихли существовали союзные отношения с селениями Ахар, Кани, Хойхи, Цыйша, Кая, Вачи, Кули и Хосрек. Народные собрания этого союза, происходившие на территории между Цыйшей и Вихли, вырабатывали постановления о цене крови, о размерах калыма и пр. Сохранились легенды о войнах вихлинцев с даргинцами Акуши и Муги. Передают также, что Агалар-хан, разъезжая по своим владениям, выбирал приглашенных ему девушек и делал своими наложницами. По этой причине вихлинцы заставили своих жен и дочерей носить ныне сохранившийся непривлекательный костюм. С этой же целью некоторые девушки даже мазали свое лицо сажей. Здешний женский костюм закрывает не только фигуру, но и кисти рук, а головной убор скрывает лоб и часть щек вместе с подбородком. На платьях у многих нашиты монеты и даже медали.

Жители утверждают, что все они являются потомками свободных крестьян и что среди них не было ни крепостных, ни беков.

Многие двери в домах очень низкие. Высота одной из них оказалась равна 111 см. В верхней части дверей проделано четырехугольное отверстие для глаза или, как утверждают некоторые, для стрельбы. Есть дома с бойницами. Зайдя в один дом, мы оказались в просторной комнате с камином, имеющим над собой вытяжную трубу. Пол в комнате глиняный. Перед камином устроено низкое глиняное возвышение для сидения. Оно полукруглой формы. Другое глиняное возвышение, прямоугольное, находилось в углу комнаты и использовалось как кровать. Оно шире и несколько выше предыдущего. Третье возвышение, тоже глиняное, тянулось вдоль стены и служило для расстановки на нем разных домашних вещей. Тут же у стены стояли два деревянных резных шкафа-закрома: один для зерна, второй, поменьше, для муки. В центре комнаты возвышался деревянный столб с резной капителью. Потолок, сильно покрытый копотью, был тоже деревянным. Под потолком протянута жердь для подвешивания на ней мяса. В комнате разная деревянная утварь. Лежал и коран в переплете. На улице, около самой двери, сооружена печь для выпечки хлеба (чуреков). На крыше одного дома я заметил укутанную в шубу совершенно высохшую старуху, которой, говорят, 120 лет.

Вихлинцы славут у соседей насмешливыми и остроумными людьми. Знание языков среди них распределяется в такой убывающей последовательности: лучше всего знают русский (вся молодежь и некоторые старики), затем кумыкский и, наконец, даргинский, которым владеют все старики и около 10% молодежи.

Из Вихли я отправился в Кумух. Проезжая мимо сел. Кани, видел много каменных домов с арками (полукруглыми, подковообразными и стрельчатыми). В сел. Ахар дома стоят пустыми, ибо

Лакский лингвист Муркилинский Гаджи рассказал мне, что на памятнике его деда было перечислено 13 поколений предков. Род Муркилинских, по преданию, происходил от черкеса Али, осевшего в Кумухе, который в ту пору состоял только из двух домов. Вокруг находились хутора. У Али было много потомков, но они перессорились и истребили друг друга. Осталось в живых у враждующих сторон лишь по одному человеку. От какого-то из них и произошли Муркилинские.

1 сентября приехал в Хасавюрт. Населен он кумыками и русскими. На базаре помимо лошадей, буйволов и ослов видел пару верблюдов. Мой случайный попутчик, лакец из сел. Уллучара, поведал, что в 3 км на юго-запад от его родного селения есть развалины древнего Кутана, который будто бы погиб от междоусобицы, вспыхнувшей в результате того, что женщины не поделили петуха (по другой версии — куриного яйца). Это произошло примерно 350 лет назад. В 1,5 км от сел. Уллучара, в том же направлении, имеются следы другого исчезнувшего селения. Место это называется Кялазуруцалу. Там сохранились могилы, около которых уллучаринцы молились во время засухи.

Говорят, что Уллучара основана лакцами, бежавшими от ханского произвола. Первопоселенца звали Уручул. К нему присоединились выходцы из разных лакских селений; в частности, предки моего спутника были из сел. Инниша. Существует представление о сквозном туннеле под хребтом, на котором находится Уллучара.

Русский язык в сел. Уллучара знают все мужчины и многие женщины, а даргинский — около 80% мужчин и 50% женщин. Причем старшее поколение владеет даргинским языком лучше, чем молодежь.

2 сентября ходил пешком в Ново-Чуртах, одно из селений Ново-лакского района, образованного после войны в результате переселения лакцев с гор в предгорную полосу, на которой прежде жили чеченцы-ауховцы. Раньше селение называлось Мирзаярт. В Ново-лакском районе имеются значительные по площади равнины, пригодные для крупного машинного земледелия. Оно здесь играет такую же роль, как и животноводство. Переселенцам с гор приходится осваивать новые отрасли хозяйства.

Ново-Чуртах расположен в глубокой долине р. Ярыксу. Рядом с селением поднимается высокая круча. Лакцы живут в домах еще чеченской постройки. Некоторые дома, оставшись без хозяев, разрушились. Заборы представляют собой пучки колючего терна, воткнутые в землю. Обширные усадьбы засажены фруктовыми деревьями и огородными культурами. Правда, во многих местах деревья почему-то вырублены и остались только пни. Дома (из саманного кирпича) стоят в глубине дворов. Обычно они побелены. Внизу с внешней стороны имеется бордюр, сделанный желтой или красной краской. Иногда такой же бордюр проходит вокруг окон, причем над наличниками краской изображена стрельчатая арка.

У всех домов есть открытая веранда и черепичная крыша. Если дом стоит не в глубине двора, а примыкает к улице, то всегда обращен фасадом внутрь двора. Большинство домов двухкамерные. Непосредственно к жилью примыкают хозяйственные постройки. Они ниже жилища, и у них крыши другого типа — глиняные, двухскатные и почти плоские. Во дворах видны плетеные кормушки для скота.

Многие здешние мужчины еще носят кинжалы. Транспортным средством кроме автомашин служат и двухколесные арбы, и четырехколесные телеги казачьего типа с лестничными бортами.

В ЛАКИИ (1951 г.)

В 1951 г. я возглавлял Лакский отряд Дагестанской экспедиции, имевшей целью изучение современных процессов этнической консолидации в Дагестане.

Первыми по пути следования были кумыкские селения.

Карабудахкент — крупный населенный пункт. Въехали в него по красивой ореховой аллее. Дома преимущественно саманные и беленые с плоской крышей. Однако имеются и двухскатные черепичные крыши. Над входом во многие дома видны арабские надписи. Сразу же за селением, у дороги, находится место недавних раскопок могильника.

На кладбище небольшого кумыкского сел. Гелли видел могилу с воткнутым в землю белым флажком. Во время небольшой остановки в аварском сел. Урма выяснил, что его жители хорошо знают кумыкский язык, несколько меньше — русский и даргинский, еще меньше — лакский, а некоторые одиночки — ингушский и осетинский. Название «Урма» считают кумыкским и переводят выражением «Не бей». Из старинных промыслов там до сих пор бытует изготовление войлока и сукна.

Рассказывают, что жители аварского сел. Чуни вышли из Хунзах и что в Чуни есть могильные памятники с арабскими надписями 700-летней давности. Кроме того, там встречаются древние погребения в каменных ящиках, в которых находят черепки будто бы балхарской посуды. Название «Чуни» производят от аварского слова, означающего «стойбище».

Переночевав в Ходжалмахи, 5 августа уехал в лакское сел. Балхар (Бархъал). Оно расположено на верхушке горы и окружено засеянными полями, на которых совсем не видно овощных культур. До 1930-х гг. в Балхар не вела ни одна колесная дорога. Лишь около 1931 г. таковые проложили из Цудахара и Акуши. В Балхаре, как и принято, имеется круглый пруд, наполненный дождевой водой. В селении три «квартала»: Барши («Верхний»), Лябсаки («Средний») и Ухши («Нижний»). Раньше каждый из них имел свою мечеть. Была и соборная. Между «квартами» часто возникала вражда и происходили драки из-за питьевой воды. Не только люди, но даже скот не мог появляться в чужом «квар-

тале». Ишаку, нарушившему этот запрет, нередко отрезали хвост. Говорят, что однажды житель «Нижнего квартала» выстрелил в жителя «Верхнего», когда тот выглядывал из окна. Пуля задела только рукав, и стрелявший с досады сломал свое ружье, а потом послал мальчика отвести противнику быка в знак примирения.

В Балхаре тоже есть древние погребения в каменных ящиках. Жители его считают, что Балхар древнее Кумуха, так как было время, когда Цудахарское ущелье отделяло земли Балхара от земель сел. Хукал, существовавшего до Кумуха.

Здесь тоже распространен рассказ о том, как конница Надир-шаха растоптала детей, но балхарцы помешают это происшествие в сел. Муги. При этом передают такую деталь: кони в войске Надир-шаха будто бы имели острые шипы. Рассказывают также, что Муртуз-‘Али, сын казикумухского хана Сурхая I, вывел тогда из Хунзаха 300 аварских воинов и встретился с войском Надир-шаха. Это было у горы Турчидаг. Не зная еще о намерениях Муртуз-‘Али, Надир-шах спросил у него о дороге в Аварию. Тот ответил, что дорогу готов показать шашкой, и бросился на иранцев. А их было так много, что, когда они перед боем вытряхнули из своей обуви набравшуюся землю, то образовался холм в 100 сажен высотой. Муртуз-‘Али, вступая в бой, оторвал свой правый рукав, чтобы легче было работать шашкой. Иранцы были разбиты, и домой вернулась только четвертая часть их войска.

Старик, рассказавший это предание, утверждал, что Балхар никогда не подчинялся казикумухским ханам, но был под властью акушинских кадиев.

Слышал рассказ о Давди, нукере Агалар-хана. Давди влюбился в ханскую дочь и за это был отравлен по приказу хана. Давди знал, что в поднесенном ему бокале содержится смерть, но не испугался. Он выпил вино, вскочил на коня и поскакал домой, в Балхар. Увидев свое селение, Давди запел песню о своей горе и, доскакав до очара, упал мертвым. Слова и мотив той песни до сих пор сохранились.

В Балхаре издавна все занимались гончарством. И сейчас на улице перед десятком домов стоят гончарные печи с полусферическим куполом. Раньше их было гораздо больше. О былом развитии гончарного промысла в Балхаре свидетельствует толстый слой битых черепков, покрывающий всю территорию селения. Возникновение гончарного ремесла балхарцы связывают с именем некоего Калкучи, выходца из Грузии, обучавшего балхарцев гончарному ремеслу. Женщины скорее восприняли эту науку, нежели мужчины, и с тех пор право изготавливать глиняную посуду в Балхаре осталось исключительно за ними. Памятник с могилы Калкучи был сломан и вделан в стену одной из мечетей. На нем есть орнамент, но нет надписи. У жителей существует поговорка с проклятием в адрес Калкучи за то, что он приучил их к столь трудному делу, каким является гончарство.

Примерно в 1 км от Балхара (по дороге на сел. Цуликана) находится гончарный завод, пуск которого состоялся в 1940 г.

Рис. 13. На гончарном заводе в сел. Балхар.

(рис. 13). Сперва он был в ведении местного колхоза, затем — Цудахарского райпромкомбината, а теперь — сапожной артели «Победа». Частое переподчинение мешало работе предприятия. На нем трудится всего 10 человек. Все они коренные жители Балхара. Завод имеет большую обжигательную печь русского типа и две печи меньшего размера, традиционно балхарского образца. Однако топят только последние. Директор пояснил: «Они привычнее!». В помещении завода установлены три русских гончарных круга, которые приводятся в движение ногами. Но они бездействуют, так как на них никто не умеет работать. При мне четыре работницы сидели на полу на корточках перед ручными гончарными кругами традиционно балхарской конструкции. Пятая тут же месила ногами глину на постеленной на полу тряпке. Занимавшиеся лепкой посуды подкладывали под себя низкие ковровые валики. Пальцы их ног покоились на двух развилинах рогатины, которая служит основанием станка. Круг вращали левой рукой, а правой придавали глине нужную форму. Каждая работница сама и лепит, сама и разрисовывает сосуды. Деревянным ножом очищают внешнюю поверхность, особой палочкой, имеющей форму { , — внутреннюю, железным ножом срезают с сосуда лишнюю глину, шерстяной тряпочкой заглаживают поверхность. Разрисовка сосудов производится красной и белой глиной, которую накладывают маленькой кисточкой. Работница за один день изготовляет около 20 кувшинов. После разрисовки сосуды сушат, а потом подвергают лошению. Это делается отполированным кусочком агата, укрепленным на маленькой деревянной ручке. И на заводе, и у частных лиц делают обычно неполивную посуду,

хотя секрет глазури, как утверждают жители, известен издавна. Глазурованную посуду они изготавливают и теперь. Мне показывали поливные пепельницы, солонки и перечницы, форма которых напоминает неолитическую посуду трипольской культуры на Украине. Перед покрытием глазурью сосуд смазывают мазутом. Смесь для получения глазури составляют из свинца, куриного белка и воды. Иногда такую смесь заменяют толченым стеклом.

Заводская и частная керамическая продукция Балхара сбывается на базарах в Цудахаре, Кумухе, Буйнакске, Хасавюрте и других местах Дагестана, где она пользуется большим спросом. Продавцов для сбыта заводской продукции выделяет колхоз. Частники возят горшки на базар, естественно, сами. В литературе утвердилось мнение, будто торгуют балхарской посудой исключительно мужчины. Однако я неоднократно видел женщин балхарок, продававших горшки на базарах в Кумухе и Цудахаре.

В Балхаре все дома с плоскими крышами. В стену одного из них вмазан конский череп — талисман от «дурного глаза». Такой же череп находился в штабеле кизяка, сложенного на крыше другого дома (рис. 14). Кроме того, в куполообразную крышу одной гончарной печи также вмонтированы два конских черепа. На кладбище не заметил старинных памятников. На могиле одной женщины, умершей при Советской власти, стоит памятник с очень хорошим изображением швейной машины, на которой ясно читается название фирмы «Зингер» (рис. 15). При мне в Балхаре соблюдался траур по случаю смерти девушки, и поэтому молодежь в течение 10 дней не могла устраивать игры и танцы. Все собрания здесь ведутся на лакском языке. Если при этом присутствуют представители районных организаций, обычно даргинцы, то им предоставляют переводчика. Примерно 70% мужчин и около 5% женщин знают даргинский язык, причем взрослые люди говорят по-даргински чаще, чем по-русски, а школьники — наоборот.

8 августа я ходил в Цудахар через сел. Кули (Кхали). Это единственное лакское селение, в котором садоводство известно с дореволюционных времен. В тот же день уехал в Кумух. 9 августа здесь был базар. Торговали баранами, мясом, брынзой, мукой, фруктами, коврами, металлической и глиняной (балхарской) посудой, самоварами, замками, обувью, одеждой и питьевой водой. Продавцы разрезали мясо кизяками. Многие прибыли на базар еще с вечера и ночевали у кунаков. Некоторые спали прямо на базарной площади, около своих ишаков.

Лакский драматический театр помещается в здании, построенном при Советской власти. В зрительном зале 400 мест. Театр ежегодно дает 200—210 спектаклей. Около половины пьес в его репертуаре написано лакскими авторами. В труппе четыре человека имеют звание заслуженного артиста Дагестанской АССР. В штате театра есть акробат из сел. Цовкра. Его выступлением обычно заканчиваются концерты. Имеются и три штатных музыканта: гармонист, скрипач и мандолинист. Последний нередко заменяет мандолину бубном. Мне удалось побывать на одном

Рис. 14. Штабель кизяка с конским черепом в сел. Балхар.

из концертов. Большое впечатление произвело выступление хора девочек кумухского детского дома. Управлял хором композитор-самоучка Ш. Акниев. Хор исполнил его сочинения.

В Кумухе строится здание для парткабинета. Я познакомился с рабочим-строителем М. Кардашевым, который оказался известным у лакцев скульптором-самоучкой из сел. Убра, автором прекрасного каменного бюста С. М. Кирова, установленного в Кумухе. Он колхозник, но работает и каменщиком. Русского языка не знает. Сделанные им каменные бюсты Г. К. Орджоникидзе и К. Е. Ворошилова отправлены в Махачкалу на выставку.

В один из дней видел торжественное шествие по случаю первого после свадьбы выхода новобрачной к источнику за водой — завершающий акт свадебного обряда. Шумная толпа женщин во главе с двумя старухами, истопленно бившими в бубны, двигалась по улице. Время от времени шествие останавливалось для танцев. Особенно рьяно плясали сами старухи. За старухами две девушки вели новобрачную, семь дней назад вышедшую замуж.

Меня как-то пригласили на предсвадебную вечеринку, организованную женихом. За день до этого такую же вечеринку устраивала невеста. Тамада, старшие гости и жених сидели на полу в углу комнаты. Помощник тамады (он же старший над молодежью) и молодые люди занимали другой угол, а женщины и девушки во главе со своей старшей — третий и, кроме того, толпились в дверях. Угощение (водка, помидоры, огурцы, брынза, хлеб, абрикосы, яблоки и сливы) подносили только мужчинам. Лишь один раз, когда мужчинам дали тарелку с мелкими орехами, те передали ее женщинам. Вечеринка состояла из пения и танцев.

Рис. 15. Памятник на могиле женщины в сел. Балхар.

То и другое делалось по заказу тамады. Исполнители танцев и песен назначались «ясаулами», которые в таких случаях легко ударяли их палочкой по плечу. Танцевали преимущественно лакские танцы, но были и азербайджанские. Так как на вечеринке присутствовали две русские студентки, то для них исполняли и русские танцевальные мелодии.

Весной 1951 г. в Кумухе возобновилась традиция праздновать день «первой пахоты». В одно из мартовских воскресений около правления собрались колхозники, а также представители местной власти. Последним были посланы пригласительные билеты. От правления направились на поле. Процессию возглавил старик Шурпаев Хаджи, который являлся организатором в 1931 г. кумухского колхоза и первым его председателем. На нем был надет тулуп, вывернутый наизнанку. На поле он сделал железным плугом пару борозд. Дети и часть взрослых при этом швыряли в Шурпаева камешки и комья земли, но он, по обычаю, не обращал на это внимания. Потом все вернулись в правление колхоза, где им подали угощение и стакан бузы, после чего начались танцы.

Делопроизводство в лакских сельсоветах и колхозах велось при мне на родном языке, а в районных организациях — только на русском.

Лакцы любят свою историю и очень ею интересуются. От них услышал, что примирение взаимно враждовавших джааматов раньше происходило на священной горе ВацИллун. А однажды, проходя мимо очара, я был остановлен группой стариков, попросивших рассказать о новых разысканиях в этой области. Во время моего рассказа к очару подходили все новые и новые люди, и вскоре образовалась большая группа мужчин разного возраста. Неподдельный интерес слушателей вдохновил меня, и рассказ превратился в импровизированную лекцию под открытым небом. Присутствующим лекция понравилась, и, чтобы чем-то отблагодарить, меня повели к водоему, расположенному около заброшенной маленькой мечети. Там, руками расчистив большой слой грязи и навоза, показали каменную плиту с арабской надписью 1726 г. о хане Сурхай-Чолаке. Затем старик Шахшаев Омар дал мне толстую тетрадь, которую долго скрывал от чужих глаз. Она была исписана арабской графикой по-лакски.

Рукопись начиналась так: «Царь религии и ислама, наместник Хункара, являющийся правителем Ширвана, и падишах Дагестана, уважаемый учеными, ставший покровителем религии, кормящий бедняков, наводящий страх на притеснителей, унижающий достоинства каджаров, возвышающий суннитов, покровительствующий исламу, ставший владыкой ума и шашки, Гирея сын, герой Сурхай-хан, повелением которого самая лучшая книга, называемая... и переведенная Дамадан-эфенди ... так как не многие могут пользоваться арабским языком была переведена на лакский язык, чтобы все могли ею пользоваться. Перевод книги назван „Пожелания хана“ («Ханнал муаради»). Месяца рабби уль-ахир,

17 дня, в пятницу, 1147 года, в Хачмале.¹ Приведенная дата соответствует четвергу 16 сентября 1734 г.

Рукопись, хотя и представляет собой позднюю копию лечебника Дамадана, является пока что наиболее ранним памятником лакского языка. В этом ее научное значение. Дальнейший текст рукописи начинается словом «лягушка», написанным красными чернилами. Это заголовок статьи, повествующей о лекарствах, которые можно приготовить из лягушки, и их применении. Потом без всякой системы следуют названия других животных, растений и веществ (муха, ромашка, шерсть, рак, подорожник и т. д.).

О находке этой рукописи я сразу же сообщил местному жителю, аспиранту Института языкознания Академии наук СССР, С. М. Хайдакову, не знавшему о ее существовании. Он и получил ее от О. Шахшаева для научного использования.

На сей раз мое пребывание в Кумухе увенчалось также находкой могил шамхалов, которые были представителями крупнейшей феодальной династии средневекового Дагестана. До сих пор ее считали искони кумыкской династией и называли Тарковской, так как с первой половины XVII в. резиденцией шамхалов действительно было кумыкское сел. Тарки, а их владения ограничивались лишь кумыкской территорией. Правда, существовали предания о том, что шамхалы некогда жили в Кумухе и управляли лакцами, но историки на это обычно не обращали внимания.

На кумухском кладбище, за зданием райисполкома, я заметил поросшие мхом большие старинные памятники, богато покрытые резными надписями и орнаментом. Не понимая арабского языка, не мог проникнуть в смысл эпитафий, но, зная арабский алфавит, увидел очень заинтересовавшее меня имя — Сурхай-шамхал. На соседних памятниках также встречалось слово «шамхал». Сходя в Кумух, привел с собой старика, немного читавшего по-арабски, и с его помощью установил присутствие здесь родового шамхальского кладбища XVI—XVII вв. с погребениями известных в истории представителей этой династии. Уточнив их имена, родословную и годы правления, смог по-новому взглянуть на ряд важных вопросов истории Дагестана. Стало, в частности, понятным, откуда могли шамхалы часто нападать на Грузию, почему в Кумухе была построена одна из древнейших дагестанских мечетей, а сам он играл роль важного торгового, ремесленного и культурного центра Дагестана.

Находкой шамхальского кладбища заинтересовалась местная интеллигенция, и мне пришлось дважды выступать в Кумухе с докладом на тему: «Некоторые вопросы истории лакцев». Сперва это было на межрайонном совещании молодых лакских писателей, а потом на собрании районного партийного и советского актива. Оба раза аудитория с большим интересом слушала доклад, задавала много вопросов и активно участвовала в обсуждении, обратив мое внимание на ряд ранее неизвестных фактов.

¹ Перевод с лакского принадлежит С. М. Хайдакову.

Из Кумуха я совершил несколько экскурсий в другие лакские селения. И прежде всего в сел. Хуна (Хъунна), расположенное в 7 км от Кумуха, на довольно крутом склоне невысокой горы. В разных его местах видны дома с каменными арками и нависающими со второго этажа открытыми верандами. При въезде в селение стоит памятник с надписью, что покойник родился в 1870-х гг., а умер в 1942 г., причем памятник и первая дата — дело рук самого покойника, позаботившегося об этом еще при жизни, а второй год дописал его брат. В другом конце селения есть памятник с эпитафией в честь местного жителя, убежавшего к Шамилю и погибшего в рядах мюридов. Старики рассказывают, что Агалар-хан, при котором это произошло, сжег его дом и в наказание хотел было сжечь все селение.

Жители считают, что сел. Хуна существовало еще во времена арабского нашествия. Среди них есть потомки социальной прослойки *ч/анка* (дети беков от неравного брака), сословий *уздан* (свободные крестьяне) и *райат* (крепостные). Беков же здесь не было. Селение состоит из четырех «кварталов» (*мах/ла*): Ххяллул («На скале»), Рат/нил («У реки») и Барши («Верхний»).

До коллективизации большинство мужчин ежегодно уходило в отхожий промысел на Волгу, Дон, в Москву, Ленинград, Ташкент и пр., где занимались лудильным делом.

Хунинцы помимо родного языка знают чаще всего русский. Многие старики владеют и кумыкским.

В 1940 г. местный колхозник Цаххаев Абдулла по своей инициативе провел в селение 1,5-километровую оросительную канаву и посадил 3 га фруктового сада. Его помощницей была только жена. В том саду я видел яблоки, груши, сливы, алычу, абрикосы, персики, вишни, черешни, айву, гибрид груши и айвы, виноград, смородину и пр. Под деревьями росли помидоры, капуста, огурцы, свекла, морковь, репа, кукуруза, подсолнечники, арбузы, дыни, маки и т. д. Я спросил у председателя колхоза: «Каков ежегодный доход колхоза от этого сада и какой доход могла бы приносить та же площадь, если бы ее оставили под зерновыми культурами?». Председатель ответил: «Сейчас доход исчисляется в 70—80 тыс. р., а тогда не превышал бы 5—6 тыс. р.!».

Сам А. Цаххаев очень интересный человек. Он из бедняков, долго работал лудильщиком на отхожих промыслах. Ему 73 года. В его молодые годы хунинцы знали о деревьях только из картинок в книжке, которую кто-то завез в горы. Но, побывав с отцом-отходником в Дербенте, он увлекся садоводством, стал мечтать о разведении фруктов в родном селении, наконец, упорным трудом превратил мечту в действительность и теперь занят выведением садовых и огородных гибридов.

В селении я видел каменную фигуру воина с ранцем на спине. Ее сделал тоже А. Цаххаев. Сейчас он ее дорабатывает, после чего скульптура будет установлена в центре селения и станет памятником тем хунинцам, которые пали на поле боя с фашистами. В числе их был и сын Цаххаева.

Встречался я с А. Цаххаевым и в Кумухе на совещании молодых лакских писателей. Оказалось, что он еще и начинающий поэт.

Цаххаеву не дает покоя идея сооружения гидроэлектростанции вдали от источника водной энергии. Он показывал мне чертеж придуманной им машины, которая, конечно, является вариантом вечного двигателя. Цаххаев посылал свой чертеж в Москву, но его вернули в Кумух, где, как и следовало ожидать, чертеж был предан забвению.

Несмотря на неудачу с чертежом, нельзя без глубокого уважения относиться к этому неграмотному лудильщику, который отнюдь не ради личной наживы стал прекрасным садоводом-экспериментатором, скульптором, поэтом и носителем мечты об электрификации своего селения.

18 августа я выехал верхом в удаленное лакское сел. Шалиб (Шал), находящееся за горами, на исторической территории аварцев. Путь лежал прежде всего через сел. Чуртах (Чуртташи) с обязательным для этих мест круглым прудом. Одна из могил на кладбище украшена монументальным памятником, напоминающим круглый мавзолей с шаром на шлемообразном верхе. На памятнике развеваются два белых флажка.

Под вечер прибыл в сел. Хулиσμα (Ххюлуссун), где и заночевал. Здесь, конечно, тоже есть круглый пруд. Селение состоит из двух «кварталов». Среди мужчин наиболее популярен русский язык, но многие старики им не владеют. Немало мужчин знают кумыкский, а восемь человек — и аварский. Женщины же никаких языков, кроме родного, не знают.

При мне в Хулизму привезли кинопередвижку и вечером под открытым небом демонстрировали фильм «Насреддин в Бухаре». Присутствовали почти все жители селения. Так как многие не понимают по-русски, то один из молодых зрителей комментировал картину по-лакски.

Утром я продолжил путешествие в Шалиб. Лишь проделав путь из Лакского района в Чародинский, где находится сел. Шалиб, понимаешь, что его жители — лакцы — некогда переселились с территории Лакского района, ибо водораздел между ним и Чародинским районом в древности был безусловно этнической границей, отделяющей лакцев от аварцев.

В Шалибе нет колесных дорог. С внешним миром селение связано только тропами. Поэтому не имеется в нем ни арб, ни автомашин. Раскинулся Шалиб на крутом склоне горы. В верхней части возвышается четырехгранная боевая башня, сложенная из колотого камня. На гребне соседнего хребта видны руины двух замков. Мечеть в селении была одна. Теперь она не функционирует. Состоит Шалиб из четырех «кварталов», соответствующих четырем основным тохумам: Дебировых, Бургиевых, Гурджиевых и Акуевых. Каждый «квартал» прежде имел свой отдельный очар. Теперь тохумы расселены смешанно в разных «кварталах». О Дебировых рассказывают, что они первыми в селении приняли ислам во времена Абу Муслима. Говорят, что сам Абу Муслим здесь не был,

но прислал шалибинцам письмо. Бургиевых считают происходящими от русского, которого взяли в плен, когда он ехал из Тбилиси. Гурджиевым приписывают грузинское происхождение, а Акуевых признают коренными лакцами. К менее крупным тохумам относятся Шейховы, ведущие род от аварца, и Зураманиевы — потомки рабов. Еще недавно в отношении потомков рабов допускалась дискриминация. Их скот не принимали в общественное стадо, а умерших не позволяли хоронить на общем кладбище.

На территории современного кладбища расположен средневековый могильник с захоронениями в каменных ящиках. В нем находят оружие, керамику и украшения. Мне показали добытый там старинный глиняный кувшин, покрытый свинцовой глазурью с вертикальными зелеными полосами. Верхняя его часть напоминает птичью голову с раздвоенным клювом (слив) и ушами, в которых качаются глиняные же серьги.

Старики считают, что Шалиб основан лакцами, которых какой-то хан выслал в Аварию. Первоначально шалибинцы жили на вершине соседней горы, где уцелели руины замков. То был так называемый неверный Шалиб, существовавший до прихода арабов. Лишь став мусульманами, шалибинцы спустились на нынешнее место. Окрестные голые горы были раньше покрыты лесом. Его вырубili, чтобы избавиться от нашествия диких зверей.

Сохранился рассказ о том, как некий казикумухский хан, удалившись из Шалиба после сбора в нем дани, тайно послал своего человека в селение, чтобы поглядеть: сильно ли опечалены его жители после уплаты дани? Оказалось, что те в это время устроили веселые игры. Хан решил, что они богаты, поэтому вернулся и потребовал дополнительную дань.

Нет никаких сказаний о войнах шалибинцев с арчинцами.

До проведения коллективизации многие шалибинцы занимались отхожим промыслом. На Кубани, в Азербайджане и других местах они работали каменщиками, ювелирами, плотниками, а больше всего лудильщиками и сапожниками.

Рассказывают, что в Шалибе последний случай убийства на почве кровной мести имел место в 1928 г.

Несмотря на непосредственное соседство с аварцами и арчинцами, жители Шалиба сохраняют не только лакский язык, но и многие лакские особенности быта, в частности свадебный обряд. Например, здесь, как и в Лакском районе, невесту ведут к жениху днем, а не ночью. Женская одежда похожа больше на лакскую, а не на аварскую или арчинскую. Между прочим, здесь попадаются женщины с нашитыми на платье серебряными украшениями. На платье девочки видел даже пришитую медаль «За оборону Кавказа».

Ближайший к Шалибу базар находится в Кумухе. Это около 25 км по крутой тропе через высокий перевал. Несмотря на это, женщины Шалиба проделывают данный путь пешком, нередко с двухпудовым мешком на спине. Особенно трудны и опасны такие путешествия зимой, когда тропу заносит снегом.

В Шалибе до сих пор пашут сохой. Поле проходят ею дважды: сперва для поднятия зяби, а потом для боронования.

Из уроженцев Шалиба к 1951 г. восемь человек получили среднее образование, а три — высшее, но последние работают где-то в других местах. Кроме родного языка здесь больше всего знают аварский. Особенно это относится к старшему и среднему поколениям. На втором месте по распространенности стоит русский язык, популярный в основном у молодежи. Часть старшего поколения, бывшая на заработках в Азербайджане, владеет азербайджанским. Примечательно, что никто из шалибинцев не знает языка соседей — арчинцев. Собрания, лекции и другие общественные мероприятия ведутся здесь только на лакском языке, но делопроизводство в колхозе и сельсовете — на аварском, а занятия в школе — на русском. В языке шалибинцев много аварских слов.

Мне говорили, что на территории Аварии в селениях Багинуб, Чуадаб и Тлосрода лакским языком владеет около 15% мужчин, в селениях Чутаб, Дусрах и Кучраб — до 40, а в Арчи — почти 100% мужчин и многие женщины.

20 августа я вернулся в Кумух, а 23 августа выехал на автобусе в Махачкалу. Провожавшие меня лакцы дали мне при прощании 20-копеечную монету. Оказывается, так принято. Говорят, что в подобных случаях используют иногда и бумажные деньги.

Почти месяц, проведенный потом в Махачкале, я работал в республиканском архиве. Третий раз выступал с докладом о некоторых вопросах истории лакцев — на этот раз в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Познакомился с пришедшими на доклад лакскими писателями Ю. Хаппалаевым и А. Гафуровым. Последний из них уже старик, плохо говорящий по-русски. Одет он по-городскому, носит кепку и брюки навыпуск, но в душе остается настоящим горцем. Среди научных работников мой доклад вызвал сомнение. Не хотели верить, что Кумух некогда был столицей государства шамхалов, а находку в Кумухе шамхальского кладбища отнесли за счет незнания мною арабского языка. Много позже узнал, что после моего отъезда в Кумух был специально командирован арабист М.-С. Саидов для проверки моего сообщения, и оно, конечно, подтвердилось.²

Дагестан я покинул 19 сентября.³

² Саидов М.-С. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР. — Учен. зап. Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, Махачкала, 1957, т. 3.

³ О других этнографических материалах, собранных у лакцев в 1950 и 1951 гг., см.: Лавров Л. И. 1) Советская культура и быт лаков. — В кн.: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилизи, 1952; 2) Лакцы. — В кн.: Народы Дагестана. М., 1955; 3) То же — В кн.: Народы Кавказа. М., 1960, т. 1.

В ЛЕЗГИСТАНЕ И РУТУЛИИ (1952 г.)

В 1952 г. — новая экспедиция в Дагестан. Требовалось собрать материалы для общего очерка о рутульцах. Путешествие началось с Махачкалы, куда я прибыл 22 июня.

Студент агулец рассказал, что многие его соотечественники владеют лакским языком, но он никогда не слышал, чтобы кто-либо из агульцев знал рутульский язык.

Между хлопотами организационного порядка (я — начальник экспедиции) удалось совершить пешую экскурсию в соседнее кумыкское сел. Тарки. Два или три года назад жители его переселились в Северный Дагестан, но там им не понравилось и они вернулись на старое место.

На памятниках нескольких местных кладбищ помимо надписей и орнаментов вырезаны также орудия труда и оружие, в том числе лук, колчан, копье, сабля «татарского» образца и пистолет. Иногда вместо лука и колчана изображено ружье. На одном из кладбищ есть небольшой круглый мавзолей, обнесенный каменным забором. Рядом с мавзолеем в землю воткнуто древко с белым флагом. К древку подвязано много лоскутков.

Пройдя через Тарки, мы поднялись на плато, которое круто обрывается к трем сторонам селения. Подъем был совершен по колесной дороге, проложенной в первой половине XIX в. при А. П. Ермолове. На участке от селения до выхода на плато дорога покрыта со стороны Тарков каменным забором, свидетельствующим, что строители дороги опасались выстрелов из селения. На самом плато стоит памятник на месте первоначального погребения первого дагестанского имама Гази-Мухаммеда («Кази Муллы») и, кроме того, находятся руины крепости Бурная, построенной Ермоловым.

Вместе со студентом В. Игнатьевым 30 июня мы выехали поездом из Махачкалы. От ст. Белиджи автобусом добрались до сел. Ахты. В лезгинском сел. Усухчай я видел, как быки возят сани, груженные кизяком. И это летом!

Попутчик, родом из Мискинджи, единственного шиитского селения в Лезгистане, рассказал, что его односельчане считают себя выходцами из каджаров (иранцев) и что другие лезгины вместе с рутульцами в старину нападали на мискинджийцев. Он сообщил также, что для названия рутульцев существует у лезгин термин *виневац*, т. е., как кажется, «верховые реки».

В Ахтах, ожидая попутную машину на Рутул, разговорился с учителем из рутульского сел. Хнов. От него услышал, что хновцы пользуются базаром чаще в Нухе, чем в Ахтах, до которых от них 50 км по трудной выючной тропе. Азербайджанским языком в Хнове владеет 90—95% населения, лезгинским — около 30, а русским — не более 20%. В паспортах у хновцев, хотя и записано, что они лезгины, однако при встрече с настоящими лезгинами они разговаривают, как правило, на азербайджанском языке. Хнов относится к Ахтынскому району, населенному почти сплошь лезгинами.

поэтому нередко на собраниях в Хнове выступают лезгины из районного центра. В этих случаях их речи переводятся на рутульский язык. Районную газету, издающуюся в Ахтах, могут в Хнове читать лишь немногие.

Так как большая часть экспедиционных материалов, собранных мною в Рутуле и в других рутульских селениях, уже опубликована,¹ остановлюсь лишь на некоторых фактах.

В сел. Рутул юноша, получивший у родителей и ближайших родственников согласие на брак, узнает предварительное мнение избранной им девушки, после чего два-три его родственника отправляются к родителям девушки и просят их официального согласия. Получив его, они передают невесте обручальное кольцо и платок. Сговор заканчивается угощением сватов. Прежде тут договаривались и о калыме. Родители жениха после официального сговора несколько раз присылают невесте подарки (например, платья) и угощение. Когда к свадьбе уже все подготовлено, родители жениха приглашают к себе близких родственников и объявляют число, когда они намерены играть свадьбу, и если собравшиеся одобряют намеченный день, то их просят о материальной помощи и личном участии в свадьбе. О дне свадьбы договариваются и со стороной невесты. После этого жених организует традиционное прощальное угощение. Домой близким родственникам и знакомым разносят тонкие пирожки с сыром, и получившие их должны принять наибольшее участие в свадьбе. Последнюю ночь перед ней жених гуляет у кого-либо из своих друзей. В день свадьбы около дома жениха раздается барабанный бой. Затем группа собравшихся с тем же барабаном выходит за околицу для встречи приглашенных из других селений. У дома жениха начинаются танцы. Потом идут от жениха к невесте, причем женщины несут на головах блюда с пшеном и дарственными платьями. Процессия входит к невесте в дом, а она не встает перед вошедшими и не идет с ними к жениху, пока на это не дадут согласие абсолютно все члены ее тохума. Если кто-либо из родственников невесты не присутствует, то она не встанет, пока его не приведут и он не скажет о своем согласии. При выходе невесты из дома музыканты играют специальную мелодию. Пришедших за ней не отпускают без выкупа, состоящего из водки, денег или чего-либо другого. Потом невесту сажают на коня, присланного женихом. Коня ведут под уздцы, а невесту при этом с двух сторон поддерживают ее подруги. Невеста едет закрытая красным покрывалом. Впереди коня идет девушка с зеркалом в руках. Вместе с невестой отправляется к жениху пожилая родственница. По дороге мальчишки бросают в невесту куски навоза. При вводе в дом жениха ее обсыпают конфетами, орехами, мелкими монетами и пр. Их подбирают мальчишки. Здесь же невесте дают наступить на что-либо

¹ Лавров Л. И. 1) Рутульцы. — СЭ, 1953, № 4; 2) То же. — В кн.: Народы Дагестана. М., 1955; 3) То же. — В кн.: Народы Кавказа. М., 1960, т. 1; 4) Рутульцы в прошлом и настоящем. — КЭС, 1962, т. 3; 5) Археологические разведки в верховьях р. Самур. — МАД, 1959, т. 1.

железное. Затем ее помещают с девушками и женщинами, а жених усаживается с мужчинами между двумя дружками, которые следят за порядком и штрафуют провинившихся, заставляя их принести на свадьбу вино, таз со сладостями или фруктами и т. д. Такой же таз стоит перед женихом; каждый вновь пришедший берет угощение и кладет на него деньги. Заправляет свадьбой тамада. После того как поздно вечером протанцует и сам жених, шафера уводят его к невесте, а сами остаются перед дверью. Пожилая родственница невесты, преподав ей необходимые советы, как вести себя в брачную ночь, покидает молодых и присоединяется к остальным женщинам. В известное время жених выносит шаферам окровавленный платок, свидетельствующий о целомудрии невесты, а те передают платок ее пожилой родственнице. Та в свою очередь отправляет его родителям невесты. Гуляние в доме жениха продолжается до полуночи, а потом все идут в дом невесты и веселятся там до утра. На второй день гуляние происходит снова у жениха, причем теперь выходит танцевать и невеста, которую при этом одаривают деньгами. На третий день в доме жениха собираются на гуляние близкие родственники невесты, а затем все вместе, забрав с собой и молодоженов, отправляются в дом невесты, «чтобы она не забыла дорогу к своим родителям». Здесь отец невесты дарит ей корову или теленка. В следующие дни молодоженов приглашают по очереди близкие родственники жениха и одаривают их деньгами, скотом и пр. Так продолжается около восьми дней. После того молодую жену торжественно ведут с кувшином за водой к источнику. Сопровождают ее родственницы мужа. Они несут с собой блюдо с тонкими лепешками для угощения встречающих.

Тохумов в Рутуле больше, чем «кварталов», но здесь уверяют, что прежде «квартал» и тохум совпадали. До сих пор многие тохумы живут компактно (рис. 16). Например, тохум Тахмезовых (Тахмезер), состоящий из 10 хозяйств, весь проживает в «квартале» Карх, причем девять хозяйств расположено по соседству друг с другом и лишь одно находится несколько дальше. До недавнего времени осужденные подвергались те, кто поселялся вдали от родственного коллектива.

Некоторые рутульцы, подобно другим горцам Южного Дагестана, носят шерстяную обувь с очень плотной подошвой. Но она отличается от подобной обуви цахурцев, лезгин и лакцев своеобразным рисунком и белой подошвой, обшитой по краям черным кантом. Отмечу также, что рутульские женщины в противоположность цахурским не надевают фартуков.

6 июня мы отправились верхом в двухдневную поездку в рутульское сел. Шиназ (от персидского *шинас*, что означает «признающий» исламское вероучение). Оно расположено на склоне довольно крутой горы и состоит из трех «кварталов»: Джеглер, Миндар и Саран. В селении возвышается четырехгранный минарет, увенчанный точно таким же каменным конусом и белым камнем сверху, как минареты в Рутуле и Хрюге.

Двухэтажный дом, в котором мы поместились, не имеет двора. В первом этаже расположены конюшня и коровник. Они разделены узким коридором. Поперек второго этажа также проходит коридор, один конец которого соединен с дверью на балкон. По сторонам коридора второго этажа имеются две довольно большие комнаты. Одна из них служит для приготовления пищи и более или менее постоянного пребывания семьи, вторая — гостиная. В первой сооружен камин, а на стенах развешаны тазы, ложки и кинжал. На лавке стоят медные и глиняные кувшины, причем последние из них балхарского производства. Такие же кувшины можно было видеть и в Рутуле. Во второй комнате пол устлан коврами, а мебель состоит из двух простых железных кроватей, стола и стульев. Правда, пищу мы принимали, как и полагается, на полу. На стенах развешаны фотографии и лубки с фантастическими пейзажами.

В Шиназе еще не было электричества и радио. В 1951 г. два раза сюда привозили кинопередвижку. Есть в Шиназе семилетняя школа-интернат, но жителей с законченным средним образованием насчитывается менее 10 человек; среди них нет ни одной женщины.

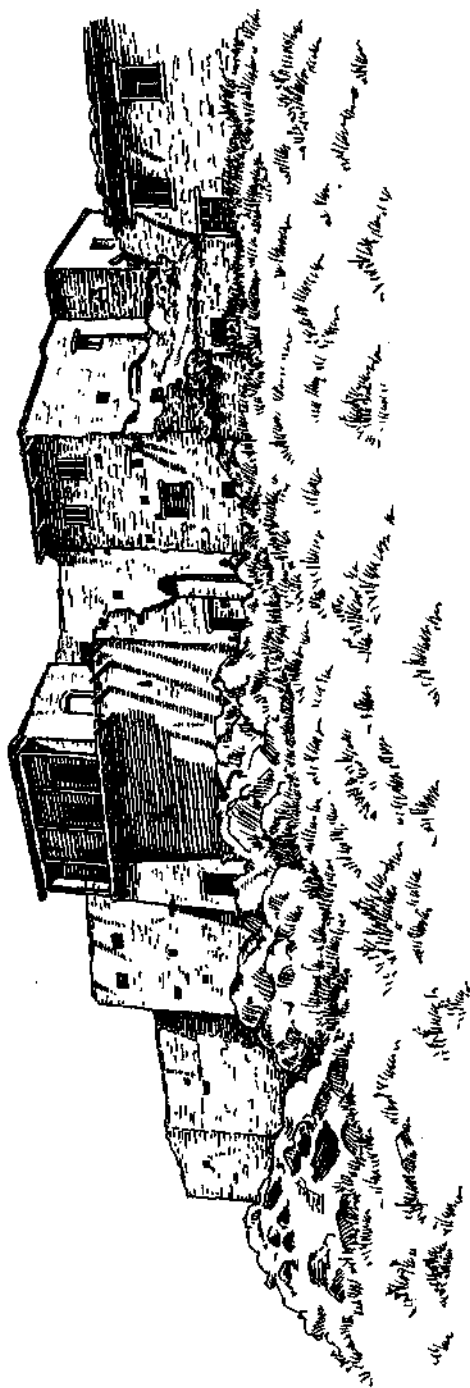

Рис. 16. Старые дома в сел. Рутул.

В Шиназе я узнал дом бывшего старшины Гаджиева, фотография которого была издана до революции в статье известного ботаника проф. Н. И. Кузнецова, подробно описавшего свое пребывание в нем в 1911 г. и посвятившего ряд теплых строк сыну хозяина дома, Хазарчи. На опубликованной Кузнецовым фотографии маленький Хазарчи в черкеске, с белой папахой на голове и маленьким кинжалом на поясе.²

Меня познакомили и с самим Хазарчи. Ныне это воспитатель интерната, лучший знаток местной старины и фольклора, наиболее популярный у рутульцев поэт, сочиняющий и мелодии к своим стихам. Некоторые его мелодии были записаны на патефонные пластинки. Под своими произведениями подписывается как Хазарчи Шиназский. Кроме рутульского и русского он знает азербайджанский, лезгинский и арабский языки. Хазарчи вспомнил Н. И. Кузнецова и рассказал, что тот звал его в Дербнт учиться, но родители непустили.

Говорят, что еще в первые годы Советской власти некоторые шиназцы имели по четыре жены. Видел ульи, плетенные из прутьев и обмазанные глиной. Так же сделаны они у адыгов и лакцев. Но здесь они более широкие, сплющены сверху и не имеют побелки. На гребне горы, соседней с Шиназом, на разном расстоянии друг от друга поставлено около 25 каменных стел. Это своеобразный календарь. В зависимости от того, у которой из стел восходит солнце, определяют наступление разных времен года.

После возвращения в Рутул мы вскоре выехали в дальние селения. Сперва миновали сравнительно новое сел. Куфа. Потом были селения Кума и Амсар. За последним, у самой дороги, лежит большой камень, засыпанный мелкими камешками, а рядом воткнуты в землю прутьи с привязанными к ним лоскутками — это «пир».

Наконец, вдали показался Лучек, один из наиболее крупных рутульских населенных пунктов. Лучек отличается от других рутульских селений. Он расположен на ровном месте (в излучине рек Самура и Кара-Самура), имеет правильную планировку с ровными и довольно широкими улицами. Дома каменные, но есть и глиняные. Селение делится на пять «кварталов»: ЧемыкIвар, Качалар, КIеракъер, Балилиер и Абдиер.

По преданию, Лучек образовался 190 лет тому назад, т. е. около 1762 г., в результате объединения нескольких поселков. Один из них, Балалма, находился выше по р. Кара-Самуру, в 2,5 км от нынешнего Лучека, и состоял из 15 дворов. Жители Балалмы положили начало «кварталу» Балилиер. Еще дальше вверх по Кара-Самуру жили предки тохума Четгер, названного по имени прародителя, а за ними — основоположники «квартала» КIеракъер. Эти три поселка соединились в целях самообороны. Позже к ним, в Лучек, подселились другие «кварталы». Из них ЧемыкIвар носит имя своего первопоселенца (ЧемыкI).

² Кузнецов Н. И. В дебрях Дагестана. — ИРГО, 1913, вып. 1—3.

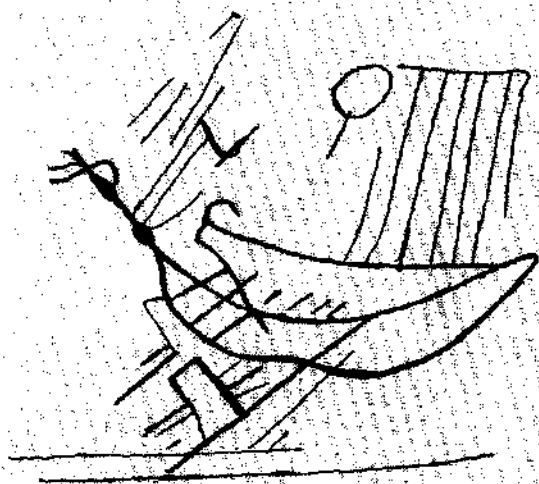

Рис. 17. Петроглиф у сел. Кина. Изображение корабля.

Родственные связи в Лучеке очень сильны. Во время драки вся родня приходит на помощь сородичу. Есть здесь мастера резьбы по дереву. Изготавливают они резные сундуки.

Расположен Лучек на месте старого кладбища. Жители, роя землю у дома, часто натыкаются на могилы без инвентаря. Очевидно, это старые мусульманские захоронения. Мне удалось обнаружить несколько камней с арабскими надписями, относящимися ко времени до XV в., и один камень с поздним хронографом.³

Недалеко от Лучека, по дороге в сел. Кина, есть скалистая местность Рухудьюг. Там я нашел единственные пока в Южном Дагестане наскальные изображения (рис. 17).⁴

Из Лучека мы отправились пешком в Ихрек, расположенный в 14 км вверх по р. Кара-Самуру.

На левом берегу реки, в 1 км от Лучека, в разных местах на засеянном поле виднелись фрагменты лепной и сделанной на гончарном круге керамики. Тут же в двух местах дорогу пересекали остатки каменных фундаментов. На этом участке, по преданию, находился один из поселков, образовавших Лучек.

В 3—4 км перед сел. Ихрек около дороги встречаются старые мусульманские могилы, а на ближайшей к ним невысокой горе (на левом берегу р. Кара-Самура) сохранились руины поселка с многими каменными домами. Предание гласит, что на этом месте находилось сел. Харица, жители которого перебрались в Ихрек.

³ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966, ч. 1, надп. 105—111; ч. 2, надп. 666.

⁴ Лавров Л. И. Археологические разведки в верховьях р. Самур, с. 177—181.

Последний возник, как рассказывают, из семи объединившихся поселков.

Ихрек живописно расположен среди гор и зеленых полей. Вдали видны вершины, на которых кое-где белеет снег. Два противоположных конца селения взобрались на склоны гор, а середина лежит в долине. Деревянные балконы новых домов покрыты резьбой, а столбы балконов нередко украшены турьими рогами. У встреченного нами всадника под седлом лежала баранья туша. Таков один из способов вяления мяса.

Лишь несколько часов провели мы в Ихреке. За это время удалось найти и сфотографировать много неизвестных прежде арабских надписей X—XIV вв.⁵

Наконец, мы в Рутуле. Третий секретарь Рутульского райкома партии родом из единственного в горах Дагестана азербайджанского сел. Нижний Катрух. Он рассказал, что на его родине говорят на весьма своеобразном диалекте азербайджанского языка и что многие старики знают, кроме того, лакский язык. Жители Нижнего Катруха считают, что какой-то казикумухский хан имел в этом месте дачу и поселил при ней пять или семь своих подданных. То были лаки, лезгины и азербайджанцы, причем лезгины и азербайджанцы являлись военнопленными. От этих первопоселенцев будто бы и произошли жители Нижнего Катруха. В его окрестностях имеются древние селища и следы крепостей.

В Рутульском районе, в верховьях Кара-Самура, есть два лакских селения — Аракул (Дюкьул) и Верхний Катрух (последнее лаки называют Чатлухъи Ялув, а аракульцы — Чичатлухъ). Уроженец Верхнего Катруха работает буфетчиком в Рутуле. Он рассказал, что их селение основал один из Сурхай-ханов Казикумухских. Национальность первопоселенцев была будто бы разная: русские, грузины, азербайджанцы и лаки. Отдельные фамилии в Верхнем Катрухе до сих пор ведут свое происхождение от этих народов. По словам моего осведомителя, жители Аракула стараются хоронить своих покойников в Верхнем Катрухе. И это, по его мнению, свидетельствует о том, что Верхний Катрух возник раньше Аракула. Предания верхнекатрухцев сохранили память о нападениях аварцев.

Председатель Рутульского райпотребсоюза, лакец из Аракула, считает, что последнее древнее Верхнего и Нижнего Катрухов. Около Аракула есть обширные старые кладбища, на которых находили кресты. Некоторые могилы располагаются там в два и даже три яруса. В 2 или 3 км от Аракула, вверх по реке, имеется селище, где, как рассказывают, существовало еврейское сел. Сиюх. Предание повествует, что однажды аракулец и девушка из Сиюха полюбили друг друга, но их родители не позволили им вступить в брак. Тогда влюбленные утопились в ближайшем озере (*хири* — букв. «море»), которое считается бездонным и священным. В прош-

⁵ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 1, надп. 3, 5, 28, 29, 71, 85, 92—103.

лом к этому озеру приезжали аракульцы во время засухи, резали там баранов и ели вместе с продуктами, привезенными из дома. Спиртные напитки при этом исключались. После трапезы, перед наступлением темноты, устраивали моление и бросали в озеро камни.

Женские костюмы в Аракуле сходны с таковыми в обоих Катрухах, но значительно отличаются от рутульских. Из брачных обычаев, бытующих в Аракуле и Катрухах, информатор отметил следующую деталь, отсутствующую у рутульцев: в первую брачную ночь жениху не полагается развязывать очкур шаровар невесты. Он должен разорвать его. Если жених попытается нарушить обычай, то невеста может поднять крик, на который в комнату вбежит стража (одни представитель стороны жениха и один — стороны невесты), и жениху грозит общее осмеяние. В то же время очкур для невесты делают очень прочным, обычно из конских волос или козьей шерсти. Говорят, что аракульцы прежде не выдавали дочерей замуж за тех, кто не отличился в воровстве.

19 июля мы прибыли в лезгинское сел. Ахты. В помещении бывшей соборной мечети находится районный музей краеведения. Кроме экспонатов по естествознанию в нем демонстрируются мужская и женская одежда, соха, молотильная доска, вилы, ручная мельница, ткацкий станок, ложки, медная и глиняная посуда, кольчуги, шлемы, лук без тетивы, сабли, огнестрельное оружие XIX в., копия огромного куфического корана. Есть несколько предметов эпохи бронзы, полученных из других мест Дагестана, и образцы лепной керамики, изготовленной лезгинками в наше время. В музее имеются отделы гражданской войны, социалистического строительства и Великой Отечественной войны.

21 июля я уехал в Дербент, а затем в Махачкалу, где до 8 августа работал в архиве. Сбор материалов об этнических процессах в прошлом и в наше время привлек мое внимание к вопросам функционального развития языков. В частности, стало ясно, что языки небольших народов Кавказа имеют разное происхождение. Одни из них, например андо-цезские, могли образоваться в результате длительной изоляции. Другие, например абазинский, принадлежат остаткам некогда многочисленных народов, значительная часть которых ассимилирована соседями. Носители третьих были составной частью крупных народов, но давно потеряли связь с единоплеменниками после переселения в иноязычную среду. Примером этого могут служить арчинцы. Они живут в окружении аварцев и лакцев, но их язык обнаруживает родство с таковыми лезгинской группы. Кроме указанных трех причин лингвистической пестроты Кавказа следует назвать еще одну, специфически дагестанскую, способствовавшую сохранению столь большого числа мелких языков в этом крае. Я имею в виду обычай эндогамии, характерный для Дагестана и неизвестный другим частям горного Кавказа.⁶

⁶ Лавров Л. И. 1) О причинах многоязычия в Дагестане. — СЭ, 1951, № 2; 2) Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 29—32.

Лингвистическая пестрота в Дагестане издавна сочетается с полиглотностью населения, главным образом мужского. В распространении неродных языков наблюдается там вертикальная зональность: горцы гораздо чаще знают языки населения, живущего ниже, нежели того, кто живет выше. Вторым (т. е. неродным) языком обычно является язык промышленного и культурного центра (города), к которому тяготеет данное горское население, и, кроме того, язык того соседнего народа, через чью территорию осуществляется связь с таким центром. Родной язык, как известно, отличается большой устойчивостью, чего нельзя сказать о вторых языках. Факты свидетельствуют, что, пока второй язык не стал средством внутрисемейного общения, т. е. пока не заменил собой родной, он может меняться на протяжении жизни одного поколения.

Полную смену языка нередко представляют двухступенчатым процессом: сперва появляется двуязычие, а потом происходит вытеснение родного языка вторым. Но на самом деле двуязычию предшествует появление особого жаргона для общения с иноязычными соседями. Жаргон представляет собой механическую сумму небольшого числа искаженных слов для выражения простейших понятий. Слова жаргона бывают заимствованы из родной лексики одного из собеседников или из посторонней речи, в малой степени знакомой обоим. Грамматические формы изменения слов этому жаргону обычно неизвестны.⁷

При изучении современных этнических процессов Дагестанская экспедиция пыталась установить степень национальной консолидации народов Дагестана. Внимание было сосредоточено на конкретных этнических процессах нашего времени, с точки зрения изменения этнической карты, внутринациональных отношений и межнациональных связей.⁸

Одним из результатов наших исследований нынешнего состояния этнических процессов в Дагестане было внесение ясности в вопрос о консолидации рутульцев, цахурцев и агулов с лезгинами. Согласно господствовавшему мнению, такая консолидация уже подходит к завершающему этапу, и поэтому официальные документы (в том числе и паспорта) причисляли рутульцев, цахурцев и агулов к лезгинам. Наши выступления в печати⁹ и доклады в соответствующих организациях привели к исправлению допущенной ошибки и признанию этих народов (и при проведении всесоюзных переписей населения) самостоятельными этническими образованиями.

⁷ Лавров Л. И. 1) Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. — КСИЭ, 1953, вып. 19, с. 3—5; 2) Историко-этнографические очерки Кавказа, с. 87—88.

⁸ Лавров Л. И. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции..., с. 3—6; Волкова Н. Г., Лавров Л. И. Современные этнические процессы. — В кн.: Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.). М., 1968.

⁹ Лавров Л. И. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции..., с. 5—6; Народы Дагестана. М., 1955; Народы Кавказа. М., 1960, т. 1.

В ЛЕЗГИСТАНЕ, КУМУХЕ, НАЛЬЧИКЕ И СТАНИЦЕ ПАШКОВСКОЙ (1953 г.)

На этот раз, как и в предшествовавшем году, возглавляемая мною Дагестанская экспедиция должна была продолжить сбор материалов для готовившихся к изданию книг «Народы Дагестана» и «Народы Кавказа», где мне предстояло написать главу о лезгинах. В состав экспедиции входили фотограф Д. С. Быстров, практиканты этнографы И. Х. Калмыков и Т. Т. Шикова.

С 11 по 19 июля я занимался в Махачкале организационными делами экспедиции. В один из дней меня навестил лакец Пашаев, предложивший купить у него три старинные арабские рукописи, книгу с историческими приписками, около 50 документов XVIII в. и несколько документов XIX в., в том числе относящихся к восстанию 1877 г. в Дагестане. Но сделка не состоялась. Пашаев показал приписку на полях книги о том, что при Бу'дай-шамхале в 1098 г. хиджры, т. е. в 1687/88 г., свирепствовала чума и в одном только Хукале (совр. Табахлу) было тогда погребено 500 трупов. Кроме того, Пашаев рассказал, что надгробный памятник некоего Оркай-шамхала, правившего, кажется, в XVI в., лежит перевернутым у выхода водопровода в Кумухе, что Муртыз-Али, сын казикумухского хана Сурхая I, был, по преданию, убит собственным отцом и что кумыкское сел. Карабудахкент известно лакцам под названием Тахал — «Тронный».

С 20 июля по 4 августа работал в лезгинском сел. Ахты (рис. 18). В день приезда видел на улице свадебную процессию. Возглавлял ее усатый распорядитель с нагайкой в руке. За ним следовал, лихо танцуя, мужчина средних лет. Потом шествовал оркестр из двух зурначей и бубенщика. За музыкантами шел жених с приятелями, затем — толпа мужчин, а потом — девушки и женщины. После них ехала легковая автомашинна. В ней рядом с шофером сидела женщина с зажженной керосиновой лампой в руке (есть поверье, что если потухнет лампа, то у новобрачных не будет дружбы), а на заднем сидении между двумя девушками помещалась невеста. Голова и лицо ее были закрыты белым платком. Девушки, сидевшие по бокам невесты, держали перед ней по зеркалу. За легковой автомашиной следовала грузовая, до отказа набитая детворой. По сигналу распорядителя (таковым являлось поднятие нагайки) процессия часто останавливалась для танцев. Кого распорядитель касался нагайкой, тот и обязан был выходить в круг. Когда процессия приблизилась к дому жениха, то с балкона соседнего дома на автомашину с невестой посыпались мелкие орехи.

Кроме автомашин и не столь уже распространенных арб на двух колесах на улице изредка встречаются сани, запряженные волами. В Ахтах два раза видел, как на санях тащили груз, а однажды везли больную женщину. Напоминаю, что это происходило в разгар лета.

На улицах и на базаре часто попадался мне какой-то старик, волокащий парализованную ногу. Несмотря на жару, на нем на-

Рис. 18. Часть улицы под домом в сел. Ахты.

деты тулуп и лохматая шапка. Это шейх, о котором ходит слух, будто он способен за полчаса перемещаться на 100 км и более. Многие верят, что, намочив его тулуп в реке, можно вызвать дождь. Рассказывают, что этот 70-летний паралитик по пять-шесть раз в году совершает восхождения на «священную» гору Шалбуздаг.

Навешая одного местного жителя, заметил вмазанные в глиняный забор череп собаки, тазовые кости коня и подкову — талисман от «дурного глаза». Когда я вошел во двор, то старуха хозяйка прежде всего подала мне один абрикос. Это, как пояснили, означало, что я желанный гость.

Религиозно-магические пережитки, конечно, не определяют общей духовной жизни нынешних ахтынцев, они занимают очень скромное место.

За северо-западной окраиной селения, в удалении от жилья, я обнаружил следы старинного поселения и могильник. На высоком гребне (отрог соседних гор) видны остатки укрепления. Там же сохранилась нижняя часть круглого минарета. Его стены и сейчас возвышаются на 2 м. Находящиеся здесь фрагменты керамики сделаны на гончарном круге и в большинстве имеют зеленую, белую или желтую глазурь. Встречаются черепки и без поливы, но с орнаментом, нанесенным белой глиной, как на сосудах из Балхара. Рядом с укреплением — обрыв, в котором оголились погребения в каменных ящиках. Укрепление и могильник вряд ли старше XIV в.

На нескольких кладбищах сел. Ахты, как и в Рутуле, преобладают очень примитивные надгробные памятники без надписей. Лишь изредка попадаются гюмбезы четырехгранной и округлой форм. В старину грамотные люди в Ахтах и Рутуле, очевидно, встречались реже, чем, например, у лакцев.

Знакомство с прошлым Ахтов показывает, что в начале нашего тысячелетия в этом селении была построена крепость и владельцем ее считался некий феодал Дийар. В XV в. Ахты входили в состав владений ширваншаха Халилуллы I. Источники же XVIII в. характеризуют Ахты как центр независимого союза нескольких сельских общин, управляемого выборными старшинами. Смена феодального правления демократическим в разное время произошла также в Агуле, Цунте, некоторых чеченских обществах, в Вольной Сванетии, в шапсугских и абадзехских обществах Адыгеи. Одновременно с возвращением к дофеодальному народовластью во всех этих случаях не наблюдалось деградации не только хозяйства и технических навыков, но и надстроечных явлений, таких как религиозные представления, фольклор, народное искусство, в ряде случаев — письменность. В результате создавалась редкая ситуация, при которой относительно развитая надстройка не соответствовала более низкому базису.

В Ахтах и Хрюге я произвел выборочное обследование состава семьи (табл. 1) и знания языков (табл. 2). Все опрошенные — лезгины, и у всех родным языком являлся лезгинский.

30 июля вместе с Д. С. Быстровым съездили в сел. Мискинджа. Выше уже говорилось, что это единственное лезгинское селение, где жители исповедовали ислам шиитского толка. Цель поездки — найти мать однополчанина З. Магомедова, чтобы сообщить об обстоятельствах гибели ее сына на Ленинградском фронте в 1941 г. По этой причине и из-за краткости пребывания в селении не удалось побеседовать с жителями на исторические и этнографические темы. Однако создалось впечатление, что там нет сколько-нибудь достойных внимания памятников. Правда, вокруг селения расположены обширные кладбища, свидетельствующие о былом его многолюдстве. В Мискиндже в 1953 г. насчитывалось 420 хозяйств. Большинство здешних домов построено из сырцового кирпича. В селении имеется отделение Микрахской ковровой артели, в котором работают 10 мастериц.

На току, за околицей, видел, как пара волов волочила четыре молотильные доски (пара за парой), а на них для тяжести сидели мальчик и управлявший волами мужчина. В другом месте женщина веяла. При этом она подбрасывала на ветру хлеб не лопатой, а вилами. Несколько поодаль другая женщина веяла без лопаты и без вил. Она просто подкидывала зерно руками.

Сел. Мискинджа, по преданию, основано 40 персами, которых сюда переселил в XVIII в. Надир-шах. Последний за военную помощь подарил мискинджийцам пушку. Жители помнят о многочисленных войнах с соседями — лезгинами и рутульцами.

Таблица 2
Знание языков жителями селений Ахты и Хрюг

Возраст опрошенных (лет)	Число опрошенных	Знают языки							
		только лезгинский		русский		русский и азербайджан- ский		азербайджан- ский	
		служащие	колхозники	служащие	колхозники	служащие	колхозники	служащие	колхозники
Ахты									
2—7	2/5	1/2	1/3	—	—	—	—	—	—
8—13	2/7	—	2/4	—/3	—	—	—	—	—
14—18	13/11	—	4/2	4/1	4/8	—	1/—	—	—
19—30	20/17	—/2	—/1	3/5	12/7	1/1	4/1	—	—
31—40	7/2	—	1/1	5/—	—	1/—	—/1	—	—
41—50	—/6	—	—/4	—	—	—/1	—	—	—/1
51—60	4/6	—/1	—/2	—/1	1/—	1/1	1/—	—	1/1
Старше 60	5/2	—	1/2	—	1/—	2/—	—	—	1/—
Итого . . .	53/56	1/5	9/19	12/10	18/15	5/3	6/2	—	2/2
Хрюг									
2—17	1/5	1/2	—/3	—	—	—	—	—	—
8—13	11/8	4/3	4/4	2/—	1/1	—	—	—	—
14—18	9/9	—/1	2/3	3/1	4/4	—	—	—	—
19—30	20/8	—/1	3/6	8/—	8/—	—	1/1	—	—
31—40	—/3	—	—/3	—	—	—	—	—	—
41—50	6/6	—	3/6	1/—	—	1/—	1/—	—	—
51—60	2/3	—	—/3	—	—	1/—	—	—	1/—
Старше 60	6/8	—/2	—/3	—	—	2/1	1/1	—	3/1
Итого . . .	55/50	5/9	12/31	14/1	13/5	4/1	3/2	—	4/1

Примечание. Некоторые из ахтынцев знают кроме указанных языков еще армянский и грузинский. В табл. 2 и 4 в числителе дробей указано количество мужчин, в знаменателе — женщин.

Когда мы пришли к матери З. Магомедова, она, здороваясь, неожиданно поцеловала нам руки. В ее очень чистеньком жилище на полочках была расставлена для обозрения не только посуда, но и электрическая лампочка, флакон с машинным маслом и даже пачка порошка против клопов.

Вернувшись пешком в Ахты, мы 4 августа выехали автобусом в Усухчай — молодое лезгинское селение, возникшее лишь в царское время, отчего в нем нет исторических достопримечательностей.

Лезгин из сел. Каладжух (по-арабски «Уничтоженная кре-

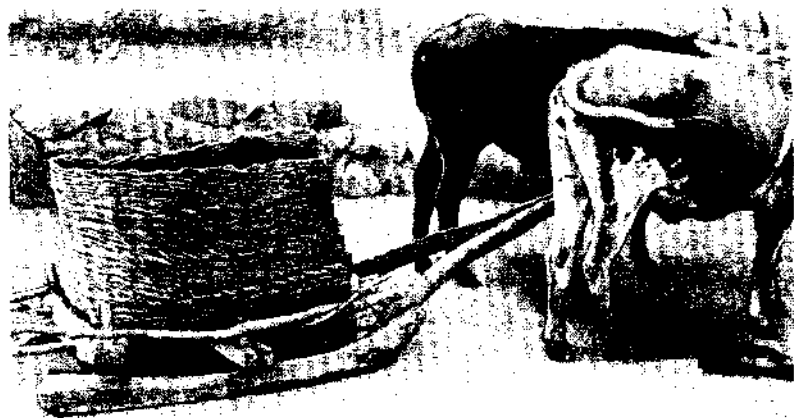

Рис. 19. Перевозка тяжестей летом у лезгин.

пость») сообщил, что прежде в их селении находилась крепость и что бывали войны между жителями Каладжуха и Микраха. Сохранился рассказ о том, что ключи от крепости хранились у жителей поочередно и что когда очередь дошла до женщины, которую взяли замуж из Микраха, то она открыла ворота микрахцам, и те временно захватили Каладжух.

На улице в Усухчае мне встретились трое саней, запряженных быками (рис. 19). Здешние арбы в противоположность ахтынским и рутульским имеют большие колеса.

5 августа выехали в лезгинское сел. Магарамкент. В Чахчахе и других полутных населенных пунктах дома, как правило, двухэтажные, а входная дверь устроена в углублении фасадной стены, которое превращено в открытую веранду. В Магарамкенте дворы огорожены частоколом, плетнем или глиняной стенкой. Ворота — чаще всего три горизонтальные толстые жерди, вставленные в пазы обонх крайних столбов. Чтобы проехать во двор, нужно вынуть жерди. Во многих дворах есть фруктовые сады. Дома каменные и саманные, чаще двухэтажные, а новые обычно одноэтажные. Арок, столь характерных для верховий Самура и для территорий лакцев, здесь нет совсем. Видел дом с верандой на втором этаже, обрамляющей сразу три стены. Столбы, на которые опирается веранда или навес крыши, иногда имеют сверху развилку для горизонтального бревна. Это избавило строителей от необходимости применять гвозди. Над зданием бывшей мечети возвышается купол.

Рассказывают, что Магарамкент получил название от имени некоего Махарама, первопоселенца, жившего здесь в шалаше.

На магарамкентском кладбище нет эпитафий древнее XVIII в. На памятниках XVIII—начала XIX в. постоянно встречаются

изображения кремневого ружья, персидской сабли, персидского кинжала, коня, кувшина для омовения и таза. Есть немало и деревянных памятников — столбики, стилизованные под человеческое туловище с головой.

Азербайджанский язык в Магарамкенте забывается, и в 1953 г. его знали здесь хуже, чем в Ахтах.

Собрав статистические материалы о Магарамкентском районе, 7 августа мы уехали в Касумкент, расположенный на ровном месте в широкой долине. В этом лезгинском селении очень много зелени. Нигде в Дагестане не видел столько пирамидальных тополей, как здесь. Касумкент славится своими садами. Вокруг него и выше по р. Курахчаю много ореховых деревьев, которые в прошлом нередко отдавали в счет калыма и кебина. Большинство домов в селении сложено из сырцового кирпича. Они чаще двухэтажные, с открытой верандой на втором этаже. Веранду поддерживают деревянные столбы. Арки в домах отсутствуют.

Здесьшний транспорт — автомашины, двухколесные арбы и четырехколесные телеги, причем в арбу впрягают волов или буйволов, а в телегу — лошадей. Для перевозки тяжестей на небольшие расстояния в любое время года пользуются саями.

Женщины ходят в длинных платьях, сшитых в талию, с мелкими складками, идущими от пояса вниз. Из-под подола видны черные или красные шаровары, отороченные внизу черной или зеленой полосой. Платье застегивается на груди. Многие женщины носят пестрые шерстяные чулки, но с менее красивым рисунком, чем в Ахтах. На голову надевают чухту красного, синего или желтого цвета, а поверх нее — платок. Как в Магарамкенте, здесь можно встретить девушек с непокрытой головой, чего не бывает в Усухчае, Ахтах или рутульских селениях.

На базаре многие мужчины были при кинжалах. Базары в Касумкенте гораздо многолюднее ахтынских. Сюда съезжаются из Агульского, Курахского и Хивского районов. При мне на базаре происходила бойкая торговля буйволами, коровами, овцами, козами, мясом, шерстью, невыделанными кожами, утками, курами, яйцами, зерном, помидорами, огурцами, луком, чесноком, капустой, арбузами, дынями, яблоками, грушами, сливами, алычой, персиками, абрикосами, виноградом, глиняной посудой (не балхарской), школьными учебниками и пр.

Касумкент, как гласит предание, основал лезгин Касум еще до прихода в Дагестан арабов. Селение состояло из пяти «кварталов». Недавно к ним подселился шестой «квартал», из жителей бывшего сел. Аликент.

На местном кладбище древних надписей я не нашел. Старейшая датирована 1210 г. хиджры, т. е. 1795/97 г. Она, как и эпитафии начала XIX в., сопровождается изображениями шашек и кинжалов позднейшего кавказского типа, кремневых ружей и пистолетов, кувшинов и тазов для омовения, ножиц, оседланных коней и пр. На памятнике 1818/19 г. вытесаны фигуры большой птицы (вероятно, сокола), двух маленьких птичек, павлина, льва, который

догоняет лань, и изображение высокого стилизованного кувшина. Раскраска встречается только на памятниках XX в.

Сразу за сел. Касумкент стоит обелиск на месте гибели в гражданскую войну большевика К.-М. Агасиева.

10 августа мы снова уехали в горы, но на этот раз в лезгинское сел. Курах. По пути видели на горе «пир», устроенный около источника целебной грязи. Стены каменных домов в сел. Икра часто имеют арки, которых совсем нет в Касумкенте. Верхняя часть селения выглядит единым архитектурным комплексом, приспособленным для обороны. Постройки сгруппированы над обрывом. В стенах сделаны бойницы. В нижней части селения много садов. На небольшой площади воздвигнут памятник местному жителю, Герою Советского Союза. На сельском кладбище на одном из памятников изображена кисть руки.

Районный центр Курах расположен на склоне горы. Здесь мало зелени, часто стоят туманы и идут дожди. В селении семь «кварталов», в каждом из которых прежде была своя мечеть. Дома каменные и почти все двухэтажные. В доме, построенном в середине XIX в., видел комнату, которая освещается лишь маленьким окном в потолке. В одной из комнат сделана глиняная лежанка, а под ней устроена маленькая кладовая с деревянной дверцей. Везде в домах много ковров, есть камин.

В Курахе тоже иногда пользуются саями в летнее время. Здесь, как и в Касумкенте, на женщинах встречаются красные платья. Носят они шерстяные пестрые чулки, которые, однако, по качеству уступают ахтынским. На платье (на груди) у женщин и детей бывают пришиты серебряные монеты.

Принадлежностью чабанов является кожаная сумка. Ее клапан заканчивается кожаной бахромой. К сумке подвешивают небольшой коровий рог, наполненный солью, и кожаную трубочку с помощью которой пьют воду из источника.

Свадьба в Курахе прежде длилась три дня, а теперь два.

В Курахе мы застали отряд нашей экспедиции, возглавляемый Б. А. Калоевым. Результаты проведенного им обследования состава семьи и знания неродных языков см. в табл. 3, 4.

Говорят, что в первые годы после революции в Курахе была семья, состоявшая из 38 человек.

Наряду с языками, указанными в табл. 4, многие старики в разной степени владеют арабским.

Предание рассказывает, что до образования Кураха предки его жителей обитали в сел. Гияр, которое находилось выше, на соседней горе. Там до сих пор видны фундаменты построек. В Гияре не знали ни ханов, ни беков. Одним из гиярских военачальников был некий Мукаил, выходец из крестьян. В ту пору гиярцы часто воевали с дербентами, табасаранцами, ахтынцами и иранцами. Некоторые из курахцев считаются потомками пленных ахтынцев. В первой половине XVIII в. Гияр был razoren Надир-шахом, и жители, бросив свое пепелище, построили на месте гиярского кладбища новое селение и назвали его Курахом.

Таблица 3
Состав семьи в сел. Курах

Глава семьи — мужчина	Мать	Жена	Сыновья	Дочери	Братья	Сестры	Невестки	Внуки	Всего членов семьи
1	1	—	—	—	1	—	—	—	3
1	—	—	—	—	—	—	1	1	3
1	1	—	1	—	—	—	—	—	3
1	1	—	—	—	2	—	—	—	4
—	1	—	2	1	—	—	—	—	4
1	—	—	1	2	—	—	—	—	4
1	—	1	3	—	—	—	—	—	5
1	—	—	4	—	—	—	—	—	5
—	1	—	3	1	—	—	—	—	5
1	—	1	3	—	—	—	—	—	5
1	—	1	3	—	—	—	—	—	5
—	1	—	3	—	—	—	2	—	6
1	—	1	5	—	—	—	1	—	8
1	—	1	5	1	—	—	—	—	8
1	—	1	3	3	—	—	—	—	8
1	—	1	4	3	—	—	1	—	10
1	1	—	4	4	—	—	—	—	10

Однако версия о столь позднем образовании этого селения опровергается найденной надписью 757 г. хиджры, т. е. 1356 г., в которой Курах упоминается уже как центр союза сельских общин в долине Курахчая и дается точное указание его границ.¹

Передают, что кто-то из курахцев однажды пригласил к себе казикумухского хана Сурхая и признал своим ханом. Он явился в Курах, но большинство жителей отказались подчиняться ему, так как посчитали нехрабрым и поэтому неспособным защитить подданных. Тогда Сурхай вторично явился в Курах и привел с собой 200 воинов. С их помощью и утвердил свое господство над здешними жителями.

Когда в 1811 г. царские войска подошли к Кураxu, то его жители во главе с ханом Сурхаем II приняли бой на месте нынешнего кладбища. Царские войска обошли курахцев и, окружив, заставили сложить оружие. Лишь 80 человек, оборонявшихся на соседней горе, отказались сдаться, бросились с кинжалами на противника и все погибли. На том месте сооружен мавзолей с куполом.² На этой горе прежде, видимо, стояла башня. От нее сохранились строительные камни, а склон горы усеян черепками поздней посуды, в том числе поливной и балхарской.

¹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966, ч. 1, надп. 287.

² То же. М., 1968, ч. 2, надп. 632.

Таблица 4
Знание языков жителями сел. Курах

Возраст опрошенных (лет)	Число опрошенных	Знают языки													
		только лезгинский			русский			русский и азербайджанский			азербайджан- ский		азербай- джанский и лаский	рус- ский и кумык- ский	русский, азербай- джанский и табасаран- ский
		рабочие	колхозники	служащие	рабочие	колхозники	служащие	рабочие	колхозники	служащие					
2-7	4/2	—	3/2	—/4	—	1/—	—	1/—	—	—	—	—	—	—	—
8-13	7/5	—	2/1	—/4	—	1/—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14-18	14/2	—	1/5	—/1	—	6/1	4/1	2/—	—	—	—	—	—	—	—
19-30	28/11	—	—	—	2/1	6/—	14/3	—	—	—	—	—	—	—	—
31-40	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
41-50	4/2	—	—	—	1/—	—	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—
51-60	1/3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Старше 60	5/8	—/2	—/3	—/3	—	—	—	1/—	3/—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	64/35	—/2	6/14	—/9	6/1	13/1	22/6	3/—	4/—	5/—	4/1	1/1	4/—	1/—	1/—

В самом селении показывают дом, перестроенный из ханских хором. После событий 1811 г. в Курахе размещался гарнизон русских войск. Солдаты и научили жителей разводить картофель.

На кладбище есть могилы потомков казикумухского хана Сурхая I.³ Собрав статистические данные о Курахском районе, а также сфотографировав и сделав эстампажи нескольких камней с важными для истории арабскими надписями, 14 августа мы уехали в Дербент. Наибольшей удачей в Курахе явилась находка вышеуказанной надписи 1356 г. Эта надпись сопровождается изображением конного охотника с соколом и льва, преследующего «дракона».⁴ Ясно, что перед нами иллюстрация фольклорного сюжета XIV в. Она лишний раз напомнила, что вместо очень распространенного ретроспективного метода для построения истории фольклора нужно использовать письменные (в том числе и эпиграфические), иконографические и ономастические источники, проливающие свет на устное народное творчество минувших веков. Правда, этих источников мало и они фрагментарны, но их достоинство — хорошая хронологическая привязка и наличие не искаженной временем информации. За небольшим исключением, они еще не привлекли к себе внимание фольклористов. Изучение этих источников убеждает, что фольклор на Кавказе, как и во всем мире, прошел сложный путь развития. Одни сюжеты и образы с течением времени оказались забытыми, другие претерпели серьезные изменения, а третьи имеют еще относительно молодой возраст. Бросается также в глаза, что многие фольклорные произведения были заимствованы у других народов либо испытали на себе их влияние. Таким образом, механический перенос ныне бытующих фольклорных сюжетов и образов в далекое прошлое, с чем часто приходится встречаться, не оправдывает себя, ибо не учитывает сложности процесса формирования фольклорных памятников.⁵

Попад в Дербент, мы осмотрели старейшую на Северном Кавказе соборную мечеть, построенную, возможно, в VIII в. Она продолжает функционировать, но в дни нашего пребывания в городе была закрыта по случаю ремонта. Поэтому в нее можно было входить без головного убора и даже разрешалось в ней курить; мне тоже позволили закурить. У входа же в это время сидел старик перед раскрытым кораном и нараспев бормотал суру. Прежде мечетью владела шиитская община, а теперь в ней молятся и шииты, и суниты.

Осмотрел некоторые памятники Южного мусульманского кладбища. Их очень много. Все они орнаментированы и имеют надписи. Эпитафии XVIII и XIX вв. сочетаются с изображениями оседланных коней, кремневых ружей или винтовок образца 1891 г., татарских или кавказских шашек, кинжалов, сапог с расширяю-

³ Лавров Л. И. 1) Лезгины. — В кн.: Народы Дагестана. М., 1955; 2) То же. — В кн.: Народы Кавказа. М., 1960, т. I.

⁴ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. I, надп. 287.

⁵ Лавров Л. И. К истории северокавказского фольклора. — СЭ, 1979, № 1.

шимися кверху голенищами, иногда и карманных часов — это на мужских могилах. А на женских вытесаны шейные ожерелья, коробочки, ножницы, гребенки и пр. Окрашенные памятники встречаются только на могилах XIX—XX вв. На оборотной стороне памятников бывают рисунки стилизованного дерева, павлина, сокол и мелких птиц. Рядом с мусульманским кладбищем находится армянское. Вместо объемных крестов на могилах установлены длинные четырехгранные надгробия с изображением креста армянскими надписями.

Работавший среди агулов участник нашей экспедиции Б. А. Калоев по моей просьбе доставил из сел. Рича фотографии трех строительных надписей, первостепенное научное значение которых состояло в том, что они явились единственными документами монгольского вторжения в горы Дагестана в 1239 г.⁶ В дальнейшем это позволило раскрыть неизвестную ранее страницу истории о нашествии монголов на Северный Кавказ в 1237—1240 гг., т. е. одновременно с нашествием их на Русь.⁷

Работу в Дагестанской экспедиции пришлось прервать на восемь дней из-за участия в научной сессии по истории Кабарды.

Во время экскурсии к Голубым озерам в Кабарде у нижнего из озер нам показали два параллельных земляных вала длиной примерно по 100 м каждый. Дата и цель сооружения валов неизвестны.

Возвращаясь из Нальчика в Махачкалу, из окна поезда видел множество курганов на всем пространстве между г. Прохладным и ст-цей Червленной. Встречные телеги везли то лошади, то волы а одну — ташил верблюдов.

26 августа прибыл в Махачкалу, а на следующий день вместе с Б. А. Калоевым отправились на машине в Кумух. Мужчины, еще не расставшиеся с кинжалами, попадались в Буйнакске, Нижнем Дженгутае, Ходжалмахи и Левашах.

В Кумухе занимался дополнительным фотографированием эпитафий на шамхальском кладбище XVI—XVII вв. Справился с этим за один день и вернулся в Махачкалу.

В конце августа ездил в Нальчик для ознакомления с некоторыми архивными и музейными материалами. Многие вывески в Нальчике написаны на двух языках, русском и кабардинском, а в Дагестане почти все они русские, так как повторять один и тот же текст на множестве тамошних языков слишком затруднительно.

В отличие от Дагестана ослов в Кабарде не используют для перевозки вьюков. Здесь их запрягают в маленькие арбы с двумя низкими колесами.

5 сентября побывал в кабардинском сел. Вольном, уже знакомом мне по 1936 г. Почти в каждом дворе стоит летняя печь,

⁶ Лавров Л. И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. (Статья вторая). — СМАЭ, 1958, т. 18, с. 334—336.

⁷ Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ. — Ист. СССР, 1965, № 5.

аналогичная украинской «кабиці». Над крышами домов возвышается кирпичная труба, а не плетеный и обмазанный глиной дымоход. Это значит, что здесь старинный очаг уже повсеместно заменили плитой русского типа. Обычная для адыгов открытая веранда сделана в новых домах не во всю фасадную стену, как прежде, а только в средней ее части, причем теперь она не выступает стеной, а как бы углублена внутрь дома.

9 сентября провел день в г. Прохладном. Город не успел еще потерять облика большой станицы, лишь два-три двухэтажных здания напоминают, что это уже не станица. Во многих казачьих дворах имеются кабардинского типа плетеные и обмазанные глиной кукурузники и такие же круглые уборные. На улицах видел и самих кабардинцев. В сквере установлен памятник кабардинскому историку и филологу Ш. Б. Ногмову.

Неделя, проведенная в ст-це Пашковской на Кубани, позволила заметить большие перемены, происшедшие в ней за последние годы. Появилось много новых домов. Их легко отличить от старых. У них на улицу обращены два окна, а у старых — три. В новых домах вместо длинной открытой веранды со стороны двора сделаны закрытые, выступающие перед дверью небольшие сени. Заметно постепенное исчезновение ворот старого типа. Многие дворы теперь вообще обходятся без ворот, очевидно, из-за отсутствия личных транспортных средств. Сильно уменьшилось в станице количество телег («гарб») и линейек, ибо население часто пользуется государственными и колхозными автомашинами. Площадь, некогда служившая для обучения молодых казаков конному делу, застроилась стандартными домами, а центральная площадь, где прежде стояла церковь, превращена в сад для гуляния. В станице появился ряд промышленных предприятий, и недалеко время, когда она сольется с соседним г. Краснодаром. Так как с 30-х гг. в станицу переселилось много русских крестьян, то теперь одна половина населения говорит по-украински, а другая — по русски. Молодежь все больше и больше переходит на русскую речь.

В МАХАЧКАЛЕ И НАЛЬЧИКЕ (1954 г.)

Кратковременная командировка в Махачкалу (с 20 февраля по 7 марта) была связана с организационными вопросами Дагестанской экспедиции, а поездка в Нальчик имела целью работу над материалами местного краеведческого музея.

В Махачкале слышал, что в Аварии обнаружена арабская рукопись, будто бы датированная 890 г. хиджры, т. е. 1485 г., в которой упоминается живший в ту пору гидатлинский шамхал Хаджжи-Али, брат Булача, нуцала Аварского.

В Нальчикском музее есть небольшая коллекция предметов из раннесредневекового городища Нижний Джулат у ст. Котляревская. В ней представлены квадратные кирпичи (30 × 30 см, толщина 10 см), кирпичи с голубой глазурью, гончарные трубы,

Рис. 20. Старейший образец адыгского орнамента на средневековом памятнике. (Музей в г. Нальчике).

резные камни с растительным орнаментом (рис. 20) и фрагментами арабской надписи, чугунный светильник (чирах), глиняные кувшины, сделанные на гончарном круге, и пряслица, железные ножницы, ножи и удила, черенок из оленьего рога, костяная застёжка от конских пут, бусы, железные наконечники стрел. В собрании оружия имеются ружья кремневые (в том числе с колесчатым замком), капсульные, игольчатые и два фитильных. Одно из последних богато инкрустировано и украшено арабскими надписями, содержащими имена владельца и мастера, а также дату, соответствующую 1866 г. Это очень позднее время для бытования фитильных ружей. Не менее интересен и орнаментированный боевой топорик 1910 г. Любопытны стальные шлемы с наложенными на них серебряными украшениями. Стальная основа двух шлемов содержит одинаковую арабскую надпись примерно XIII—XV вв. Серебряные

украшения, сделанные позже, чем стальная основа, частично перекрывают надпись. На одном из этих шлемов (инв. № 1065) серебряное украшение включает в себя медальон с арабской надписью: «В 919 г.» (1513/14 г.). На стальной основе есть надпись, исполненная золотой насечкой: «Владелец Хус-т З-кух-заде». Шлем, как значится в инвентарной книге, «куплен у кумыка Хаджи-Абакарова». Второй шлем (инв. № 1064) покрыт надписями, из которых я разобрал лишь часть. На стальной основе золотой насечкой написано по-арабски: «О, податель благ! О, защитник!». А на серебряной накладке: «Владелец — караульный К-р-дгирай-бек»; «Владелец — Абат К-р-дгирай»; «Работа Али, сына Хаджи Бакинського»; «Работа Али, 1200 год» (т. е. 1785/86 г.). Шлем куплен у некоего Али-Курман-оглы. Стальная основа третьего шлема (инв. № 1063) не имеет надписей и украшений, а на серебряной накладке удалось разобрать лишь «Султан... Гирей, сын Султан-С... арт-Гирея». Шлем куплен у кабардинца, какого-то Миши Шурухова.

В нумизматическом собрании оказались монеты: византийские с именем Юстиниана, золотоордынские с именем Джани-бека, какие-то восточные с куфическими надписями, турецкие XVIII в. На медной крымской монете читается: «Хан Шахин-Гирай сын Ахмад-Гирай-султана», а на обороте изображена тамга Гираев и написано: «Чеканено в Бахджи-Сарае, год 1191» (1777/78 г.).

В музее я изучал также эпиграфические памятники. Особенно интересными оказались надписи на надгробии Казанок Джабаги и на шиферной плитке из Хуламского ущелья. Первая подтвердила реальное существование народного мудреца Казанок, оста-

жившего большой след в кабардинском фольклоре, и сообщила, что он умер в 1749/50 г.¹ Тамга, изображенная на его памятнике, оказалась аналогичной тамге бжедугских феодалов Казаного, что указывает на родственную связь покойного со своими однофамильцами в Адыгее.²

Плитка из Хуламского ущелья находилась среди тех экспонатов Нальчикского музея, которые подлежали списанию, как не имеющие научного значения. Оказалось, что это официальный документ 1715 г., свидетельствующий о признании за балкарским таубием Урусбиевым Исмаилом права на некую территорию в районе Кашкатау (ныне сел. Советское). Надпись приоткрывает завесу над событиями из истории урусбиевцев до их переселения в Баксанское ущелье. Кроме того, надпись, сделанная на балкарском языке, является старейшим письменным памятником этого языка.³

В ДАГЕСТАНЕ И КАБАРДЕ (1954 г.)

23 июня я прилетел в Махачкалу для участия в работе научной сессии, посвященной истории Дагестана. 2 июля нас возили на экскурсию в Гуниб. По дороге в даргинское сел. Куппа заметил большое количество домов с каменными арками.

Гуниб — удивительная природная крепость на вершине высокой горы, имеющей почти отвесные склоны. Вершина представляет собой обширное плоскогорье с рощей реликтовых берез, прекрасным пастбищем и великолепной родниковой водой. Не случайно, что в 1859 г. Шамиль избрал Гуниб своим последним убежищем. От старого селения остались только развалины. Каменная беседка, возведенная на месте, где А. И. Барятинский принимал пленного Шамиля, сложена из мусульманских надгробных памятников.

Возвращались из Гуниба через даргинское сел. Сергокала. Это сравнительно небольшой поселок, состоящий из построек русского типа, крытых черепицей. До революции здесь находилось царское укрепление Дашлагар.

В Махачкале довелось общаться с некоторыми деятелями гражданской войны в Дагестане. Одним из них был бывший командир партизанского отряда, а теперь председатель общества охотников, Кара-Караев. Он небольшого роста, уже седой, с буденновскими усами. По-русски говорит с большими ошибками. Держится скромно. Вспоминал о бое с Узун-хаджи под Цудахаром в 1920 г.

Много времени провел с приехавшим на сессию из Тбилиси 74-летним С. И. Габиевым. Этот человек соединил в себе историка,

¹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1968, ч. 2, надп. 508.

² Лавров Л. И. Историко-этнографические мелочи. — В кн.: Сборник статей по этнографии Адыгее. Майкоп, 1975, с. 267, 268.

³ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 2, надп. 483.

этнографа, поэта, публициста, политического деятеля, хорошего организатора, пламенного оратора и подлинного гуманиста. У него глубокий ум, железная воля и высокая порядочность. В Кумухе рассказывали, как в гражданскую войну белые, захватив селение, вызвали Габиева для ответа на джамаат. Вооруженная толпа, готовая к самосуду, не испугала его. Пламенная и смелая речь Габиева парализовала джамаат, и он на глазах оцепеневших врагов смог спокойно удалиться.

Мне довелось быть свидетелем, как С. И. Габиев помогал нуждающимся людям. При мне, например, он дал 100 р. какому-то человеку, просившему у него ходатайства об устройстве на работу. За день до этого так же он поступил с девушкой, работавшей в типографии, узнав о ее материальных затруднениях. Она не хотела брать и говорила, что не знает, когда сможет вернуть деньги. На это он ответил: «Когда у Вас появится возможность, то отдайте эти деньги тому, кто в них нуждается».

В связи с данным эпизодом С. И. Габиев рассказал, что, издавая в Петербурге газету, однажды остался без денег и, чтобы спасти газету, обратился за займом к редактору «С.-Петербургских ведомостей», с которым не был знаком. Тот вручил ему 700 р. безвозвратно и при этом сказал те самые слова, которые теперь были повторены девушке.

Хотя С. И. Габиев лакец по происхождению и долго жил в Кумухе, он не знает о существовании там кладбища шамхалов и даже теперь не хочет этому верить.

17 июля вместе с историком Х.-М. Хашаевым и архитектором Г. Я. Мовчаном выехали в Кумух, где я продолжил начатое ранее изучение эпиграфических памятников.

Кумухец Гаджиев рассказал, что его отец знал по именам 15 поколений предков, причем все они были серебряных дел мастерами. До революции жители селений Табахлу и Хурукра занимались лудильным промыслом, а жители Хури были в основном медниками.

Вечером увидел, что на склоне соседней горы у Кумуха запылал огонь. Оказалось, старики установили там котел с жиром и поджигали его под пятницу. Это старый обычай, который после коллективизации прекратился, а теперь снова возродился. Не является ли он следом маздеизма?

Около железного моста перед Кумухом прежде лежал большой камень, и ехавшие с базара мазали его жиром. Потом камень был разбит и следов его не осталось.

19 июля я вернулся в Махачкалу, а затем и в Ленинград.

С 20 по 27 августа был в Нальчике, где проходила научная сессия по истории Кабарды. Удалось осмотреть и два средневековых городища.

Одно из них посетил вместе с археологом П. Г. Акритасом и историками З. В. Анчабадзе и В. К. Гардановым. Оно расположено на холме недалеко от сел. Чегем I, на правом берегу одноименной реки. Городище аланского времени и занимает обширную пло-

шадь, огражденную с одной стороны глубоким и широким рвом, а с остальных — эскарпированными склонами холма. Цитадель отделена от остальной части городища тоже глубоким рвом. Перед ней есть следы небольших постов, также окруженных рвами. В целом план городища сложный и необычный. Противник ожидался со стороны степей. Фрагменты керамики, найденной на городище, серого и желтого цвета. Первые принадлежали лепной посуде, а вторые — сделанной на гончарном круге.

Вместе с заведующей отделом истории Кабардинского музея, О. П. Медведевой, побывал на городище Нижний Джулат у ст. Котляревская. Оно находится на правом, обрывистом берегу Терека, достигающем в высоту 15—20 м. В пойме Терека, рядом с городищем, на площади 2 км тянутся заплывшие рвы. Они образуют собой треугольники и четырехугольники разной величины. Вероятна их связь с городищем. Там, где городище соприкасается с соседней возвышенностью, их разделяет глубокий и широкий ров. На территории городища возле обрыва сохранились остатки цилиндрического минарета, сложенного из плоских кирпичей почти квадратной формы. Всюду на городище встречаются тесаный булыжник, поливная серая и желтая керамика, сделанная вручную и на гончарном круге. Среди костей есть конские. Городище изрыто окопами и блиндажами периода Великой Отечественной войны.

Исследование ранней истории кабардинцев привело к пересмотру господствовавшего представления о времени заселения ими нынешней Кабарды. Считалось, что это произошло в XIV—XV вв., а теперь стало возможным отнести названное событие к XIII в.¹ Нашлись как сторонники, так и противники данной точки зрения, но особенно приятно было узнать о согласии с моими доводами крупнейшего востоковеда В. Ф. Минорского.²

В АДЫГЕЕ (1955 г.)

С 21 по 25 сентября, находясь в Майкопе на научной сессии, познакомился с адыгейским писателем Д. Г. Костановым. Он из аула Бжедугхабль, населенного адыгейцами и греками. Интересно, что те и другие говорят на адыгейском языке и различаются лишь характером личных имен, отражающих былую принадлежность одних к исламу, а других к христианству. Сам Дмитрий Григорьевич — грек.

Другое знакомство состоялось с адыгейцем Анчоком из аула Ассоколай. Его отец, умерший в 1920 г., изобрел собственную азбуку, чтобы записывать свои стихи и общественно-философские заметки. Он даже обращался в письме к Л. Н. Толстому и получил

¹ Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. — СЭ, 1956, № 1.

² Лавров Л. И. Из писем В. Ф. Минорского. — В кн.: Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1978, с. 24.

от него в ответ несколько книг. У отца моего информатора был еще незаконнорожденный сын Ильяс. После смерти матери отец узаконил отцовство. Ильяс болезненно переживал свое внебрачное рождение, и когда однажды во время первой мировой войны попрекнули его этим, то убежал на фронт. Было ему тогда 16 лет. В 1920—1924 гг. Ильяс стал известным в Адыгее абреком, и о нем до сих пор помнят песню.

Записал следующую адыгейскую сказку. Жил на свете знаменитый кадий Ридада. Шел он однажды по улице и услышал, как двое мальчишек обратились к третьему, чтобы он разрешил их спор. А тот спросил: «Судить мне вас, как Ридада, или по правде?».

Ридада подозвал того мальчика и потребовал объяснения. Мальчик сказал: «О, Ридада! Помнишь, как двое нашли козу и после долгих споров согласились, что один из них станет владельцем ее правой половины, а другой — левой. Хозяин правой половины отрезал правую заднюю ногу козы и съел. Коза на трех ногах подошла к костру согреться, и на ее левом боку загорелась шерсть. Коза побежала и подожгла селение. Погорельцы предъявили иск к ее владельцам. И ты вместо справедливого решения признал виновным владельца левой половины, ибо пожар случился от горящей шерсти на левом боку козы. Но виноват был в действительности владелец правой половины, так как коза грела рану на правом боку!».

«Ты прав, мальчик! — воскликнул кадий. — Меня все признают мудрым, но ты мудрее. Завещаю тебе быть кадием и называться Ридадой!».

В доисламском пантеоне адыгейцев и кабардинцев значилось божество Тхьэгъэлдыж — «Кузнечик» (букв. «щекочущий бог», от *гъэлыджын* — «щекотать»).

25 сентября участников сессии возили в большое абадзехское сел. Хакуринохабль. Во время обеда звучала гармоника в сопровождении трещотки, причем гармонист время от времени подходил сзади к находившемуся с нами проф. А. С. Чикобаве и, играя, растягивал гармонику над его головой. Это в Адыгее делают в знак уважения к наиболее почетному гостю.

В тот же день я вылетел самолетом в Ленинград.

В ДАГЕСТАНЕ И НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ (1956 г.)

С 26 июня по 5 июля в Махачкале я копировал камни со старинными арабскими надписями и знакомился с материалами рукописного отдела Института истории, языка и литературы. 7 июля прибыл поездом в г. Туансе. Перед войной здесь был создан краеведческий музей, но в него попала фашистская бомба и все экспонаты погибли. С 1946 г. существует новый музей. В историческом отделе выставлены глиняная урна из-под Геленджика, три каменных ошлифованных топорика из сел. Красноалександровского, коль-

чуга, сабля, кинжал, адыгейские женские деревянные галоши-ходули, два адыгейских деревянных кубка, макет большого туал-синского дольмена и предметы, относящиеся к гражданской и Великой Отечественной войнам.

11 июля приехал в сел. Новомихайловское. Живут в нем преимущественно украинцы, но есть русские и армяне. После недавней войны переселилось сюда немало и шапсугов из сел. Псебе.

Охотник шапсуг У. Х. Шхалахов сообщил о местонахождении некоторых доселе неизвестных дольменов и ряда других археологических памятников. Так, на р. Хошепсе (приток р. Небуга), под урочищем АзгьукI, находится городище с остатками каменных зданий и заборов. Если идти вверх по левому большому притоку, впадающему в р. Нечепсухо у сел. Псебе, то в 1 км выше последнего, в урочище Дарданеллы (по-шапсугски Шъхьуапчыйакъу), увидишь огромный камень с дырой, и на нем рельефные изображения ложки, миски и еще чего-то. Шхалахов, между прочим, сообщил, что теперь шапсуги стали хоронить покойников иногда в гробах.

Рядом с Новомихайловским, на вершине горы, находится городище Дузу-Кале — остатки раннесредневековой Никопсии, возникшей на месте древней Старой Лазики. Остановимся на этом подробнее.

Во II в. н. э. в северной части Черноморского побережья Кавказа существовал населенный пункт, названный у Арриана Старой Лазикой.¹ Безымянный автор V в. говорит, что Старая Лазика стала именоваться Никопсией и что местечко это лежит в земле племени зихов.² Армянская география VII в. сообщает, что «городок Никопс» не входит в состав византийских владений Таманского полуострова. Между ними и территорией, на которой находился Никопс, т. е. Зихией (Адыгеей), протекает р. Псевхрос.³

Значение города росло. Уже на рубеже VII—VIII вв. в Никопсии оказывается кафедра зихского епископа,⁴ в результате чего этот город превращается в главный центр православия в Зихии. В одном из документов VIII в. Никопсия именуется центром Авазгской, т. е. Абхазской, епархии,⁵ но список епархий, составленный в первой половине IX в., снова называет Никопсию центром Зихской епархии.⁶ Значение города как религиозного центра определялось и тем, что в нем, согласно преданию, был погребен Симон

¹ Латышева В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893, т. I, вып. 1, с. 223.

² Там же, с. 278.

³ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Монсею Хоренскому. — ЖМНП, 1883, март, с. 29.

⁴ Gelzer H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae Episcopatum, ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte. — Abh. philos.-philol. Classe der Königlich Bayer. Akad. Wiss., München, 1901, Bd 21, S. 535.

⁵ Boor C. Nachträge zu den Notitiae Episcopatum. — Z. Kirchengeschichte, Gotha, 1891, Bd 12, S. 522.

⁶ Gelzer H. Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani. Lipsiae, 1890, S. 4.

Канонит, один из апостолов Иисуса Христа. Елифаний, побывавший в Никопсии в конце VIII или в первой половине IX в., рассказывает, что есть «гробница, имеющая надпись Симона Канонита в Никопсисе Зикхийском; она также с мощами».⁷ У Константина Багрянородного (X в.) Никопсия упоминается дважды как независимый от Таматархи (Тмутаракани) город на соименной реке, пограничный между Зихней и Авазгией.⁸ К этому времени значение Никопсии упало. Во всяком случае во второй половине X в. кафедра зихского митрополита уже оказалась перенесенной из Никопсии в Тмутаракань.⁹ Но город продолжал существовать. Так, его упоминают грузинские источники первой половины XIV в.¹⁰

Вопрос о местонахождении Никопсии решался в основном двояко. Авторы, исходявшие из лингвистических соображений, помещали ее в устье р. Нечепсухо, у Новомыхайловского.¹¹ Другие, обращавшие внимание главным образом на обилие христианских памятников в Новом Афоне (Абхазия), считали, что именно там могли находиться кафедра никопсийского епископа и могила апостола.¹²

Последняя точка зрения еще недавно была господствующей, и выражением ее явилось то, что основанный во второй половине XIX в. Ново-Афонский монастырь официально был назван Симоно-Канонитским.

⁷ Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909, т. 2, вып. 1, с. 268, 277.

⁸ Изв. Гос. акад. ист. мат. культ., 1934, вып. 91, с. 21.

⁹ Gelzer H. Ungedruckte..., S. 572.

¹⁰ Джанашивили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. — СМОМПК, 1897, вып. 22, с. 48.

¹¹ Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, т. 1, с. 87; Брун Ф. Черноморье. Одесса, 1880, ч. 2, с. 259; Латышев В. К истории христианства на Кавказе. — В кн.: Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911; Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, т. 1, с. 100, 101; Баажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии. — ТАИ, 1956, т. 27, с. 295; Анчабадзе З. В. 1) Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 110; 2) Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976, с. 50; Очерки истории Абхазской АССР. Сухуми, 1960, ч. 1, с. 66, 67.

¹² Чернявский С. В. Записка о памятниках Западного Кавказа, исследование которых наиболее настоятельно. — В кн.: Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета. М., 1879, с. 21; А. Л. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь. М., 1885, с. 10, 19, 46, 47, 52; Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Богородицы в Пицунде. Одесса, 1888, с. 6; Уварова П. 1) Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки. М., 1891, ч. 2; 2) Христианские памятники. — МАК, 1894, вып. 4, с. 8; Владимиров Н. А. Древности Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1900, с. 6; Седой А., Чехов Ал. Древние храмы на Черноморском побережье Кавказа. — Ведомости СПб. градоначальства, 1902, № 89; Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. — Зап. Кавк. отд. Рус. геогр. о-ва, Тифлис, 1903, кн. 24, вып. 1, с. 44; Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, с. 191, 228; Басария С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. Сухум-Кале, 1923, с. 148; Гулия Д. История Абхазии. Тифлис, 1925, т. 1, с. 59, 61, 136, 155; Стеллецкий И. По забытому Кавказу. М.; Л., 1931, с. 100; Ордынский А., Фадеев А. От субтропиков к вечным снегам. Сухум, 1932, с. 16, 55; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 286.

Попытка П. Г. Буткова сопоставить название «Никопсия» с адыгейским наименованием р. Белой в Закубанье («Шакупсу» — по Буткову)¹³ противоречит сообщениям источников о приморском положении этого города. Неудивительно, что лишь один церковный историк в данном вопросе присоединился к Буткову.¹⁴

Слабой стороной авторов, помещавших Никопсию на место Нового Афона, является то, что они игнорируют показания большинства источников, знавших Никопсию в Зихии.

Из армянской географии VII в. и сочинения Константина Багрянородного вытекает, что Никопсия находилась недалеко от р. Укруха, или р. Псевхроса. Если учесть, что первый слог второго названия является всего лишь приставкой (адыгейское *псы* означает «вода» и переносно «река»), то фонетическая близость оставшейся части — Вхр-ос — с наименованием Укр-ух становится очевидной. Тем самым оказывается, что Укрух Константина Багрянородного и Псевхрос армянской географии — варианты названия одной и той же реки. Расстояние ее от Таматархи (по Константину Багрянородному — 18—20 миль) не оставляет сомнения, что это южный рукав р. Кубани, отделявший Зихию от владений Таматархи. В X в., во время политического могущества Абхазского царства, Новый Афон не мог быть пограничным городом между этим царством и Зихией, так как граница эта проходила севернее нынешней Абхазии. Кроме того, по Епифанию и большинству списков епархий, Никопсия была не абазгским, а зихским городом.

Таким образом, источники исключают возможность сопоставления Никопсии с Новым Афоном и помещают ее в северной половине Черноморского побережья Краснодарского края.

Нельзя пройти мимо сходства названий «Никопсия» и «Нечепсухо». Последнее является русифицированной формой адыгейского наименования реки у сел. Новомихайловского, бытующего в двух диалектных разновидностях — Нэджэпсыхъу и Нэгэпсыхъу. Вторая часть названия — *псыхъу* — означает «река». Закономерно допустить существование и формы Нэгэпс, от которой произведены Никопс и Никопсия.

Реальные следы Никопсии до сих пор видны в непосредственной близости от устья р. Нечепсухо. В 1833 г. Ф. Дюбуа де Монперэ отмечал там «обширные руины, состоящие из высоких, очень массивных стен, сложенных из камня вместе с известью... Это остатки крепости Никопсис».¹⁵ У Ф. К. Бруна сказано, что г. Никопсия находился «в долине р. Негепсухо, где и теперь видны его развалины».¹⁶ Средневековое городище Дузу-Кале описано в этом месте

¹³ Бутков П. Г. О имени козак. — Вестн. Европы, 1822, № 23, с. 185.

¹⁴ Архиепископ Макарий. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской церкви. СПб., 1868, с. 79.

¹⁵ Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, с. 86.

¹⁶ Брун Ф. Черноморье, с. 259.

А. А. Спицыным¹⁷ и А. А. Миллером.¹⁸ Они не связывали Дузу-Кале с Никопсией, но такая связь напрашивается сама собой.

Городище лежит на вершине лесистой горы, круто опускающейся к морю, несколько южнее устья р. Нечепсухо. Оно находится на территории Дома отдыха Харьковского политехнического института. Стены крепости сложены из рваного камня на известковом растворе. В основании их лежат крупные песчаниковые блоки (55 × 95—98 см). Среди куч строительных камней (развалины зданий) попадаются куски квадратных кирпичей и плоских черепиц. Последние с закомкой. На всей территории крепости и далеко на запад от нее встречаются фрагменты хорошо отмученной красной керамики без поливы, с орнаментом из глубоко врезанных линий. Нередкая находка — ручки амфор. За пределами городища, в долине р. Нечепсухо, на левом ее берегу, недалеко от устья, есть холм, вершина которого завалена кучей строительных камней, заросших лесом. Там же попадаются фрагменты глиняных сосудов, кирпичей и черепиц, аналогичных тем, которые находятся на городище. Очевидно, это руины крупного каменного строения. Ранне-средневековый характер керамических находок не вызывает сомнения.

Оставив Новомихайловское, 13 июля я прибыл в Джубгу, где занимался дольменами.

17 июля обосновался в Головинке. Кроме русских в ней теперь живут и шапсуги, переселившиеся из Большого Псеушхо и Кичмая. Недалеко от морского берега и полотна железной дороги растет в Головинке огромное тюльпанное дерево. Его ствол могут обхватить лишь четыре человека. Около него видны следы русского укрепления, существовавшего здесь с 1839 по 1853 г. Сохранились валы и рвы. Теперь там колхозный сад и часть жилых домов. Около рва нашел круглую железную картечь (калибр 22 мм).

18 июля состоялась пешая экскурсия в шапсугское сел. Большой Кичмай. В хозяйстве его жителей за последние годы произошли большие перемены. Они перестали разводить овец и коз. Теперь основное занятие населения — садоводство. Имеется здесь и чайная плантация. Занимаются и пчеловодством, причем вся колхозная пасека состоит из рамочных ульев, а в приусадебных хозяйствах не перевелись еще и плетеные сачетки.

В 2,5 км от Большого Кичмая, вверх по р. Шахе, есть урочище Магуэхьэбл. Прежде там находилось селение под тем же названием, и в нем будто бы проживал Магуэ Мустафа, легендарный победитель дракона.¹⁹ Рассказывают, что у Мустафы были два брата. Одного из них во время купания «съела акула», а второй в первой половине XIX в. был убит царскими войсками у Головин-

¹⁷ Спицын А. Могильник VI—VII вв. в Черноморской области. — ИАК, 1907, вып. 25, с. 188.

¹⁸ Миллер А. Разведки на черноморском побережье Кавказа в 1907 году. — ИАК, 1909, вып. 33, с. 97—101.

¹⁹ О нем см.: Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. — СЭ, 1936, № 4—5, с. 134.

ского укрепления. Уничтожение дракона поручили Мустафе по решению джамаата. В ту пору его не было дома. Для переговоров с ним джамаат выделил трех человек. Мустафа сказал им, что схватка с драконом принесет смерть и ему самому, но в интересах родины он подчиняется народному постановлению. Придя к логову дракона, Мустафа привязал к дубу быка, и дракон, гоняясь за быком, обвился вокруг дерева. Мустафа воспользовался этим и зарубил дракона, но сам утонул в его крови. Этот дуб с сухой верхушкой до сих пор стоит левее дороги из Большого Кичмая на Головинку. Там же растет граб, в стволе которого раньше, как говорят старики, была видна вонзившаяся шашка Мустафы. Теперь она якобы вросла в дерево. Другие уверяют, что Мустафа зарубил дракона не в окрестностях Большого Кичмая, а на месте нынешней Головинки.

Русское сел. Ахынтам («Холм Ахына»), что между Большим Кичмаем и Головинкой, возникло на месте знаменитого шапсугоубыхского святилища в честь божества Ахына.²⁰ Моления совершались в соседнем маленьком ущелье.

Одна из гор между Большим Кичмаем и местностью Магузхъбл называется Ёныжъытх — «Гора древнего великана». Отмечу также, что северо-восточная часть Большого Кичмая носит название Гуашехъбл — «Поселок госпожи».

Кичмайцы считают себя тем подразделением шапсугов, которое было известно под именем «хакучи». Они рассказывают, что когда наиб Шамиля Мухаммед-Амин прибыл к хакучам, то они решили его убить и с этой целью проделали дыру в турлунной стене дома против лежанки, на которой он будет спать. Но наиб догадался о заговоре и подложил под себя вместо одного два матраца, поэтому пуля пробила только матрац.

Сочинский краевед В. М. Валуйский сообщил, что на левом берегу р. Годлика, в лесу, на горе есть неизвестная крепость (рис. 21). 20 июля мы с ним ее осмотрели. Она занимает обширную площадь. В отличие от Никопсии данная крепость довольно хорошо сохранилась. Стены возвышаются примерно на 6,5 м. Осмотр подтвердил, что это и есть их первоначальная высота. Толщина стен около 175 см. Они сложены из крупных булыжников на крепком известковом растворе. В одном месте я обнаружил замурованную в стену кость. Снаружи стены облицованы тесаными прямоугольными блоками из песчаника. Размер их в среднем около 25 × 30 см. Облицовочные камни лежат в шахматном порядке, но в некоторых местах — друг на друге, «в столбец». Крепость не имеет амбразур и бойниц. В северо-восточном углу находится прямоугольная в плане башня для фланкирования восточной стены. Других башен нет. Северо-восточный угол крепости занят цитаделью. От остальной части крепости она отделена стеной. В северной стороне цитадели сохранились руины какого-то здания.

²⁰ Лавров Л. И. Донсламские верования адыгейцев и кабардинцев. — В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959, с. 211—213.

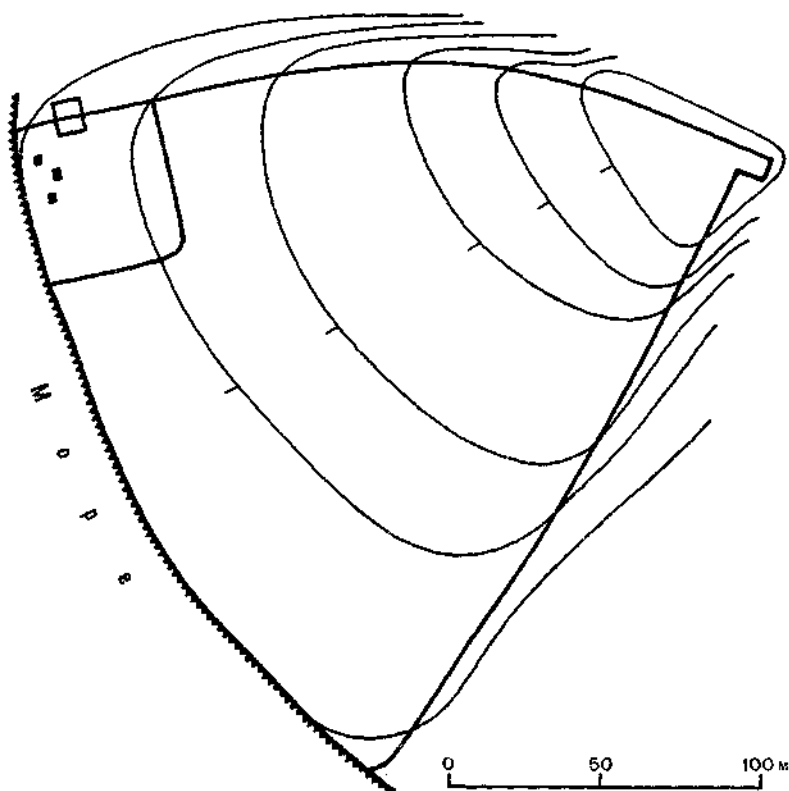

Рис. 21. Схематический план гнузской крепости на р. Годлике.

На территории цитадели уцелели три каменные вымостки, каждая площадью 1.5×1.5 м. Между камнями одной из них оказался кусок шлака.

В крепости встречаются фрагменты плоских черепиц (толщиной 2.5 см) и неполивных, хорошо обожженных глиняных сосудов с орнаментом, как в Дузу-Кале. И здесь, и в Дузу-Кале попадаются осколки преимущественно толстостенной керамики, возможно от корчаг для вина. Местная жительница сообщила, что несколько лет тому назад ее муж выкопал в крепости очень большую корчагу вместе с бронзовой брошкой, имевшей гнезда для вставных камешков или стекол.

До сих пор я ничего не слышал об этой большой и очень интересной крепости. Не знали ее, видимо, и авторы исследовательских и популярных работ о Черноморском побережье. А ведь крепость стоит на самом берегу моря, буквально рядом с железной и шоссейной дорогами, по которым ежедневно проносятся десятки поездов и сотни автомашин. Хорошо знакомы эти трассы и историкам, и археологам, не замечавшим здесь ничего достопримеча-

тельного. Все объясняется тем, что трассы, проложенные по самому берегу, обходят гору, на которой находится заросшая лесом крепость, и ее не видно проезжающим мимо. Однако старым авторам крепость была хорошо известна. Так, в XVII в. Эвлия Челеби писал, что по дороге из Абхазии, не доходя двух дней пути до устья р. Аше («Ашегали»), «находятся развалины древнего замка Осович, где мы провели ночь как гости... Пристань замка называется крепость Сович». ²¹ Ф. Дюбуа де Монперэ в 1833 г. отмечал, что здесь есть «крепость, похожая на крепость Ничепсуху». ²² Дж. Белл в 1838 г. так описал эту крепость: «К морю идет обрыв, три остальные стороны продолговатого четырехугольника (? — Л. Л.), занимающего около 4—5 моргов, обнесены крепко построенной из камня и извести стеной, которая... достигает от 12 до 20 футов и снабжена со стороны суши башнями и контрфорсами. В северо-западном углу, в сторону моря, находится пространство в четверть морга, отделенное стеной от другого большого пространства; с северной стороны внутри стен отделенной территории находится продолговатая куча развалин, а в стене западной стороны есть четырехугольный фундамент в высшей степени крепкой постройки, которая, вероятно, служила башней. Я предполагаю, что маленькое пространство было цитаделью, а большое — рыночной площадью. Много оснований считать, что это когда-то было генуэзской факторией-крепостью. Это доказывают и развалины, находящиеся неподалеку на этом же берегу». ²³

По воспоминанию офицера В. Солтана, на этом месте 18 марта 1864 г. горцы пытались дать бой отряду генерала В. А. Геймана, для чего заняли позицию «около развалин древнего монастыря» (?). ²⁴

А. В. Верещагин в 1874 г. упоминал «храм» (?), находящийся «на левой стороне Годлика, в каштановой роще, у самого морского берега». ²⁵

В конце XIX в., проезжая в непосредственной близости от описываемой крепости, археолог П. С. Уварова отметила в своем дневнике, что в этих местах «по карте значатся развалины монастыря; по отзыву же начальника края следы эти ныне совершенно исчезли» (?). ²⁶

Наконец, Л. А. Сенько-Поповский в 1916 г. вскользь заметил, что «городище, принимаемое за развалины монастыря, находится на берегу моря у устья р. Годлик». ²⁷

²¹ Брин Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. — ЗООИД. 1875, т. 9, с. 178, 179.

²² Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, с. 87.

²³ Bell J. S. Tagebuch seines Aufenthaltes in Circassien während der Jahre 1837, 1838 und 1839. Pforzheim, 1841, S. 364.

²⁴ Солтан В. Военные действия в Кубанской области с 1861-го по 1864-й год. — Кавк. сб., Тифлис, 1880, т. 5, с. 448.

²⁵ Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874, с. 50.

²⁶ Уварова П. Кавказ..., с. 76.

²⁷ Сенько-Поповский Л. А. Речь. — Зап. Муз. природы и ист. Черном. побережья Кавк., Новороссийск, 1916, вып. I, с. 11.

Под каким же названием в средние века была известна крепость на р. Годлике? Для ответа на этот вопрос лучше обратиться к итальянским картам XIV в.²⁸ На побережье Кавказа между Гагрой (Cacari) и Анапой (Mara) они указывают 10 пунктов, наименования которых, за исключением одного (Costo), не напоминают современные. Поэтому вместо лингвистических сопоставлений нужно привязать данные упомянутых карт к наиболее возможным местам нахождения старинных населенных пунктов, учитывая при этом реальные следы средневековых поселений.

Северо-западнее Гагры средневековые руины известны прежде всего в окрестностях сел. Гантиади (бывш. Пиленково). Там сохранились развалины большого храма.²⁹ Так как между Гагрой и Хостой нет других крупных средневековых памятников, то именно к Гантиади следует отнести тот единственный прибрежный пункт, который указывают на этом пространстве итальянские карты. Правда, на одних из них (1311, 1318, 1320 и 1327 гг.) его называют Uogasia (варианты: Auochaxia, Auogassia, Augazio), а на других (1351, 1367 и 1375 гг.) помещают здесь Layazo (варианты: Aiasco, Ayaso, Ayaza). Остается предполагать, что один и тот же пункт разновременные карты именуют по-разному. С нашим предположением согласуются материалы и более позднего времени. Так, Д'Асколи в 1634 г. в этом же районе упоминает «крупный город» Аббасу (Auogassia),³⁰ а Эвлия Челеби, лично проехавший по Черноморскому побережью в 1641 г., не знает Аббасы, но говорит о существовании здесь пристани Лейуш (Layazo).³¹ Селение под таким названием находилось в данных местах еще в первой половине XIX в. По словам А. Д. Нордмана, «селение Лиавшь» состояло тогда из 80 дворов.³²

Северо-западнее Гантиади следы крупного средневекового поселения известны в районе Хосты. Перед революцией там были разрушены два старинных храма, оставшихся необследованными.³³ Это поселение на итальянских картах названо сходным именем — Costa (варианты: Costo, Custo).

²⁸ Nordenskiöld A. E. Periplus en essay on early history of charts and sailing-directions. Stockholm, 1897, p. 33, tab. V—VII, IX. XII; Брун Ф. Черноморье, табл.

²⁹ Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1874, с. 507; Миллер А. Разведки..., с. 83; Дороватовский С. Сочи и Красная Поляна с окрестностями. СПб., 1911, с. 112; Сенько-Поповский Л. А. Речь, с. 11; Левакидзе В. А. Гантиадская базилика. — СА, 1970, № 3.

³⁰ Д'Асколи Э. Д. Описание Черного моря и Татарии. — ЗООИД, 1902, т. 24, с. 100, 101, 103.

³¹ Брун Ф. Путешествие..., с. 175.

³² Нордман А. Д. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. — ЖМНП, 1838, ноябрь, с. 415.

³³ Два памятника старины на Кавказе. — ИАК, Прибавл. к вып. 4, 1902, с. 140, 141; Вандализм при раскопках. — То же. Прибавл. к вып. 59, 1916, с. 52; Маринин А. Гибель памятников старины. — То же. Прибавл. к вып. 63, 1916, с. 49; Дороватовский С. Сочи..., с. 108; Сенько-Поповский Л. А. Речь, с. 11; Стеллецкий И. По забытому Кавказу, с. 100, 101; Краснов А. Памятники далекого прошлого. — Курортная газ., Сочи, 1939, 18 дек.; Мельников А., Михайловский В. От Сочи до Красной Поляны. М., 1955, с. 85.

На северо-запад от Сочи сохранились руины небольшой средневековой крепости, известные под названием Мамай-Кале.³⁴ Итальянские карты вслед за Costa указывают пункт Ciba (варианты: Chuba, Chiba, Guba-zechia, Guba). Очевидно, это и есть Мамай-Кале.

Северо-западнее, в пос. Лоо, находятся руины большого храма, построенного, видимо, в предмонгольское время.³⁵ Здесь нужно искать Zaquia (вариант: Sequa), которая указана на картах дальше за Ciba.

От Лоо до Годликской крепости нет следов значительных средневековых поселений. Поэтому Alba Zichia, показанная на итальянских картах северо-западнее Zaquia, очевидно, и есть Годликская крепость, а не Туапсе, как предполагали Ф. Дюбуа де Монперз³⁶ и Ф. К. Брун,³⁷ и не Сочи или Адлер, как считал безымянный автор.³⁸

Alba Zichia означает «Белая Зихия» в противоположность Maugo Zichia «Черной Зихии», как именовался в то время один из поселков в районе Пшады.

Альба Зихия, Никосия и другие средневековые городища Черноморского побережья расположены, как правило, не в долинах рек, а на вершинах прибрежных гор, удобных для обороны не столько со стороны моря, сколько со стороны суши. Это свидетельствует о том, что строителями указанных городов-крепостей были чужеземцы, опасавшиеся местного населения. Руины каменных построек необоронного значения внутри крепостей, применение для строительства кирпичей и черепиц, многочисленные находки фрагментов корчаг для вина и другие особенности городищ указывают не на адыго-абазинскую этническую среду. С большим основанием можно говорить, что эти крепости возводили чужеземцы, которых привлекали сюда выгоды торговли с горами. Известно, что в генуэзской фактории Копарио (на месте г. Славянска на Кубани) проживали итальянцы, греки и некоторая часть зихов, т. е. адыгов. Очевидно, то же было и в Альба Зихии, которую могли построить генуэзцы или римляне.³⁹

22 июня по пути в Гагру видел полуразрушенный средневековый храм на кладбище в Гантиади. Он однефный и увенчан куполом. Часть стены и большая часть кровли обвалились. Вокруг храма сохранилась кладка забора, возможно старинного.

³⁴ Сизов В. Восточное побережье Черного моря. — МАК, 1889, вып. 2, с. 5, 6, табл. II, рис. 1, а; Дороватовский С. Сочи..., с. 127, 128; Сенько-Поповский Л. А. Речь, с. 11.

³⁵ Верецагин А. В. Путевые заметки..., с. 50; Орешников А. В. Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества. — Древности/ Тр. Моск. археол. о-ва, 1888, т. 12, с. 105; Дороватовский С. Сочи..., с. 132; Сенько-Поповский Л. А. Речь, с. 11; Краснов А. Памятники...

³⁶ Дюбуа де Монперз Ф. Путешествие вокруг Кавказа, с. 84.

³⁷ Брун Ф. Черноморье, 42, с. 260.

³⁸ Черкесы, казаки и адехе. — Рус. вестн., 1863, дек., с. 852.

³⁹ Доклад о находке Альба Зихии прочитан мною в 1958 г. (см.: СЭ, 1958, № 5, с. 139). О новых разведках на территории крепости см.: Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, с. 80—81.

Крепость в Гагре первоначально не имела амбразур, как и Годликская. Их сделали уже в XIX в. Об этом свидетельствуют современные кирпичи, которыми они обложены. Сравнивая Гагринскую крепость с Годликской, убеждаешься, что первая из них проще, чем вторая. Гагринская занимает меньшую территорию, не имеет цитадели, стены ее ниже, сложены не так тщательно и не облицованы тесаным камнем. Правда, в Гагре более развита система башен. Очевидно, Годликская крепость имела большее значение, нежели Гагринская.

На Черноморском побережье я пробыл до 27 июля, занимаясь поисками и изучением дольменов. Личные наблюдения и анализ материалов других авторов позволили заключить, что эти памятники встречаются или встречались на территории от северной части Таманского полуострова до окрестностей Сухуми, а на Северном Кавказе — до Пятигорья включительно. На названном пространстве я насчитал тогда 1139 дольменов; В. И. Марковин эту цифру потом увеличил. По своей конструкции они делятся на восемь основных типов. Вместо ориентации по странам света фасады дольменов обращены преимущественно в сторону понижения местности. Во всех случаях прослеживается наличие естественной или искусственно устроенной ровной площадки перед фасадом. Очевидно, на ней совершались какие-то культовые церемонии. Возможно, дольмены строились заблаговременно при жизни тех, кому предназначались. Круглое отверстие в фасадной стене служило не для принесения жертвенной пищи покойнику, как думают некоторые, а для просовывания в дольмен умершего. Так как среди дольменов, сохранивших погребения, 95,5% содержали не более трех покойников, то можно утверждать, что эти сооружения были не родовыми, а семейными усыпальницами. Данное обстоятельство доказывает, что уже в III тыс. до н. э. (время появления дольменов на Кавказе) род распался на индивидуальные семьи. Однако дольмены свидетельствуют и о крепости родовых уз в общественной жизни. О них говорят непосильная для отдельной семьи трудоемкость сооружения дольмена и нередкое расположение их в тесном ряду на общем для них искусственно насыпанном валу. Конструктивное сходство кавказских дольменов со средиземноморскими указывает на существование относительно широких связей Северо-Западного Кавказа с Восточным Средиземноморьем в эпохи энеолита и бронзы, причем есть основание считать, что горцы Северо-Западного Кавказа совершали морские походы в Средиземное море.⁴⁰

⁴⁰ Подробнее см.: *Лааров Л. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа. — ТАН, 1960, т. 31.

В ЗАКАВКАЗЬЕ (1957 г.)

Цель поездки в Закавказье в 1957 г. — подготовка к изданию коллективной монографии «Народы Кавказа». 1 июля выехал поездом из Баку в Ереван.

В г. Нахичевани видел стоящую на горе полуразрушенную крепость. Здесь и на других станциях женщины одеты в цветные (чаще красные) юбки и кофты. На многих накинуты длинные покрывала черного или белого цвета, которые закрывают не только прическу и подбородок, но и всю фигуру. Детей носят на спине в специально подвязанном платке.

В Ереване мое внимание привлекла похоронная процессия. Гроб с покойницей несли так, что ее голова была гораздо выше ног — это знак почтения к умершей.

5 июля выехал автобусом в Тбилиси. Дорога идет через армянские селения Элар, Джаравер, Фонтан, Кахси, Ахта и Севан. В них можно видеть дома и старой, и новой постройки. Старые сложены из камня и имеют плоскую крышу, а новые часто деревянные, с двухскатными черепичными крышами. Встречаются двухэтажные дома. Дворы огорожены каменными заборами. Проезжая мимо оз. Севан, заметил, что монастырь Севанк, находившийся на острове, в результате понижения уровня воды оказался на полуострове. В сел. Цовагюх проехали мимо старого плоскокрышного дома, из двери которого валил дым. Очевидно, в доме топили не печь, а очаг.

На перевале через Малый Кавказский хребет находится с. Семеновка. Живут в нем русские, а постройки полурусского, полуармянского типа. На всем пути до Семеновки встречались четырехколесные телеги с воловьей упряжкой. За перевалом попали в лес, который сопровождал нас почти до Казахы.

Дилижан — город, расположенный среди живописных гор, — состоит из турлучных построек с двухскатными черепичными крышами. Немало двухэтажных домов грузинского типа. Иджеван больше Дилижана, но менее живописен, хотя тоже окружен лесистыми горами. Кроме четырехколесных телег здесь встречаются и двухколесные арбы. Между Иджеваном и Казахом на горе, правее дороги, стоит старинная круглая башня. Оставив позади горы, въезжаем в азербайджанскую степь. На кладбище за Казахом сооружен каменный мавзолей с пирамидальным верхом.

Двухскатные черепичные крыши в сел. Чайлы чередуются с плоскими, представляющими собой камышовый настил, засыпанный сверху землей. К плоскокрышным домам пристроены полуземлянки. Окна домов нередко обращены только во двор. Заборами служат сухие ветки, почти доверху заваленные глиной. Перед селением и за ним стоят мавзолеи, аналогичные предыдущему.

Вечером 5 июля я прибыл в Тбилиси. Поиски эпиграфики привели меня на мусульманское кладбище. Кроме каменных stel на нем есть несколько мавзолеев, увенчанных иногда пирамидальным куполом. Сложены мавзолеи из квадратного кирпича

(20 × 20 см, толщина около 3 см). Такой же кирпич встречается под каменными надгробиями первой половины XIX в. Но надписи на мавзолеях не сохранились, а на других памятниках они не старше XIX в.

Побывал и на грузинском кладбище Ваке. Оно в идеальном порядке и поражает богатым оформлением могил (мрамор, бронза, живые цветы, кипарисы и т. д.). Мне рассказывали, что совсем недавно погребли в землю девушку, которая до этого 4 года лежала в склепе набальзамированной. Сейчас мраморный склеп стоит на ее могиле пустой, а над входом висит портрет покойницы, написанный масляными красками.

10 июня поехал автобусом в г. Цхинвали. Миновав Мцхету, едем среди полевых Карталини. На дорогах попадаются только двухколесные арбы и автомашины. Дома в селах каменные, с двухскатными черепичными крышами.

На левом берегу р. Ксани, у сел. Канда, на горе видны развалины, кажется, замка и отдельно стоящей башни. На р. Рехухе, перед сел. Игоэти, находятся руины укрепления Сабажо с небольшой церковью. В богатом садами сел. Чербуи (за г. Гори) имеется старинная каменная часовня с двухскатной крышей. Облик этого и следующего селений уже несколько напоминает Западную Грузию. Дома здесь уже не только каменные, встречаются и турлучные, и бревенчатые. Часто они стоят на сваях. Кроме черепичных крыш попадаются и дранковые. Дворы огорожены земляными насыпями с колючими ветками наверху. В сел. Деки есть старинная каменная часовня.

В Цхинвали живут осетины, грузины, грузинские евреи и русские. Еврейский квартал примыкает к базару.

Грузинская церковь, согласно имеющейся на ней надписи, построена в 1718 г. Две другие маленькие церкви находятся на кладбище. Наружные размеры одной из них 6 × 7,5 м. Потолок ее полуцилиндрический. Алтарь отделен не иконостасом, а невысокой деревянной перегородкой с двумя дверцами. Перегородка выкрашена в синий цвет. В миниатюрном алтаре устроен пристенный престол.

В Юго-Осетинском музее краеведения экспонированы резное деревянное кресло, надочажная цепь с котлом, рога для питья, кольчуга, огнестрельное оружие XVIII—XIX вв., кинжалы, утварь, осетинская арфа, снегоступы, огромный медный кованый котел, археологические находки кобано-колхидской культуры и более поздние, подлинный фотоснимок К. Хетагурова и др.

Поездка по Закавказью еще раз воочию показала, насколько там за последнее время окрепли научные центры. Не только в союзных республиках, но и в Юго-Осетии и Абхазии сложились солидные кадры этнографов, историков, археологов и лингвистов. Особенно большой и сильный отряд указанных специалистов появился в Тбилиси.

Оглядываясь в прошлое, видим, что в XVIII и первой половине XIX в. главным и почти единственным центром кавказоведения

был Петербург. Во второй половине XIX в. в дополнение к нему возникли крупные очаги этой науки в Москве и Тифлисе, а несколько позже — в других кавказских городах. Тогда же зародились и общекавказские серийные издания («Сборник сведений о кавказских горцах», «Кавказский сборник», «Материалы по археологии Кавказа», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и др.). После установления Советской власти прежде всего началось развитие массового краеведческого движения на Кавказе. Получил второе рождение и старый кавказоведческий центр на берегах Невы, что связано с активной научной и организаторской деятельностью ленинградского академика Н. Я. Марра, вокруг которого сплачивались представители разных гуманитарных наук. Переезд Академии наук СССР в 1934 г. в Москву, смерть Марра, война с фашистами и блокада Ленинграда резко снизили в кругу кавказоведов удельный вес ленинградских ученых. В послевоенные годы количественный рост научных кадров в национальных республиках и областях Кавказа привел к перемещению кавказоведческого центра из Ленинграда и Москвы в молодые закавказские академии наук и университеты. Тогда же усилилась и роль гуманитарных научно-исследовательских институтов Северного Кавказа. Децентрализация кавказоведения плодотворно сказалась на более углубленном изучении истории отдельных народов, их национальных особенностей, языков, народного творчества и конкретных археологических памятников. Некоторым (видимо, временным) недостаткам научной децентрализации было сосредоточение усилий ученых на решении вопросов преимущественно локального значения (национального, республиканского, областного) за счет общекавказских проблем. Один из результатов этого — прекращение выхода в свет общекавказских научных журналов и других серийных изданий, в то время как весьма увеличилось количество систематически издающихся республиканских и областных «Ученых записок», «Трудов», «Докладов» и пр. Однако можно надеяться, что и здесь положение скоро изменится к лучшему. Гарантия тому — рост общекавказских проблем в тематике научных работ московских кавказоведов и возрастающее внимание к тем же проблемам кавказских ученых (особенно грузинских). Последнее облегчается традицией: дореволюционный Тифлис был центром общекавказских научных обществ, в нем находились редакции большинства общекавказских изданий и существовал музей, экспозиция которого отображала жизнь в разных уголках Кавказа.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ И ДЕРБЕНТЕ

(1958 г.)

Отпуск 1958 г. был использован для пополнения собрания мусульманских эпиграфических памятников. Первоначально я надеялся, что их исследование удастся провести совместно с проф. В. А. Крачковской или с другими арабистами. Думал, что они возьмут на себя перевод и филолого-палеографический анализ надписей, а на меня ляжет составление кавказоведческих комментариев к ним. Но все, к кому я обращался, были заняты своими плановыми работами. И мне пришлось самому приняться за изучение основ арабского языка.

Теперь хочу поделиться некоторыми побочными наблюдениями, вынесенными из поездки 1958 г.

В Пятигорске навестил проживающего там историка Осетии, проф. Б. В. Скитского. Он был уже стар и болен. В его кабинете висели портреты М. Ю. Лермонтова, Т. Г. Шевченко и К. Хетагурова. Указывая на двух последних, он сказал: «У меня две души, украинская и кавказская. Люблю родную мне Украину и вторую свою родину — Кавказ!».

За Кисловодском посетил консовхоз с поселком, в котором тогда устраивались на жительство карачаевцы. Их новые дома с черепичными крышами уже не напоминали о старом быте.

В Кабарде осматривал мавзолей XVIII в. Для этого выезжал в окрестности сел. Чегем II, где сохранился мавзолей 1773/74 г. Он, оказывается, принадлежал Хаджи-Батуку, родному брату Александра Бековича-Черкасского, сподвижника Петра I. Там же находились руины двух других мавзолеев.

По дороге в сел. Лачинкай есть возвышенность Ошхъэбын, а на ней — старинное кладбище без памятников. Оно находится на месте большого, очевидно аланского, городища. Недалеко от него расположено кладбище с памятниками второй половины XVIII в. На нем я обнаружил могилу сына Кенова Калабека, вождя кабардинских крестьян, восставших в 1767 г. В 1.5—2 км перед сел. Лачинкай осмотрел восьмигранный мавзолей одного из Кудейнговых. Ширина его граней по 2.1 м, а высота уцелевших частей стен 2.6 м. Рядом стоят остатки двух других мавзолеев. На улице сел. Баксаненок хорошо сохранился четырехгранный мавзолей 1767/68 г.

Знакомство с кабардинскими мавзолеем убедило, что они были построены в небольшой отрезок времени — с 90-х гг. XVII в. по 90-е гг. XVIII в. Появление их в Кабарде следует считать результатом усиления контактов с соседними Балкарией и Осетией, где мавзолей и похожие на них склепы строились еще в доисламский период. Показательно, что в Закубанье, где издавна проживают родственные кабардинцам адыгейцы и откуда в свое время вышли сами кабардинцы, мавзолей отсутствуют.¹

¹ Лавров Л. И. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии. — Учен. зап. Кавказ. Балк. н.-и. ин-та, Нальчик, 1960, т. 17, с. 117—118.

В ст-це Екатериноградской видел большую триумфальную арку, воздвигнутую в XVIII в. в честь Екатерины II. Рядом с аркой сохранились следы рва и вала крепости. От станичников узнал, что их церковь построена из кирпичей, которые были взяты на месте находившихся тут же руин дворца кавказского генерал-губернатора П. С. Потемкина.

В г. Орджоникидзе познакомился с археологом, этнографом и литературоведом Л. П. Семеновым. Он дал мне фотографию надписи на мавзолее Борга-Каш около сел. Плиево.

Рядом с осетинским сел. Эльхотово расположен Татартулский минарет XIV в. Когда я его осматривал, он еще не был отремонтирован и казался очень ветхим.

Основная моя работа в 1958 г. протекала в Дербенте. Был свидетелем, как в одном из его дворов сооружали из брезентов и плащ-палаток огромный балаган, в котором предполагалось праздновать горско-еврейскую свадьбу. В верхней части города на стене типично горского дома видел мемориальную доску, удостоверяющую, что здесь жил А. А. Бестужев-Марлинский.

Во время осмотра соборной мечети меня пригласили в канцелярию дербентского ахуна. Он родом из Ирана. Два года назад летал на самолете в Мекку и, таким образом, приобрел почетный титул «хаджи». С большим любопытством ахун рассматривал мои фотографии, прорисовки и транскрипции арабских и персидских надписей. Сам он знает персидский и арабский языки. Увлечшись беседой, ахун на целый час опоздал в мечеть к очередному намазу.

Крепостные стены 1500-летнего возраста, величественная цитадель, древнейшая на Северном Кавказе мечеть, Кырхларское и другие многочисленные кладбища с эпитафиями XI—XII вв., пехлевийские и древнеарабские надписи на стенах — все это ставит Дербент в число первостепенных исторических памятников СССР.

В результате поездки 1958 г. удалось скопировать почти все арабские надписи на стенах Дербента, а также на его мечетях, медресе и древнейших могильных памятниках. Они сообщают новые факты из истории края. Так как арабские и пехлевийские надписи дербентских стен находятся на высоте, не превышающей человеческий рост, то, значит, были нанесены уже после возведения стен, а это подкрепляет раннюю датировку строительства.

ПО КАБАРДЕ, КУБАНИ, ЧЕЧНЕ И ДАГЕСТАНУ **(1959 г.)**

В 1959 г. мне предстояло принять участие в работе научной сессии в Нальчике, договориться с адыгейскими этнографами в Майкопе о совместном изучении колхозного быта и продолжить сбор материалов по арабской эпиграфике. На поездку ушли два месяца (23 июня—25 августа).

Копировал надписи в Нальчикском, Майкопском и Краснодарском музеях, в окрестностях кабардинского сел. Лачинкай и в пос. Горячий Ключ Краснодарского края. В последнем обнаружил арабскую надпись первой половины XIX в., гласящую, что черноморский казак Николай Золотаревский, перебежав к черкесам, основал у них первую светскую школу.

Ездил с А. О. Хоретлевым из Майкопа в окрестности пос. Колосовка на место раскопок сарматского могильника. Археолог П. А. Дитлер вскрыл при нас погребения взрослых с конями и одно детское. Покойники лежали головой на запад. При них найдены фрагменты керамики, копья, длинные мечи, удила, бронзовые фибулы, сердоликовые и стеклянные бусины. В насыпи оказался кремневый отщеп. Материалы этого могильника позволяют предполагать, что в начале нашей эры в этой части Закубанья обитали не адыги, а сарматы.

В Грозном поселился у чеченского писателя Х. Д. Ошаева. Ему 58 лет. Это очень интересный человек. Его жена Айшат, родная сестра чеченского героя гражданской войны А. Шерипова, показала мне фотографии брата, а также разные документы, находившиеся у него в кармане в момент гибели. Они со следами крови. Среди них есть рукописные тексты воззваний и адресованные ему письма шейха Узун-Хаджи.

В Чечено-Ингушском республиканском музее среди прочего хранятся известный ингушский фаллический фетиш Тушоли и каменная плита (ракушечник) длиной 50 см, шириной 24 см, толщиной 13 см. На ней имеется сильно пострадавшая от времени грузинская надпись, сделанная почерком хуцури. Место находки ее неизвестно, но взята она скорее всего со стен ингушского храма Тхоба-Ерды.

На улице Грозного видел молодого чеченца в бешмете и синем войлочном колпаке вроде турецкой фески, но без кисточки. У него длинная борода и наголо остриженные волосы. Это один из последователей религиозной секты зикристов.

Присутствовал в городе на чеченской свадьбе. Она происходила во дворе дома. Многие девушки пришли на свадьбу в новых платьях национального покроя. Танцевали все время один и тот же танец типа лезгинки. Характерно, что на свадьбе совсем не было алкогольных напитков. Последнее, видимо, проистекает от исламской традиции, но сами чеченцы объясняют это желанием избежать всего, что может вызвать ссору и поножовщину.

Вместе с директором Чечено-Ингушского научно-исследовательского института А.-Х. Саламовым и его женой ездили на автомашине по Чанты-Аргунскому ущелью. Побывали в сел. Советском (бывш. Шатой). Царское правительство построило здесь крепость, но после революции она превратилась в чисто чеченское селение. Нередко встречали чеченцев в бешметах и папахах. На одном старике видели черкеску.

Чеченцы мужчины здороваются за руку только с мужчинами и не подают руки женщинам, так как это считается неприличным.

За сел. Нихалой осмотрели стоящий в поле каменный христианский крест без надписей и изображений. По преданию, это окаменевшая девушка.

В разных местах ущелья находятся четырехгранные боевые башни без машикулей. Остатки одной из них имеются в сел. Итум-Кале (ранее — царское укрепление Евдокимовское). Большая часть этого селения представляла собой руины, но были в нем и вновь отстроенные дома.

22 июля ездили в сел. Ведено. Там сохранились стены царской крепости и рвы от укрепления, возведенного Шамилем. На соседнем кладбище выстроен зиярат в виде мечети с двумя куполами. У ее дверей и у одного из куполов укреплены шесты с шелковыми белыми флагами. На одном из них краской нарисованы полосы, круг и полумесяц, а на другом вышита арабская формула единобожия. Деревья, растущие вокруг здания, увешаны множеством лоскутков. Стены здания украшены камнями с резными арабскими надписями, сообщающими, что здесь погребен небезызвестный шейх Узун-Хаджи, который в 1919 г. провозглашал себя эмиром Северного Кавказа. Две другие могилы на том же кладбище также украшены флагами и лоскутками. В них похоронены сподвижники Шамия.

Возвращаясь в Грозный, заезжали в большое сел. Шали. Там на кладбище я сфотографировал памятник, стоящий на могиле знаменитого чеченского абрека Зелим-хана, убитого в этом селении в 1913 г. На памятнике вырезано четкое, в натуральную величину, изображение шашки, винтовки и обоймы патронов.

23 июля ездили в Притеречье. Побывали в сел. Чечен-Аул, о котором рассказывают, что сперва оно находилось на месте нынешнего г. Грозного, а затем было перенесено южнее, где позднее возникло укрепление Воздвиженское. Еще позже Чечен-Аул переселился на свое теперешнее место. Здесь, как и в Чанты-Аргунском ущелье, поиски старых мусульманских надписей не увенчались успехом. После 1944 г. они не сохранились. У сел. Старый Юрт (ранее ст-ца Горячключевская) стоит новенький мавзолей над могилой шейха, умершего при Советской власти. Новый Юрт напоминает кумыкские селения. У многих домов пологая земляная двухскатная крыша и глиняные заборы. На местном кладбище сохранились эпитафии второй половины XVIII в. Памятники, как правило, раскрашенные. Среди них есть и поставленные в память о тех, кто после 1944 г. был похоронен в Средней Азии.

Повсюду в Чечне видна бурная строительная деятельность. Новые дома, как и прежде, возводят турлучными или из сырцового кирпича. Но теперь они многокомнатные, с закрытой верандой в половину фасадной стены. Покрывают дома четырехскатной крышей из черепицы, дранки или железа. Вместо старых двухколесных арб часто пользуются четырехколесными телегами с лестничными бортами. Однако в Чечне больше, чем в других местах Северного Кавказа, распространен мужской

национальный костюм: черкеска, бешмет и папах. Встречаются и кавказские рубахи с узелками из шнурка вместо пуговиц. Некоторые мужчины стали носить среднеазиатские тюбетейки.

Есть еще в Чечне кровники, которых следует примирять во избежание мести. Рассказывают, что в старину случались похищения из могилы покойника, выкупная цена за которого была выше, чем за пленного.

29 и 30 июля я продолжал заниматься сбором арабских и персидских эпиграфических материалов в Дербенте, потом выехал в Табасаран. У азербайджанского сел. Марага видел полуцилиндрические каменные надгробия XI — XII вв. Остановился в сел. Хучни, административном центре Табасаранского района. В нем действует артель по изготовлению ковров. Женщины носят преимущественно пестрые платья: красные, синие, зеленые.

Слышал, что в Табасаране в прежние времена «первую пахоту» отмечали довольно скромно. Причем джамаат каждый раз выбирал для этого человека с удачливой репутацией и поручал ему проведение первой борозды. К назначенному дню у него дома готовили праздничную еду с неизменной халвой. После символической пахоты к нему приходили близкие, и он их угощал. Через три дня после этого односельчанам разрешалось приступить к пахоте на своих участках. Первый сев производило лицо, также избранное джамаатом. Более торжественно отмечали уборку урожая.

Около Хучни, справа от дороги, возвышается замок. Краткие сведения о нем приведены у М. И. Исакова и С. О. Хан-Магомедова.¹ Однако описание и обмеры, сделанные этими авторами, не во всем сходны как между собой, так и с записью в моем полевом дневнике. Поэтому привожу и свою запись.

Замок расположен на крутой горе. Стены его сложены из булыжников на известковом растворе. Углы стен выложены тесаными блоками песчаника. В плане замок имеет вид вытянутого прямоугольника. Внутри длина его примерно 24 м, ширина 6 м. Высота стен около 9 м, ширина около 1.5 м. Снаружи у стен есть башнеобразные четырехгранные выступы, каждая сторона которых равна 2 м. В восточной стене у самой земли находится четырехугольное отверстие высотой около 0.5 м, шириной несколько больше. Возможно, это лаз для скрытого выхода из замка. Снаружи он маскируется двумя выступами стен по бокам. Бойниц в восточной стене четыре, в северной — две, в западной — 10. Форма бойниц четырехугольная, причем в сторону противника они не сужаются.

Жители называют этот замок крепостью Семи братьев и сестры; их считают родом из Аравии. Рассказывают такую неправдоподобную легенду: якобы когда пришли царские

¹ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. — МАД, 1959, т. 1, с. 212; Хан-Магомедов С. О. Оборонительные сооружения Южного Дагестана. — Архитектурное наследие, М., 1969, вып. 18, с. 161, 162.

войска и обложили замок, то генерал Гудович (?!) послал в замок старуху, чтобы она вручила сестре защитников крепости его фотографию (?). Сестра влюбилась в Гудовича, тайно от братьев зарядила их ружья золой и налила в дула соленой воды. Царские войска взяли замок, но братья успели убить сестру-изменницу. Считают, что один из братьев, спасаясь, верхом на коне бросился из замка вниз. Под горой, у дороги, показывают на камне гигантский след от подковы его коня. Там же, под горой, есть холм из мелких камней. Говорят, что под ним находится могила сестры. Холм образовался от того, что прохожие до сих пор бросают на то место по камешку и при этом плюют в его сторону. Обычай бросать камешки на место, связанное с человеком, которого народ проклял, известен и в Чечено-Ингушетии, а раньше существовал также в Кабарде и Адыгее.²

У подножия горы с замком находятся остатки памятников заброшенного кладбища. Там же из земли выступает искусственно выдолбленная в камне ступа диаметром около 3/4 м. Внутри ее лежат камешки. Деревья на этом кладбище почитаются священными. Другую «священную» рощу указывают напротив Хучни на склоне горы за рекой.

Уверяют, что в Табасаране много следов бывших селений, которые потом почему-то оказались заброшенными.

3 августа я отправился на машине в сел. Гуми. Говорят, что там при добыче строительного камня откопали погребение воина с конем. У воина был прямой меч. На другой день ходил пешком в сел. Джули. На его окраинах сохранились древние кладбища с куфическими надписями на каменных памятниках (к сожалению, не все сделанные тогда фотографии надписей привез в Ленинград, значительная часть их оказалась засвеченной). Местная мечеть украшена замысловатой резьбой по дереву.

4 августа ушел в сел. Афна, а потом в сел. Кюряг. Последнее прежде славилось своим медресе. Познакомился со стариком Молла-Мухаммедом, который свободно говорит по-арабски и по-азербайджански, но совсем не понимает русского языка. Ходит он в бешмете, на который иногда надевает черкеску.

7 августа ездил из Хучни в азербайджанское сел. Дарваг. По дороге, около сел. Якрах, встретились полуцилиндрические надгробия XI—XII вв. Перед Дарвагом видел остатки форта в системе Кавказской стены, идущей от Дербента. Кладка и облицовка его те же, что и в стенах Дербента. Руины продолжения Кавказской стены есть также в самом Дарваге. И там облицовка ее аналогична дербентской.

Дарвагская мечеть имеет минарет. Говорят, что она построена на месте прежней, которая просуществовала 500 лет.

² Лавров Л. И. Историко-этнографические мелочи. — В кн.: Сборник статей по этнографии Адыгеей. Майкоп, 1975, с. 269, 270.

У источника видел женщин, которые стирали белье. Одни из них мяти его ногами, а другие били тяжелым обрубок дерева на длинном шесте. Рядом мирно почивали в грязи буйволы.

Жители Дарвага считают себя арабами, хотя официально пишутся азербайджанцами и говорят на азербайджанском языке.

Возвращаясь из Дарвага, обнаружил заброшенное кладбище. Оно находится недалеко от сел. Хилипенджик и все заросло кустарником. Часть его памятников покрыта куфическими надписями, а на одном встретил эпитафию XV в. Значит, селение, которому принадлежало это кладбище, прекратило свое существование в более позднее время. Сам же Хилипенджик достаточно старый, ибо на его территории имеются полуцилиндрические надгробия XI—XII вв.

Табасаранский язык постепенно вытесняется азербайджанским, который в районе знают почти все. Так как азербайджанские селения Аркат, Арах и Ерсин носят табасаранские названия, то можно думать, что раньше в них говорили по-табасарански.

11 августа я прибыл в Махачкалу. Во дворе Дагестанского филиала Академии наук установлен средневековый каменный крест из Каякентского района. Он того же типа, что и стоящий у чеченского сел. Нихалой, но на нем позже, в XI—XII вв., были процарапаны черты половецкой «бабы». Лицо, как и полагается, монгольское. Сзади изображена коса. Таким образом, это памятник двух эпох.

Сняв копии арабских надписей в Дагестанском музее и на кладбищах сел. Тарки, 19 августа выехал в аварское сел. Хунзаг. Вместе со мной был молодой археолог Атаев Дебир, семья которого проживает в Хунзахе. У него в доме я и остановился. Отец Дебира, Атаев Муслим, — герой гражданской войны, позже командир кавалерийской дивизии. В Хунзахе ему теперь воздвигнут памятник. В доме Дебира наблюдал характерную для дагестанского быта картину. Старший брат Дебира попросил у матери разрешение съездить по своим делам в другое селение и получил отказ. Тогда он обратился за посредничеством ко мне, но мать все равно ответила: «Не позволю!». И этот 40-летний человек, учитель, бывший фронтовик и отец детей, не посмел нарушить материнский приказ.

В Хунзахе познакомился с аварцем Качаловым. Еще до 1917 г. революционер Хизроев вовлек его в подпольную работу. В советское время Качалов был председателем Самурского и Гунибского окружных исполкомов. С большим теплом он рассказал мне об М. Атаеве и М.-М. Хизроеве.

Среди эпиграфических памятников Хунзаха оказалась неизвестная прежде родословная нуцалов (правителей Аварии). Интересно, что титул «нуцал» воспронизводит собственное имя монгольского наместника в Хорасане.

21 августа я вернулся самолетом в Махачкалу, а через четыре дня покинул Дагестан.

ПО СЕВЕРНОМУ КАВКАЗУ (1960 г.)

На этот раз поездка продолжалась со 2 августа по 19 сентября и была связана с учетом и копированием мусульманских надписей на Северном Кавказе. Остановлюсь лишь на некоторых неэпиграфических наблюдениях.

Мавзолей Борга-Каш у ингушского сел. Плиево резко отличается от подобных архитектурных памятников горного Кавказа и однотипен несохранившимся мавзолеям городища Маджары на Ставрополье. Арабская надпись на Борга-Каше сообщала, что в 1405/06 г. в нем был похоронен некий Бек-Султан сын Худайнада. Замечу, что отец погребенного носил персидское имя, от которого произошла и фамилия кабардинских перво-степенных дворян Кудейнетовых (Къундетхэр).

В Хасавюрте слышал предания о том, что его основал некий Хасав и что на месте сел. Андрейаул прежде был г. Балх. Не исключено, что последний имеет литературное происхождение.

В Геленджикском музее экспонируются неолитические орудия, бронзовые топоры, огромный железный лемех, две ступки от дольменов, керамика разных эпох, оружие XIX в. и бронзовая приставная камера с ручкой от средневековой пушки. Камни с мусульманскими надписями, находившиеся в музее, погибли во время войны.

В Новороссийском музее представлена археология античного и средневекового времени, а также оружие XIX в. Привлекает внимание бронзовое зеркало, на внутренней стороне которого изображены растительный орнамент, бегущие звери и (по краю) великолепная куфическая надпись XI—XII вв.

С сотрудницей музея Т. Б. Маевой ездили за город, на Мыс-Хако. Там на месте добычи глины были обнаружены захоронения в урнах и средневековая посуда, в том числе стеклянная. Осмотрели следы земляной турецкой крепости Суджук-Кале. Они находятся за городом, на берегу моря, около косы. Крепость была квадратной в плане. Каждая сторона равнялась примерно 200 м. Сохранились вал и ров. Главные ворота (со стороны моря) имели по бокам башни. С тыльной стороны ров прерывался для проезда в крепость через вторые ворота.

В Анапе уцелели ворота турецкой крепости. На них укреплен плита с надписью: «Русские ворота 1854».

В Темрюкском музее хранятся скульптурные украшения зданий, надгробия и монеты античного времени, средневековая керамика, турецкие и крымские монеты, «русская» корчага, русское оружие XVIII—XIX вв. и пр.

Примерно в 1,5 км на запад от Темрюка видны следы турецкой крепости. На узеньком перешейке у рыбацкого пос. Пере-

сыпь существовало сел. Тирамба античного времени. За ст-цей Ахтанизовской, около горы Бориса и Глеба, попадаетея античная керамика, в частности я нашел ручку от амфоры. Археологами высказано предположение, что здесь находился храм в честь Афродиты.

С 12 по 17 сентября я находился в Шовгеновском ауле в Адыгее. Национальные костюмы местного населения совершенно вышли из повседневного быта. Их можно видеть лишь во время выступлений коллективов художественной самодеятельности и (реже) на свадьбах. Но большинство стариков еще не отказались от папах. Что же касается национальных женских шапочек, то, как мне говорили, в ауле сохранилась только одна.

Известен обычай, согласно которому невестка не называет родителей мужа по имени и долго с ними не разговаривает. Оказываясь, в Шовгеновском ауле он держится еще довольно прочно. Мне рассказали, что одна местная жительница, живя 4 года в доме своего свекра, ни разу с ним не разговаривала. Более того, когда он входил в дом, она выходила.

В ауле сохранилась старинная отдельно стоящая кунацкая (*хьэжIэш*). В 1959 г. другая была построена во дворе одного шовгеновца.

В окрестностях аула до революции росли большие дубы, считавшиеся священными. Старики еще помнят, что после поражения молнией дерева, здания, человека или животного устраивался ритуальный танец «шыблэ-уджэ». Это был хоровод из четырех человек. В середине хоровода находился музыкант, выполнявший роль и певца-импровизатора (*гэгуакъу*).

Слышал легенду, в которой сочетались библейский сюжет об Исааке и Аврааме и сказание о древнеадыгском божестве Ахыне. Бездетный человек, гласит легенда, просил у Аллаха наградить его сыном, которого потом в знак благодарности готов будет принести в жертву. Сын действительно родился и оказался очень хорошим. Когда он попросил отца поострее наточить нож. Отец так и сделал, однако, приложив нож к горлу сына, обнаружил, что нож обращен к телу тупой стороной. Три раза брался отец резать, но каждый раз нож поворачивался к жертве тупой стороной. Тогда сын посоветовал отцу ударить ножом по камню. И когда тот послушался, то камень раскололся и в нем оказалась овца, которая и была принесена в жертву вместо сына. С тех пор ежегодно стала приходить в урочище Ахынтам¹ корова для заклания.

В адыгейском ауле Хатажукай ознакомился с интересным школьным музеем. Организовал его учитель географии Гумэ Юсыф. Экспонаты этого музея существенно дополняют собрание Адыгейского областного музея в Майкопе.

¹ См. также: Аутлев М. Г. Прошлое и настоящее Шовгеновского аула. — В кн.: Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л., 1964.

Около аула Уляп видел раскопанный в 1898 г. знаменитый курган скифского времени, в котором было найдено захоронение воина с более чем 400 лошадьми. Раскоп зарос травой, но отчетливо хранит следы деятельности археолога Н. И. Веселовского.

В АДЫГЕЕ, ДИГОРИИ И ДАГЕСТАНЕ (1961 г.)

Цель моих поездок по Северному Кавказу в 1961 г., как и многих предыдущих, — сбор эпиграфических памятников.

В мае ездил из Майкопа в аул Ходзь в Адыгее. В его окрестностях в это время производились раскопки очень большого кургана. Надеялись найти в нем нечто похожее на знаменитое погребение III тыс. до н. э. из Майкопского кургана. Но после большого и упорного труда археологи П. У. Аутлев и П. А. Дитлер обнаружили лишь глиняный горшок примерно II тыс. до н. э.

15 июня вторично осматривал Татартупский минарет около дигорского сел. Эльхотово. Снаружи он опоясан орнаментом, состоящим из многократного повторения слова «Аллах», изображенного в стилизованной куфической форме. В тот же день удалось сфотографировать арабские и турецкие надписи на мавзолеях у дигорского сел. Хазнидон. Они убедили, что литературные сообщения о наличии там старинных осетинских надписей являются плодом фантазии.¹

17 июня приехал в кумыкское сел. Андрейаул (Эндырэй). Над его крышами возвышается восемь минаретов, но все они, как и другие здания, не слишком древние. За селением находятся руины двух земляных укреплений. Вал одного из них имеет высоту 4 м. Есть и глубокий ров. В лесу, в 2,5 км от селения, у самой дороги, сооружен зиярат в виде домика с двухскатной крышей. Над его фасадом и внутри развешено несколько десятков белых флагов с аппликациями в виде полумесяца со звездой. В зиярате возвышается надгробие, аккуратно накрытое одеялом, будто это постель. Памятник в изголовье закрыт флагом. Под зиярата устан коврами, около стенки поставлен табурет, а на нем — блюдо. Снаружи, у входа в зиярат, — кучки мелких камней. Это приношения молящихся. Хотя зиярат не заперт и находится у проезжей дороги, ковры и одеяло никто не трогает.

17 июня вечером прибыл в кумыкское сел. Аксай (Ахъсай). До XIX в. оно находилось в другом месте. Теперь в нем 12 дворов, распределенных между 12 «кварталами» (аулами). Сохранились здания восьми мечетей, многие из которых с минаретами. Здесь, как и в Андрейауле, большинство дворов огорожено плетнями. Иногда плетни с обеих сторон обмазаны глиной.

¹ Лавров Л. И. Хазнидонские надписи. — Изв. Сев.-Осет. н.-и. ин-та, Орджоникидзе, 1962, т. 23, вып. 1.

21 июня посетил кумыкское сел. Кафыр-Кумух. В нем, как и в Аксае, памятников до XIX в. не оказалось. На кладбище есть могила Абу Муслим-шамхала 1860 г. На некоторых могилах развеваются белые флаги. Одна могила с таким же флагом находится за кладбищем. Говорят, что в ней похоронен первый из умерших первопоселенцев Кафыр-Кумуха. Надписи на памятнике нет, но могила почитается как священная.

В тот же день ездил в кумыкское сел. Верхнее Казанище. Здание мечети построено там в 1898/99 г. На местном кладбище имеются почитаемые могилы с флажками. В одной из них в 1294 г. хиджры (1877 г.) был погребен проповедник из Стамбула. Над могилой другого святого воздвигнут зиярат в виде домика с двухскатной черепичной крышей. Глиняный пол его закрыт ковром. Над самой могилой сооружено деревянное надгробие на четырех ножках, напоминающее кровать. Оно застелено цветной материей. В головах стоит каменный памятник с надписью без даты, но сделанной, как говорят, лет 40 тому назад. Эпитафия утверждает, что это «шейх Ханафи из Хазарского эмирата».

С 23 по 25 июня я находился в аварском сел. Хунзах — исправлял погрешности, допущенные в прежние годы при копировании тамошних надписей. Селение это состоит из пяти «кварталов» (авалов).

27 июня мне удалось побывать в Рукеле и Метаги, татско-мусульманских селениях под Дербентом. Жители первого из них уже пользуются в быту только азербайджанским языком. Во втором говорят и по-азербайджански, и по-татски. От местных жителей слышал, что в сел. Гемейди в двух «кварталах» (магалах) говорят только по-азербайджански, а в двух других еще помнят и татский язык.

В Метаги видны остатки фундамента Кавказской стены, а в лесу за селением находятся руины самой стены. В окрестностях сохранились мусульманские могилы XI—XII вв.

28 июня, после работы в Дербенте, побывал в кумыкском сел. Каякент, где сохранилась могила академика С. Г. Гмелина. Она находится на холме, отмечена большим железным крестом со следующей малограмотной эпитафией: «Здесь покоится ученого-академика Голиба Самунловича, умершего 27 июня 1774 года».

Могила эта считается у жителей священной и будто бы помогает от полового бессилия. Поэтому женихи перед свадьбой обходят ее кругом. Жители называют С. Г. Гмелина почетно *му'алим* — «учитель».

У ТАТАРТУПА, В КАБАРДЕ И НА СТАВРОПОЛЬЕ (1962 г.)

Проездом из г. Орджоникидзе 3 августа мы побывали на раскопках В. А. Кузнецова у Татартупского минарета. Здешнее городище с остатками мечети, церковей, мощеных булыжником улиц простирается более чем на 1 км, а по соседству с ним находится обширный Змейский могильник. Еще до открытия этого городища, в 1946 г., я высказывал предположение о том, что именно в данном месте должен был находиться крупный аланский город, известный в русских летописях как Деяков (или Тетяков).¹ Позже оказалось, что та же мысль содержится и в неопубликованной рукописи историка первой половины XIX в. П. Г. Буткова.² Нынешние раскопки у Татартупа, подтвердившие существование здесь крупного средневекового города, придают нашей гипотезе большее правдоподобие. В основе названия «Джулат» (Жулат, Дзлаты) лежит, очевидно, арабское слово «зуллат», т. е. «навес», «беседка», «сарай».

Во время посещения Ставрополя (16—17 августа) осмотрел дольмен со средневековыми барельефами, доставленный из Карачая. Некоторые изображения на его стенах имеют фольклорный характер. Среди других экспонатов местного музея примечательны обломок гончарной водопроводной трубы из городища Маджары и камни с арабскими надписями оттуда же и из ст-цы Усть-Джегутинской.

Два дня провел в г. Прикумске. Вместе со мной были археолог А. Л. Нечитайло и этнограф Н. Г. Волкова. Мы осмотрели городище Маджары и собрали на нем (в той его части, которую называют Кирки) подъемный материал: фрагменты поливной и неполивной керамики, сделанной на гончарном круге, изразцы голубого, синего и коричневого цветов, три жернова от ручных мельниц, много квадратных кирпичей, фигурную базу каменной колонны, каменные обломки надгробных памятников без надписей, плоский бронзовый круг и пр.

В народном музее при прикумском Доме пионеров собраны случайные находки с того же городища, в том числе и камни с арабскими надписями XIV в.³ Представляется сомнительным распространенное мнение, будто в названии «Маджары» скрывается имя угров (мадьяр). Скорее, оно восходит к арабскому слову «мазар», которым называют могилы, преимущественно почитаемые. В. А. Городцов доказал, что г. Маджары возник на месте более древнего могильника.

¹ Лавров Л. И. Обезы русских летописей. — СЭ, 1946, № 4, с. 169.

² См.: Ванев В. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959, с. 177.

³ Результаты эпиграфических поисков 1947—1962 гг. см.: Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966, ч. 1; М., 1968, ч. 2.

СЛУЧАЙНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ В РАЗНЫХ МЕСТАХ КАВКАЗА (1963—1971 гг.)

В начале 1963 г., находясь в Майкопе, я получил от местных археологов обломок камня с загадочными знаками, который нашли в земле недалеко от города. Увез его в Ленинград, чтобы проконсультироваться со специалистами.

В октябре 1964 г. вместе с Е. И. Крупновым, Н. А. Смирновым, М. А. Кумаховым и другими участвовал в комиссии по проверке гуманитарных научно-исследовательских институтов Северного Кавказа. Комиссия была образована Комитетом по координации научно-исследовательских работ при Совете Министров РСФСР. Воспользовавшись пребыванием в Майкопе, мы посетили место находки вышеназванного камня с загадочными знаками, который Г. Ф. Турчанинов и его сторонники сочли памятником «колхидской» письменности XIII в. до н. э., будто бы подтверждающим реальность событий и лиц, упоминаемых в древнегреческой легенде об аргонавтах. Осмотр места находки убедил в отсутствии там следов столь древнего поселения.¹

В Грозном от чеченского писателя Х. Д. Ошаева услышал рассказ, как месяц назад он вместе с родственниками прошел через процедуру примирения кровников. Еще в начале революции однажды произошла ссора Ошаевых с соседями. Одного из последних они обвинили в краже коня, принадлежавшего гостю. Ссора переросла в драку, во время которой были убиты двое из Ошаевых и один из числа их противников. После этого соседи и все их родственники, боясь мщения, бежали в Казахстан, где и проживали до последнего времени. И вот теперь, в 1964 г., они обратились через посредников к Ошаевым с просьбой о примирении. Чечено-ингушская республиканская комиссия по примирению кровников предварительно опросила всех Ошаевых и получила от них согласие на примирение. После этого к определенному дню в назначенное селение были вызваны мужчины обеих враждующих фамилий, включая и тех, кто отбывал военную службу далеко от Кавказа. На сельской площади за стол, покрытый красным сукном, сели члены комиссии, в том числе прокурор республики, кто-то из членов Верховного совета Чечено-Ингушетии и почетные старики из местного населения. Перед столом выстроились друг против друга две шеренги бывших противников. То были только мужчины, и стояли они по старшинству лет: от самых старых до грудных младенцев, которых держали на руках подростки. Площадь была заполнена несколькими тысячами зрителей, многие из которых приехали для этого из других селений. После официальных речей о вреде кровной мести председательствующий призвал обе стороны

¹ Лавров Л. И. К попытке чтения майкопской надписи. — СЭ, 1967, № 2.

подать друг другу руки в знак примирения. Тем временем женщины, стоявшие сзади мужчин, кричали о том, что кровь убитых вопиет о мщении, и призывали не мириться. Однако старейший из Ошаевых протянул руку старейшему своих противников, а затем по старшинству всем остальным из них. То же проделали и другие Ошаевы. Если бы даже мальчишка не захотел протянуть руку врагам, то примирение считалось бы несостоявшимся. Завершив формальную сторону дела, получившие прощение кровники устроили угощение для Ошаевых, членов комиссии и других гостей.

Из Грозного летали в Элисту, столицу Калмыкии. Местный музей пока очень беден. В нем экспонированы некоторая утварь, два старинных костюма и еще кое-какие вещи. Совсем нет предметов, относящихся к ламаизму.

Краткое знакомство в апреле 1965 г. со средневековыми памятниками военной и культовой архитектуры Апшеронского полуострова и наскальными изображениями Кобыстана укрепило убеждение в том, что Азербайджан в этом отношении имеет близкие аналогии с Дагестаном, в то время как на остальной территории Северного Кавказа старая архитектура другая, а наскальные изображения выполнены в иной технике и отличаются по содержанию.

В апреле 1971 г. в Алазанской долине (Грузия) на стене дома я заметил вывешенный на улицу портрет, задрапированный черной материей. Это означало, что в доме недавно кто-то умер. 11 апреля в Тбилиси, проходя мимо церкви, видел, как туда гнали козу, предназначенную для заклания, — то был день вербного воскресенья.

Осенью 1971 г., во время отпуска, побывал в Карачаево-Черкесии. Абазинское сел. Псыж неузнаваемо изменилось с 1939 г., когда я был в нем последний раз. Все старые дома сломаны или перестроены. Новые имеют фундаменты, часто сложены из кирпича и крыты уже не соломой, а шифером, железом или черепицей.

В Псыже есть фамилия Чеченовых, которых считают потомками чеченца, бежавшего к абазинам из-за кровной мести. Фамилию Натхо выводят из Абадзехии. Среди новых личных имен у абазин появились Пушкин, Япон и т. д.

Старинных памятников на псыжском кладбище не оказалось, но на более поздних удалось скопировать несколько десятков родовых знаков — тамг. Другое кладбище осмотрел около карачаевского сел. Каменномоетского, где на памятниках совсем не было тамг. Карачаевский этнограф И. М. Шаманов объяснил, что Каменномоетское основано бывшими рабами и крепостными, не имевшими своей тамги.

Изучение кавказских тамг (мегрельских, абхазских, абазинских, адыгейских, кабардинских, карачаевских, балкарских и дигорских) показывает, что они могли появиться лишь после разложения родового строя, т. е. не ранее III тыс. до н. э. Они

употреблялись в качестве знаков собственности, производственных клейм, печатей и гербов. Есть основание утверждать наличие генетической связи кавказских тамг с сарматскими и ногайско-крымско-среднеазиатскими тамгами, а также с руническими знаками письменности. Возможность существования такой же связи с буквами, иероглифами и другими знаками Средиземноморья, Южной и Юго-Восточной Азии только намечается и нуждается в дополнительном изучении.²

5 октября побывал в верховьях Кубани, в так называемом Большом Карачае. Сел. Картджурт состоит фактически из нескольких поселков. На противоположном берегу Кубани видны мавзолеи. В одном из них Л. Г. Нечаева сняла эстампаж с арабской надписи, оказавшейся лишь религиозной формулой «Нет бога, кроме Аллаха». Мавзолеи эти явно не старше XVIII в. В сел. Учкулан, как и в Картджурте, не сохранилось старых построек, но они есть в сел. Хурзук. Сложены они из огромных бревен разной длины, концы которых выступают на разное расстояние от стен. Так сооружена и старинная водяная мельница.

Считалось, что бревенчатые постройки на Северном Кавказе встречались только в Карачае и Баксанском ущелье. Однако удалось установить, что до середины XIX в. они были характерны и для горной Адыгеи.³

В Хурзуке есть большой камень, с которым связано предание о первом появлении здесь карачаевцев после ухода их из Баксанского ущелья. На горе над селением высится старинная башня Мамия-Кала, предания о которой схожи с теми, что рассказывают в Черкесии о башне Адиух.

В долине р. Джамагата (приток р. Теберды) видны фундаменты старинных построек.

22 октября побывал в ущелье р. Малый Зеленчук. У пос. Верхний Архыз, на так называемой Церковной поляне, сохранились остатки каменных стен. На вершине соседней горы находятся развалины «башни Карчи» (Къарча-Къала). Так как предание приписывает постройку ее легендарному прародителю карачаевцев Карче, то для некоторых это служит доказательством древнего обитания здесь карачаевцев. Однако при осмотре «башни» выяснилось, что ее восточная стена не прямая, а полуциркулярная, и это дает основание считать развалины остатком маленькой христианской одноапсидной часовни. Площадь ее 6×4 м.

В пос. Нижний Архыз осмотрел древние храмы, места раскопок средневековых могил и остатки мощной крепостной стены, ограждающей храмы со стороны нижнего течения Малого Зе-

² Подробнее см.: *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 91—174.

³ *Аутлев М. Г., Лавров Л. И.* Прошлое и настоящее Шовгеновского аула. — В кн.: *Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области.* М.; Л., 1964, с. 16—17.

ленчука. Очевидно, здесь а не у Алхан-Юрта (в Чечне), как думают некоторые, находилась столица средневековой Алазии — г. Магас, о котором в X в. сообщал Масуди и который в 1238 г. разрушили монголы. В пользу сопоставления Нижнего Архыза с Магасом говорят косвенные данные: свидетельство VI в. о резиденции аланского владетеля Сородия, располагавшейся поблизости от нынешней Абхазии; наличие в Нижнем Архызе самого крупного на Северном Кавказе скопления больших и малых христианских храмов X—XII вв. с епископским местом, сооруженным в одном из этих храмов. Последнее указывает, что Нижний Архыз являлся административным центром Аланской епархии, который, видимо, совпадал с политическим центром Аланского государства.

В ДАГЕСТАНЕ И НА КУБАНИ (1972 г.)

С 20 сентября по 1 ноября собирал на Кавказе материалы по арабской эпиграфике.

В Махачкалинском музее изобразительных искусств хранится около 50 так называемых испикских декоративных блюд, обычно датируемых XVIII в. Они покрыты зеленой и коричневой поливой с белыми просветами. В литературе отмечали, что эти блюда сделаны «из светло-серой, почти белой, глины»¹ или же «имеют только серый черепок».² Но тесто экспонатов музея варьирует от белого цвета до красного. Орнаментированы они изображениями коней, бегущих направо. Музей приобретал блюда в разных селениях Дагестана, но место их производства не установлено. По Е. М. Шиллингу и Л. И. Смирновой, они происходят из кумыкского сел. Андрейаул,³ а по Э. В. Кильчевской — из лезгинского сел. Испик.⁴ Однако присутствие в орнаменте иногда и двуглавых орлов ставит под сомнение дагестанское производство блюд. В музее также собраны отличные изделия лезгинских и табасаранских ковровщиц, балхарских гончаров, кубачинских ювелиров и унцукульских инкрустаторов по дереву.

В Дагестанском краеведческом музее интересны отделы археологии и этнографии, однако слабо представлена дореволюционная история. Невелик, но интересен экспонатами молодой музей Дагестанского университета.

¹ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959, с. 45.

² Смирнова Л. И. К вопросу о керамических декоративных блюдах Дагестана. — СМАЭ, 1978, т. 34, с. 121.

³ Шиллинг Е. М. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. — Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, 1950, кн. 10, с. 72—73; Смирнова Л. И. К вопросу..., с. 121—122.

⁴ Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы..., с. 45—46.

Познакомился с литературным работником журнала «Советский Дагестан» М. Б. Хаджи-Мурадовым, правнуком знаменитого Хаджи-Мурада, воспетого Л. Н. Толстым. Он показал мне собранные им богатые материалы к биографии Шамиля и своего прадеда.

23 сентября заезжал в кумыкское сел. Тарки. За последние годы оно благоустроилось и приобрело опрятный вид. Домов с плоскими глиняными кровлями почти не осталось. Всюду над домами возвышаются двухскатные крыши из железа, черепицы или шифера. Действующая мечеть построена в 1894/95 г. Снаружи она украшена многими арабскими надписями. Южнее селения находится почитаемая могила с шестом, к которому подвязано большое количество белых и цветных лоскутков. Надписи на могилах шамхалов XVIII в. (Хас-Булат и Махди сын Муртуз'Али) позволили уточнить время их правления.

29 сентября выехали в Акушинский район. Меня сопровождала жена и молодой этнограф из даргинцев М. Г. Гаджиев. В г. Буйнакске, мимо которого мы проезжали, видели несколько многоэтажных домов, построенных после недавнего землетрясения. Попутные кумыкские, аварские и даргинские селения выглядят непривычно из-за обилия двухскатных крыш, надстроенных над домами в течение последних 10—12 лет. Перед сел. Акуша находится естественный холм, на котором в старину происходили собрания «вольного общества» Акуша-Дарго. Гаджиев слышал, что когда там выступал акушинский кадий (глава этого общества), то слушали, потупя глаза, ибо смотреть на него не полагалось.

Остановились в даргинском сел. Акуша, откуда я и совершал кратковременные поездки по району.

Акуша — большой населенный пункт. Жители подразделяют его на четыре «квартала» (джамаата), каждый из которых прежде имел свои мечеть и кладбище. Старейшего кладбища теперь нет. На его месте построены Дом культуры и другие районные учреждения. Джума-мечеть на вершине горы лежит в развалинах. Несмотря на крутой и длинный подъем, молящиеся добирались туда только пешком, и лишь одному кадию дозволялось ехать верхом.

На акушинском базаре торгуют овощами, телятами, шкурами, бараньими шапками, продуктами питания и пр., но совсем уже нет в продаже лошадей и ослов. Любопытно, что ослов в Акуше никто не держит. На дорогах почти не встречаются всадники и арбы. Зато много легковых и грузовых автомашин. Все пожилые женщины носят белые покрывала, которые сзади свисают почти до пят.

30 сентября заезжал в даргинское сел. Усиша, где посетил старого арабиста Гьалдыц Махоммед-будуна. У него хранится большое собрание арабских книг и рукописей. Застал его сидящим среди шуб на подушке в кавказской рубашке 20-х гг. и черной тюбетейке без украшений. Рядом с ним — кувшин для

омовений, таз и стопка книг. Он сообщил, что в Усише еще недавно имелось старинное кладбище, на котором были памятники с эпитафиями в честь павших в бою с «каджарами» (иранцами).

В средней школе селения осмотрел небольшой музей предметов старого быта (утварь, орудия труда, украшения, монеты). Женщины здесь в отличие от акушинок носят покрывала черного цвета.

1 и 2 октября дважды побывал в даргинском сел. Шукты. В нем еще более половины домов сохранили плоскую крышу. Улицы очень узкие, крутые и причудливо извиваются. В центре стоит длинная турлучная постройка — это, оказывается, Дворец культуры им. Орджоникидзе. На кладбище скопировал эпитафию, в которой сказано, что погребенный погиб у сел. Усиша в 1611/12 г., когда иранцы вместе с войском тарковского феодала Гирея истребили в один день 4400 человек. Другие источники об этом умалчивают.

Слышал местную легенду о силаче чабане, который руками мям воловьей шкуры. Однажды его застали во время свидания с девушкой, и все жители селения были подняты по тревоге, погнались за ним и убили его камнями. На могиле этого чабана сохранился холмик из камней.

В даргинском сел. Гапшима есть небольшой школьный музей. В нем много старинных монет, кольчуга, кремневые пистолеты и ружья, кинжалы, утварь, каменная плита с животным орнаментом и кремневый нешлифованный топор, который здесь принимают за палеолитическое ручное рубило. На склоне горы над Гапшимой стоит боевая башня. Говорят, что прежде там были еще две башни.

Гапшима расположена в долине, у входа в ущелье. Жители переселились сюда из ущелья при Советской власти. Все дома здесь имеют двухскатную или четырехскатную крышу. Старая часть селения, оставшаяся в узком ущелье, имела с двух сторон ворота, которые на ночь запирались. Эти ворота стояли до 30-х гг. нашего века. В старой части есть здание бывшей мечети с минаретом. Надпись на мечети не имеет даты.

4 октября ездил в даргинское сел. Муги. В центре его возвышается четырехгранная боевая башня.

На следующий день был в даргинском сел. Бутри. Его жители считают, что в доисламские времена в нем жили армяне, и показывают место, где стояла христианская церковь, позже превращенная в мусульманскую кладбищенскую часовню.

Бытует легенда о двух арабских падишахах, переселившихся к даргинцам. Одного из них звали Акуш, а другого Месил. Акуш стал править в Акуше, а Месил, выходец из Мосула, — в Бутри, причем первый все время притеснял последнего. Жители показали старый могильный памятник без даты, на котором можно разобрать слова «Х-ш-х М-с-л сын Б-р-к-ра». Памятник приписывают Месилу. Там же находится могила арабиста

и поэта Имрана сына Ахмада. Его можно отнести примерно к XVIII в.

6 октября ездил в дальнее даргинское сел. Нахки, где занимался только-эпиграфикой.

7 октября побывал в лакском сел. Уллучара, расположенном на гребне небольшого хребта. Узкие улочки в некоторых местах переходят в каменные ступеньки, ведущие в туннель под домами. Все крыши здесь еще плоские. Бывшая мечеть имеет минарет.

Предание гласит, что сел. Уллучара образовалось из четырех поселков, которые до этого находились в разных местах и нередко воевали друг с другом. Замечу, что Уллучара принадлежит к числу тех шести лакских селений, которые издавна находились за пределами коренной лакской территории. Для определения времени возникновения данного селения на даргинской территории имеет значение то, что старейшая эпитафия на местном кладбище помечена 1661/62 или 1681/82 г., а надпись на сельской мечети рассказывает о постройке ее в 1628/29 г. Таким образом, Уллучара основана не позже начала XVII в.

Возвращаясь 9 октября в Махачкалу, видел, насколько сильно за последние годы изменился облик крупного даргинского сел. Леваша. Плоские крыши сменились двухскатными, а иногда четырехскатными. Появился ряд современных зданий городского типа. Женщин в покрывалах, столь еще обычных для Акушинского района, здесь не пришлось встретить. То же следует сказать и об аварском сел. Урма.

11 октября побывал на месте раскопанного городища у кумыкского сел. Чирюрт. Сопровождавший меня археолог М. Магомедов отождествляет его с хазарским Беленджером. Видно, что здесь был большой город, окруженный рвом и стеной. Последняя внизу каменная, а выше кирпично-сырцовая и просто глиняная. В ряде мест между камнями есть следы прокладки из камыша. Толщина стен достигает 4 м. Рядом с городищем находится обширный могильник с грунтовыми и катакомбными захоронениями. На могильнике, в нескольких километрах от городища, раскопаны две христианские культовые постройки. Они вытянуты с запада на восток. Вход располагался с запада. Постройки отличались от церквей тем, что не имели апсиды и престола. Место последнего занимала каменная «гогофа» с крестом. Одна из этих построек представляет собой в плане два примкнувших друг к другу крестообразных помещения.

12 октября был в кумыкском сел. Кумторкала, разрушенном недавним землетрясением. Жители его переселились примерно за 2 км в степь и построили там сел. Коркмаскала. Оно состоит из современных домов с шиферными крышами.

О песчаной горе около Кумторкалы рассказывают легенду, будто великан, пришедший из Средней Азии, высыпал на этом месте песок, набившийся в его чарыки.

13 октября посетил кумыкское сел. Уллубийаул (бывш. Буй-

нак) и соседнее городище Урцки. Его сопоставляют с хазарским Варачаном. В результате пятилетних археологических раскопок были расчищены стены циклопической кладки. К сожалению, работы прекратились и окрестные жители выбрали камень для строительства собственных домов. На кладбище в Уллубий-ауле оказалась могила шамхала Махди сына Муртуз'Али, правившего в XVIII в. Эпитафия позволила уточнить время его жизни.

19 октября на уличном перекрестке в Майкопе мы увидели памятник, поставленный для напоминания, что на этом месте находился знаменитый курган, положивший начало представлению о майкопской археологической культуре.

В конце октября в сел. Гузерипль (Кавказский заповедник) осмотрели большой дольмен. Подобно дольмену в Джубге, он также имел перед фасадом небольшой дворик, огороженный массивными каменными плитами. Это лишний раз подтверждает, что площадки перед фасадами дольменов «служили для отправления периодических молений».⁵

ИЗ ГРУЗИИ ПО ДАГЕСТАНУ (1973 г.)

13 августа 1973 г. вместе с женой и сослуживцем С. Б. Фараджевым выехали из Тбилиси в Дагестан. Путь лежал через Северную Осетию и Чечено-Ингушетию. Весь первый день ушел на ознакомление с Военно-Грузинской дорогой. До чего же она величава и красива! В сел. Казбеги побывали в краеведческом музее, содержащем интересные археологические и этнографические экспонаты. Музей помещается в доме грузинского писателя А. Казбеги. Во дворе находятся его могила и небольшая аккуратная грузинская церковь с русской надписью на стене, сообщающей, что она построена в царствование Александра I. Вдали видна на горе старинная церковь.

Во время суточной остановки в г. Орджоникидзе побывал (уже не первый раз) в Северо-Осетинском краеведческом музее. Из выставленных в нем предметов примечательны древнеегипетская подвеска, памятник из Трусовского ущелья с осетино-арамейской надписью, небольшой колокол из Рекома с грузинской надписью и камень с изображением лабиринта.

15 августа уехали в Махачкалу. Оттуда заезжали в кумыкское сел. Нижний Дженгутай, где в прошлом находилась столица Мехтулинского ханства. Селение состоит из семи «кварталов» (аулов). Один из них — Гурджи, т. е. «Грузинский». На местном кладбище ханских могил не было, за исключением одной недатированной, принадлежавшей «ханум Фач, дочери ал-амира Али-Султана, сына ал-амира Мухаммад-хана, сына

⁵ Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. — ТАИ, 1960, т. 31, с. 104.

ал-амира Али-Султана». Интересных надписей не оказалось и на мечети.

От стариков узнали, что жители Нижнего Дженгутая своих покойников хоронили раньше в Верхнем Дженгутаяе, и сразу же отправились туда. Это аварское селение, и там действительно имелось ныне уже закрытое кладбище нижнедженгутайцев, но ханских могил и на нем не было. Одна из поздних эпитафий этого кладбища содержала генеалогию покойного, насчитывающую 15 поколений.

В Махачкале 18 августа присутствовали на даргинской свадьбе. Она происходила в столовой пединститута. Столы были накрыты на 400 человек, но пришло около 200. Ритуал состоял из речей, заканчивающихся тостами, и танцев под музыку.

20 августа уехали в Дахадаевский район. По пути проезжали Маджалис — селение, красиво расположенное между горами. Эффектная скала нависает над ним. Почти все дома здесь под двухскатными и четырехскатными крышами.

От Маджалиса до Уркараха (центр Дахадаевского района) тянется 30-километровый подъем в горы. Проезжаем красивые ущелья, местами покрытые лесом.

Уркарах (Уркухъ) — большой населенный пункт. Отдельные его части лежат на разных уровнях. Вокруг на искусственных террасах — посевы. На ровной площадке пашет землю каким-то образом завезенный в горы трактор. Женщины Уркараха носят черные покрывала.

В Уркарахе мы и остановились. Недалеко от нашего дома, прямо на улице, сохранилось не меньше 10 мусульманских саркофагов со следами арабских надписей XI—XII вв. Две плиты с надписями того же времени уцелели в стене бывшей мечети.

В средней школе селения создан небольшой музей, в котором представлены монеты (царские и одна мусульманская), женские украшения, орудия труда начала XX в., зернотерка и ранне-средневековая керамика.

Жители показали нам дом, на месте которого некогда стояло жилище уцмиев кайтагских. Сохранилась поговорка: «Пусть тебя схватят собаки уцмия!».

21 августа побывали в сел. Верхняя Киша (Киша). В нем стоят две боевые башни и бывшая мечеть с минаретом. Из стены минарета выступают две пары турьих рогов. Поговорить со стариками не удалось, потому что в это время происходили похороны.

22 августа с группой научных работников (А. Р. Шихсаидов, П. М. Дебиров и др.), прибывших из Махачкалы, поехали осматривать исторические памятники в сел. Кала-Корейш, расположенное на вершине горы. Кала-Корейш, т. е. «Крепость корейшитов» — древняя столица уцмиев кайтагских. Темное ущелье, крутые склоны гор, заросшие густым лесом, и первозданная тишина, нарушаемая лишь шумом прозрачного потока, создавали удивительную картину!

Перед селением встретились саркофаги XI—XII вв., в том числе известный своими барельефами. В самом селении осталась только одна семья. Состояла она из старика и двух его жен (одной из них за 70, а другой 45 лет). Остальные жители переселились в предгорье. Осмотрели недавно разобранный на части великолепный михраб от ранее разрушенной мечети и арабские надписи, которые я издал по чужим фотографиям и прорисовкам. Куча камней, оставшаяся после разборки михраба, стала предметом поклонения. На камнях появились шесты с флажками и лоскутками. Рядом с руинами мечети расположены заросшее крапивой кладбище и мавзолеев с надписями, также изданными. Мавзолеев почитается верующими. Находящиеся в нем надгробия накрыты коврами, а стелы с надписями завешаны материей. Чтобы войти внутрь мавзолея, нам пришлось предварительно разуться.

22 августа фотографировал арабские надписи в даргинском сел. Викри (Вихъри), а на следующий день — в лакском сел. Шадни (Шадун). Оно расположено в окружении даргинских селений, однако время появления здесь лакцев неизвестно. В этой связи имеют значение надписи на кладбище. Одна из них без даты, но почерк ее характерен для XVI в., а самая ранняя из точно хронологически определенных относится к 1204 г. хиджры, т. е. к 1789/90 г. Могила XIV в., очевидно, принадлежит не лакцам, ибо в течение 600 лет лакский язык в Шадни вряд ли бы мог сохраниться в окружении иноязычного населения. Поэтому наиболее ранним памятником пребывания здесь лакцев можно считать эпитафию 1789/90 г. Жители Шадни рассказывают предание о том, что их предки переселились из сел. Суки (Ссухъянци) 350 лет тому назад.

Лакский язык шадницев значительно отличается от литературного, и, может быть, поэтому в здешней школе преподавание ведется на даргинском языке, который знают все жители.

Шадни находится, как и Уллучара, на вершине узкого гребня горы. Воду приходится брать из глубокого ущелья. Раньше ее носили на себе женщины, а теперь возят на осликах. Все крыши в селении до сих пор плоские. Говорят, что шиферные на выдерживают здешних ветров.

С крыши я наблюдал, как в нижерасположенном дворе женщина раскачивала подвешенный на веревке глиняный кувшин. Так сбивают здесь масло. На эту процедуру уходит от 0.5 до 2 ч.

24 августа ездили в Кубачи. Теперь это не село, а рабочий поселок, в котором, как говорят, только две семьи еще продолжают держать овец, но коровы есть у многих. К сожалению, в этот день стоял сильный туман и трудно было разглядеть что-либо за 10 м. Внизу за поселком, у каменного кладбищенского забора, установлено в ряд несколько десятков надгробных памятников XV—XVI вв., перенесенных гуда с кладбища. Некоторые из них обрамлены надписями, причем форма букв такая же, как и на известном кубачинском тимпане с изображе-

ниями борцов.¹ На отдельных памятниках процарапаны мелкие надписи с именем покойного почерком не ранее XIV в. Это обстоятельство склоняет к мысли, что тимпан с изображениями борцов относится к XIV—XV вв. В разрушенной мечети сохранились старинные надписи, ранее известные мне по фотографиям и литературе.

На окраине Кубачей, у дороги, стоит длинный ряд каменных стел, прислоненных к отколу скалы. На них — надписи в память о кубачинцах, умерших на чужбине. Этим стел несколько десятков. Среди них видны поставленные в XVIII—XX вв.

Еще до поездки в Кубачи удалось опровергнуть распространенную версию о принятии ислама кубачинцами в 1404—1405 гг. Версия эта основывалась на ошибочном прочтении арабской надписи, найденной в Кубачах академиком Б. А. Дорном. На самом деле в ней говорится о моровой болезни и о постройке медресе.² Последующие поиски позволили установить, что в Зирих-Геране (так называлась область, в которую входили Кубачи) в XV в. ислам распространялся казикумухским шамхалом Бадром, имевшим власть над Зирих-Гераном.³

27 августа покинули Уркарах и вернулись в Маджалис. В нем в последние годы появились сквер с бульваром, новые здания райкома партии, райисполкома, гостиницы, магазинов, кинотеатра. Верхняя (старая) часть селения населена кумыками, а нижняя (большая по площади) — преимущественно даргинцами. На улицах много гусей. В старой части селения здание бывшей мечети украшено несколькими надписями, но они исторического значения не имеют. За мечетью, на горе, находятся остатки заброшенного кладбища. Одна из эпитафий 1219 г. хиджры, т. е. 1804/05 г., гласит: «Это могила Ахмад-хана сына Али».

28 августа ездили в селения Янгикент, Старые и Новые Гулли, Капкайкент. Первое и последнее — кумыкские, а два других — даргинские. Попытки найти в них интересные эпиграфические памятники не увенчались успехом. Нет там и следов саркофагов XI—XII вв.

В Янгикенте познакомился со школьным музеем. В нем собраны случайные этнографические предметы, а также зернотерка, кольцо, кремневые ружья и некоторые другие вещи. Старик, житель Янгикента, показал петровский серебряный рубль 1725 г. Дырочка на нем свидетельствует, что он служил украшением женской или детской одежды.

29 августа ездили в Дербент, чтобы осмотреть новые находки эпиграфических памятников в цитадели, но попасть в нее не удалось. Молодой директор городского музея, табасаранец А. Г. Гаджиев, показал сделанные им зарисовки куфических

¹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966, ч. I, надп. 269.

² Там же, надп. 339.

³ Лавров Л. И. Новое о Зирих-Геране и казикумухских шамхалах. — В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.

эпитафий из его родного сел. Зильдик. В тот же день встретились с историком А. Р. Шихсандовым и уехали вместе в лезгинское сел. Касумкент.

На следующий день отправились по другим лезгинским селениям. В Ашага-Стал побывали в мемориальном музее С. Стальского. Объяснения давал его сын, почти не говорящий по-русски. В сел. Орта-Стал осмотрели бывшую джума-мечеть, построенную необычно, в виде шестигранника, а также мавзолеей шейха Ибрахима, умершего в 948 г. хиджры, т. е. в 1541/42г. В этих двух селениях обнаружили памятники с куфическими надписями. В Юхари-Стал видели «пир» шейха Айуба 1718 г.

Переночевав в Касумкенте, утром поехали в лезгинское сел. Алкадар снять эстампажи с надгробных памятников известного историка Хасана Алкадарского и его отца. Сопровождал нас на кладбище уже старый правнук ученого. Наш спутник, А. Р. Шихсандов, также являлся его потомком. Во второй половине дня осмотрели эпиграфические памятники в цитадели Дербента. Интересных среди них не оказалось.

3 сентября ездили в даргинское сел. Джихбахны. Около него много больших ореховых деревьев. Кое-кто из жителей верит, что посадивший такое дерево скоро умрет. Может, поэтому здесь нет молодых ореховых посадок.

При школе есть небольшой музей. Его экспонаты — кинжалы и некоторые бытовые предметы. Здание мечети, построенное в XX в., имеет старинные деревянные двери, покрытые сложной художественной резьбой. Орнамент состоит из «византийских плетеных», которые на Северном Кавказе встречаются редко и не поддаются удовлетворительному хронологическому определению. Дверь ценна наличием на ней арабской надписи с точной датой — 840 г. хиджры, что соответствует 1436/37 г.

4 сентября отправились из Маджалиса в Гуниб. Проезжая через даргинское сел. Сергокала, видели кладбище со множеством разноцветных флажков на могилах. Они желтого, красного и синего цветов, но есть и пестрые.

Из Гуниба ездили в аварское сел. Согратль. По пути побывали и в аварском сел. Чох. Оно эффектно расположено на горе и имеет монументальные дома сложной архитектуры. В Чохе есть гостиница, которая почему-то именуется «Душетн», о чем сообщают русская и грузинская надписи на вывеске. На крыше гостиницы установлена фигура танцующего горца в натуральную величину, выполненная из раскрашенной фанеры.

Согратль лежит высоко на горе. Над селением возвышаются два минарета. На одном из них, построенном в начале XX в. (о чем свидетельствует не только арабская надпись на его стене, но и показания стариков, помнящих это событие), укреплен мраморная плита с надписью, гласящей почему-то, что это боевая башня XV—XVI вв. Жители говорят, что нынешний Согратль возник в 1878 г. после разрушения старого, находившегося несколько поодаль.

На кладбище нашел и снял эстампажи с эпитафий, посвященных последнему независимому казикумухскому хану Сурхаю, зачинателю мюридизского движения шейху Мухаммаду Ярагскому (учителю Шамиля), четвертому дагестанскому имаму Хаджи-Мухаммаду сыну Хаджи-Абдуррахмана, предводителю восстания 1877 г. Хаджи-Муртуз-Али Салтинскому и др. Эпитафии помогли установить точные даты смерти этих лиц и некоторые другие факты. Моим проводником по кладбищу был 65-летний учитель Гаджиев Нур-Мухаммад, внук имама Хаджи-Мухаммада, повешенного в 1878 г. Нур-Мухаммад показывал и могилу своей матери, умершей в 1955 г. На ее памятнике кроме арабской надписи сделана и русская, в которой сказано, что это «дочь имама Дагестана». На могиле Мухаммада Ярагского устроен зиярат в виде каменного домика. При входе в него пришлось разуться. Кроме Мухаммада в зиярате похоронена еще какая-то женщина.

13 сентября ездили в г. Кизляр. Дорога пролегла через гребенские станицы Старогладковскую, Курдюковскую, Дубовскую и Каргалинскую. В них попадаются типично кумыкские постройки со слегка пологой камышовой крышей, плотно обмазанной глиной. Эти и другие дома часто обращены к улице глухой стороной. Музей в Кизляре не имеет коллекций, отражающих историю и этнографию ногайцев. Лучше представлены в нем экспонаты по истории города, особенно по революционному движению. Отдельная экспозиция посвящена уроженцу Кизляра П. И. Багратиону.

Кизляр расположен на территории бывшего тюркского княжества Тюмень, известного по материалам XV—XVII вв. Однако анализ старых арабских источников приводит к выводу, что княжество под тем же названием существовало здесь еще в IX в. Население кавказской Тюмени принадлежало, оказывается, к ранним, дополовецким тюркам, потомки которых после XVII в. растворились среди соседних кумыков.⁴

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ПО КАВКАЗУ (1974—1978 гг.)

24 ноября 1974 г. вместе с археологом В. А. Кузнецовым побывал в осетинском сел. Нузал, где осматривал маленькую церковь предмонгольского времени. Внутренность ее расписана фресками и грузинскими надписями. На Северном Кавказе следы средневековых фресок уцелели в храмах Сентинском и одном из нижнеархызских (в Карачае), а раньше их видели и на руинах часовни в Балкарии. Но фрески в Нузале сохранились лучше других. В этом их особая ценность. Рядом с церковью находятся средневековые захоронения в полуподземных склепах. За рекой видны остатки башен, прижатых к скале.

⁴ Лавров Л. И. Кавказская Тюмень. — Там же.

Нузал лежит на пути к Цейскому перевалу в Закавказье, и в его названии можно видеть арабское слово «нузул», имеющее значения «сошествие», «спуск», «стоянка лагерем», «остановка на станции или в гостинице» и «налог для содержания проезжих государственных чиновников». Замечу, что по-осетински «нузал» ничего не означает.

В Орджоникидзе меня пригласили на осетинскую свадьбу. Городские условия жизни наложили отпечаток на древний обычай. По-прежнему гостей было много, но площади не хватало. Поэтому для свадьбы были предоставлены все квартиры, расположенные по одной лестнице многоэтажного дома.Guests разделили по рангам (преимущественно по возрасту и полу), каждому из которых была выделена квартира. Я попал в компанию стариков и почетных гостей. Мы угощались и слушали тосты, так и не увидев новобрачных. За столом строго соблюдался осетинский этикет. Сидели, как в Московской Руси, по правилам местничества, говорили только с разрешения тамады. Им был, конечно, самый старый. Пили осетинскую араку и ели преимущественно осетинские кушанья.

В 1974 г. бывал я и в Нальчике. Историко-краеведческий музей разместился в новом просторном здании. Жаль, что во время перевозки разбили домусульманский уникальный памятник с крестом, полумесяцем, фантастическим изображением и самым ранним образцом современного кабардинского орнамента!¹

В 1975 г. видел широкую гладь недавно созданного Кубанского моря, на дне которого погребены знакомые с детства бжедугские аулы Лакшукай, Тлюстенхабль, Шабанохабль, Казанукай и др. В стороне от этого моря выросли стандартные дома молодого г. Адыгейска, образованного переселенцами из затопленных аулов.

В Горячем Ключе появился школьный музей, в котором собраны некоторые археологические предметы средневековья и кое-что из недавнего быта адыгейцев.

У экскурсоводов горячеключевских санаториев и домов отдыха нет доброкачественной краеведческой литературы, и поэтому они насыщают свои публичные выступления небылицами, выдаваемыми за историю местного края. Особенно много невсeroднего повествуют о стоящей в парке византийской колонне с турецкой и арабской надписями XVIII и XIX вв.² Чтобы хоть немного исправить положение, я прочел одну лекцию для отдыхающих, а другую специально для экскурсоводов.

В мае 1977 г. участвовал в экскурсии по Куртатинскому ущелью в Северной Осетии. Селения там малолюдные, а многие и совсем

¹ Лагров Л. И. Кабардино-адыгейская культура XIII—XV вв. — СЭ, 1957, № 4, с. 22—23.

² Лагров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1968, ч. 2, надп. 476, 652.

опустели. Жители переселились в равнинную часть республики, где теперь плотность оказалась намного выше, чем в соседней Кабарде.

Виденные нами наземные склепы (*dzapadz*) со ступенчатыми крышами в сел. Дзивгис, боевые и жилые башни в селениях Дзивгис, Даллагкау, Фиягдон и Барзикау достаточно известны из литературы. Замечу лишь, что ряд здешних башен имеет мало бойниц, а некоторые, например в Дзивгисе, совсем их лишены. Кроме того, в первом этаже дзивгисской башни проделано окно, что необычно для других башен Кавказа.

Еще при въезде в Куртатинское ущелье внимание привлёк памятник семи братьям из соседнего селения, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Он изображает скорбящую женщину, над головой которой летит семь журавлей. Второй тоже очень эмоциональный памятник поставлен около Даллагкау. Это стела, перед которой с опущенной головой стоит оседланный конь без седока. Конь сделан в натуральную величину. Тут же длинный список местных жителей, сложивших голову на полях сражений в Великую Отечественную войну.

Название Куртатинского ущелья (Куырттаты ком) не поддается удовлетворительному объяснению из осетинского языка. В то же время присутствие в горах Северной Осетии арабских географических наименований (Нузал, Джимара, Галиат, Нар, Сапыры ком, Джинат и др.) позволяет предполагать, что в названии ущелья содержится арабское слово «курат» — «район», «область» — и социальный термин «тат», т. е. «область татов». Напомню, что в 1562—1563 гг. кабардинский князь Темрюк вместе с русскими стрельцами «воевал Татские земли»,³ о которых Е. Н. Кушева писала, что в данном случае название «Татские» относилось к некабардинской территории.⁴ Поход кабардинцев в Куртатинское ущелье (Гуртаты) упоминается и в кабардинском фольклоре.⁵ Таким образом, вместе с возможностью нового объяснения названия Куртатинского ущелья появляется возможность локализации «Татских земель» 1562—1563 гг. и ответа на вопрос, куда ходили тогда войска Темрюка и московских стрельцов.

В 1977 г. в Дербенте археолог А. А. Кудрявцев показал полустертые куфические надписи на западной и юго-западной стенах цитадели. Это еще раз заставляет не согласиться с заявлением В. В. Бартольда, будто цитадель в Дербенте построена позже городских стен.

В 1978 г. посещение Еревана, Гарни, Звартноца и Эчмиадзина в Армении, затем Сухуми, Цебельды, Пицунды и Гагры в Абхазии укрепило давно сложившееся убеждение в том, что

³ Полное собрание русских летописей. СПб., 1906, т. 13, 2-я пол., с. 371.

⁴ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 240.

⁵ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958, с. 101.

внимание исследователей должно быть обращено не только на специфику культуры и быта отдельных кавказских народов либо их всех, вместе взятых, но и на длительные и глубокие связи Кавказа с соседними областями, а через них и с дальними странами. Кавказ никогда не находился в стороне от мировой истории, однако он таит в себе еще много неразгаданного и в дальнейшем несомненно преподнесет немало неожиданного и ценного не только для кавказоведов, но и для исследователей общих проблем истории, этнографии и языкознания.

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

б. — бывший
г. — город
гос-во — государство
ист. обл. — историческая область
кург. — курган
н. п. — населенный пункт
неолит. — неолитический

обл. — область
об-во — общество
оз. — озеро
пеш. — пещера
п-ов — полуостров
пос. — поселок
р. — река
сел. — селение
ст. — станция
ст-ца — станция
уроч. — урочище
ущ. — ущелье
хр. — хребет
хут. — хутор

- Абадзехи (абдзэх) 9, 48, 52, 60, 67
Абадзехия 61, 193
Абазги 69
Абазинны 46, 48, 61—65, 67, 69, 93
Аббаса, н. п. 174
Абдиер, часть сел. Лучек 144
Абукъхъабле, кабардинское сел. 48
Абхазия 22—24, 57, 84, 86—92, 168, 169, 173, 178, 195, 206
Абхазское царство 119
Абхазы 23, 24, 31, 64, 69, 86, 87, 90—92
Авария 102, 106, 117, 120, 129, 138, 139, 161
Аварское ханство 117
Аварцы 93, 108, 117, 124, 137, 138
Агуй см. Карповское
Агул 151
Агульский р-н 105, 155
Агулы 140, 148
Адагум, р. 24
Адагумское укрепление 57
Адамевцы 32, 51
Адабий (Адэмый), адыгейское сел. 32, 51, 57
Аджнахурская теснина 77
Адиох, уроч. и башня 50, 65, 194
Адыгейская автономная обл. 28, 45, 194
Адыгейцы 4—7, 9—15, 17—19, 31, 50, 51, 53, 59, 111, 165, 171, 180
Адыгейск. г. 205
Адыгея 8, 9, 14, 18—20, 22, 27, 28, 30, 32, 36, 50, 52, 57, 59, 93, 111, 151, 163, 165, 166, 185, 188, 189, 194
Адыги 28, 31, 53, 175, 182
Адыр-Су, балкарское сел. 39
Аже (Ажэ), хр. 21
АзгъукI, уроч. 167
Азербайджанцы 30, 146
Азия 194
Аибга, р. 92
Аксай (Ахьсай), кумыкское сел. 189, 190
Акуша, даргинское сел. 95, 128, 196, 197
Акуша-Дарго, «вольное о-во» 196
Акушинский р-н 196, 198
Акътотракъ, балкарское сел. 40, 41, 69
Алазанская долина 193
Алания (Аланское гос-во) 195
Аланы 69
Алимент, б. лезгинское сел. 155
Алкадар, лезгинское сел. 203
Алхан-Юрт, городище 194
Алчи, часть сел. Кумух 100
Аман Къабакъ, балкарское сел. 37
Амсар, рутульское сел. 144
Анакопия, средневековая крепость 88, 89
Анапа, г. 31, 59, 60, 187
Анапская крепость 60
Анапская, ст-ца 59
Анапский р-н 60
Ангийцы 119
Андо-цезы 177
Андрейаул см. Эндирэй
Анкара, г. 61
Апсуа (б. Шахгиреевское), абазинское сел. 64
Апсху (Апсхъвы) 62
Апшеронский п-ов 193
Арабы 105, 138, 155
Аравия 53, 184
Аракул (Дюкъл), лакское сел. 146, 147
Арах, азербайджанское сел. 186
АртIгалу, гора 123
Аркат, азербайджанское сел. 186
Армавир (Ермэлыхъэбл, Джаурхъэбл), г. 50, 51, 53, 65
Армавирский р-н 51
Армяне 46, 50, 79, 80, 95, 105, 107

Арчи, сел. 122
 Арчинцы 138, 147
 Асадзуа 86
 Асоколай, адыгейское сел. 7, 8, 165
 Аушигер (Аушдыжэр), кабардинское сел. 42
 Афиписп, адыгейское сел. 29
 Афина, табасаранское сел. 185
 Ахали Афонн см. Новый Афон
 Ахар, лакское сел. 126
 Ахвахцы 119
 Ахта, армянское сел. 177
 Ахтанизовская, ст-ца 188
 Ахты, лезгинское сел. 78, 79, 80, 83, 140, 141, 147, 149, 151—153, 155
 Ахтыянский р-н 140
 Ахтычай, р. 78, 79, 80
 Ахчипсоу, абазинская община 30
 Ахынтам, русское сел. 171
 Ахыхэтам, уроч. 188
 Ацэпсы, р. 24
 Ашага-Стал, лезгинское сел. 203
 А-шва см. Танапта
 Аше, р. 19—21, 23, 27, 172
 Аше, ст. 19
 Ашегали, н. п. 173
 Ашино (Гяшино), ботлихское сел. 120

Баг, абхазские и абазинские общины и фамилии 90
 Багикла (Багыклул), лакское сел. 123, 124
 Багинуб, аварское сел. 139
 Багмарани (Багыбран), мегрело-абхазское сел. 90, 91
 Багъял-ссадла, часть сел. Вихли 126
 Баксан, р. 41
 Баксанское ущ. 36, 38, 39, 41, 69, 163, 194
 Баку, г. 61, 177
 Баклуй-махла, часть сел. Убра 105
 Балама, б. пос. 144
 Балилинер, часть сел. Лучек 144
 Балкария 27, 28, 34, 37, 39—41, 43, 49, 69, 117, 204
 Балкарцы 37, 41, 43, 68, 69
 Балкыа, б. пос. 108
 Балх, средневековый г. 187
 Балхар (Бархъал), лакское сел. 119, 128, 129—131, 133
 Балъха, б. пос. 119
 Барзикау, осетинское сел. 206
 Барис-Ахо, хевсурское сел. 114, 115
 Барсуки, русское сел. 117
 Барши, часть сел. Балхар 123, 136
 Барши, часть сел. Кума 123
 Батаппашинск см. Черкесск
 Бахджи-Сарай, г. 162
 Бгуашеабль, адыгейское сел. 52, 110
 Бгъэбз, уроч. 57

Безенги, балкарское сел. 42, 43
 Бекишей (Бэгэшьэй), р. 22
 Бекмурзинское (Бэкмырзэй), адыгейское сел. 52
 Белая, р. 32, 33, 57, 169
 Белое, русское сел. 110
 Беленджер, средневековый г. 198
 Белиджи, азербайджанское сел. 77, 78
 Беследа, р. 90
 Бесленевцы 18, 47, 48
 Бесленей, черкесское сел. 47, 48
 Бжедуги (Бжъэдыгъу) 9, 19, 25, 54—56
 Бжедугхабль, адыгейское сел. 59, 165
 Бзыбская Абхазия 86
 Бзыбь, р. 86
 Блечепсин (Лэншэпсын), адыгейское сел. 52
 Бодайбо, г. 114
 Божья Вода (Тхъэгъапшъ) см. Кировское
 Большое Псеушко, шапсугское сел. 27, 30
 Большой Зеленчук, р. 64
 Большой Кичмай, сел. 170, 171
 Борга-Каш, мавзолей 181
 Бориса и Глеба гора 188
 Ботлих (Болъихъ), сел. 119, 120
 Ботлихский р-н 117
 Ботлихцы 119
 Бочаров Ручей, неолит. стоянка 92
 Буглен, кумыкское сел. 94
 Буйнакск (б. Темир-Хан-Шура), г. 70, 94, 113, 114, 117, 160
 Бурагъан-Кат, часть сел. Багикла 123
 Бурагъан-ссадла, часть сел. Вихли 125
 Бурная, крепость 140
 Бутри, даргинское сел. 197
 Бухара, г. 137
 Буширакъи, часть сел. Ботлих 119
 Буэгулсей, часть сел. Бесленей 48
 Былым (Былым), балкарское сел. 41
 Бярних-махла, часть сел. Убра 105

Вакожиле (б. Дохшукай, Дэхъшыкъей), черкесское сел. 48, 93
 Варачан, средневековый г. 95
 Васюринская, ст-ца 32
 Вацлалу, гора 134
 Вачи (Ваччи), лакское сел. 104, 106
 Ведено, чеченское сел. 183
 Верхнебаканская, ст-ца 39
 Верхнее Казанище, кумыкское сел. 190
 Верхний Архыз, карачаевское сел. 194
 Верхний Баксан (Огъары Бакъсан, Ючгюмель, Урусбиево), балкарское сел. 38, 39
 Верхний Дженгутай, аварское сел. 94
 Верхний Джулат (Татартул), городище 70, 191, 209
 Верхний Катрух (Чатлухъи Ялуа, Чичатлухъ), лакское сел. 146

Верхний Чегем (Огъары Чегем), балкарское сел. 40—42
 Верхняя Балкария, балкарское сел. 37
 Верхняя Киша (КӀиша), даргинское сел. 200
 Византийцы 85, 89
 Викири (Вихъри), даргинское сел. 201
 Вильташи (Вилтташи), лакское сел. 105
 Вихли (Вихъул), лакское сел. 125, 126
 Военно-Грузинская дорога 199
 Воздвиженское укрепление 183
 Волга, р. 136
 Вольный аул (Джыэсуз), адыгейское сел. 53
 Вольный аул (Бэрэмтэ), часть г. Нальчика 36, 160
 Вочепший, адыгейское сел. 16
 Гагринская крепость 84, 85, 176
 Гагра, г. 84, 89, 92, 168, 174—176, 206
 Галиат, осетинское сел. 206
 Гантиади (б. Пиленково), русское сел. 174, 175
 Гапцах, лезгинское сел. 77
 Гапшима, даргинское сел. 197
 Гарни, городище 206
 Гатлукай (Хьэлтыкъуай), адыгейское сел. 16, 32
 Геленджик, г. 166
 Гедли, кумыкское сел. 128
 Гемейди, татское сел. 190
 Генуэзцы 60, 175
 Георгиевское (Уакъо), русское сел. 28
 Георгиево-Осетинское (Тегейлале, ныне с. Назрань), осетинское сел. 41, 44
 Гергебиль, аварское сел. 117
 Гияр, б. лезгинское сел. 156
 Главный Кавказский хр. 8, 113
 Годлик, р. 171—174
 Годликская крепость 175, 176
 Головинка, русско-шапсугское сел. 27, 170, 171
 Голубые озера 160
 Горгиппия, античный г. 60
 Гори, г. 113
 Горские евреи 94
 Горячий Ключ, русское сел. (ныне г.) 9, 182, 205
 Греки 14, 46, 165
 Грозный, г. 34, 35, 46, 182, 183, 192, 193
 Грузинские евреи 178
 Грузины 79, 80, 116, 146, 178
 Грузия 22, 95, 102, 106, 129, 135, 178, 193, 199
 Гуашехъэбл, часть сел. Большой Кичмай 171
 Гудаута 86—88
 Гудрухи, пшавское сел. 114
 Гузерипль, русское сел. 199
 Гуми, табасаранское сел. 185

Гумыш-Тэпэ, уроч. 28
 Гунделен (КӀенделен), балкарское сел. 39, 69
 Гуниб, крепость 163, 203
 Гурджи-аул, часть сел. Нижний Дженагутай 199
 Гуржи-рехӀун, часть сел. Ботлих 119
 Гюдюрю, балкарское сел. 40
 Гъазилккурча, часть сел. Кумух 100
 Гъуннарар, часть сел. Кумух 100
 ГӀакару, гора 118
 Гъанах, часть сел. Кума 123
 Дагестан (Дагестанская АССР) 23, 24, 70, 77, 82, 84, 93, 94, 98, 104, 108, 110, 111, 117, 119, 121, 125, 128, 131, 134, 135, 139—142, 145—149, 155, 159, 160, 163, 166, 181, 184, 187, 193, 195, 199, 202
 Даллагкау, осетинское сел. 206
 Дарваг, азербайджанское сел. 185, 186
 Даргинцы 95, 96, 124, 126, 196
 Дарданеллы (Шъхьуалпчыакъу), уроч. 167
 Дарыкты, абазинское сел. в Турции 61
 Дарьял, р. 114
 Дахадаевский р-н 200
 Даховская, ст-ца 45
 Даховский (ныне ст-ца Даховская), пос. 92
 Дашлагар см. Сергокала
 Дворянский см. Тлюстенхабль
 Деяков (Тетяков), средневековый г. 191
 Деки, грузинское сел. 178
 Дербент, г. 70, 77, 83, 84, 136, 147, 159, 180, 181, 184, 185, 190, 203, 206
 Джамагат, р. 194
 Джамбечий, адыгейское сел. 52
 Джаравер, армянское сел. 177
 Джеганасское, сел. 44
 ДжегӀдер, часть сел. Шиназ 142
 Желгы (Желгъы), р. 40, 41
 Джеракай, адыгейское сел. 52
 Жибыхны, даргинское сел. 203
 Джикетия 23
 Джигеты 23, 46
 Джимара, осетинское сел. и гора 206
 Джинаг, ущ. и перевал 206
 Джубга, русское сел. 170, 199
 Джулат, городище 191
 Джули, табасаранское сел. 185
 Джынгерыг кӀвал, пещ. 81
 Джэмбустей, часть сел. Бесленей 48
 Дзивгис, осетинское сел. 206
 Дигория 189, 209
 Дилижан, г. 177
 Дон, р. 136
 Дондуковская, ст-ца 27
 Дора (Джора), балкарское сел. 40

Дохшукан с.м. Вакожиле
Дружба, русский хут. 65
Дубовская, ст-ца 204
Дударуковцы 62
Дузу-Кале, городище 167, 169, 170, 172
Дусрах, аварское сел. 139
Душети, г. 114, 203
Дэбракхэи, б. адыгейское сел. 51

Евразия 71
Евреи 79, 80, 105
Егерукай, адыгейское сел. 52
Екатериноградская, ст-ца 181
Екатеринодар с.м. Краснодар
Еныжъытх, хр. 171
Ереван, г. 177, 206
Ерси, азербайджанское сел. 186

Жинвани, грузинское сел. 114

Закавказье 61, 77, 84, 177, 178, 205
Закубанцы 5
Закубанье 91, 94, 169, 180, 182
Залукокуаже, кабардинское сел. 68
Замок Баграта 90
Закхо, черкесское сел. 50
Закюково (Зэикъуэ), кабардинское сел.
37, 39
Звартноц, армянское сел. 206
Зирих-Геран, ист. обл. 202
Зихи 167, 175
Зихия 167—169
Зрых, лезгинское сел. 78
Золотая Орда 61

Иверская гора 88
Игоэти, грузинское сел. 178
Иджеван, г. 177
Икра, лезгинское сел. 156
Ингуши 35
Ингушская автономная обл. 35
Инжикун, абазинское сел. 48, 50, 65, 66
Иниша, лакское сел. 127
Иран 84
Иранцы (каджары) 129, 140, 197
Испик, лезгинское сел. 195
Исчихар, г. 61
Итальянцы 175
Итум-Кале (б. Евдокимовское укреп-
ление), чеченское сел. 183
Ихрек, рутульское сел. 145, 146

Иемен 102

Кабарда 19, 31, 37, 43, 48, 52, 61, 69,
102, 117, 160, 163—165, 180, 181, 185,
191
Кабардино-Балкария 35, 43, 180
Кабардинцы 18, 31, 37, 41, 47, 49, 52, 67,
69, 102, 161, 165, 180
Кабехабль, адыгейское сел. 52

Кавказ 1—3, 24, 37, 52, 57, 67, 69, 70,
71, 82, 86, 94, 101, 138, 147, 149,
159, 167, 169, 170, 173, 176, 179,
180, 183, 187, 192, 194, 195, 207

Кавказская стена 185, 190
Кавказский заповедник 199
Кавказский хр. 4, 28, 30, 61
Каджары с.м. Иранцы
Казазов, хут. 14
Казаки 4, 5, 7, 11, 13, 18, 60, 175
Казанукай, адыгейское сел. 8, 205
Казах, г. 177
Казахстан 192
Казбеги, грузинское сел. 199
Казбек, гора 35
Казикумухское Койсу (Варычан), р. 95,
96, 98, 104

Казикумухское укрепление 123
Каладжух, лезгинское сел. 153, 154
Кала-Корейш, даргинское сел. 200
Калмыковское, черкесское сел. 50
Каменномостское (Ташкопюр), кара-
чаевское сел. 44, 193
Кани, лакское сел. 126
Капкайкент, кумыкское сел. 202
Капчугай, кумыкское сел. 94
Карабудахкент (Тахал), кумыкское сел.
128, 149

Кара-Самур, р. 144, 145, 146
Каратинцы 119
Карачаевск (б. Микоян-Шахар), г. 44—
46
Карачаевцы 39, 44, 69, 194
Карачай 27, 28, 39, 44, 45, 48, 68, 69,
87, 120, 191, 194, 204
Каргалинская, ст-ца 204
Кармово, кабардинское сел. 117
Карповское (Куйбышевское), шапсуг-
ское сел. 30
Карс, г. 53
Карталиния 204
Картджурт, карачаевское сел. 194
Карх, часть сел. Рутул 142
Касумкент, лезгинское сел. 155, 156, 203
Кафыр-Кумух, кумыкское сел. 94, 117,
189, 190

Кахси, армянское сел. 177
Качалар, часть сел. Лучек 144
Кашкатау с.м. Советское
Кая (Чабыни), лакское сел. 106, 126
Каякент, кумыкское сел. 190
Каякентский р-н 186
Келасури, предместье г. Сухуми 90
Келасури, р. 90, 91
Келасурская стена 90
Келесхев (Келесхев), гора 79
Кизляр, г. 204
Кина, рутульское сел. 145
Кирки, уроч. 191
Кировское (б. Божьи Воды), шапсуг-
ское сел. 29
Кисловодск, г. 62, 180

- Кистрикское, неолит. селище 86
 Киче, рутульское сел. 78
 Кичмай, шапсугское сел. 27, 170
 Кобыстан, уроч. 193
 Кодорский мыс 89
 Козет (Козэт), адыгейское сел. 9, 60
 Кончукохабль, адыгейское сел. 110
 Копарио, генуэзская фактория 175
 Кормаскала, кумыкское сел. 198
 Котларевская, ст-ца 161, 165
 Кош, хут. 33
 Кошехабль (Иандзауркэж), адыгейское сел. 18, 19, 52, 209
 Кошхабль, черкесское сел. 50
 Красноалександровское I (Хьаджыкьу), шапсугское сел. 26, 27, 58, 166
 Красноалександровское II (Къэлэжъ), шапсугское сел. 20, 21, 23, 26, 27, 29, 30
 Красноалександровское III (Шьогтэжкьу), шапсугское сел. 21, 27, 29
 Красногорская (б. Верхнениколаевская), ст-ца 44
 Краснодар (б. Екатеринодар), г. 4, 13, 18, 29, 30, 45, 58, 60, 110, 161, 175
 Краснодарский край (Кубань) 4—6, 8, 16, 23, 33, 39, 41, 44, 45, 47, 51, 53, 59, 63, 93, 138, 161, 169, 185, 194
 Крепостная, улица в г. Анапе 60
 Крым 55, 69
 Ксани, р. 178
 Куба, лакское сел. 120
 Кубанская обл. 67, 173
 Кубань см. Краснодарский край
 Кубачи, даргинское сел. 70, 201, 202
 Кубина (б. Лоовско-Кубанское), абазинское сел. 44
 Куинское, абазинское сел. 63
 Куйбышевское (б. Карловское, Агуй), шапсугское сел. 39
 Кулэкохабль (Кьюлокъохэбл), адыгейское сел. 52
 Кули (Ккул), лакское сел. 107, 108, 124, 125, 126
 Кули (Кхали), лакское сел. 131
 Кулинский р-н 124, 125
 Кульджа, г. 114
 Кума, лакское сел. 123, 124
 Кума, рутульское сел. 144
 Кумторкала, кумыкское сел. 198
 Кумух (Гьумучи), лакское сел. 100—105, 118, 120—122, 124—127, 129, 131—139, 149, 160, 161
 Кумыки 94, 204
 Кумыш, карачаевское сел. 44
 Куппа, даргинское сел. 163
 Курах, лезгинское сел. 156—159
 Курахский р-н 159
 Курахчай, р. 155
 Курганная, ст-ца 18
 Курго (Кьургьо), лес 8, 82
 Курдюковская, ст-ца 204
 Куркли, исчезнувшее сел. 108
 Куркли (Ккурккул), лакское сел. 100, 108, 124
 Куртатинское уш. (Куурттаты ком) 205, 206
 Кутан, исчезнувшее сел. 127
 Куфа, рутульское сел. 144
 Кучраб, аварское сел. 139
 Къала, уроч. 123
 Къаракъушхъ, кург. 51
 Къарча-Къала, руины у сел. Верхний Архыз 194
 Къубба-Тэпэ, возвышенность 67
 Къырткы, р. 38
 Къютил-сакла, часть сел. Вихли 126
 Кызбурун II, кабардинское сел. 37
 Кызбурун III, кабардинское сел. 37
 Кызыл-Юрт, ногойское сел. 50, 65
 Кырткыское уш. 39
 Кыун-Багы, руины укрепления 123
 Кыонкраттарац, уроч. 110
 Кюряг, табасаранское сел. 185
 Къеракъер, часть сел. Лучек 144
 Киха-Къатли, часть сел. Кули 108
 Къялазурун-Талу, уроч. 127
 Лаба, р. 18, 27, 28, 51
 Лазаревское, русское сел. 46
 Лакля 98, 100, 105, 128, 209
 Лакский р-н 99, 104, 124, 137
 Лакцы 96, 98, 102, 104, 113, 121, 124, 127, 134, 137—139, 142, 146, 149, 151, 164
 Лакшукый (Лакхыкькузуй), адыгейское сел. 4, 6—10, 13—15, 17, 24, 32, 111, 112, 205, 209
 Лашкута, балкарское сел. 37
 Лашхети, сванское сел. 37
 Леваши, даргинское сел. 95, 160, 198
 Лезгины 79, 80, 140, 142, 148, 151, 159
 Лезгистап 80, 140, 149
 Лейуш см. Ливашь
 Ленинаул (б. Муслимаул), кумыкское сел. 94
 Ленинград (б. Петербург), г. 47, 51, 84, 86, 114, 136, 164, 166, 179, 185, 192
 Лечинкай (Лачинкай), кабардинское сел. 40, 180, 182
 Ливашь (Лейуш), б. абазинское сел. 174
 Локът, абазинское сел. в Турции 61
 Лоо, русское сел. 175
 Лужмардирахалу, часть сел. Кумух 100
 Лултту-махла, часть сел. Багикла 123
 Лулттуши, часть сел. Кумух 100
 Лучек, рутульское сел. 144, 145
 Лъарахъ, часть сел. Хунзах 118
 Лыхны, абхазское сел. 86—88
 Лябсак, часть сел. Балхар 128

Магарамкент, лезгинское сел. 77, 154, 155

Магаро, пшавское сел. 114

Магас, средневековый г. 195

Магуэхъэбл, уроч. 170, 171

Маджалис, даргино-кумыкское сел. 200, 203

Маджары, городище 68, 117, 187, 191

Майкоп, г. 7, 45, 46, 57, 110, 163, 165, 181, 185, 188, 192, 199

Майкопский кург. 189

Майкопский округ 25

Макопсе (Макъопсы), р. 29

Макъехъал-махла, часть сел. Убра 105

Малка, кабардинское сел. 68

Малка, р. 62

Малоабазинское, абазинское сел. 66

Малое Псеушхо (Кюдзъахъыл), шапсугское сел. 27, 28, 30

Малодлагерный кордонный пост 8

Малый Зеленчук, р. 48—50, 66, 194

Малый Кавказский хр. 177

Мамай-Кале, руины крепости 175

Мамна-Кала, башня 194

Мамхет, адыгейское сел. 52

Манас, ст. 77

Марага, азербайджанское сел. 184

Марта, р. 8

Мартанская, ст-ца 56

Марух, р. 62

Махачкала (б. Порт-Петровск), г. 70, 76, 77, 84, 93, 127, 132, 139, 140, 147, 149, 160, 161, 163, 166, 186, 198—200, 202

Махошевы 53

Мегрелы 91

Мекка, г. 13, 26, 33, 96, 101, 181

Мелиховский, хут. 33

Метаги, татское сел. 190

Мехтулинское ханство 199

Мзымта, р. 92

Миарсо (Мигларсо), ботлихское сел. 119, 120

Мидия 60

Микоян-Шахар см. Карачаевск

Микрах, лезгинское сел. 154

Миндар, часть сел. Шиназ 142

Мискинджа, лезгинское сел. 70, 140, 151

Монголы 160

Москва, г. 136, 137, 179

Мосул, г. 197

Мохортова Поляна, шапсугское сел. 20, 21, 27

Муги, даргинское сел. 197

Муни, андийское сел. 118

Муслимаул, кумыкское сел. 94

Мцхета, г. 114, 178

Нальчик, г. 22, 35, 39, 40, 42, 43, 46, 50, 60, 67, 68, 160, 161, 164, 180, 181, 205, 206

Нар, осетинское сел. 206

Нартан (Къылышбийхъаблэ), кабардинское сел. 42

Натухайская, ст-ца 59

Натхуадж 54

Натырбий, б. адыгейское сел. 53

Натырбово, русское сел. 53

Наужинское ущ. 27

Нахичевань, г. 177

Нахки, даргинское сел. 198

Небуг, р. 167

Нева, р. 179

Невинномысск (б. ст-ца Невинномысская), г. 49, 62, 117

Негепс см. Нечепсухо

Негуш (Нэгъушъ), р. 29

Неджио (Нэгъыгу), шапсугское сел. 27—30

Нежигучей (Нэгъыгуклей), р. 29

Некляди-скакла, часть сел. Вихли 126

Нечепсухо (Нэгъепсыхъу, Нэгъепсыхъу, Нэгъепс), р. 167—170, 173

Нешотлешехаблэ, адыгейское сел. 52

Нижний Архыз, русское сел. 194

Нижний Баксан (Гурходжан), балкарское сел. 38

Нижний Дженгутай, кумыкское сел. 94, 160, 200

Нижний Джулат, городище 161, 165

Нижний Катрух, азербайджанское сел. 146

Нижний Чегем (Тёбен Чегем, Джожек Къабакъ), балкарское сел. 40, 42

Никопсия (Никопс), средневековый г. 167—171, 175

Нихалой, чеченское сел. 183

Ново-Афонский монастырь 168

Новогеоргиевское, осетинское сел. 44

Новокарачаевское (Джангэл), кара-чаевское сел. 44

Новолакский р-н 121, 127

Новомихайловское, русское сел. 167—170

Ново-Чуртах (б. Мирзаяурт), лаское сел. 127

Новые Гулли, даргинское сел. 202

Новый Афон (Ахали Афони), г. 88, 89, 169

Новый Юрт, чеченское сел. 183

Ногайцы 44, 65

Нузал, осетинское сел. 206

Нуха, г. 140

Обода, аварское сел. 118

Орджоникидзе, г. 35, 46, 181, 189, 191, 205

Орта-Стал, лезгинское сел. 203

Осетины 31, 35, 37, 44, 178

Осетия 44, 180, 205, 206

Осович (Сович), замок 173

Ошхъбын, возвышенность 180

- Павловский кордонный пост 5
 Пашковская, ст-ца 4—6, 15, 18, 32, 59, 61, 110, 149, 161
 Переяславская, ст-ца 59
 Персы 79
 Петербург см. Ленинград
 Петергоф, г. 70, 114
 Пеус, гора 27
 Пиниунда, г. 168, 206
 Пляево, ингушское сел. 181, 187
 Половцы 69
 Понежукай, адыгейское сел. 8, 110
 Порт-Петровск см. Махачкала
 Преображенское, русское сел. 110
 Прикумск (ныне Буденновск), г. 191
 Притеречье 183
 Приэльбрусье 69
 Протока, р. 59
 Прохладный, г. 160—161
 Псауче-Дахе, абазинно-черкесское сел. 50
 Псеббе, шапсугское сел. 30, 167
 Псевхрос, р. 167, 169
 Псезуапсе (Псышлу), р. 29
 Псыж (б. Дударуковское, Дударык-вакыт), абазинское сел. 47, 61, 63, 93, 193
 Псыхучей (Псыхъукей), уроч. и колхоз 32
 Пчегатлукай (Пчыхъэльыккуай), адыгейское сел. 32
 Пшавия 114
 Пшава, русское сел. 175
 Пшнзовский, адыгейское сел. 52
 Пшиш, р. 57
 Пырц, абхазское сел. 90
 Пэдысей, б. адыгейское сел. 51
 Пятигорск, г. 67, 180
 Пятигорье 69, 176
 Пичид-сакла, часть сел. Вихли 126

 Ратинил-махла, часть сел. Хуна 136
 Реком, святилище 199
 Рехуха, р. 178
 Рича, агульское сел. 160
 Ружель, татское сел. 190
 Русские 18, 30, 35, 44, 46, 50, 51, 63, 90, 94, 123, 144, 170, 177, 178
 Русь 160, 205
 Рутул, сел. 78—80, 140—143, 146, 151
 Рутудчай, р. 79
 Рутульцы 78, 79, 140—142, 148, 151
 Рухудьюг, уроч. 145
 Рязанская, ст-ца 33, 57

 Сабажо, руины укрепления 178
 Сабайцы 52
 Сабзиншым-и-кьодж, часть сел. Хатукай 52
 Садахло, г. 61

 Самарканд, г. 114
 Самилахъ (б. Исаилахъ), часть сел. Хунзах 117, 118
 Самур, р. 77—81, 141, 144, 145, 154
 Сапыры ком, уш. 206
 Саран, часть сел. Шиназ 142
 Сары-Тюз, карачаевское сел. 44
 Сванетия 37, 113, 131
 Сваны 41, 69, 113
 Севан, армянское сел. 177
 Севан, оз. 177
 Севанк, монастырь 177
 Северный Кавказ 46, 50, 61, 62, 77, 79, 83, 94, 101, 113, 145, 148, 157, 159, 160, 163, 168, 176, 179, 181, 184, 187, 189, 192, 194, 199, 203—206
 Северо-Осетинская автономная обл. (ныне АССР) 35
 Северская, ст-ца 56
 Седло, гора 118
 Семеновка, русское сел. 177
 Сергокала (б. Дашлагар), даргинское сел. 163, 203
 Сеухън, часть сел. Куркли 124
 Синды 60
 Синкакы, часть сел. Ботлих 119
 Сирия 59
 Снюх, исчезнувшее сел. 146
 Славянская (ныне г. Славянский), ст-ца 59
 Собай см. Субай 52
 Советское (б. Кашкатау), балкарское сел. 42, 43, 163
 Советское (б. Шатой), чеченское сел. 182
 Согратль, аварское сел. 203
 Соловьевский, хут. 51
 Сочи, г. 25, 46, 92, 174, 175
 Средиземное море 176, 194
 Средиземноморье 176, 194
 Средняя Азия 198
 Ставрополь (Чэткъалэ), г. 52, 57, 117
 Ставрополье 187, 191, 209
 Стамбул, г. 190
 Старая Лазика, н. п. 167
 Староладковская, ст-ца 204
 Старокувинское, абазинское сел. 64
 Старые Гулли, даргинское сел. 202
 Старый Юрт (б. ст-ца Горячеключевская), чеченское сел. 183
 Суахар см. Цудахар
 Субай (Собай) 52
 Суворовская, ст-ца 68
 Суджук-Кале, крепость 187
 Суки (Сухъянци), лакское сел. 201
 Сумбатль (Сунбатлул), лакское сел. 106, 107
 Сурамский хр. 113
 Сухуми, г. 59, 88, 89, 90, 92, 168, 176, 206
 Сухумская крепость 92

Табасаран 184, 185
 Табасаранский р-н 184
 Табасаранцы 202
 Табахлу, часть сел. Кумух 100, 105, 120, 164
 Таманский п-ов 167, 176
 Таматарха (Тмутаракань), средне-вековый г. 168, 169
 Тапанта (а-шва) 61, 64
 Тарки (Таргъу), кумыкское сел. 76, 77, 140, 196
 Тасута, аварское сел. 119
 Татарка, русское сел. 117
 Татары 55, 69
 Татартуп *см.* Верхний Джулат
 Татские земли 206
 Тахал *см.* Карабудахкент
 Тахтамукай (ныне Октябрьский), адыгейское сел. 9, 16, 58
 Ташкент, г. 114, 136
 Ташкопур (Цхунреге), даргинское сел. 95
 Тбилиси (б. Тифлис), г. 61, 90, 101, 113, 116, 138, 139, 163, 168, 173, 177—179, 193, 199
 Теберда, р. 62, 194
 Тегейлиде *см.* Георгиево-Осетинское
 Темиргоевцы *см.* Чегтун
 Темир-Хан-Шура *см.* Буйнакск
 Темнолесское, русское сел. 117
 Темяук, г. 62, 187
 Терек, р. 35, 41, 165
 Терская обл. 67
 Тирамба, н. п. 187
 Тифлис *см.* Тбилиси
 Тиховский, хут. 59
 Тлосрода, аварское сел. 139
 Тлох, аварское сел. 118
 Тлюстенхабль (Дворянский аул), адыгейское сел. 4—8, 10, 32, 111, 205
 Тотур, балкарское сел. 38
 Тохчар (Тюхчар), лакское сел. 106
 Трусовское ущ. 199
 Ттаркьри, часть сел. Куркли 124
 Туапсе, г. 30, 31, 166
 Тубы, уроч. 94
 Тугургой (Тыгьургьой), адыгейское сел. 32
 Турецкая империя *см.* Турция
 Туркмены 69
 Турция 5, 33, 52, 53, 59, 61
 Турчидаг, гора 104, 123, 124, 129
 Тхэзартыкьуз, часть сел. Бесленей 48
 Тюмень, средневековый г. 204
 Убра, лакское сел. 105, 106, 132
 Убыхи 24, 46, 48
 Угры (мадьяры) 69, 191
 Узунэль, г. 61
 Укрук, р. 169
 Уллубийаул (б. Буйнак), кумыкское сел. 198, 199

Уллучара, лакское сел. 127, 198, 201
 Уляп, адыгейское сел. 188
 Унарукохабль, адыгейское сел. 52
 Урагъи, часть сел. Кули 108
 Ураковская, ст. 63, 65
 Уркарах (Уркухъ), даргинское сел. 200, 202
 Урмаз, аварское сел. 95, 96, 128
 Урупское (Шъхъшъэфъжъ), адыгейское сел. 52
 Уршеки, городище 199
 Усниша, даргинское сел. 196, 197
 Усть-Джегутинская, ст-ца 191
 Усть-Лабинская (Лабп, ныне г. Усть-Лабинск), ст-ца 51, 52
 Усукчай, лезгинское сел. 140, 153—155
 Ухци, часть сел. Кума 123, 128
 Учкулан, карачаевское сел. 194

Финляндия 64

Фиягдон, осетинское сел. 206
 Фонтан, армянское сел. 177

Хабез, черкесское сел. 48, 50
 Хаджимукохабль, адыгейское сел. 52
 Хазарский эмират 190
 Хазиндон, осетинское сел. 189
 Хазры, крепость 77
 Хакуринохабль *см.* Шовгеновск
 Хакучи 171
 Халимбакаул, кумыкское сел. 94
 Хамышевцы (хамышевы, хъэмышый) 125
 Ханажи, часть сел. Кумух 122
 Ханажи, часть сел. Хури 122
 Халачей (Хъэпжъей), часть сел. Хатажукай 52
 Харахи, аварское сел. 118
 Харица, исчезнувшее сел. 145
 Хасавюрт, г. 127, 131, 187
 Хатажукай, адыгейское сел. 52, 188
 Хатукаевцы 51—54, 59, 57
 Хатукай (Хъэтыкьой), адыгейское сел. 51, 57
 Хатухабль (Хъатыухъэбл), часть сел. Лакшукай 9
 Хачемзий, адыгейское сел. 52
 Хачил-саскла, часть сел. Вихли 126
 Хачмас, г. 135
 Хашури, г. 113
 Хевсуретия 113, 114, 116
 Хевсуры 116
 Хегачи (хэгъэкъ) 54
 Хивский р-н 155
 Хилипенджик, табасаранское сел. 186
 Хнов, рутульское сел. 140, 141
 Ходжалмахи, даргинское сел. 95, 117, 128, 160
 Ходзь, адыгейское сел. 52, 189
 Хойхи, лакское сел. 126
 Хорасан 186
 Хороши (Караши), лакское сел. 100

- Хосрек (Хъусраци), лакское сел. 106, 126
 Хоста (Costo, Custo), г. 174, 175
 Хошепс, р. 167
 Хрюг, лезгинское сел. 78, 79, 142, 151—153
 Хуарзе (Хъорзэ), р. 54, 55
 Хукал, лакское сел. 129
 Хуламское устье 162, 163
 Хулима (Ххюлуссун), лакское сел. 137
 Хумара (Хъумара), карачаевское сел. 44
 Хумаринское укрепление 44
 Хуна (Хъунна), лакское сел. 136
 Хунзах, аварское сел. 117, 118, 128, 129, 186, 190
 Хунзахский р-н 118
 Хурзук, карачаевское сел. 194
 Хури, лакское сел. 122, 164
 Хурукра, лакское сел. 164
 Хучни, табасаранское сел. 184, 185
 Ххалах, часть сел. Кума 123
 Ххалах-къала, крепость в сел. Кума 124
 Ххяллул-махла, часть сел. Хуна 136
 Хъабылвара, пещ. 66
 Хъунчи, башня 108
 Хыжый, оз. 27
 Хыхлвара, пещ. 66
 Хленэ, гора 96, 98, 99
 Хюрихъ, часть сел. Хунзах 118

 Цебельда, армяно-русское сел. 206
 Цейский перевал 205
 Цейхрар (Цейхрар), дефиле 77
 Цевковная поляна 194
 Цовагох, армянское сел. 177
 Цовкра, лакское сел. 131
 Цудахар (Суахар), даргинское сел. 95, 96, 98—100, 104, 105, 120, 124, 128, 131, 163
 Цудахарское ущ. 97, 98, 100, 129
 Цуликана, лакское сел. 129
 Цунта 151
 Цхинвали, г. 178
 Цийша, лакское сел. 126
 Цыпка (Цэпсы) см. Шапсуг I
 Цинцла-Баклу, б. укрепление 123
 Цувади, часть сел. Кумух 100
 Цуча-Ия, исчезнувшее сел. 108
 Цюгъал, часть сел. Кули 108

 Чайлы, азербайджанское сел. 177
 Чамыклар, часть сел. Лучек 144
 Чанты-Аргунское ущ. 183
 Чародинский р-н 137
 Чакхач, лезгинское сел. 154
 Чегем, р. 40
 Чегем I, кабардинское сел. 68
 Чегем II, кабардинское сел. 68, 180
 Чегемское ущ. 39, 41, 113

 Чегемцы 41, 42
 Чемгун (темиргоевцы, Клемгуй) 52, 54—56
 Червленная, ст-ца 160
 Черebuи, грузинское сел. 178
 Черекмайдан, уроч. 102
 Черекский р-н 43
 Черкесия (Черкесская автономная обл.) 19, 31, 43, 47, 48, 50, 67, 84, 194
 Черкесск (б. Баталпашинск), г. 43, 44, 61, 64, 65, 67, 92
 Черкесы 5, 44, 127, 175
 Черкешина, часть ст-цы Переяславской 59
 Черноморская Шапсугия 21, 23, 31, 58, 170
 Черноморское побережье 12, 27, 31, 91, 166, 168, 172—174, 176
 Чертов Мост (Зэхэлъэшъ), русское сел. 22
 Черченеевцы (чачанейцы, чэчэнай) 24
 Четур, исчезнувшее сел. 144
 Чечен-Аул, чеченское сел. 183
 Чечено-Ингушетия 185, 192
 Чеченцы 120, 182
 Чечня 102, 181, 183, 184, 195
 Чялов, сел. в Абхазии 23
 Чирики, грузинское сел. 114
 Чох, аварское сел. 203
 Чуадаб, аварское сел. 139
 Чуни, аварское сел. 128
 Чураши, часть сел. Кумух 100
 Чурпи, агульское сел. 105
 Чуртах (Чуртташи), лакское сел. 137
 Чутаб, аварское сел. 139
 Чутра-Ия, исчезнувшее сел. 108
 Чухер, исчезнувшее сел. 80
 Читгул-Маши, исчезнувшее сел. 108
 Чэткъалэ см. Ставрополь
 ЧанкIри, часть сел. Куркли 124
 Чинлайми, часть сел. Кумух 100, 102, 104

 Шабанохабль, адыгейское сел. 8, 112, 205
 Шавкра, лакское сел. 104—106
 Шадни (Шадун), лакское сел. 201
 Шалбуздаг, гора 150
 Шалиб (Шал), лакское сел. 137—139
 Шали, чеченское сел. 183
 Шалушка, кабардинское сел. 68
 Шапсуг I (Цыпка, Цэпсы), шапсугское сел. 27
 Шапсуги 20, 22, 23, 28, 30, 31, 56, 58, 170, 171
 Шапсугия 19, 24, 26—28, 32, 46, 58
 Шапсугский национальный р-н 20, 46
 Шара (Шавр), лакское сел. 106
 Шахе, р. 170
 Шашбоват, балкарское сел. 37
 Шеки, балкарское сел. 43

Шиназ, рутульское сел. 142—144
 Ширван 134
 Шовгенбаш, балкарское сел. 40
 Шовгеновск (б. Хакуринохабль), адыгейское сел. 52, 166, 188, 194
 Шототла, часть сел. Хунзах 117
 Шукты, даргинское сел. 197
 Шудальутла, часть сел. Хунзах 117

Элар, армянское сел. 177
 Элиста, г. 193
 Эльбрус, гора 117
 Эльбурган, абазинское сел. 66, 67
 Эльджурту, балкарское сел. 38
 Эль-Кунейтра, г. 59
 Эльхотово, осетинское сел. 70, 181, 189
 Эндирэй (Андрейаул), кумыкское сел. 187, 189, 195
 Эркен-Шахар, ногайское сел. 63
 Эркен-Юрт, ногайское сел. 63—65
 Эчмиадзин, монастырь 206

Юго-Восточная Европа 84
 Юго-Осетия 178
 Юхари-Стал, лезгинское сел. 203

Якрах, азербайджанское сел. 185
 Ялтту-махла, часть сел. Багикла 123
 Янгикент, кумыкское сел. 202
 Ярыксу, р. 127
 Юашхъэныкъуэ, кург. 49

Alba Zichia, средневековый н. п. 175
 Chuba (Chiba, Guba, Guba-zechia), средневековый н. п. 175
 Costo (Custo) см. Хоста
 Layazo (Aiaco, Ayaso, Ayaza), средневековый н. п. 174
 Mauro Zichia, средневековый н. п. 175
 Uogasia (Auochaxia, Auogassia, Augazio), средневековый н. п. 174
 Zaquia (Cequa), средневековый н. п. 175

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ген. — генерал
 губ. — губерния

др.-греч. — древнегреческий
 др.-тюрк. — древнетюркский

Аарон, библейский персонаж 86
 Абакаровы, фамилия в сел. Кума 123
 Абат К-р-диграй (XVIII), имя на шлеме 162
 Абдубугдановы, фамилия в сел. Кумух 104
 Абу Муслим (ок. 726—755), арабский полководец и политический деятель 79, 108
 Абу Муслим (ум. 1860), шамхал 118, 137, 190
 Абадз (Абэдз), герой адыгейского фольклора 55
 Авраам, библейский персонаж 188
 Аврамов (2-я пол. XIX—1-я пол. XX), музыковед 67
 Агалар-хан (ум. 1858), управляющий Казикумухским ханством 101—106, 110, 126, 129, 136
 Агаснев К.-М. (1882—1919), революционер 156
 Адам, легендарный предок адамиевских тлякотлешей 54
 Аднук (Аднху), герония кабардино-черкесского фольклора 48—50
 Аждагъа, сказочное существо 82
 Азаматова М. З. (ум. 1981), этнограф 110
 Айуб (ум. 1718), шейх в сел. Юхари-Стал 203
 Акниев Ш.-М., композитор 121, 132
 Акритас П. Г. (1886—1968), археолог и этнограф 164
 Акуевы, фамилия в сел. Шалиб 137, 138

Акуш, герой даргинского фольклора 126, 197
 Александр I (1777—1825), российский император 199
 Али, легендарный предок Муркилинских 127
 Али (ок. 600—664), халиф 71
 Али сын Хаджжи Бакинського (XVIII), ювелир 162
 Алиджук (Алыджыкъу; XVIII), хатукаевский князь 54, 56
 Алиев Минкал, драматург 105
 Алиев У. Б., лингвист 67
 Али-Курман-оглы (XX), продавец шлема 162
 Алкадарский Х. (1834—1910), историк, поэт и журналист 203
 Ал-Маидала (ум. 923/24), гази в сел. Кумух 102
 Анучин Д. Н. (1843—1923), этнограф 98
 Анфимов Н. В., археолог 59
 Анчабадзе З. В., историк 164, 168
 Анчок, житель сел. Ассосолай 165
 Анчок Ильяс (ум. 1924), абрек 7, 16, 112, 166
 Аргутинский-Долгоруков (Аргъут) М. З. (1798—1855), князь, ген. 105
 Арриан Флавий (95—180), греч. историк и географ 167
 Аслан (ум. 1836), хан Казикумухский и Кюринский 105
 Атаев Д. М. (1926—1970), археолог 186
 Атаев М. Г., герой гражданской войны 186

- Атажукин, кабардинский князь 68
 Ауглев П. У., археолог 189
 Ахмад (ум. 1450), шейх, выходец из Йемена 102
 Ахмад (до XIX), шейх в сел. Хунзах 118
 Ахмад-хан сын Али (ум. 1804/05), сел. Маджалис 202
 Ахын (Ахым), адыго-убыхское божество 37, 188
 Ачба (Анчабадзе), абхазский князь 86
 Аш-л-ра-ха (не позже XIV), строитель крепости в сел. Ахты 80
- Багарсуковы (Багъэрысхъэхэр), махешевские князья 53
 Багратион П. И. (1765—1812), полководец, герой войны 1812 204
 Баджэ, адыгейское имя 31
 Бадр, казикумукский шамхал 202
 Балатоков Тумэныш (XVIII), чамгуйский князь 54, 56
 Балатоковы (Балатукхъэхэр), чамгуйские князья 52
 Балкароковы (Малкъарукълары), балкарские таубин 37, 40, 41
 Бартольд В. В. (1869—1930), востоковед 206
 Барысбевы (Барысбийлары), балкарские таубин 40, 41
 Барятинский А. И. (1814—1879), князь, ген.-фельдмаршал 163
 Басария С. П. (1884—1941), краевед 59, 168
 Батал-паша (XVIII), турецкий военачальник 63
 Бгане (Бгъанэ), житель сел. Божьи Воды 29
 Бекович-Черкасский А. (ум. 1717), князь 180
 Бек-Султан сын Худайнада (ум. 1405/06), в Ингушетии 187
 Белл Дж. С. (ум. 1842), английский купец 173
 Берзек Алим-Гирей Бабук (XIX), убыхский дворянин 57
 Берзек Керендук (XIX), вождь убыхов 57, 59
 Берзеки, убыхские дворяне 57
 Бестужев-Марлинский А. А. (1797—1837), писатель-декабрист 181
 Бибэрд, легендарный предок князей Хатуковых 53, 54
 Блушый, адыгейское имя 31
 Богараз-Тан В. Г. (1865—1936), этнограф 19
 Богупсовы, бесленевские тлякотлешн 48
 Бондаренко М. А., учительница 43
 Брун Ф. К. (1805—1880), историк 168, 169, 173—175
- Бу'дай (ум. 1687/88), шамхал 149
 Булач-нуцал (до XVIII), аварский хан 161
 Бураганов М., житель сел. Ботлих 119
 Бургиевы, фамилия в сел. Шалиб 137, 138
 Бутков П. Г. (1775—1857), историк 169, 191
 Быстров Д. С., фотограф 149, 151
- Валуйский В. М., краевед 171
 Вацилла, божество у осетин 123
 Ваче (V), правитель Кавказской Албании 106
 Вередибин С. И., краевед 43
 Верещагин А. В. (XIX), исследователь Черноморского побережья 173, 175
 Веселовский Н. И. (1848—1918), археолог 188
 Волкова Н. Г., этнограф 113, 191
- Габиев С. И. (1883—1963), этнограф, поэт, революционер 113, 114, 163, 164
 Гаджиев, житель сел. Кумух 164
 Гаджиев, старшина в сел. Шиназ 144
 Гаджиев А. Г., директор музея в г. Дербенте 202
 Гаджиев Н. М., учитель в сел. Согратль 204
 Гази-Мухаммед (Казим-Мулла; 1795—1832), первый имам Дагестана 140
 Гарданов В. К., историк, этнограф 164
 Гафуров А. (1883—1975), поэт 139
 Гейман (XVIII), ген. 63
 Гейман В. А. (1828—1878), ген. 173
 Генко А. Н. (1896—1941), лингвист 19, 24, 46
 Гирей, адыгейские феодалы, потомки крымских ханов 7
 Гирей (XVII), отец Сурхай-хана I Казикумукского 134
 Гмелли С. Г. (1734—1774), естествоиспытатель и этнограф 190
 Горгипп (V—IV до н. э.), сын боспорского царя Сатира I 60
 Городилов В. А. (1860—1945), археолог 191
 Гудович И. В. (1741—1820), ген.-фельдмаршал 185
 Гукемух А. М., лингвист 65
 Гумэ Ю., учитель в сел. Хатажукай 188
 Гунба М. М., археолог 90
 Гурджиевы, фамилия в сел. Шалиб 137, 138
 Гутеюк (Гутэйкъу), персонаж адыгейского фольклора 54
 Гучекул Х., житель сел. Бесленей 48
 Гъалдыш М., житель сел. Усиша 196

Давид, герой лакского фольклора 129
 Дамадан-эфенди (ум. 1708), лекарь 134, 135
 Даниялов А. Д. (ум. 1981), секретарь Дагестанского обкома КПСС 93
 Д'Асколи Э. Д. (кон. XVI—XVII), монах, путешественник 174
 Дахадаев М. (1882—1918), революционер 114
 Дебиров П. М., искусствовед 200
 Дебировы, фамилия в сел. Шалиб 137
 Лебраковы (Дэбыракъхэр), хатукаевские тлякотлеша 51
 Дегужиоковы (Дэгужъикъохэр), чегуйские тлякотлеша 52, 54
 Джани-бек (ум. 1357), хан Золотой Орды 162
 Джарым Даугумэ, шапсуг 23
 Джарым, фамилия в сел. Красноалександровское II 24, 25
 Дзыбов, житель сел. Кувинского 63
 Дийар (не позже XIV), феодал в сел. Ахты 151
 Дитлер П. А., археолог 182, 189
 Долчэрий, житель сел. Глюстенхабль 5
 Дорн Б. А. (1805—1881), востоковед 202
 Дохшуковы (Дэхъшыкъхуэ), бесленевские тлякотлеша 48
 Дударуковы, абазинские князья 47
 Дышэныкъу, адыгейское имя 31
 Дэгужый, предок Дегужиоковых 54
 Дюбуа де Монперэ Ф. (1798—1850), путешественник 168, 169, 173, 175
 Егумов Х. (Егъумэ Хъэсан), адыгеец 32
 Екатерина II (1729—1796), российская императрица 181
 Екгаш (Екгаш), шапсуг 28
 Епифаний (кон. VIII—нач. IX), епископ 168, 169
 Ермоленко М. И., археолог 35, 36
 Ермолов Л. П. (1772—1861), ген. 140
 Ерусбийлары см. Урусбиевы
 Зан Сефербий (XIX), нутухайский князь 60
 Зановы (Занхэр), нутухайские князья 54
 Заноко Карабатыр (XIX), нутухайский князь 57
 Заурумов М., житель Черкесии 67
 Зелимхан (ум. 1913), абрек 35, 183
 Зингер, глава фирмы швейных машин 131
 Золотаревский Н. (XIX), черноморский казак 182
 Зураманиевы, фамилия в сел. Шалиб 138
 Ибрахим (ум. 1541/42), шейх в сел. Орта-Стал 203

Иваненков Н. С. (кон. XIX—нач. XX), землемер, экономист 67
 Игнатьев В., студент 140
 Имран сын Ахмада (ок. XVIII), поэт 198
 Инал-Ила Ш. Д., этнограф 168
 Индар, легендарный предок Занов 53, 54
 Исаак, библейский персонаж 188
 Исаков М. И., археолог 184
 Казаноко Джабаги (ум. 1749/50), кабардинский народный мудрец 163
 Казбеги А. (1848—1893), писатель 199
 Казиевы, фамилия в сел. Кумух 104
 Калкучи, легендарный гончар в сел. Балхар 129
 Калмык (Къалмукъ), легендарный предок Падисовых 54
 Калмыков И. Х., этнограф 149
 Калоев Б. А., этнограф 156, 160
 Каноковы (Къаныкъуэ), бесленевские князья 48
 Кара-Караев, герой гражданской войны 163
 Кардашев М., каменщик из сел. Убра 105, 132
 Качалов, участник гражданской войны 186
 Качашахуновы, фамилия в сел. Кумух 104
 Келеметовы (Келеметлары), балкарские таубин 41
 Келешбей см. Шервашидзе Келешбей
 Кенов К., кабардинец 180
 Кешоков А., писатель 36
 Кильчевская Э. В., искусствовед 195
 Когороковы (Къуэгъуэрыкъуэ), бесленевские тлякотлеша 48
 Кодеш, адыгейское божество 28
 Константин VII Багрянородный (905—959), византийский император 168, 169
 Кончуков Пэнэжъыкъу (до XIX), бжедугский князь 110
 Кончуковы, бжедугские князья 110
 Косвен М. О. (1885—1967), этнограф 67, 113
 Костанов Д. Г., писатель 165
 Краснов А. П., краевед 92
 К-р-дгирей-бек (кон. XVIII), имя на шлеме 162
 Крачковская В. А. (1884—1974), арабист-эпиграфист 180
 Крачковский И. Ю. (1883—1951), арабист 102
 Крупнов Е. И. (1904—1970), археолог 192
 Кудейнетовы (Къундетхэр), кабардинские дворяне 180, 187
 Кудрявцев А. А., археолог 206
 Кузнецов В. А., археолог 191, 204

- Кузнецов Н. И. (1864—1932), ботаник 144
- Кумахов М. А., лингвист 192
- Кунчук, герой адыгейского фольклора 4
- Кургокин Бамат (ум. после 1761), кабардинский князь 50
- Курджинани, сванка 113
- Кучуковы (Кючюклер), балкарские тауби 41, 69
- Къанокъо Бэкмырзэ, бесленевский князь 52
- Къарахъи, фамилия в сел. Кули 108
- Къарча, легендарный прародитель карачаевцев 39
- Лакшюковы (Лакхъышкьохэр), бжедугские дворяне 6, 9**
- Ламаш, казак ст-цы Пашковской 61
- Лакхъышкьо Альхас, прораб 24, 25
- Лоовы, абазинские князья 86
- Лопатинский Л. Г. (1842—1922), лингвист 113
- Лукин А. Л. (1882—1959), археолог-любитель 86
- Лъэпшъхъак1, адыгейское имя 31
- Магомедов З. (ум. 1941), студент 151, 153
- Магомедов М. Г., археолог 70, 198
- Магуэ Мустафа, герой шапсугского фольклора 170, 171
- Маева Т. Б., музейный работник 187
- Малачил Иса, герой лакского фольклора 102
- Манатилов П.-М., житель сел. Ахты 79, 81
- Маргушоковы (Мэргъушкьохэр), махашевские тлякотлеши 53
- Марковил В. И., археолог 176
- Марр Н. Я. (1864—1934), лингвист 179
- Масуди (ум. 956), арабский географ 195
- Махарам, легендарный основатель сел. Магарамкент 154
- Махди сын Муртаз-Али (до 1729—1783), шамхал 120, 196, 199
- Мадиев А. Г., лингвист 35
- Медведева О. П., музейный работник 165
- Мерибахер И. Г. (кон. XIX—XX), альпинист 41
- Мерэмькьу, адыгейское имя 31
- Месил, герой даргинского фольклора 197
- Миллер А. А. (1875—1935), археолог 170, 174
- Минорский В. Ф. (1877—1966), востоковед 165
- Митридат Епатор (121—63 до н. э.), понтийский и боспорский царь 60
- Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, наместник Кавказа 57
- Мовчан Г. Я., историк архитектуры 164
- Моисей, библейский персонаж 86
- Молла-Мухаммед, житель сел. Кюряг 185
- Мукаил, житель сел. Гияр 156
- Мурзабеков А. К., фольклорист 65
- Муркилинские, фамилия в сел. Кумух 127
- Муркилинский Г. Б., лингвист 127
- Муртаз-Али сын Сурхай-хана I (ум. 1741), герой войны с иранцами 104, 124, 129
- Мухаммед-Амин (XIX), наиб Шамиля 60, 61, 171
- Мухаммад (ум. 1789), хан Казикумухский 101
- Мухаммад Ярагский (ум. до 1839), шейх 204
- Наврозов И. А. (1884—1943), основатель Адыгейского музея 57—59**
- Надир-шах (Шах-Надир; 1688—1747), правитель Ирана 80, 98, 104, 110, 123, 124, 129, 156
- Наджиев Дж., житель сел. Хатукай 51
- Написат, внучка Шамиля 114
- Наср эд-Дин, фольклорный герой 82, 33, 137
- Натхо, житель сел. Псыж 193
- Нагырбовы (Нагырбыхэр), махашевские тлякотлеши 53
- Нестеров М. В. (1862—1942), художник 85
- Нечаева Л. Г., археолог 194
- Нечитайло А. Л., археолог 191
- Нипа М. А. (XX), лингвист 65
- Ногмов Ш. Б. (ок. 1796—1844), историк, лингвист 50, 161, 206
- Нордман А. Д. (1803—1866), естествоиспытатель 174
- Нэгъой, адыгейское имя 31
- Нэмыт1, адыгейское имя 31
- Одбан, адыгейское имя 31**
- Одоевский А. И. (1802—1839), писатель-декабрист 60
- Озба У. К., житель сел. Апсоа 64
- Омар (ок. 592—644), халиф 53
- Омаров А., председатель Лакского РИК 123
- Орбай (XVI?), шамхал 149
- Охтов А. Н., писатель 48, 93
- Ошаев Х. Д., писатель 182, 192
- Ошаева Айшат, сестра А. Д. Шерипова 182
- Ошаевы, чеченская фамилия 192, 193
- Падисовы (Пэдысхэр), хатукаевские тлякотлеши 51, 54**

Пачулиа В. П., краевед 88
 Перепелицын П. К., музейный работник 45
 Петр I (1672—1725), русский царь, с 1721 — император 51
 Покровский М. В. (1897—1959), историк и археолог 59
 Помяловский И. В. (1845—1916), филолог-эллинист 89
 Потемкин П. С. (1743—1796), кавказский ген.-губ. 181
 Пушкин, абазинское имя 193
 Пятницкий М. Е. (1864—1927), музыкант 121
 Рачикаовы (Рачыкъавлары), балкарские феодалы 68
 Ридада, герой адыгейской сказки 166
 Рубо Ф. А. (1856—1926), художник 70
 Сабашевы (Сабзипшхэр), хатукаевские тлякотлещи 52
 Савромат (I—III), имя боспорских царей 60
 Саидов М.-С., лингвист 139
 Саидов Х. С. (1891—1919), писатель, революционер 100, 104
 Сакиев М. М., лингвист 65
 Саламов А.-Х. (1899—1978), историк 182
 Сатенай (Сатэнэй), героиня нартовского эпоса 33, 34, 57, 66
 Саусрук (Саусрыкъу), нарт 33, 34, 57, 66
 Семенов Л. П. (1886—1959), археолог и литературовед 181
 Сенько-Поповский Л. А. (кон. XIX—XX), вице-губернатор Черноморской губ. 173—175
 Сердюченко Г. П., лингвист 65, 67
 Симон Канонит, апостол 89, 168
 Симхов К., житель сел. Псыж 61—63
 Скитский Б. В. (1884—1959), историк 180
 Смирнов Н. А., историк 192
 Смирнова Л. И., этнограф 195
 Солтан В. (XIX), офицер 173
 Сородий (VI), аланский феодал 195
 Спицын А. А. (1858—1931), археолог 170
 Струкум С. В. (XX), житель ст-цы Пашковской 111
 Струве В. В. (1889—1963), египтолог 61
 Султан ...Гирей сын Султан-С...арт-Гирея (до XIX), имя на шлеме 162
 Султан Клыч-Гирей (Хъаныкъу; кон. XIX—XX), ген.-лейт. 16
 Сумбат (VIII), вождь восстания в Нишапуре 106
 Сурхай I Чолак (ум. 1748), хан Казикумухский 101, 120, 129, 134, 149, 159

Сурхай II (1744—1827), хан Казикумухский 124, 157
 Сурхай (XVI—XVII), имя нескольких шамхалов 135, 146, 157, 204
 Табулов (Тобыль) Т. З. (1879—1956), писатель 66, 67
 Тахмезовы (Тахмезер), фамилия в сел. Рутул 142
 Ташму Лыу, житель сел. Лакшукай 6
 Тейри, балкаро-карачаевское божество 41
 Темрачев У., житель сел. Ботлих 119
 Темрюк Идарович (ум. ок. 1576), кабардинский князь 206
 Тенгри, др.-тюрк. божество 41
 Теппеев (Теппе), балкарец 68
 Теппеева Н., балкарка 68
 Тепцов В. Я. (2-я пол. XIX), учитель, путешественник 41
 Теутчевы (Тэутэххэр), хатукаевские тлякотлещи 52
 Телпий Битлостан (Ллэлпый Билъостан), хатукаевец 51, 53, 57
 Тлепцоков Амирзан (ум. 1933), житель сел. Лакшукай 9, 10, 14, 15, 17, 18
 Тлепцоков Исмагил, житель сел. Лакшукай 9
 Тлепцоков Ямос, житель сел. Лакшукай 9
 Тлечечуковы (Ллэчлэчукохэр), чегуйские тлякотлещи 52, 55
 Тлиф Техач (Ллэф ТэхъакI), житель сел. Божьи Воды 30
 Трапш М. М. (1917—1968), археолог 90
 Тудуевы (Тудилары), балкарская фамилия 68
 Турчанинов Г. Ф., лингвист 192
 Тушולי, нигушское божество 182
 Тхагушев А., житель сел. Карповского 30
 Тхагушев Н. А., агроном, проф. 26, 30
 Тхазартуков Джембот, бесленеевский тлякотлещ 48
 Тэбзыу, адыгейское имя 31
 Тэкоц, адыгейское имя 31
 ТэхъакI, адыгейское имя 31
 Уварова П. С. (1840—1924), археолог 168, 173
 Узун-Хаджи (ум. 1920), глава контрреволюции в Чечне и Дагестане 163, 182, 183
 Урусбиев Исмаил (нач. XVIII), балкарский феодал 39, 163
 Урусбиевы (Ерусбийлары), балкарские феодалы 37
 Уручул, легендарный основатель сел. Удлучара 127
 Фараджев С. Б., этнограф 199
 Фатимат, внучка Шамия 114

Фач, дочь Али-Султана (ум. 1911/12),
сел. Нижний Джентугтай 199
Федор, христианский святой 38
Федоров Я. А., археолог 94
Филимонов А. П. (XX), наказной ата-
ман Кубанского казачьего войска 16

Хаджи-Абакаров, кумык 162
Хаджи-Айшат (XVIII), мать казику-
мукского хана Мухаммада 101
Хаджи-Али (до XIX), гидатлинский
шамхал 161
Хаджи-Батук (ум. 1773/74), кабардин-
ский князь 180
Хаджимуков Баты-Чирий (Хьаджи-
мыкъо Баты-Чирий; ум. 1796), бже-
дугский князь 56
Хаджи-Мурад (ум. 1852), наиб Шамиля
70
Хаджи-Муратов М. Б. (ум. 1979),
журналист 196
Хаджи-Муртаз-Али (ум. 1877), участ-
ник восстания в Дагестане 204
Хаджи-Мухаммад сын Хаджи-Абдур-
рахмана (ум. 1878), четвертый имам
Дагестана 204
Хаджи-Тимрук (ум. 1780), кабардин-
ский князь 50
Хазарчи Шиназский, рутульский поэт
144
Хайдаков С. М., лингвист 135
Халиллулла I (1417—1462), ширваншах
80, 151
Хамзат-бек (1789—1834), второй имам
Дагестана 118
Хамыш (Хьемыш), легендарный пра-
родитель хамышеевских князей 54,
56
Хэнафи (до XIX), шейх 190
Хан-Гирей (1808—1842), писатель и
этнограф 6
Хан-Магомедов С. О., историк архитек-
туры 110, 184
Хануко (Хьаныкъу) см. Султан Клыч-
Гирей
Ханыков Н. В. (1819—1878), востоко-
вед 80
Халпалаев Ю., писатель 139
Харту Намыт (Хьэрту НэмытI), житель
сел. Красноалександровское II 24
Хасав, легендарный основатель г. Ха-
савюрта 187
Хас-Булат (до 1719—1757/58), шамхал
196
Хатук (Хьэтикъу), легендарный предок
хатукаевцев 53
Хатуков Деан-Чирый (кон. XVIII—нач.
XIX), хатукаевский князь 56, 57
Хатуков Хапач (ХьэпэкI; XVIII), хату-
каевский князь 56
Хатуковы (Хьэтикъохэр), хатукаевские
князья 52, 58

Хатукокошхо (Хьэтикъокошхо), леген-
дарный предок Хатуковых 53
Хашаев Х.-М. (1909—1971), историк
164
Хашба А. К. (1900—1937), лингвист
23, 24, 26, 29, 30
Хетагуров К. Л. (1859—1906), поэт
35, 178, 180
Хешхо Хаджибий (Хэщхо Хьаджибий),
житель сел. Красноалександров-
ское I 26
Хизроев М.-М. (1882—1922), рево-
люционер 186
Хоретлев А. О., историк 182
Хосров, персидское имя 106
Хосрой Ануширван (Адыл Нушерыван;
531—579), сасанидский царь 80
Хуранов Ч. К., житель сел. Старокувин-
ского 64
Хус...т З...кух-заде (1513/14), имя на
шлеме 162
Хьакъэр, адыгейское имя 31
Хьэзэш, адыгейское имя 31
Хьаныкъу, адыгейское имя 16, 31
Хьутэкъу, адыгейское имя 31
Цагов Н. А. (1885—1936), лингвист,
педагог 36
Цаххаев Абдулла, житель сел. Хуна
136, 137
Цей, житель сел. Хатажукай 51
Цеков П. К., журналист и писатель
65, 67
Цековы (Цекъваа), абазинская фами-
лия 66
Цэй, адыгейское имя 31
Чачан (Чэчэн), легендарный предок
черченеевских князей 54
Чачба (Шервашидзе), абхазские
князья 87
Чембер (ум. 1877), начальник русского
гарнизона 104
ЧемыкI, герой рутульского фольклора
144
Чеченовы, абазинская фамилия 193
Чикобава А. С., лингвист 166
Чингисхан (ок.1155—1227), монголь-
ский полководец 7, 84
Чурсин Г. Ф. (1874—1930), этнограф 19
Чэрэн, житель сел. Красноалександров-
ское I 26
Шакирбай Г. З. (ум. 1977), лингвист 91
Шалапов А.-М., житель сел. Ботлих 119
Шаманов И. М., этнограф 193
Шамиль (1798—1871), третий имам
Чечни и Дагестана 60, 61, 70, 80,
106, 123, 136, 163, 171, 183, 196, 204
Шарвели, герой лезгинского фольклора
79
Шауджен Джамболет, житель сел. Лак-
шукай 111, 112

- Шахин-Гирай сын Ахмад-Гирай-султана (XVIII), крымский хан 162
 Шах-Надир см. Надир-шах
 Шахшаев Омар, житель сел. Кумух 134, 135
 Шейх Мансур (ок. 1765—1794), вождь восставших горцев 60
 Шейховы, фамилия в сел. Шалиб 138
 Шервашидзе Келешбей (ум. 1808), владетель Абхазии 92
 Шервашидзе Сефербей (ум. 1821), владетель Абхазии 89
 Шеретлуков (XIX), адыгейский феодал 56
 Шерипов А. Д. (1897—1919), герой гражданской войны 35, 182
 Шерипов З. Д., музейный работник 35
 Шибатенук (Шэбатыныкьу), нарт 33, 34, 57, 66
 Шикова Т. Т., этнограф 149
 Шяллинг Е. М. (1892—1959), этнограф 195
 Шихсандов А. Р., историк-арабист 200, 203, 204
 Шурухов М., кабардинец 162
 Шхалахов У. Х., житель сел. Ново-михайловского 167
 Щурпаев Хаджи, житель сел. Кумух 134
 Эвлия Челеби (1611—ок. 1680), путешественник 173, 174
 Эмирджанов Э., актер 80, 81
 Эмиров Н. П., историк 113
 Япон, абазинское имя 193
 Яхья Бакуви (XV), шейх в г. Баку 61
 Иандзэуркьу, бесленеевский тлякотлеш 53
 Sicismundus III, rex Polonia (1566—1632), польский король 71

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
 ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб., Пг.
 ИРГО — Известия Русского географического общества. СПб.
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. М.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
 КЭС — Кавказский этнографический сборник. М.
 МАД — Материалы по археологии Дагестана, Махачкала.
 МАК — Материалы по археологии Кавказа. М.
 СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. М., Л.
 СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
 СЭ — Советская этнография. М., Л.
 ТАИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Сухуми.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.	3
Первое знакомство с Адыгеей (1920—1926 гг.).	4
В адыгейских аулах Лакшукай и Кошехабль (1929—1930 гг.).	9
В Черноморской Шапсугии (1930 г.).	19
В Адыгее (1931 г.).	32
В Балкарии и других местах Северного Кавказа (1936 г.).	34
В Черкесии, Адыгее и кубанских станицах (1937 г.).	46
В Закавказье и Черкесии (1939 г.).	61
В Черкесии и Кабардино-Балкарии (1940 г.).	65
В Дагестане (1947 г.).	70
В Абхазии и Черкесии (1948 г.).	84
В Дагестане и на Кубани (1949 г.).	97
В Тбилиси и Хевсуретии (1949 г.).	111
В Ставрополе и Дагестане (1950 г.).	117
В Лакии (1951 г.).	128
В Лезгистане и Рутулии (1952 г.).	140
В Лезгистане, Кумухе, Нальчике и станице Пашковской (1953 г.).	149
В Махачкале и Нальчике (1954 г.).	161
В Дагестане и Кабарде (1954 г.).	163
В Адыгее (1955 г.).	165
В Дагестане и на Черноморском побережье (1956 г.).	166
В Закавказье (1957 г.).	177
В Центральном Предкавказье и Дербенте (1958 г.).	180
По Кабарде, Кубани, Чечне и Дагестану (1959 г.).	181
По Северному Кавказу (1960 г.).	187
В Адыгее, Дигории и Дагестане (1961 г.).	189
У Татартупа, в Кабарде и на Ставрополье (1962 г.).	191
Случайные наблюдения в разных местах Кавказа (1963—1971 г.).	192
В Дагестане и на Кубани (1972 г.).	195
Из Грузии по Дагестану (1973 г.).	199
Из путевых заметок по Кавказу (1974—1978 г.).	204
Этногеографический указатель.	208
Указатель имен.	217
Список сокращений.	223

Леонид Иванович Лавров

ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

(по полевым материалам 1924—1978 гг.)

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства В. Т. Бочвер. Художник Г. В. Смирнов
Технический редактор Н. А. Кругликова. Корректоры Л. Я. Комм и Э. Н. Липина

ИБ № 20464

Сдано в набор 04.03.82. Подписано к печати 27.08.82. М-29345. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага № 1.
Гарнитура литературная. Фотоабор. Печать офсетная. Печ. л. 14 = 14 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 14.31.
Уч.-изд. л. 14.36. Тираж 2900. Изд. № 8011. Тип. зак. № 1211. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

О судьба, неужели тебе не стыдно в момент
пролить крови!
Доколе меч смерти будешь ты обагрять кровью?
Да ослепятся взоры твои, так как после него
не увидишь на свете государя такого же (как он)
победоносного рубак.
Когда в бою внезапно видел враг его шпоры,
отравлялась вода и кровь высыхала с его
(врага) теле.
Увы! Это Мухаммад-Хамза и Исфандийар,
шайх Абу Исхак с двадцатью душами слуг.
Тот, сей меч рубил неприятелей, как зу-л-фикар,
(кто) в момент пролития крови бывал тверд,
как Хайдар,
(и кто) был подобен Гиву, Рустаму и Гударзу
на поле боя, определенный в государи
Исфандийар, ломающий строй
В воскресенье шестидесятого дня, месяца
зи-л-ка'да
враги зарубили и исторгли его душу,
в дату пророка: восемьсот шестьдесят шестого
(года) в полнолуние
мучеником стал Исфандийар с двадцатью душами
помощников.